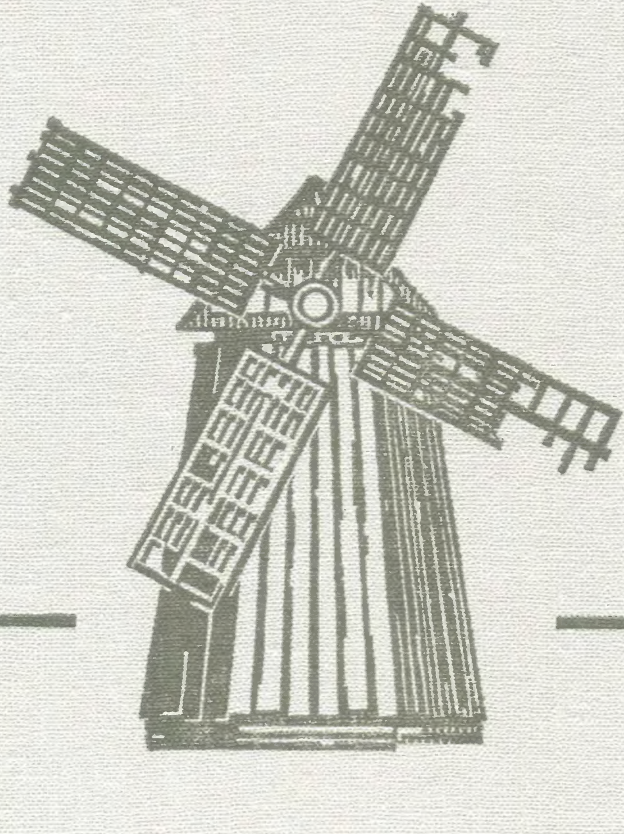
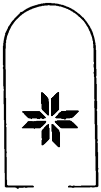
85.11 3(4Бел)
Л73

А. И. Локотко

БЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО





введение

глава I
Общие и региональные особенности поселений и типов дворовой застройки Белоруссии

глава II
Этно-архитектурные особенности белорусского народного жилища

глава III
Особенности хозяйственных построек крестьянского двора, производственных и некоторых общественных сооружений

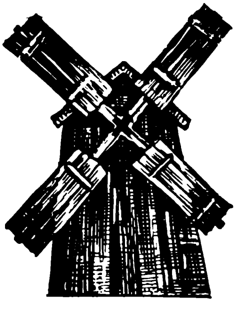
заключение

приложение

А. И. Локотко

БЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО

середина
XIX—XX в.



МИНСК «НАВУКА І ТЭХНІКА» 1991

ББК 85.113(2)
Л 73

Редактор
член-корреспондент АН БССР В. К. Бондарчик

Рецензенты:
доктор исторических наук Е. П. Бусыгин,
кандидат искусствоведения Т. В. Космина,
кандидат исторических наук М. Ф. Пилипенко

Художник Л. М. Гомонов

Цветные фото В. Ф. Сутягина

Локотко А. И.
Л 73 Белорусское народное зодчество: Середина XIX—XX в.— Мн.: Навука і тэхніка, 1991.— 287 с.: ил.
ISBN 5-343-00156-4.

В книге рассмотрены общие и региональные особенности поселений, усадеб, жилища, интерьера и архитектурного декора в народном зодчестве Белоруссии. Выделены регионы и локальные районы ряда особенностей, межэтнические черты отдельных компонентов народной архитектуры. Исследованы современные тенденции развития сельского зодчества, основные направления: народно-традиционное и индустриальное. Книга иллюстрирована.

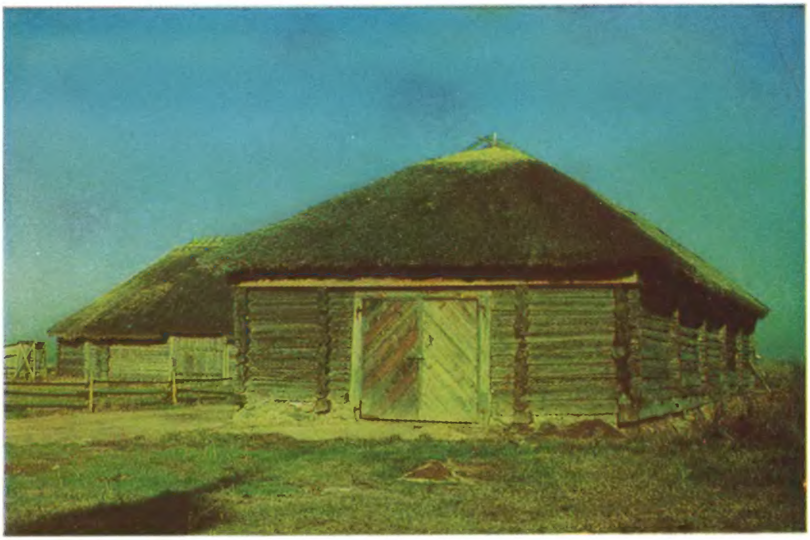
Рассчитана на архитекторов, этнографов, искусствоведов, музейных **работников.**

Л $\frac{4902010000-80}{М 316(03)-91}$ 153—89 **ББК 85.113(2)**

ISBN 5-343-00156-4

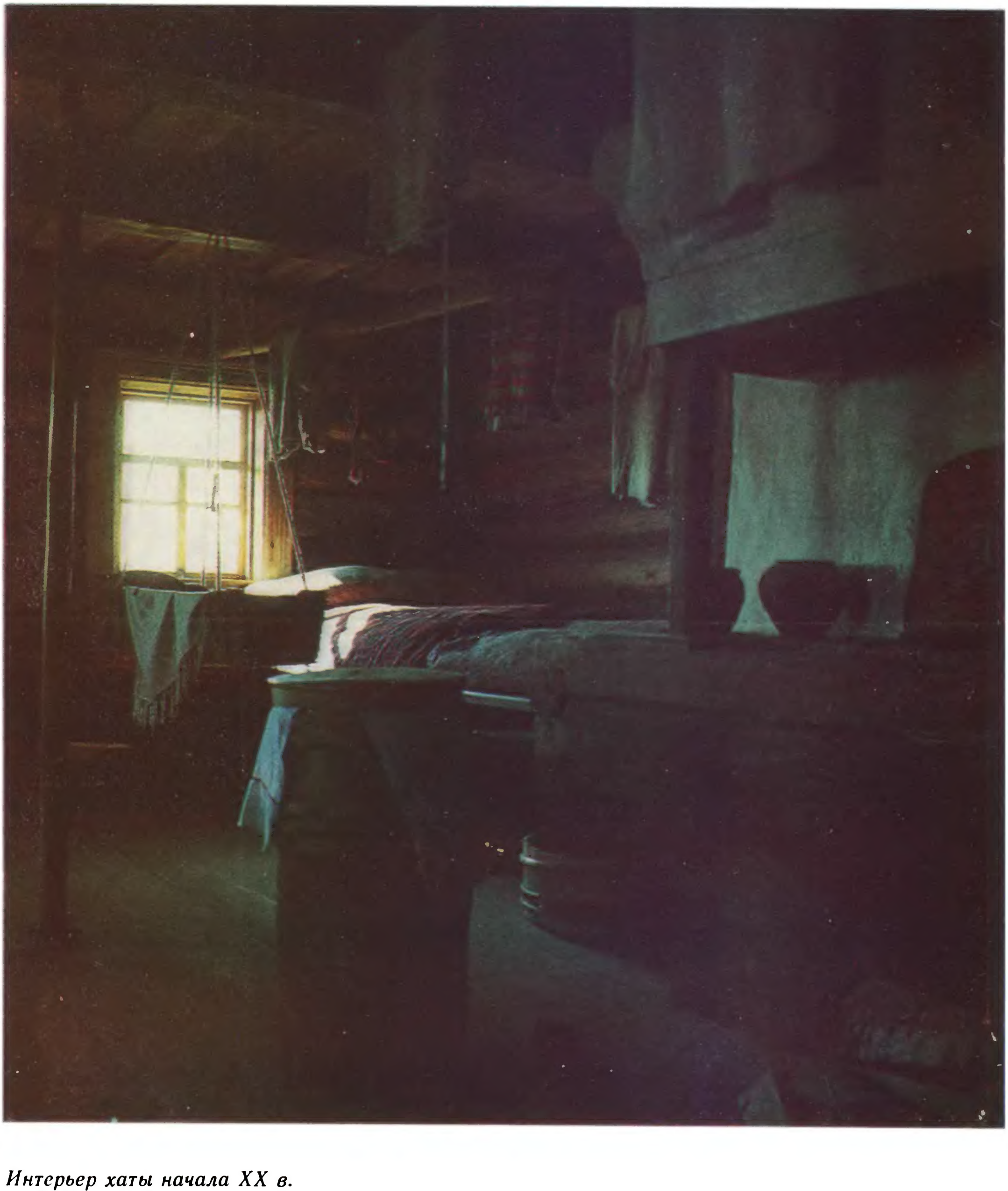
© А. И. Локотко, 1991

Панорама застройки экспозиционной зоны «Центральный регион» Белгосмузея народной архитектуры и быта

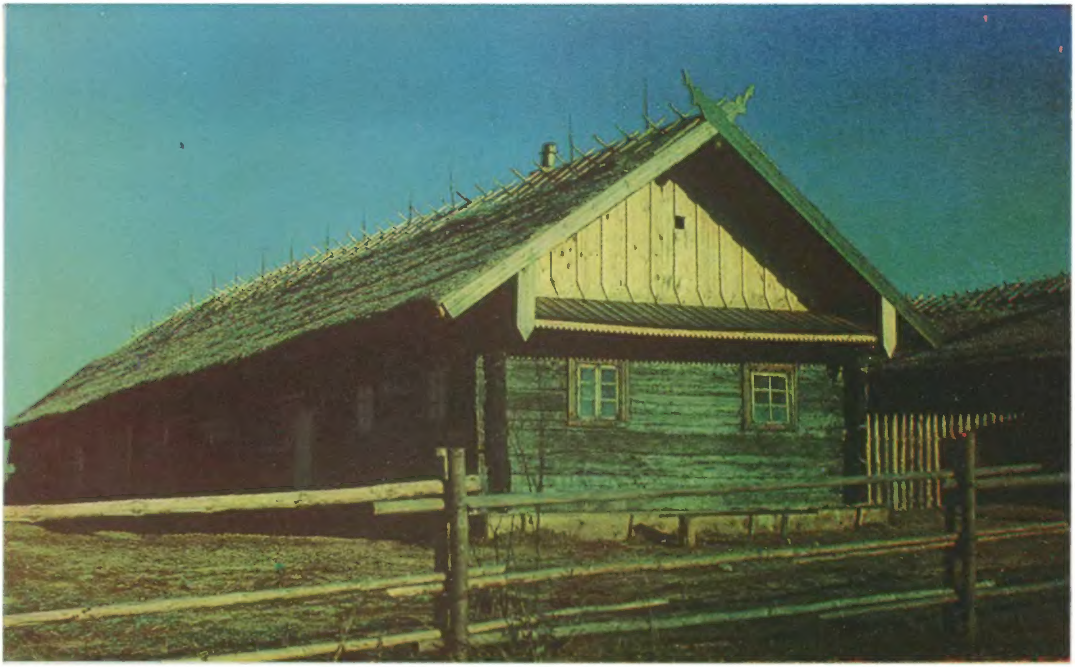


Общинный амбар начала XIX в. из д. Косаричи Глусского р-на. «Центральный регион» Белгосмузея народной архитектуры и быта

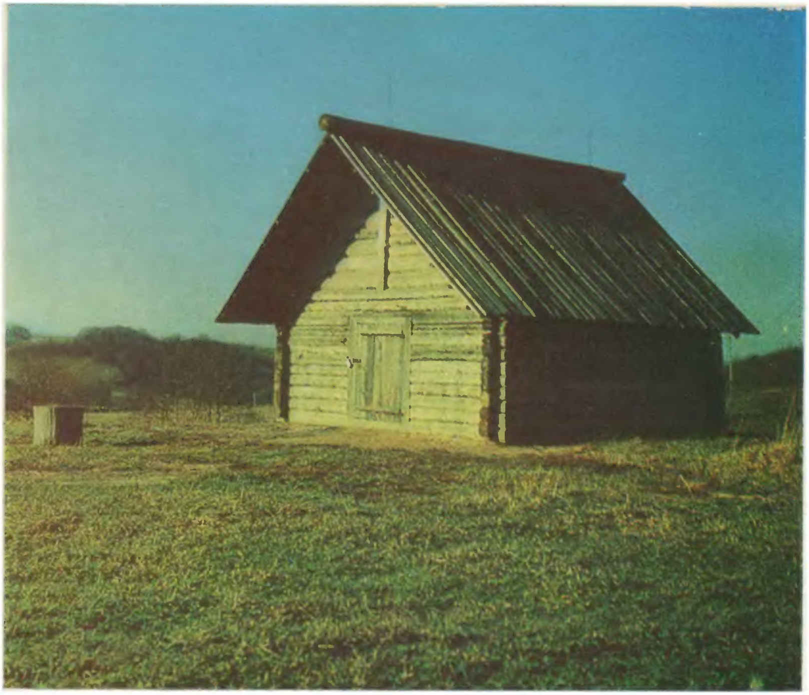
Уголок зоны «Центральный регион» Белгосмузея народной архитектуры и быта



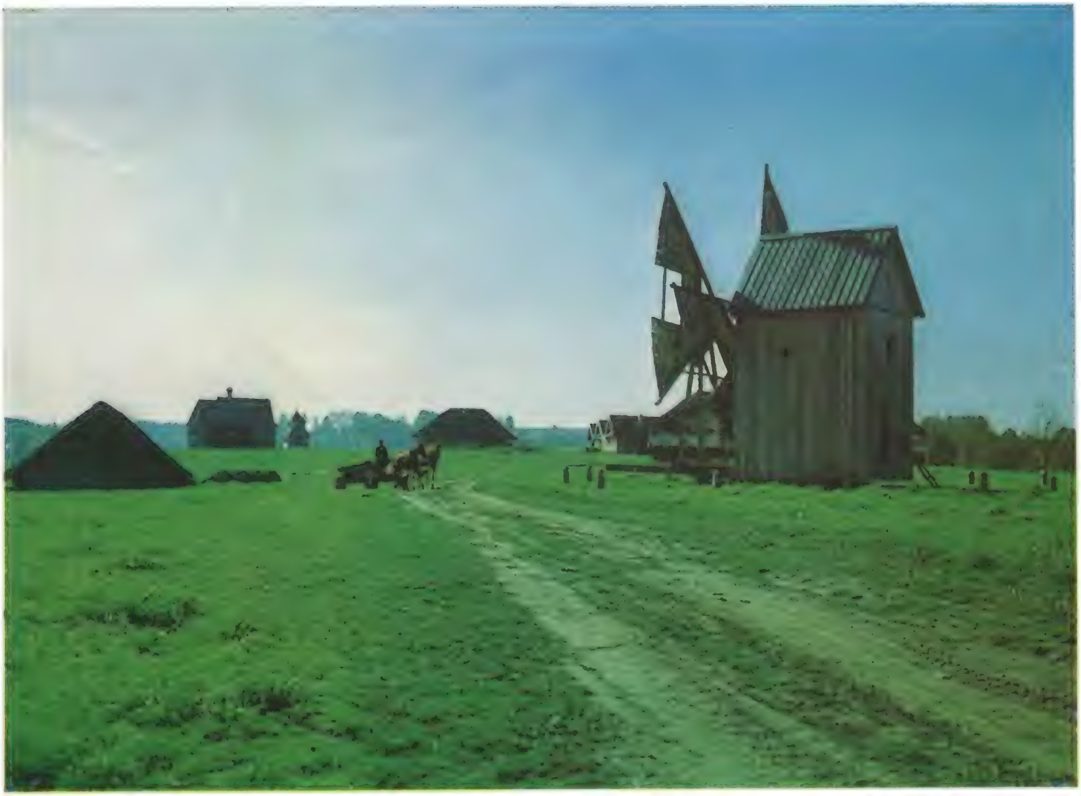
*Интерьер хаты начала XX в.
из д. Исерно Слуцкого р-на.
«Центральный регион» Белгосмузея
народной архитектуры и быта*



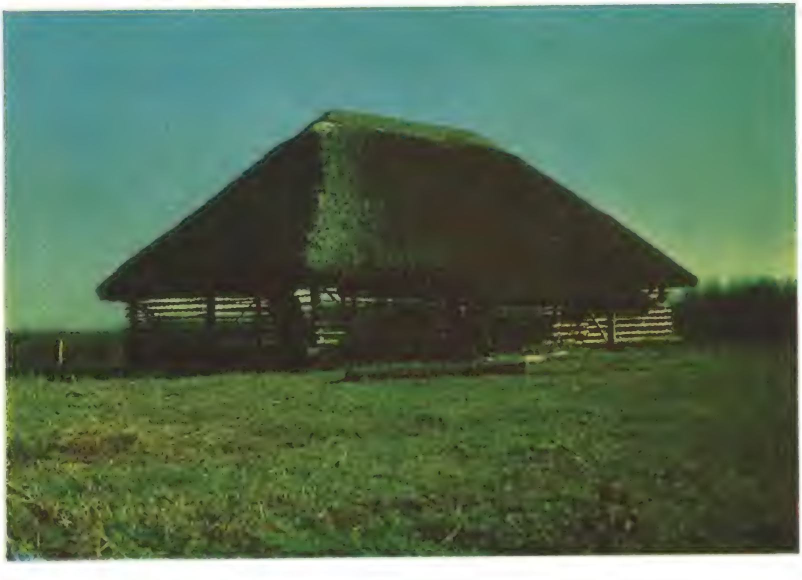
Линейный (погонный) двор начала XX в. из д. Садовичи Копыльского р-на. «Центральный регион» Белгосмузея народной архитектуры и быта



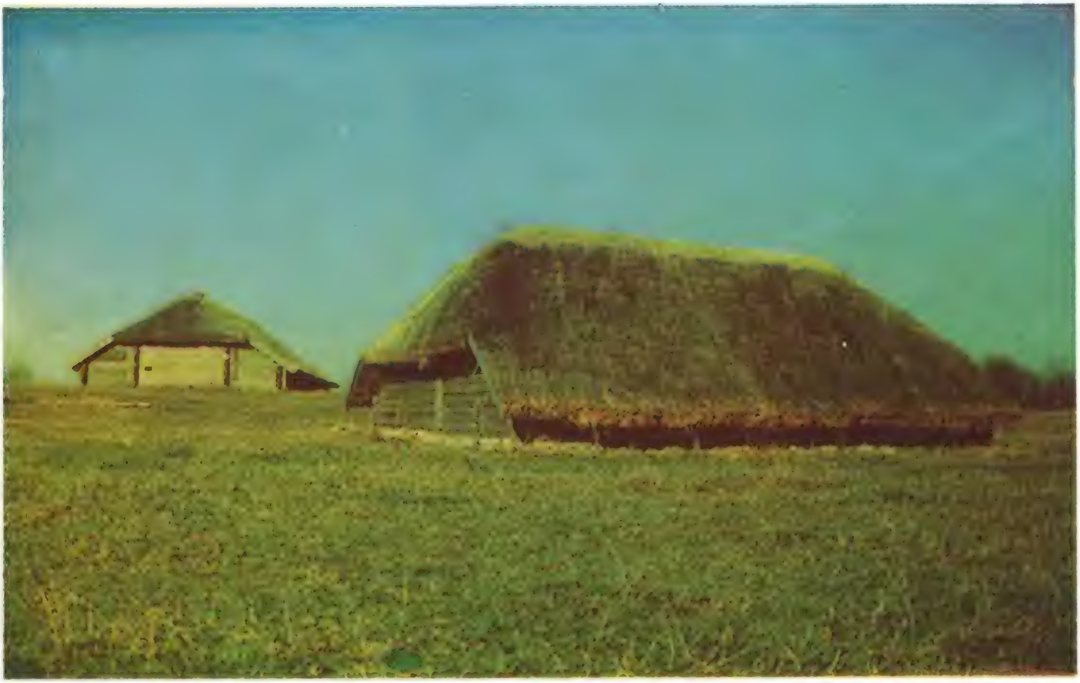
Кузница начала XX в. из д. Клочково Молодечненского р-на. Зона «Центральный регион» Белгосмузея народной архитектуры и быта



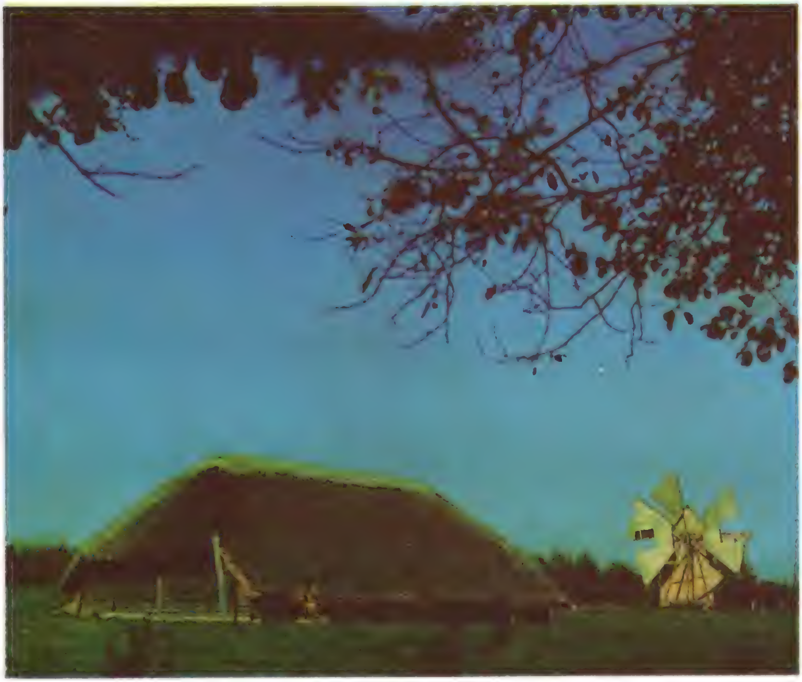
Зона «Поозерье» Белгосмузея народной архитектуры и быта



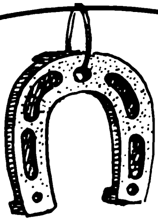
Одрина начала XX в. из д. Леоновичи Поставского р-на. «Поозерье» Белгосмузея народной архитектуры и быта



Гумно в зоне «Поозерье» Белгосмузея народной архитектуры и быта



Гумно начала XX в. из д. Волковщина Миорского р-на «Поозерье» Белгосмузея народной архитектуры и быта



введение

В современных условиях развития новой исторической общности людей — советского народа сильнее возрастает внимание и интерес к особенностям национальных культур народов нашей страны [1]. В период перестройки культурное наследие активно включается в процесс развития взаимосвязей различных национальностей. «Народное культурное наследие воспитывает любовь к Родине, патриотизм, чувство национального самосознания, является конкретно-историческим вкладом народа в развитие мировой цивилизации» [2]. В. И. Ленин отмечал, что пролетарскую культуру можно построить «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества» [3]. Народное зодчество белорусов как одна из сторон традиционно-бытовой материальной культуры занимает большое место в исследовании проблематики этнических процессов. Изучение общих и региональных особенностей белорусского народного зодчества дает возможность конкретно оценить его индивидуальные черты, художественные, конструктивные и функциональные достоинства, которые должны шире использоваться в современном сельском строительстве, укрепляя чувство любви к родным местам, сокращая миграцию сельского населения, определяя масштабы сельских поселений, национальный колорит современной сельской архитектуры [4]. Этнические процессы в народном зодчестве соединяют лучшие традиции прошлого с новейшими, вовлекая его в строй современности.

---

[1] Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 53, 157.

[2] Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры». М., 1976. С. 3—4.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 304.

В данной работе проводится анализ общих и региональных особенностей белорусских поселений и усадеб, жилища, хозяйственных, производственных и некоторых общественных сооружений, их связи с народной архитектурой соседних народов, изучение характера развития отдельных компонентов жилищного комплекса. При этом ставятся следующие конкретные задачи: изучение и анализ общих и региональных особенностей поселений и сельских усадеб Белоруссии; исследование этноархитектурных особенностей белорусского народного жилища, его конструкций, планировки, архитектуры, интерьера и архитектурного декора, выявление их региональной, национальной и межэтнической специфики, особенностей хозяйственных, производственных и некоторых общественных сооружений, сформировавшихся на основе народно-традиционной архитектуры; анализ исторического пути эволюции особенностей народного зодчества: от локальных и региональных к общим; изучение процесса развития народного зодчества в современных условиях и перспектив использования лучших его традиций в современном сельском строительстве.

Выделяются и систематизируются общие и региональные особенности различных компонентов народного жилища Белоруссии, их межэтнические связи и эволюция в разрезе развития народного жилища восточных славян.

На основании литературных, архивных источников, материалов предшествующих исследований, в частности по этнографическому районированию материальной культуры Белоруссии, материалов, собранных автором в экспедициях в период с 1978 по 1988 г. и вводимых в научный оборот впервые, анализируются этнические черты белорусского народного зодчества, связи между его традиционно-бытовыми и конструктивно-функциональными особенностями, рассматриваются этнографические аспекты художественно-композиционных достоинств народной архитектуры.

На основании количественного и качественного анализа материалов экспедиций, статистического анализа предшествующих исследований разработаны типологические классификации всех компонентов жилищного комплекса, учитывающие не только функционально-бытовые, планировочные и конструктивные особенности, но и социально-экономические и культурно-исторические. Выделен ряд локальных районов со специфическими особенностями народного жилища и очагами развития ряда межэтнических черт. Пространственная динамика общих и региональных особенностей народного зодчества Белоруссии отражена в ряде отдельных карт и терминологическом словаре. Выделяются два основных направления развития современной сельской архитектуры: народно-традиционное и индустриальное. Отмечается закономерность процесса преемственности вторым направлением лучших традиций первого, развития общенациональных и интернациональных особенностей в белорусском народном зодчестве.

---

[4] О дальнейшем развитии строительства индивидуальных жилых домов и закреплении кадров на селе: Постановление ЦК и СМ СССР // Собр. постановлений Правительства СССР. 1978. № 8; Ленинская аграрная политика КПСС: Сб. важнейших документов (март 1965 — июль 1978 г.). М., 1978; О мерах по улучшению жилищных условий сельского населения, совершенствованию застройки и благоустройству сел и деревень республики в одиннадцатой пятилетке: Постановление ЦК КПБ и СМ БССР // Сов. Белоруссия. 1982. 24 марта.

В своем исследовании автор руководствовался принципами марксистско-ленинской методологии о классовом подходе к вопросам народной культуры, об определяющей роли в ней социальных факторов в развитии исторической преемственности культур, о диалектической взаимосвязи национального и интернационального. Большое значение имеют работы В. И. Ленина по национальному вопросу, культуре, их классовому содержанию[5], в изучении особенностей народного зодчества — ленинское положение о конкретно-историческом методе в исследовании.

Широко используется методический опыт разработки данного вопроса в трудах С. А. Токарева, Ю. В. Бромлея, Е. Э. Бломквист, Е. П. Бусыгина, Т. В. Станюкович, А. В. Ополовникова, И. В. Маковецкого, Ю. С. Ушакова, В. К. Бондарчика, Л. А. Молчановой, В. С. Титова, В. С. Гуркова, Г. Ю. Стельмаха, В. П. Самойловича, Т. В. Косминой и других исследователей.

В настоящее время становится актуальным комплексное изучение явлений культуры, анализ взаимодействия материального и духовного компонентов[6].

В исследовании использован и ряд других взаимодополняющих методов: 1) конкретно-индуктивный, на основе которого систематизируются, классифицируются и обобщаются собранные полевые материалы; 2) дедуктивно-систематический, посредством которого обобщения и определения источников, в частности предшествующих исследований, используются для анализа нового, вводимого в научный оборот материала и выделения особенностей белорусского народного жилища; 3) структурно-функциональный, на основе которого особенности и признаки отдельных компонентов жилищного комплекса объединяются в типологические схемы, сводные таблицы, картографируются; 4) системный, позволяющий изучать конкретные объекты исследования как системы, определять их развитие и направление эволюции, диапазон вариабельности типов.

Источники по теме условно делятся на ряд групп. К первой относятся исследования истоков народного зодчества русских, украинцев и белорусов, ранних восточнославянских поселений, жилых и хозяйственных построек, особенностей строительной техники. Для анализа национальных особенностей периода феодальной раздробленности использованы исследования по археологическим памятникам белорусского деревянного зодчества[7].

---

[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 71—72, 255—278; Т. 41. С. 304, 337.

[6] Крюков М. В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры на примере типологии жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984; Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

[7] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли: XIII—XV вв. // Материалы и исслед. по археологии СССР. М., 1960. № 92; Лысенко П. Ф. Раскопки древнего Берестья // Археол. открытия 1971 г. М., 1972.

Вторую группу образуют источники XIII — последней четверти XVIII в. Литовские летописи содержат сообщения о строительном ремесле, Баркулабовская летопись отражает социально-экономические процессы развития материальной культуры[8]. В многочисленных инвентарях и описях, судебных актах, таможенных книгах, Радзивилловской летописи даны описания поселений и усадеб, жилища, производственных сооружений, конструкций, организации строительства, терминология[9]. В писцовых книгах, договорных грамотах, изложениях духовного и светского содержания отражены социальная дифференциация усадеб, зависимость между числом хозпостроек и поголовьем скота, социальная структура поселений[10].

К третьей группе относятся источники конца XVIII—XIX в.[11] Материалы по народному жилищу Витебщины 1-й половины XIX в. содержатся в исследованиях Анимелле. Он не только описывает дворы и постройки, но и стремится выявить степень их типичности. Поэтому за основу берется двор крестьянина-середняка[12]. Сведения о народном жилище Полесья присутствуют в очерке И. Эремича, центральных и западных областей — в книгах А. Киркора и Куклинского[13].

В многотомном издании «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба», вышедшем в конце 60-х годов XIX в., дана социальная дифференциация крестьянства, анализ зависимости народного жилища от материальных факторов. Значительные сведения по этому вопросу содержатся в древних актах, публикация которых была начата с конца 60-х годов.

Ценным источником являются материалы, собранные П. В. Шейном, о поселениях, усадьбах, жилище и хозяйственных постройках Поозерья, структуре веночных дворов, планировке жилья[14]. Некоторые материалы по народному зодчеству Витебщины 80-х годов, почерпнутые из исследований А. Сементовского, содержат сведения по планировке жилища[15]. Значительное исследование по жилищу и дворовым постройкам оставил Н. Я. Никифоровский. В нем мы находим дифференцированный анализ жилища зажиточных крестьян, середняков, бедняков, исследование его типичности, развития во времени и т. д.[16]

---

[8] Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1975. Т. 3, 32.

[9] Козловский П. Г., Чепко В. В. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI—XVIII вв. как исторический источник // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Мн., 1964; Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв.· Владение Сморгонь. Мн., 1977; Инвентари магнатских владений Белоруссии XVII—XVIII вв.: Владение Тимковичи. Мн., 1982; ЦГИА БССР в Минске, ф. 694, оп. 2, л. 3617, 3723, 3824, 3861, 3975, 5033, 4069, 4045, 4121; ф. 1882, оп. 1, ед. хр. 3; ф. 1883, 1884, 1185.

[10] Временник имп. О-ва любителей древностей российских. М., 1854; Писцовая книга Пинского и Клецкого княжества, составленная пинским старостой С. Хвальчиком в 1552—1555 гг. Вильно, 1884.

[11] Мейер А. Описание Кричевского графства 1786 г. // Могилевс. старина. 1911. Вып. 2.

[12] Анимелле Н. Быт белорусских крестьян // Этнограф. сборник. СПб, 1854. Вып. 2.

[13] Эремич И. Очерки Белорусского Полесья. Вильно, 1868; Киркор А. Этнографические взгляды на Белорусскую губернию // Этнограф. сборник. СПб, 1858. Вып. 3.

[14] Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собр. П. В. Шейном. СПб, 1902. Т. 3.

[15] Сементовский А. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб, 1872.

[16] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности. Витебск, 1895.

Описание строительной техники, конструкций, планировки жилища, усадеб, в частности веночных в Поднепровье, двухрядных на Гродненщине, определение генезиса отдельных явлений народной архитектуры, степени их бытования, регионов распространения даны в исследованиях Е. Р. Романова [17].

Этнографическая картина местечек, сельских поселений, усадеб и жилища Поднепровья представлена в очерках А. С. Дембовецкого [18].

Изучение славянского народного зодчества в начале нашего столетия ознаменовалось работой А. Харузина, развитие которого он рассматривает на основе материала белорусских, русских, украинских губерний, Западной Польши и южных славян, анкетных данных, моделей славянских построек Дашковского этнографического музея, этнографических музеев в Варшаве, Сараево, славянского в Люблине, хорватского в Загребе, литературных и архивных источников [19]. Однако Харузин не смог прийти к обоснованным выводам относительно истории развития многих аспектов народного жилища. Исходя из эволюционистской методологии, недостаток фактологических материалов Харузин часто компенсировал чисто логическими выводами. Изучая народное жилище во времени, он недооценивал его развитие в пространстве, в результате чего анализ территориальных типов выпал из поля исследования, и ограничился фиксацией отдельных локальных явлений.

Описания дворовых комплексов, их застройки, локальных особенностей жилища Полесья начала века содержатся в работах И. А. Сербова [20]. Большую ценность представляют систематизированные материалы А. К. Сержпутовского, отличающиеся критическим подходом к теоретическим вопросам. Критикуя Харузина, Сержпутовский отмечал в его работах ограниченность показа жилища белорусов, сомнительность гипотезы происхождения однокамерной хаты из клети [21].

Фактологические материалы по народному жилищу начала века дают некоторые публикации в периодике [22]. Описания деревень и фольварков, построек, сведения о социальной структуре поселений, ценный иллюстративный материал почерпнуты из фондов отдела рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета [23]. Многочисленные материалы, относящиеся к теме исследования, собраны в ЦГИА Литовской ССР. Для изучения влияния социального фактора на развитие поселений и усадеб полезный материал предоставил фонд крестьянских дел. В выяснении взаимовлияния народного плотничества и архитектуры господствующего класса интересным оказался фонд Виленской строительной комиссии. Иллюстративный материал по народной архитектуре Белоруссии конца XIX — начала XX в. почерпнут из фонда «Товарищества любителей науки»[24]. Некоторые материалы, представляющие интерес для исследования, были собраны в отделе рукописей и редкой книги Центральной научной библиотеки АН Литовской ССР[25]. Использованы также материалы Белорусского республиканского архива кинофотофонодокументов[26].

---

[17] Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильно, 1911. Вып. 1; Он же. Белорусский сборник. Вильно, 1912. Вып. 7.

[18] Опыт описания Могилевской губернии /Сост. А. С. Дембовецкий. Могилев-на-Днепре, 1882.

[19] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. Вильно, 1907.

[20] Сербов И. А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг. Вильно, 1914; Он же. Белорусы-сакуны // Сб. отд-ния рус. яз. и слов. имп. Акад. наук. СПб, 1915. Т. 44.

[21] Сержпутовский А. К. К этнографии белорусов-полешуков южной части Мозырского уезда Минской губ. // Материалы по этнографии России. СПб, 1910. Т. 1.

[22] Скалон М. Описание крестьянского жилого дома в д. Загорье Волковысского уезда Гродненской губернии // Виленский временник. 1907. № 2; Сергиевский Н. Сведения о белорусских крестьянских постройках, собранные летом 1903 г. в деревнях Виленской губернии: Описание построек крестьянского двора в д. Адамовичи // Виленский временник. Вильно, 1907. № 2.

[23] Отдел редкой книги и рукописей библиотеки Вильнюсского государственного университета (далее — ОРБВГУ), ф. 4, 78.

Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новому этапу в развитии советской этнографической науки.

В 1927 г. Центральный музей народоведения направляет в Белоруссию этнографическую экспедицию во главе с Н. И. Лебедевой. Написанная по результатам поездки работа опиралась на материал района Бобруйск — Мозырь, что привело к отдельным ошибкам в выводах[27]. В это же время выходит книга И. А. Сербова «Вічынскія паляне», в которой на материалах локального района анализируется погонная застройка начала XX в.[28] Источником для анализа межэтнических особенностей народного зодчества восточных славян может служить исследование Е. Э. Бломквист[29]. Значительный вклад в изучение крестьянского жилья, сохранивший актуальность до нашего времени, сделала Л. А. Молчанова[30]. Ею осуществлен анализ развития поселений, усадеб, жилища, хозяйственных, производственных сооружений, зависимости планировки усадеб от волочной реформы.

Со второй половины 60-х годов изучение народного зодчества ведется по общесоюзной программе с использованием опыта общеевропейских программ по трем периодам: середина XIX в.; конец XIX — начало XX в.; 40—60-е годы XX в. Густая сеть обследованных поселений способствовала обнаружению синхронных явлений и локальных различий в планировке и застройке[31].

Этнографическое изучение белорусского народного жилища, хозяйственных и производственных сооружений получило обобщение в коллективных монографиях[32]. В вопросе определения региональных границ в белорусском народном зодчестве значение имеют исследования Л. А. Молчановой, Э. Р. Соболенко, В. С. Титова[33].

---

[24] ЦГИА ЛитССР, ф. 505, 1135, оп. 3, 6, 9, 11, 21, 23.

[25] ЦНБ Акад. наук. ЛитССР, отд. рукописей и редкой книги, ф. 43.

[26] ЦГАКФФД БССР (фонды городов дооктябрьского периода, довоенного периода, западных районов Белоруссии, народного хозяйства, памятников и др.; кино- и телефильмы: «Беларусь дореволюционная», «1905 год в Белоруссии», «На целине Полесской», «30 лет БССР» и др.).

[27] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. М., 1929.

[28] Сербаў І. А. Вічынскія паляне. Этнаграф. нарыс Беларускага Палесся. Мн., 1928. Т. 1.

[29] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1956. Т. 31.

[30] Молчанова Л. А. Белорусская народная архитектурная резьба. Мн., 1958; Она же. Материальная культура белорусов. Мн., 1968; Она же. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. Мн., 1981.

[31] Гурков В. С. Развитие сельских поселений и усадеб Белоруссии: Вторая половина XIX—XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Мн., 1976.

[32] Беларускае народнае жыллё. Мн., 1973; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Мн., 1975.

[33] Малчанава Л. А. Этнаграфічныя рэгіёны рэспублікі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 1; Сабаленка Э. Р. Лакальныя асаблівасці і тыпы беларускага народнага жылля // Беларускае народнае жыллё. С. 93—98; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов XIX — начала XX в. Мн., 1983.

Л. А. Молчанова приходит к выводу, что особенности материальной культуры белорусов группируются по трем историко-этнографическим областям: северо-восточной, юго-восточной и западной. Э. Р. Соболенко выделяет три типа: среднебелорусский, северо-восточный и западнополесский. В. С. Титов в территориальном развитии черт материальной культуры, в том числе народного жилища, выделяет шесть историко-этнографических регионов: Поозерье, Поднепровье, Центральнобелорусский регион, Понеманье, Западное и Восточное Полесье. Ценный для проблемы материал содержится в исследованиях по народному жилищу отдельных регионов, публикациях последних лет [34].

К пятой группе источников относятся зарубежные публикации и материалы. Значительный материал по деревянному зодчеству Белоруссии представлен в двухтомном исследовании З. Глогера, вышедшем в 1907—1909 гг., книге К. Иваницкого, в работах К. Мошинского, Ч. Петкевича, В. Ревеньской [35]. Источниками фактического материала являются журналы и ежегодники 30-х годов, этнографические очерки по отдельным областям и поветам [36]. Народное жилище центральной части Полесья исследуется в 30-е годы З. Домоховским. Даются схемы погонных дворов, их структура, фасады, типы хат, гумен [37].

Для анализа межэтнических связей белорусского и польского народного зодчества использован ряд послевоенных публикаций и монографий [38].

В шестую группу объединяются источники, используемые для анализа межэтнических связей белорусского народного зодчества. Анализ сельских поселений средневековой Руси, их связь с системой жилища, изучение резного декора, а также деревянной архитектуры сибирского региона даны в ряде работ 30—50-х годов [39]. В 60-е годы широко исследуются архитектурно-этнографические аспекты русской народной архитектуры, характеризуется народное жилище соседних с Белоруссией регионов, обобщаются планировочные особенности [40]. Отдельные изыскания и реконструкции делаются по письменным источникам [41].

---

[34] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. Мн., 1978; Трацевский В. В. Народное зодчество Белоруссии. Мн., 1976; Сергачев С. А. Летопись деревянного зодчества Белоруссии. Мн., 1975; Памятники народной архитектуры и быта Белоруссии. Мн., 1979; Помнікі этнаграфіі. Мн., 1981; Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI—XIX вв. Мн., 1984.

[35] Gloger Z. Budownictwo drzewne i wyroby z drzewa w dawnej Polsce. Warszawa, 1907. T. 1; 1909. T. 2; Iwanicki K. Budownictwo wejskie. Kijow, 1917; Moszyński K. Polesie wschodnie. Warszawa, 1929; Kultura ludowa słowian. Warszawa, 1967; Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. Kraków, 1928; Rewieńska W. Miasta i miasteczka w połnocno-wschodniej Polsce. Wilno, 1938; Bachmann A. Dach w słowianskiem budownictwie ludowem. Lwow, 1928.

[36] Michał M. Przewodnik po Polesiu. Warszawa, 1925; Ossendowski A. F. Polesie. Poznań, б. г.; Takimowicz D. Dawidgrodek. Pińsk, 1939; Aleksandrowicz A. Zaludnienie miasteczek Litwy i Białorusi w XVI i pierwszej połowe XVII wieku // Rocznik dziejów społecznych i hospodarczych. Poznań, 1966. T. 27; Он же. Geneza i rozwój sieci miasteczek Białorusi i Litwy ·do połowy XVII w. // Acta Bałtiko-Slawica. Bialystok, 1970. N 7.

[37] Domochowski Z. Sprawozdanie ze studijów nad poleskim budownictwem drzewnym w r. 1934/35. Warszawa, 1935; Он же. Ze studijów nad poleskim budownictwem drzewnym. Warszawa, 1937.

[38] Krassowski V. Architektura drzewniana w Polsce. Warszawa, 1967; Tłoczek I. Polskie budownictwo drzewniane. Wrocław; Gdańsk, 1980; Drzewo w polskiej architekturze i rzeźbe ludowej. Wrocław, 1981.

[39] Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси // Изв. Акад. истории материальной культуры. Вып. 138. Л., 1935; Забелло С. Я., Иванов В. Н., Максимов П. Н. Русское деревянное зодчество. М., 1942; Ащепков Е. А. Русское деревянное зодчество. М., 1950; Он же. Русское народное зодчество в Западной Сибири. М., 1950; Он же. Русское народное зодчество в Восточной Сибири. М., 1953; Успенская А. В., Фехнер М. В. Поселения Древней Руси // Тр. ГИМа. М., 1956. Вып. 31; Ганцкая О. А. Материальная культура русского населения северо-западных областей России в XIX — начале XX в. // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР. 1955. Вып. 22.

В ряде работ 70—80-х годов раскрываются этнографическая специфика, закономерности формообразования в русском народном зодчестве, архитектурно-планировочные принципы сельских поселений и усадеб [42]. Основными источниками, раскрывающими хозяйственно-бытовые, архитектурно-конструктивные, региональные и локальные особенности народного жилища Украины, являются труды П. Г. Юрченко, М. В. Витова, М. З. Козакевича, Г. Ю. Стельмаха, С. Таранушенко, В. П. Самойловича, С. В. Верговского, Т. В. Косминой [43].

Связи народного зодчества Белоруссии и Прибалтики анализируются с привлечением исследований Г. И. Гозиной, С. А. Таракановой, Л. Н. Терентьевой, Ф. К. Белинскаса, К. И. Тихазе, материалов отдельных сборников специальных исследований [44]. Связь белорусского народного зодчества с зодчеством зарубежных народов исследуется на основе работ советских этнографов, позволяющих видеть особенности белорусской народной архитектуры в свете развития региональных очагов материальной культуры восточных областей Европы [45].

В седьмую группу входят источники, являющиеся основной базой для исследования. В ходе этнографических экспедиций Белгосмузея народной архитектуры и быта в 1978—1982 гг. были обследованы Центральная Белоруссия, Понеманье, Западное и частично Восточное Полесье, Западное Поднепровье, юго-запад Поозерья. Сделаны сотни снимков народного жилища, множество дневниковых записей и зарисовок, обмеров, впоследствии систематизированных и обобщенных в отчетах.

---

[40] Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища. М., 1962.

[41] Громов Г. Г. Русское крестьянское жилище XV—XVII вв.: По письменным источникам // Вестн. МГУ. 1965. № 6.

[42] Станюкович Т. В. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнограф. атлас. М., 1970; Станюкович Т. В., Рождественская С. Б. Поселения и жилища // Совр. этнич. процессы в СССР. М., 1977; Чижикова Л. Н. Архитектурные украшения русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнограф. атлас; Она же. Изучение сельского жилища восточных славян: Итоги и задачи классификации // Сов. этнография. 1976. № 4. С. 27—41.

[43] Юрченко П. Г. Дерев'яне зодчество Україні (XVIII—XIX). Київ, 1949; Витов М. В. О классификации поселений // Сов. этнография. 1953. № 3. С. 27—37; Он же. Вопросы этнографической систематизации восточнославянского народного жилища: Классификация типов застройки усадьбы // Вестн. МГУ. Сер. историко-филол. 1958. № 4; Он же. Типы поселень в Українськом Поліссі // Матеріали з етнографії та містецтвознавства. Київ, 1959. Вып. 4. С. 24—40; Он же. Селянська седиба в Українськом Поліссі (В другой половіні XIX і першій половіні XX ст.) // Матеріали з етнографії та містецтвознавства. Київ, 1959. Вып. 5. С. 9—26; Стельмах Г. Ю. Поселення, двір, жітло // Украінці: Історико-етнограф. монография. Київ, 1959; Самойлович В. П. Народное творчество в архитектуре. М., 1964; Он же. Українське народне житло (Кінец XIX — початок XX ст.). Київ, 1972; Макушенко П. И. Народная деревянная архитектура Закарпатья (XVIII — начало XX века). М., 1976; Верговский С. В. Давне народне будівництво Українського та білоруського Полісся // Народна творчість та етнографія. 1979. № 2. С. 74—80; Космина Т. В. Сільское житло Поділля: Кінец XIX — XX ст.: Історико-етнограф. дослідження. Київ, 1980; Она же. Особенности освоения традиций в формировании индивидуальных сельских усадеб Украины // Совр. этносоц. процессы на селе. М., 1986.

[44] Гозина Г. И. Жилище и хозяйственные постройки восточной Литвы // Балтийский этнограф. сборник. М., 1956; Вопросы этнической истории народов Прибалтики: По данным археологии, этнографии и антропологии/Под ред. С. А. Таракановой и Л. Н. Терентьевой. М., 1959; Тихазе К. И. Народное зодчество Эстонии. М., 1964; Литовское народное зодчество. Вильнюс, 1968; Сельские поселения (XIII—XX вв.). М., 1971; Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1976.

[45] Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. М., 1968.

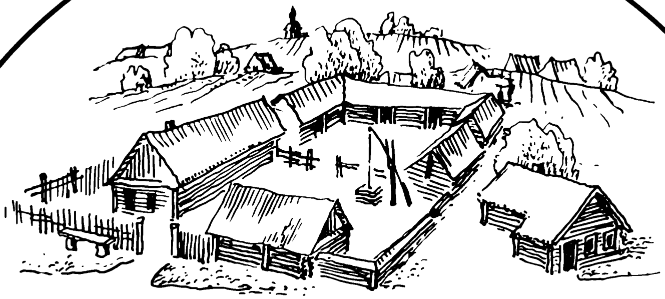
В ходе поездок с сектором этнографии ИИЭФ АН БССР в 1979—1980 гг. автором обследованы пограничные районы Центральной Белоруссии, Западное Поднепровье, северная граница Полесья, восток и северо-восток Понеманья. Большое внимание было уделено изучению местечек восточных районов республики.

В экспедициях, выполненных объединением «Белреставрация» в 1982—1987 гг., обследованы Поозерье, Поднепровье, Понеманье, Центральная Белоруссия, отдельные районы Восточного Полесья, сделано большое количество снимков, схематические и архитектурно-археологические обмеры, которые легли в основу проектов реставрации памятников народной архитектуры для республиканского музея под открытым небом.

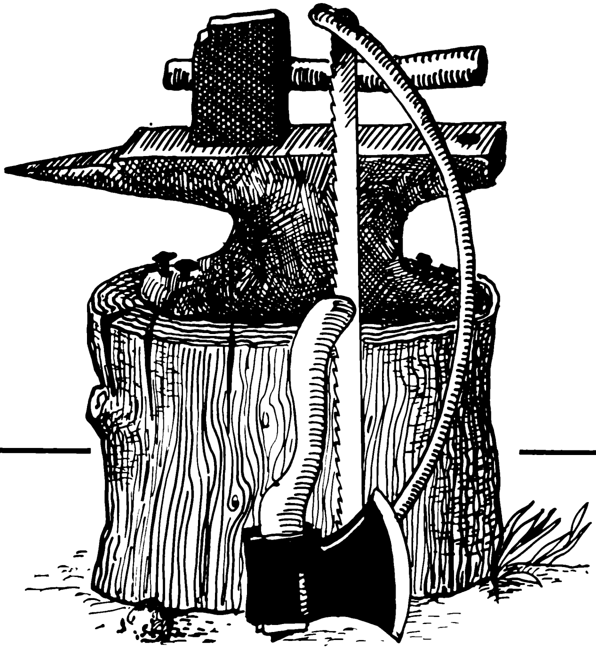
В период экспедиций совершенствовалась методика этнографических полевых исследований, апробировались новые методы анкетирования. Собранные материалы позволили произвести ряд реконструкций жилищных комплексов, не сохранившихся или сохранившихся частично, восстановить многие архаичные планировочные конструктивные и строительные особенности. Они позволили выделить региональные типы веночных и погонных усадеб, планировочные и архитектурные разновидности жилища, систематизировать конструктивные особенности, выявить локальные черты декора, региональные особенности хозпостроек, малых форм, производственных сооружений. Проанализирован региональный характер распространения народной строительной терминологии, выявлен ряд новых терминов.

Данная работа является составной частью в изучении проблем этногенеза и этнической истории белорусов. Углубленная разработка региональных особенностей и общих восточнославянских черт народного жилища поможет дальнейшему выявлению генетического родства восточных славян, этнокультурных взаимосвязей русских, украинцев и белорусов.

глава 1



Общие и региональные особенности поселений и типов дворовой застройки Белоруссии



СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения — одна из наиболее изученных областей белорусского народного зодчества благодаря обширному археологическому материалу. В дославянский период они повсеместно встречались на обширной территории Восточной Европы от Днестра и Дона на юге до Волги на востоке и Прибалтики на севере [1].

Поселения племен милоградской и зарубинецкой культуры, формировавших население Белоруссии в железном веке, были укрепленного (городища) и неукрепленного (селища) типов. Появление городищ — результат накопления богатств, т. е. поголовья скота и продуктов земледелия, в руках патриархальной семьи, следствие роста населения, активизации межплеменных отношений. Городища этого периода делятся на мысовые и болотные. Планировка первых определялась конфигурацией мыса (треугольной, прямоугольной, трапециевидной, овальной формы), поймой больших рек — Днепра, Западной Двины. Болотные городища юга Белоруссии служили убежищем для окрестных селищ [2]. Первоначально застройка велась вдоль оборонительного вала, позднее начинает застраиваться вся территория [3]. Число жилых построек колебалось от 10 до 30 (100—300 жителей). В городище Малышки, например, протяженные дома располагались параллельными рядами. Между крайними домами и валом — навесы для скота, производственные сооружения [4]. Городище Моисеевка состояло из детинца и отдельной площади с жилыми сооружениями, в отдельности защищенными кольцами валов. Известны городища, состоящие из двух жилых ядер. Болотные поселения милоградской культуры имели овальную форму и были значительными по площади (3—5 га), часто располагались парами на расстоянии 1 км друг от друга [5].

Селища — основной тип поселений милоградской и зарубинецкой культур, застраивались однокамерными полуземлянками и наземными домами. Площадь их достигала 1 га [6].

С VI в. до н. э. по II в. н. э. на территории Белоруссии выделились два региона с определенными строительными особенностями: на севере получили распространение городища, застроенные многокамерными общинными домами каркасной конструкции (во II—III вв. здесь появились и первые срубы), на юге (Полесье) — селища с однокамерными полуземлянками и домами столбовой конструкции.

С середины 1-го тысячелетия начинает меняться структура поселений, что было связано с формированием сельской территориальной общины, состоящей из нескольких отдельных родовых групп.

Поселения славян 1-й половины 1-го тысячелетия на юге Белоруссии представляли собой прибрежные селища, укрепленные городища около рек на песчаных гривах, которые являлись центрами общественной жизни. Примером поселения этого периода может быть городище и связанное с ним селище в Хотомле. Застроено оно свайными полуземлянками, расположенными параллельными рядами, повторяющими конфигурацию городища[7]. Указанные типы поселений ранних славян свидетельствуют о кризисе патриархальной общины. У полесских дулебов и древлян для обработки земли появляются железные орудия труда. Эти орудия упраздняют необходимый ранее коллективный труд. В VII—IX вв. отдельные семьи начинают отрываться от патриархальной общины с ее укрепленными поселениями, осваивая своими силами пашенные участки. Городища превращаются в места сосредоточения ремесленников, в очаги развития феодальных городов[8]. Расположенный на возвышенном месте, обнесенный рвами, валами и деревянным тыном славянский городок становится неотъемлемой частью ландшафта не только Среднего Поднепровья, но и других славянских земель.

---

[1] Очерки по археологии Белоруссии. Мн., 1970. Ч. 1. С. 44, 45, 139, 140, 144; Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. Мн., 1977. С. 115; Поликарпович К. М. Стоянки среднего Посожья // Материалы по археологии БССР. Мн., 1957. Т. 1. С. 45—148; Исаенко В. Ф. Неолит припятского Полесья. Мн., 1976. С. 49—90; Он же. О переходе древних обитателей Белоруссии к производящему хозяйству: Тез. докл. к конф. по археологии Белоруссии. Мн., 1969.

[2] Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. С. 139—140.

[3] Там же. С. 189, 191.

[4] Археология Белоруссии. Мн., 1965. С. 87.

[5] Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья. М., 1961. С. 59, 61.

[6] Кухаренко Ю. В. Зарубинецкая культура. М., 1964. С. 11.

Сельские поселения X—XI вв. в исторических источниках встречаются под названием «погост» или «мир» (в лесной полосе) и «вервь» (на юге)[9]. Они становятся общественной ячейкой, формируются на территориальных, а не на родственных связях. Однако «мирские» связи еще существуют, родовые обычаи и традиции связывают население общины: общинные пиры «братины», мирские суды, общинные кладбища (погосты). В административно-территориальном делении раннефеодальной Руси начинается формирование типов поселений, характерных для всех восточных славян. Одним из таких поселений являлся погост[10]. Первоначально это податная единица, включающая несколько поселений (погост-округ), позднее — центр сельской общины (погост-центр)[11]. Постепенно утрачивая значение территориального центра, они превращались в обычные поселения или прекращали существование[12]. Типологическим признаком погоста было наличие в поселении административно-религиозных построек: церковь с кладбищем, церковь с двором священника и кладбищем, село, выросшее вокруг церкви, сельский приход, несколько деревень прихода, постоялый двор, перепутье[13]. В XIX в. погост как тип поселения исчезает. В Белоруссии термин «погост» не употреблялся в значении центра волости, уезда и последних из указанных значений. Это понятие со временем трансформируется в видовой топоним или становится частью новых топонимических образований (Погост Слуцкого и Березинского, Новый Погост Миорского р-нов и др.).

Число плодородных пахотных земель сокращалось. Феодалы, поощряя освоение малопригодных земель, освобождали селившихся здесь общинников от чинша и повинностей на срок до 20 лет[14]. Так, в XII в. у восточных славян формируется особый тип поселения — слобода. Особенностью русских слобод было то, что жители их не занимались земледелием, это были поселения непашенного типа. Поселками непашенного типа были и поселения «рабов на господской земле», т. е. крепостных, временно освобожденных от повинностей[15]. В Белоруссии и Правобережной Украине слободы были земледельческими. И наоборот, на Левобережной Украине, входившей в состав Московского государства, начали создаваться с XVII в. казацкие слободы из перебежчиков с захваченного поляками правобережья. Этот регион получил название Слободской Украины. Позднее термин «слобода» начинает употребляться для обозначения в поселениях улиц и концов, а также небольших поселений городского или местечкового типа, где жили мещане и ремесленники, связанные с сельским хозяйством только частично. В Белоруссии слободами иногда называли деревни с крепостным населением. Отдельные топонимы сохранились до нашего времени (г. п. Красная Слобода Солигорского, Новая Слобода Кличевского р-нов и т. д.).

---

[7] Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья. М., 1961. С. 8.

[8] История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 182—187.

[9] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 43.

[10] Гуркоў У. С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі // Беларускае народнае жыллё. С. 10—11.

[11] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. С. 30.

[12] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 34.

[13] Там же. С. 35.

[14] Гуркоў У. С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі. С. 11.

Основное условие производства — свободная земля — постепенно становится феодальной собственностью. Общинники уже вынуждены ставить свои дворы на земле феодала, по соседству с господским двором; возникает новый тип поселения — владельческий поселок, село. В летописных документах XI—XII вв. часто упоминаются княжеские, боярские и церковные села, что является свидетельством полной победы феодализма[16]. В силуэте села, как правило, выделялась церковь, так как владельцы строили ее там, где жили сами[17]. В период позднего средневековья село из вотчинного центра в отношении окружающих поселений преобразуется в административно-территориальный и культурный центр. Восточно-славянские села по своим особенностям объединяются в две группы. Первую образуют села северной полосы, т. е. в основном русские и белорусские. Здесь село — не основной тип поселения (существует наравне с деревней), как правило, средней величины, а иногда и малодворный. В южной, степной полосе Украины и России это основной тип поселения крупных размеров в несколько сот дворов, а иногда и более тысячи. В XIX в. в Белоруссии село, как правило, центр волости с церковью, церковно-приходской школой, волостной управой или земством, общинным амбаром (магазином), корчмой.

Рост населения и семейные разделы требовали строительства новых дворов, для которых выделяли место за селом. Рядом нередко строили свои дворы служилые люди и солдаты, получившие за службу или купившие небольшие наделы. Такие небольшие поселения назывались «вёскамі». Общеславянский термин «весь» бытовал в XI—XIV вв. на территориях Белоруссии и Новгородчины. По мнению Харузина, раньше он имел более широкое распространение. У восточных и западных славян термин и производные от него формы сохранились до нашего времени: wieś, wioska, wioseczka — польское, wes — чешское и словацкое, vjes — кашубское, wjes — верхнелужицкое, wjas — нижнелужицкое, was — словенское и т. д.[18] Позднее русскими и украинцами он был утрачен. Из небольшого поселения «вёска» могла вырасти в село. Генетические связи между селом и «вёскай» ввиду этого постоянно изменялись, что приводило к потере четких терминологических границ: поселение трансформировалось из одного типа в другой, сохраняя прежнее название. В XVII в. слово «вёска» для обозначения поселения употреблялось наравне с термином «сяло». В современном белорусском языке это слово обозначает все крестьянско-колхозные поселения [19].

---

[15] Воронин Н. Н. К истории сельского поселения феодальной Руси. С. 40.

[16] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 36.

[17] Сергиевич В. Древности русского права. СПб. 1903. Т. 3. С. 78.

[18] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 144.

Одним из древнейших типов поселений восточных славян является деревня. Частые упоминания о ней мы встречаем в летописных и актовых материалах XIII—XV вв. Однако известен этот термин с XI в. В этот же период он употреблялся для обозначения поселений без церкви и в Белоруссии [20]. Существует мнение, что слово «деревня» является производным от понятия «драть», т. е. выкорчевывать пни, расчищать земельный участок [21]. В XVII—XVIII вв. у восточных славян деревней назывались совершенно различные по характеру поселения, как малодворные, так и многодворные. Постепенно сложилось общепризнанное значение слова, характеризующее многодворное поселение, владеющее известным количеством земли и не имеющее административно-культовых учреждений. Именно такое поселение подразумевалось под названием «деревня» в период бытования его в Белоруссии, именно это значение оно сохраняет и сейчас в тех районах, где это слово понимается, но не употребляется. В XIX в. в северо-восточных районах Белоруссии для обозначения поселений в основном употреблялся термин «село», а в западных районах термин «деревня» постепенно совсем вышел из употребления [22].

До середины XVI в. сохранялась разнотипность поселений как по числу дворов, так и по планировке, как правило, бессистемной [23]. Во многом этому способствовала система феодальной повинности, единицей которой была служба, т. е. двор или несколько дворов. Вскоре она перестала отвечать интересам феодальной экономики, и в 1557 г. был принят закон «Устава на волоки», согласно которому за единицу повинности принимался не двор, а поселение. С этого времени поселения отличаются друг от друга не по типам и форме, а по видам феодальной повинности: «села тяглые», «села осадные», «села дворные» и т. д.

Как отмечает В. С. Гурков, волочная реформа привела к появлению в Белоруссии поселения сословно-классового характера [24]. В соответствии с «Уставой на волоки» в Великом княжестве Литовском был введен трехпольный севооборот. Крестьянский надел разбивался на три участка с точно обозначенными границами. Между разграниченными территориями севооборота оставались свободные участки земли — застенки, которые по планировке мало чем отличались от хуторов. Их обычно отдавали в аренду мелкой шляхте.

Еще один тип поселения мелкопоместного дворянства (шляхты) в Белоруссии назывался околицей. Такое название закрепилось за ним, по-видимому, из-за его расположения за пре-

---

[19] Молчанова Л. А. Из истории развития сельских поселений и усадеб у белорусов // Сов. этнография. 1955. № 1. С. 29—30.

[20] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 303.

[21] Там же.

[22] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 303.

[23] Шейн П. В. Материалы... Т. 3. С. 4.

[24] Гуркоў У. С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі. С. 11.

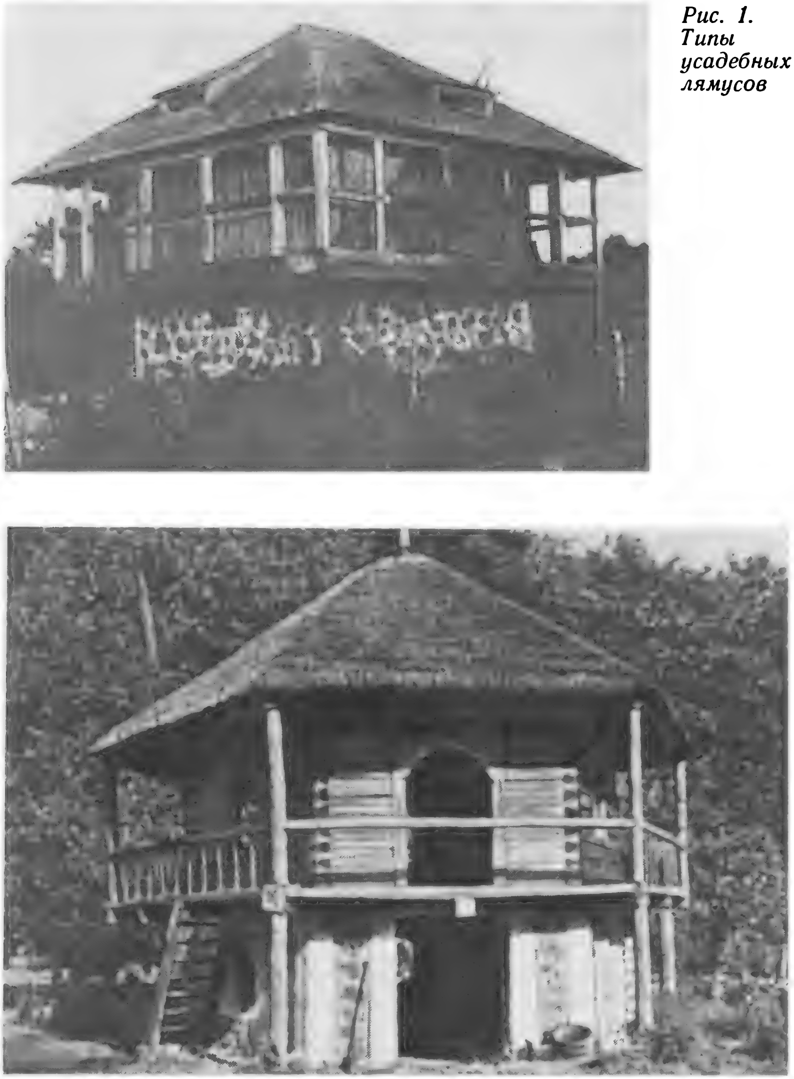


Рис. 1. Типы усадебных лямусов

делами села или из-за ограждения изгородью. «Околица» — общеславянское слово, употреблялось в древнерусском языке с XI в. в значении окружать, ограждать[25].

В инвентарях магнатских владений Белоруссии начиная с XVI в. упоминается новый тип поселения — фольварк, который как форма землепользования сложился именно в этот период. Собственно фольварк — небольшое имение, получаемое в аренду от магнатов. От всех других поселений они отличались как своей структурой, так и набором построек. «...Высокие поднятые ворота на столбах. Над ними дощатая башня, к которой наверх ведет лестница...»[26] Брамы в фольварках были значительными сооружениями, часто в них имелось одно-два хозяйственных помещения[27]. По сторонам брамы шел дубовый забор — тын. Перед жилым домом — площадь с цветником (курдонер). Иногда «...напротив господского дома стояли солнечные часы на дубовом столбе с двумя новыми ступенями и свинцовым щитом с выгравированным орлом»[28]. Дальше находился усадебный дом: крыльцо со ступеньками, двумя-четырьмя колоннами, далее сени, по обе стороны от них — комнаты: жилые, гостиная, светелки, горница. Через сени имелся выход во двор. Дом завершался высокой вальмовой крышей, накрытой дранкой или соломой. Рядом находились хозяйственные постройки. Хлева и конюшни строились отдельным двором. Слева или справа от брамы стоял двухъярусный амбар с круговой галереей на уровне второго яруса, лестницей, четырехскатной крышей — лямус, или скарбец (рис. 1). В первом ярусе размещались жилые помещения прислуги. На втором хранили зерно, муку. Нередко вместо одного лямуса стояло четыре-пять небольших амбаров[29]. (Старые лямусы сохранились в деревнях Большое Можейково Щучинского, Кушляны Сморгонского, Ситцы Докшицкого районов[30].) За лямусом стояли одна-две постройки для хранения и сушки сыров — сырницы. «Лестница из досок с перилами... Наверху вход в первое хранилище через дощатую дверь. Внутри хранилища наверх лестница... Вокруг этой сушильни сыров галерея с дощатым помостом и балюстрадой. Наверху в крыше четыре чердачных окна с деревянными переплетами»[31]. За сырницей стояла постройка для хранения овощей, корнеплодов: заглубленный в землю сруб, в котором хранили овощи зимой, и надземная надстройка типа погребни, далее — коптильня. Для хранения продуктов в теплое время года строили ледники (имение Кашубинцы Гродненского уезда). На территории двора-парка было множество других сооружений: хлебная печь, ящик и настил для разделывания капусты, «...колодец с сосновым срубом. Над ним крыша на восьми столбах, крытая гонтом, с воротами и двумя окованными ведрами для черпания воды»[32]. На берегу пруда или водоема — ящик для рыбы.

---

[25] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 38—39.

В другом конце двора стояла официна — постройка для прислуги и батраков. По планировке она была близка усадебному дому, только меньше размерами (Радзивиллимонты Клецкого, Марково Молодечненского р-нов).

Недалеко от усадьбы строили пивоварню: несколько кирпичных горнов с вмурованными котлами (обычно три). Четвертый горн предназначался для запарки солода. Если воды рядом с пивоварней не было, то ее подводили от колодца по желобу. Рядом с пивоварней стояла солодовня с каменной печью, состоявшая из сушильни для солода, бани для его запарки и пропаривания.

Отдельно строился скотный двор замкнутым четырехугольником. Хлева образовывали большой венок с площадкой посередине и множеством помещений: для лошадей, коров, телят, свиней и птицы. Часто хозяйственный двор был крытым.

---

[26] Инвентари...: Владение Тимковичи. С. 21, 124, 165.

[27] Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры Белоруссии XVI—XVIII вв. С. 27.

[28] Инвентари...: Владение Тимковичи. С. 163.

[29] Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. С. 36—37.

[30] Чантурия В. А. История архитектуры Белоруссии. Мн., 1977. С. 221—227.

[31] Инвентари...: Владение Тимковичи. С. 131.

[32] Там же. С. 162.

На гумнище — несколько гумен значительных размеров. «...Большое гумно на 24 сохах. Двустворчатых ворот в нем четверо: двое в противоположных концах и последние двое одно напротив другого. В гумне четыре скрыни для засыпки зерна...» [33]

Известно употребление термина «фольварк» для обозначения деревни, расположенной у поместья арендатора, на его земле. Он просуществовал вплоть до установления Советской власти в Белоруссии [34].

Исторические типы поселений, рассмотренные выше, имеют довольно глубокую историю. Развитие однодворных поселений восходит ко временам становления сельской общины. Как уже говорилось, земледельческое население жило в селищах, укрываясь в случае опасности в городках (городищах). С распадом патриархальной общины множество семей выжигали отдельные участки для пашни и селились в однодворных заимках, однако последние не получили в Белоруссии распространения в связи с развитием феодальных отношений и исчезновением свободных земель [35].

Наряду с многодворными поселениями — деревнями и селами в Белоруссии и Литве в период проникновения капитализма в деревню стал появляться новый тип поселения — хутора (рис. 2). Широкое распространение он получил во времена столыпинской аграрной реформы, в частности после

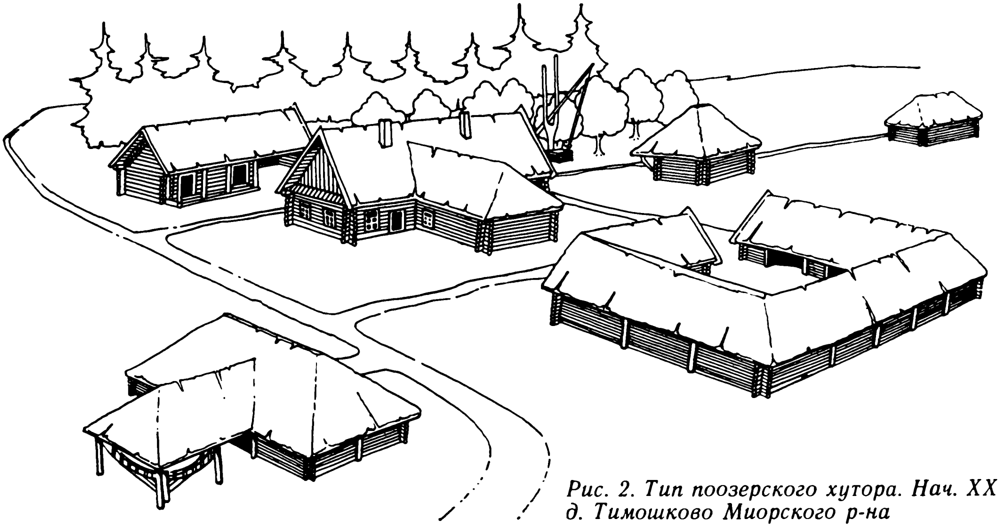


Рис. 2. Тип поозерского хутора. Нач. XX в. д. Тимошково Миорского р-на

принятия законов 1910 и 1911 гг., предусматривающих принудительное землеустройство в интересах кулаков, которые должны были стать опорой царизма в деревне[36]. Хутора в северной и западной частях Белоруссии — результат насильственного разрушения сельской общины буржуазными реформами. Более естественное происхождение хуторов на Украине. Их распространение, как и заимок в южных и юго-восточных районах России, могло быть связано с наличием свободных земель на территориях, ранее подвергавшихся набегам татар.

---

[33] Инвентари...: Владение Тимковичи. С. 165.

[34] Список населенных мест БССР (Минской губ.). Мн., 1924.

[35] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 40.

Общая качественная характеристика поселений будет недостаточной без их количественного анализа, одного из аспектов общей проблемы сельских поселений[37]. Археологические материалы и письменные источники подтверждают, что в раннефеодальный период поселения Белоруссии насчитывали от двух-трех до нескольких десятков дворов и занимали площадь от 200—300 м² до 10 га. Например, поселение близ д. Докудово Лидского района Гродненской области при ширине до 200 м тянулось вдоль Немана на полтора километра[38]. С VIII—IX вв. начинается постепенное уменьшение их площадей[39]. Большой размер поселений периода родовой общины объясняется не только коллективным трудом при низком уровне развития средств производства, но и необходимостью коллективной обороны. Селища, окружающие укрепленные городища, разрастались, так как рядом было надежное укрытие и большое число общинников могло успешнее вести оборону. Несмотря на значительные размеры, патриархальные поселения были расположены довольно редко, с интервалами от одного до нескольких десятков километров. Поселения периода становления феодального землевладения не могли быть большими (за исключением центров типа сел). Свободные земли исчезали, общинники закабалялись. Однако при этом росли численность и плотность поселений. Села окружались деревнями, слободами, последние — застенками, околицами, равномерно распределявшимися по территории. Малодворность поселений была особенностью белорусского народного зодчества вплоть до начала XIX в. Число дворов для небольших поселений колебалось от 2—3 до 10, для круп-

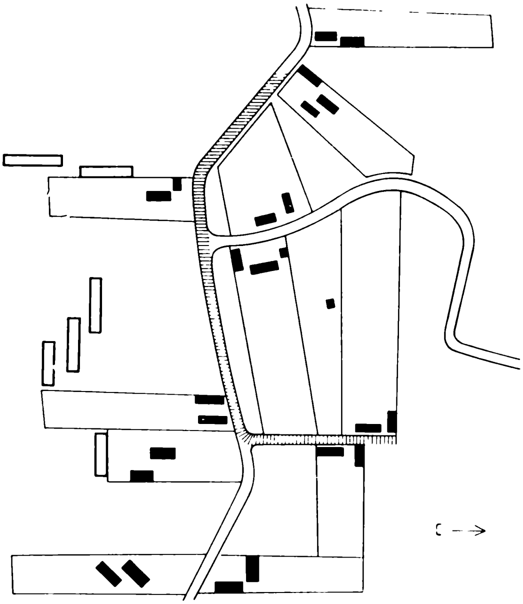


Рис. 3. Бессистемное поселение в Поозерье. Схема д. Гвардейск Миорского р-на

ных редко превышало 50—60 [40], причем поселения Северной и Северо-Восточной Белоруссии значительно меньше расположенных в южной ее части. По этому поводу существуют различные мнения. Например, Никифоровский считал малодворность специфической особенностью белорусов [41]. Другие исследователи главную причину видели в природно-географических факторах: песках, болотах, низком качестве строительного леса, отсутствии плодородных земель [42]. Отмечался и тот фактор, что территория Белоруссии была ареной многочисленных военно-политических столкновений [43].

---

[36] Энциклопедический словарь. М., 1955. Т. 3. С. 330.

[37] Гуркоў У. С. Памеры пасяленняў // Беларускае народнае жыллё. С. 19—21.

[38] Гуревич Ф. Д. Древности Белорусского Понеманья. Л., 1962. С. 191.

[39] Седов В. В. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли. С. 23.

Наиболее важными причинами необходимо признать высокую степень дифференциации феодального землевладения и связанную с ней густую сеть поселений. Региональной особенностью, характерной для Белорусского Поозерья, является низкая производительность сельскохозяйственного труда в условиях пересеченного и заболоченного рельефа Северной Белоруссии.

Крупнее по размерам поселения южной части Белоруссии, причинами чему могут быть спокойный рельеф, уличный характер поселения, большая площадь феодальных владений.

Относительно небольшая заселенность наблюдалась не только в Белоруссии, но и в средней полосе России. И здесь это явление во многом определялось условиями земледелия. Малоплодородные почвы способствовали развитию отхожих промыслов, миграции крестьянства в города. Более крупными были промышленные и торговые поселения, формирующиеся вокруг мануфактурных центров и в местах традиционно развитой торговли [44]. Плодородные черноземные почвы южной части Украины и России, значительно заселенные пространства способствовали формированию крупных сел и станиц.

Увеличение количества дворов в поселениях до XIX в. шло исключительно медленно. Только с усилением проникновения капитализма в деревню наметился их некоторый рост. К началу XX в. в отдельных деревнях Белоруссии число дворов увеличилось в 2—3 раза не столько за счет прироста населения, сколько за счет семейных разделов.

По численности поселений в Белоруссии с середины XIX до середины XX в. выделялись три обширных региона.

1. Полесский регион с преобладанием крупных многодворных поселений с числом дворов свыше трехсот. Они формировались путем концентрации населения в местах, удобных для земледелия. Нередко между ними пролегали расстояния в десятки километров через болота и песчаные переметы. В системе природно-географических условий Полесья, в районах развития торговых сухопутных и водных путей наметились очаги формирования крупных поселений. Например, Дивин на линии Малорита — Ковель; Морочь на дороге Клецк — Ганцевичи; Словатичи на пересечении дорог Зельва — Ружаны, Ружаны — Волковыск; Пруссы на пересечении линий Старые Дороги — Глусск, Бобруйск — Любань; Уречье на пересечении магистралей Слуцк —

---

[40] ЦГИА БССР, ф. 649, оп. 2, д. 1913, л. 134—148.

[41] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья... С. 209.

[42] Коялович М. О. Чтения по истории Западной России. СПб, 1884. С. 30; Попов И. Беларусь и белорусы. М., 1912. С. 14.

[43] Молчанова Л. А. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов // Сов. этнография. 1955. № 1. С. 29—30.

[44] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 39—40.

Любань — Микашевичи, Бобруйск — Красная Слобода; Паричи — Озаричи на магистрали Бобруйск — Светлогорск. Формирование крупных полесских поселений было связано с процессом конгломерации более мелких деревень, расположенных на единой земледельческой территории. Поселения, развившиеся на основе слияния мелких, носили название одного из них. На Украинском Полесье, наоборот, конгломерация не вела к этимологической обобщенности. Соединившиеся между собой деревни сохраняли индивидуальные названия и границы (Черниговская, север Киевской и Житомирской обл.).

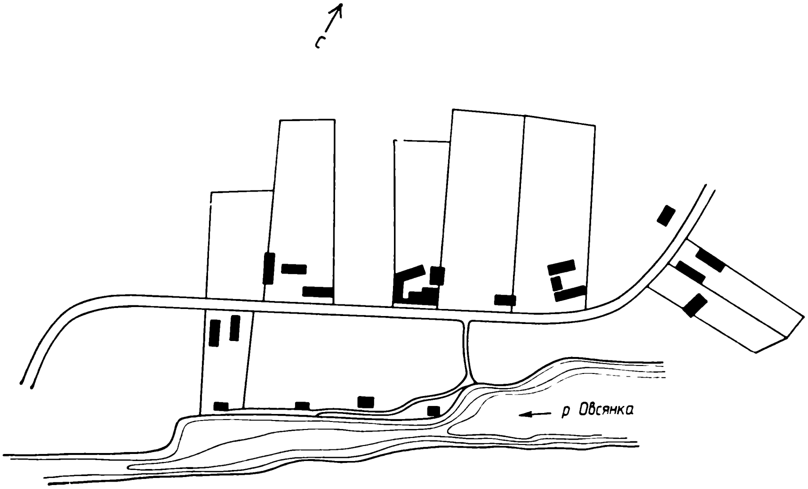


Рис. 4. Малодворное поселение прибрежного типа в Поозерье. Схема д. Заборок Городокского р-на

2. Среднебелорусский регион с поселениями с числом дворов от ста до трехсот. Географически охватывает с востока на запад полосу между Оршей и Быховом, Борисовом и Червенем, Молодечно и Осиповичами, Воложином и Несвижем, Новогрудком и Слонимом, Гродно и Берестовицей. Особенностью указанного региона является множество торговых путей, высокая плотность населения, значительные пахотные территории ввиду относительно низкой заболоченности и лесистости, большой удельный вес городов и местечек. Среднее расстояние между крупными поселениями здесь составляет 10—12 км, в то время как на Полесье — 20—25 км, в отдельных районах — 0,5—1,5 км (Могилевский, Шкловский, Чаусский, Несвижский, Столбцовский, Барановичский, Зельвенский и Пружанский р-ны). Более того, выявляются районы высокой концентрации поселений: Сухари — Черневка Могилевского и Шкловского, Танежицы — Большой Рожан Слуцкого и Солигорского, Столовичи — Городище Барановичского, Деревная — Мижевичи Барановичского и Слонимского районов и др. В отдельных случаях происходило образование крупных поселений за счет мелких. Примером может служить д. Подоресье Стародорожского района. Она распо-

ложена в ранее заболоченной части верховья р. Орессы, состоит более чем из трехсот дворов, имеет семь концов-улиц. В прошлом структура расселения здесь определялась малодворными поселениями. Подтверждением этому могут служить мелкие деревни, сохранившиеся в лесах между Шищицами и Осиповичами.

В 1-й половине XX в. сформировалась обширная группа поселений с численностью до ста дворов. Они разрастались на почве укрупнения малодворных или, наоборот, являлись следствием остановки роста тех или иных сел и деревень. Определенной географической границы этот тип поселений не имеет. Он характерен для всей Белоруссии. Но наибольшее число их находится в исторически формирующихся местах урбанизации (центры мануфактур, железнодорожные станции, аграрно-сырьевые, административно-территориальные центры). Это относительно новая прослойка в структуре поселений Белоруссии.

3. Обширный регион образуют малодворные поселения Белорусского Поозерья. Это бессистемные группы из 10—15 дворов, расположенные в выгодных точках сильно пересеченной местности. За последние полстолетия они сильно укрупнились, но первоначальные размеры еще можно с известной точностью определить. Например, множество малодворных поселений существовало на участке Лынтупы — Свираны — Комаи. Деревня Акелы, некогда состоявшая из четырех — шести дворов, теперь представлена одним (следствие столыпинской аграрной политики). Густая сеть малодворных поселений на участке между местечками Волколата, Яблонцы, Ситцы (Докшицкий, Глубокский р-ны). На северо-восток от Волколаты с интервалом в 1—1,5 км расположены Антипоры, Ракитовщина, Януки, Яблонцы, Будичи, Завличи, Куриловичи, Завороты и далее Латыголь, Проходы, Киеково и местечко Ситцы, замыкающее кольцо. Количественная структура поселений Поозерья и севера Понеманья очень пестра из-за наложения различных процессов: развития хуторной системы в начале и 20—30-е годы XX в., строительства густой сети проселочных дорог приблизительно в этот же период, ориентации сельского хозяйства на производство культур промышленного характера (лен, конопля) и т. д. Отдельные группировки деревень сливаются в крупные села или, наоборот, распадаются на хутора. Специфический отпечаток на типологию поселений и их структуру наложило развитие промышленности и транспорта, затронувшее в целом характер сельского расселения. Рост железных дорог (Московско-Варшавская, Либаво-Роменская, Полесская) привел к появлению станционных поселков (Талька Осиповичского, Руденск Пуховичского, Воропаево Поставского, Фаниполь Минского р-нов). Формирование промышленных районов в Белоруссии в советский период (Солигорско-Старобинский бассейн калийной соли, Мозырско-Речицкий нефтяной район, Лукомльский энергетический комплекс, Полоцко-Новополоцкий нефтеперерабатывающий комплекс, Микашевичский район добычи стройматериалов и др.) сильно отразилось на местном характере заселения. Деревни преобразуются в рабочие поселки или же последние тесно срастаются со структурами старых деревень (деревни Радково и Чижевичи Солигорского р-на и др.). Существенное влияние на характер заселения оказывают создаваемые агропромышленные комплексы и районы пригородного хозяйства крупных городов (Минск, областные центры и города, приравненные к ним). В настоящее время заселение — про-

цесс регулярный. Составлен генеральный план расселения в республике с учетом развития промышленности, транспорта, сельского хозяйства, учитывающий как исторически сложившиеся связи между отдельными районами и областями, центры этих связей, так и динамику роста городского и сельского населения, регулирующий эту динамику в зависимости от нужд народного хозяйства[45]. Характер заселения сельской местности планируется в русле развития сельского хозяйства и ориентации его отраслей (приложение, табл. 1).

Наиболее ранним структурообразующим принципом в планировке восточно-славянских поселений является скученное, гнездовое расположение дворов периода патриархальной общины. Община представляла собой селение из нескольких дворов, поставленных без всякого порядка, вокруг располагались огороды, пашни, выгоны, луга. Бессистемность усилилась с ее распадом и появлением в окрестностях однодворных заимок. Кучевая планировка — явление социальное, следствие патронимии, следы которой сохранились в отдельных местах до середины нашего столетия. В таких селениях дворы однофамильцев сконцентрированы группами. Например, в д. Исерно Слуцкого района сохранились группы фамилий Дубино, Горошеня, в д. Подоресье Стародорожского района в разных концах живут группами Свириды, Колтуны, Капитулы, Гайдуки, Мойлычко, в д. Роличи Вилейского района широко распространена фамилия Ролич, Януки Докшицкого района — Януковичи, Будичи того же района — Будич, Судзилы Климовичского района — Судиловские и т. д. С ростом поселений патронимические гнезда разрастались, объединяясь в территориальную (соседскую) сельскую общину. Указанные факторы наряду с малодворностью обеспечили бессистемным поселениям существование вплоть до начала XX в.[46] Наличие обширных регионов распространения бессистемных деревень — важная общенациональная особенность в планировке белорусских поселений. Крупнейшим среди них является Поозерье. Здесь южная граница бытования бессистемных поселений проходит по северу Островецкого и Мядельского районов, через Докшицкий и север Логойского, далее к Оршанскому и Дубровенскому районам. Спорадически бессистемные поселения встречаются в Восточном Поднепровье и вновь, более плотно, в Восточном Полесье (рис. 3).

Общими чертами бессистемной планировки являются древность, тесная связь с характером дворовой застройки, природно-географической средой. Древность их происхождения подтверждается тем, что бессистемные поселения преобладали в Белоруссии до середины XVI в., что, по-видимому, было связано с традициями, восходящими к дофеодальным городищам и разбросанным малодворным селищам. Бессистемные поселения неоднократно выявлялись при раскопках[47]. В. С. Гурков отмечает, что при выяснении генезиса скученных поселений необходимо учитывать, что выгоды и удобства в размещении отдельных дворов определялись общинной формой землепользования, в какой-то мере ограничивающей мобильность застройки, и чувством родственного коллективизма, вынуждавшего каждого держаться ближе к

---

[45] Круталевич В. А. Основные направления перестройки сельских поселений // Науч.-техн. прогресс и соц. изменения на селе. Мн., 1971.

[46] Термин «бессистемная деревня» введен в употребление И. И. Иконниковым. См.: Иконников И. И. О планировочных традициях русского народного зодчества. Л., 1954.

[47] Беларускае народнае жыллё. С. 8.

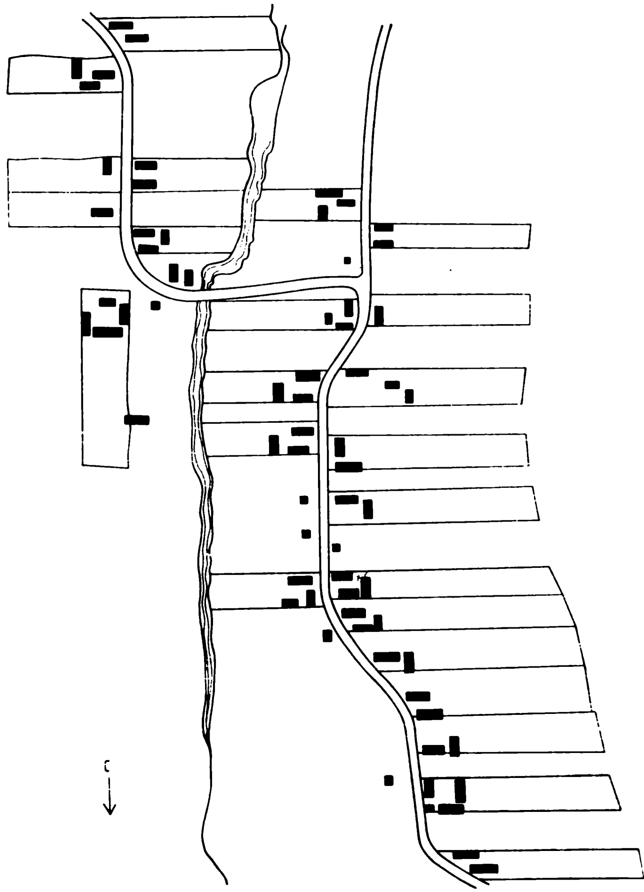


Рис. 5.
Уличная деревня
в Поозерье.
Схема д. Кайки
Городокского р-на

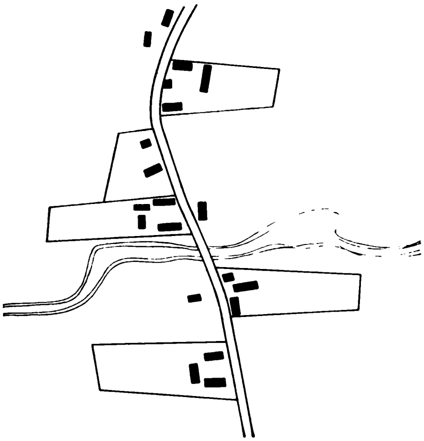


Рис. 6. Малодворное поселение
в Поднепровье. Схема
д. Селянка Березинского р-на

своим. Борьба за пахотную землю, более удобное место для двора была частью процесса социального размежевания крестьянства, который достиг своего размаха во 2-й половине XIX в. Социальное неравенство так или иначе отражалось на структуре поселений. Формирование бессистемных деревень неразрывно связано с историческими и социально-экономическими процессами[48].

Немаловажным фактором был и замкнутый (веночный) характер двора — структурной единицы заселения. Такая планировка объединенного цельного комплекса жилых и хозяйственных сооружений призвана была обеспечить самостоятельное существование однодворка (заимки). Разнохарактерность индивидуальной застройки препятствовала выработке общих упорядоченных планировочных принципов.

Сильнопересеченная местность Северной Белоруссии с моренным ландшафтом, озерами и болотами вынуждала поселенцев максимально использовать выгодные природные особенности, которые часто определяли структуру поселений (рис. 4, 5). Лесные поляны с песчаными дюнами Восточного Полесья также способствовали развитию бессистемной планировки.

---

[48] Гуркоў У. С. Планіроўка сельскіх паселенняў // Беларускае народнае жыллё. С. 15.

Бессистемные поселения Белоруссии имеют и региональные особенности. Основными из них являются иррегулярность поселений Поозерья, фронтальность поселений Восточного и Южного Поднепровья, центричность восточнополесских бессистемных деревень.

Иррегулярность бессистемных поселений Поозерья в первую очередь определяется природными факторами. Примером может быть д. Девгуны Поставского района. Стоит она на пересечении нескольких дорог-тропинок у берега извилистого ручья с сильно каменистым руслом. Со всех сторон к дворам подступает лес и полосы кустарника. Приусадебные участки выделяются отдельными пятнами на склонах, огорожены жердяной изгородью. К деревне через гряду камней ведет тропинка, разбегаясь в разные стороны к отдельным хатам, гумнам, банькам. Необходимо отметить, что такого характера поселения встречаются и вдоль восточного берега озера Свирь (д. Редупля Мядельского р-на), а также в Островецком районе. Выраженная иррегулярность характерна для малодворных поселений западной части Глубокского и северо-западной Докшицкого районов, которые образуют выгнутый полукруг в западной части Поозерья. По мере продвижения на юг и восток отдельные поселения приобретают упорядоченность, в которой угадываются контуры улицы; чем крупнее поселение, тем выше его структурная организация. Однако наличие и в этих районах иррегулярных малодворных деревень (они встречаются на севере Логойщины) дает возможность предполагать, что тенденция к выправлению планировки проникла сюда из глубин Центральной Белоруссии и Западного Поднепровья. Иррегулярность поозерских бессистемных поселений во многом определяется планировочным разнообразием отдельных дворов и их комплексов. Ориентация жилых звеньев, формы денников, их примыкание к жилью, расположение пригуменья могут быть самыми разнообразными.

Фронтальный характер спорадических бессистемных поселений Восточного Поднепровья определяется либо прибрежным, либо краевым расположением на отроге склона, опушке леса, краю поля (рис. 6). Главной причиной намечающейся линейности нужно считать наличие более обширных, чем на Поозерье, участков пахотной территории, спокойный рельеф, меньшую его пересеченность ручьями и болотами, меньшую залесенность, влияние уличной планировки поднепровского правобережья. В Восточном Поднепровье уже отчетливо обнаруживается увалистое расположение поселений (деревни Бушково, Ходнево, Супоничи Могилевского р-на), что также влияет на формирование линейности в планировке. Бессистемность, характерная старым, в прошлом малодворным поселениям, определялась неравномерной плотностью застройки (наличие протяженных незастроенных участков, разрывов), разнотипностью в ориентации дворов, наличием коротких переулков, намечающих развитие поселения в новом направлении. Своеобразная структура поселений Восточного Поднепровья — результат давно идущего процесса их постепенного преобразования в уличные деревни.

Если бессистемные поселения Поозерья и Поднепровья отличаются рассредоточенностью, то в Восточном Полесье, наоборот, концентрируются у общего центра застройки. Центричность восточнополесских бессистемных деревень определялась потребностью рационального использования пригодных под застройку участков. Окруженные болотами участки способствовали внутреннему уплотнению застройки поселений в ходе семейных разделов. Определенную роль в этом играл и тип дворовой застройки, отличающийся от веночных дворов Поозерья и Поднепровья. В центре двора стояла хата, обнесенная со всех сторон хозяйственными постройками [49]. Такая застройка была характерна для юга России, Волыни, Карпат, Словакии [50]. Малодворность поселений Восточного Полесья существовала очень долго, сохраняя бессистемный характер планировки. В XVI—XVII вв. в Гомельском старостве имелись еще службы и дымы, дворища, состоящие из одного-двух дворов. В сильно видоизмененной планировке сел Восточного Полесья все же проглядываются локальные районы с бессистемной планировкой центричного типа: Речицкий, Брагинско-Лоевский, Мозырско-Калинковичский, Хойникский.

Западнее Копаткевич и Петрикова характер рельефа иной: песчаные гривы и холмы Мозырщины сменяются ровными болотными низинами. Тип дворовой застройки — погонный. В планировке поселений намечается уличный характер.

Название «уличная деревня» условное, так как далеко не всегда планировка поселения была связана с улицей или дорогой. Уличные деревни можно считать типично славянскими. В VIII—IX вв. у восточных славян начал формироваться тип поселения с избами, обращенными фасадом к реке или озеру [51]. Изменяющаяся в этот период общественная структура вносила коррективы и в планировку поселений, расположенных вдоль берегов и дорог. Так начала складываться традиция сплошной застройки «двор ко двору». Семейные разделы постепенно вели к ее уплотнению. Если береговой тип, как правило, был с односторонней застройкой, то деревни, расположенные вдоль дорог, двусторонние.

Ареал распространения линейной застройки включает Центральную Белоруссию, Центральное и Западное Полесье, Понеманье. Очаги распространения, по-видимому, находились в Западном Полесье, Центральной Белоруссии и левобережной части Понеманья, что сказывается в традициях линейной застройки, высокой плотности дворов погонного типа, структурно соответствующих планировке протяженных поселений (сокращается их длина, рациональнее используются территориальные пространства, в частности в Западном Полесье) [52].

Мощным стимулом развития уличных поселений стала «Устава на волоки» — принцип феодальной хозяйственной политики, устанавливающий в рамках феодального государства планировочное единообразие поселений на основе общегосударственной формы земельного хозяйства. Наиболее энергично этот процесс шел там, где новым историческим стимулам отвечали бытовавшие традиции: регулярность в планировке, погонный тип двора и т. д. В средней части Белоруссии, Западном Полесье и Понеманье, где волочная реформа проводилась наиболее последовательно, число уличных деревень быстро росло. И наоборот, там, где сложившиеся традиции не отвечали

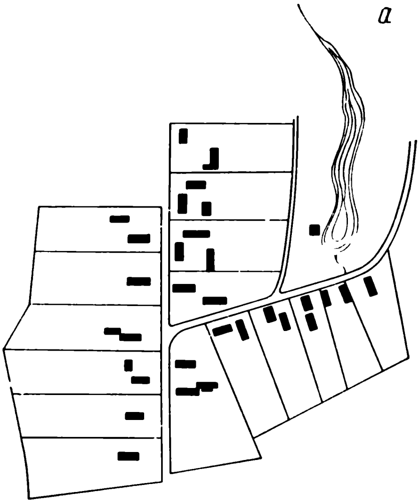
---

[49] Moszyński K. Polesie wschodnie. S. 122.

[50] Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. С. 171.

[51] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 47.

[52] Domochowski Z. Sprawozdanie ze studijów nad poleskim budownictwem drzewnym w r. 1934/35.



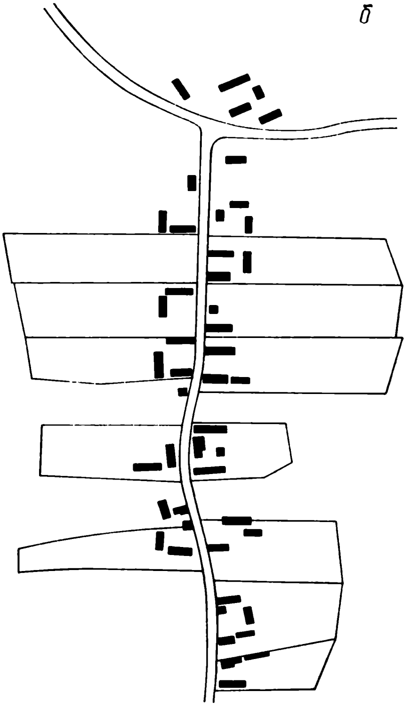


Рис. 7. Типы уличной застройки в Поднепровье:
а — д. Старая Князевка Березинского р-на;
б — д. Себровичи Чечерского р-на;
в — д. Бовсевичи Круглянского р-на;
г — д. Бракова Слобода Чаусского р-на

структуре уличной деревни, эта реформа на изменение планировки поселений сильного влияния не оказывала. Малодворные бессистемные поселения Поозерья удачно вписывались в пересеченный ландшафт с разбросанными и ограниченными пахотными пространствами. Объективные возможности их укрупнения, а следовательно, и структурной реорганизации отсутствовали[53]. В то же время веночная застройка в Поднепровье, фронтальность способствовали быстрому развитию уличных деревень.

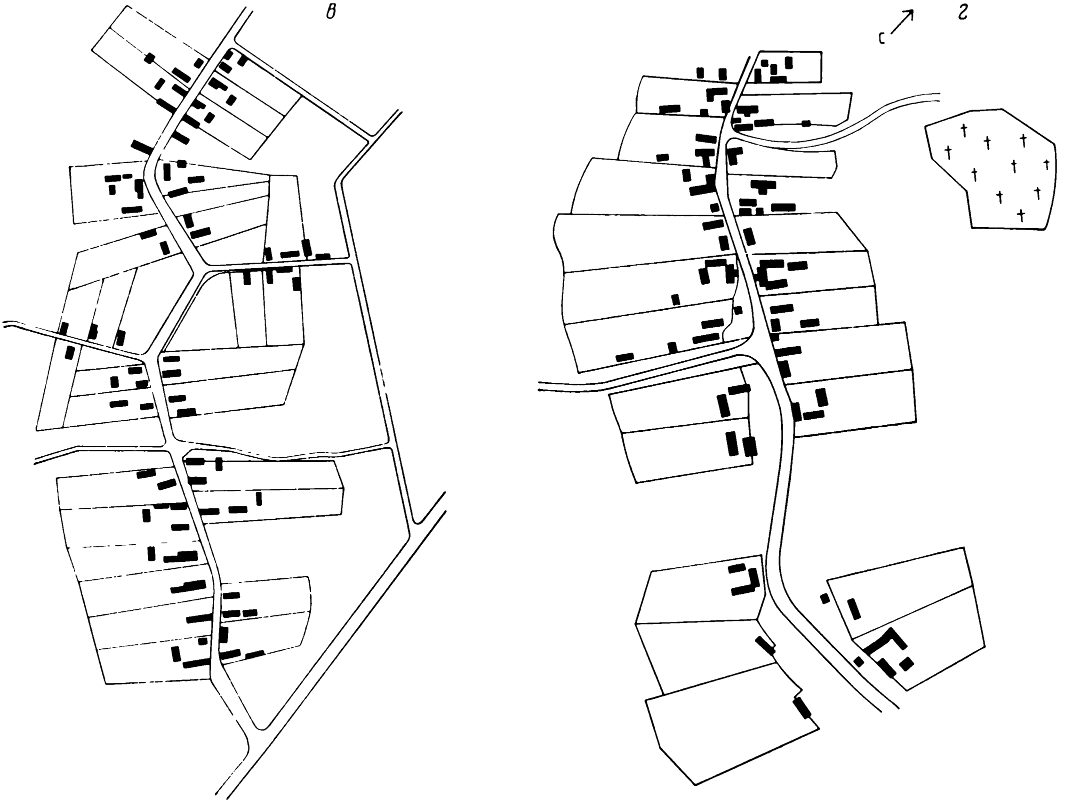
Первоначально «уставная» деревня представляла собой улицу, на которой с одной стороны располагались преимущественно жилые и соседствующие с ними постройки, с противоположной — хлева и гумна. В процессе внутреннего роста (раздел отцовского участка) на сторону гумен переносились хаты, клети, истопки, а свободная территория застраивалась сыновней семьей[54]. Поселения были небольшими — 10—30 дворов.

Упорядочение поселений России, однако на другой структурной основе в начале XVIII в. начинает проводить Петр I. После присоединения Белоруссии к России и до середины XIX в. принимается еще ряд мер по планировке

---

[53] Быт белорусских крестьян // Этнограф. сборник. СПб, 1854. Вып. 2. С. 125; Шейн П. В. Материалы... Т. 3. С. 4.

[54] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 71.



поселений [55]. С одной стороны, они обусловливались борьбой с пожарами. Например, в начале XX в. в русских и белорусских деревнях, выстроенных на 97 % из дерева и соломы, ежегодно сгорало около 200 тыс. крестьянских дворов [56]. Новым толчком к упорядочению поселений послужила война 1812 г. Закон 1817 г. предусматривал при восстановлении деревень отводить участки под церковь, административные учреждения, торговые ряды. В первую очередь регулярная планировка затрагивает поселения государственных крестьян. Необдуманной, без учета всяких хозяйственных соображений, была политика создания военных поселений по инициативе Аракчеева. Строительство деревень вдоль сети дорог опиралось на чисто формальные принципы: равные расстояния между поселениями, строевая прямолинейность и симметричность. В Белоруссии эти преобразования затронули в некоторой степени лишь Могилевскую губернию [57].

К началу XX в. одной из общих черт

---

[55] Из указа Петра I от 7 августа 1722 г., согласно которому дворы должны были ставиться гнездами по два двора в гнезде с разрывом между ними. С 1722 по 1856 г. было издано 19 указов и постановлений, касающихся перепланировки деревень.

[56] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 49.

[57] Там же. С. 50.

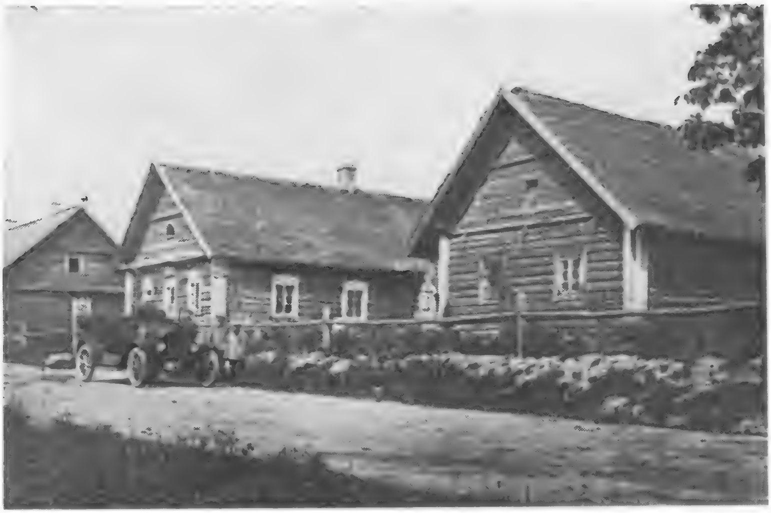


Рис. 8. Уличная застройка в Поозерье. д. Лучай (хаты, народная школа). 1924 г. ЦГИА ЛитССР

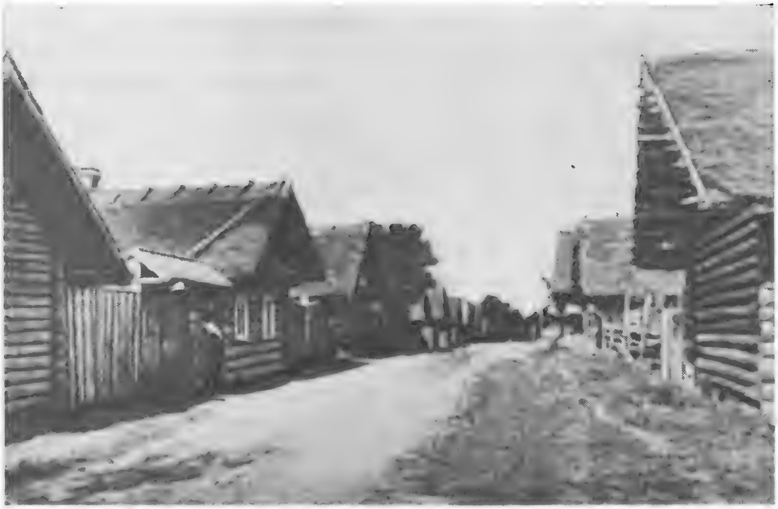


Рис. 9. Уличная застройка в Латгалии. С фотографии нач. XX в.

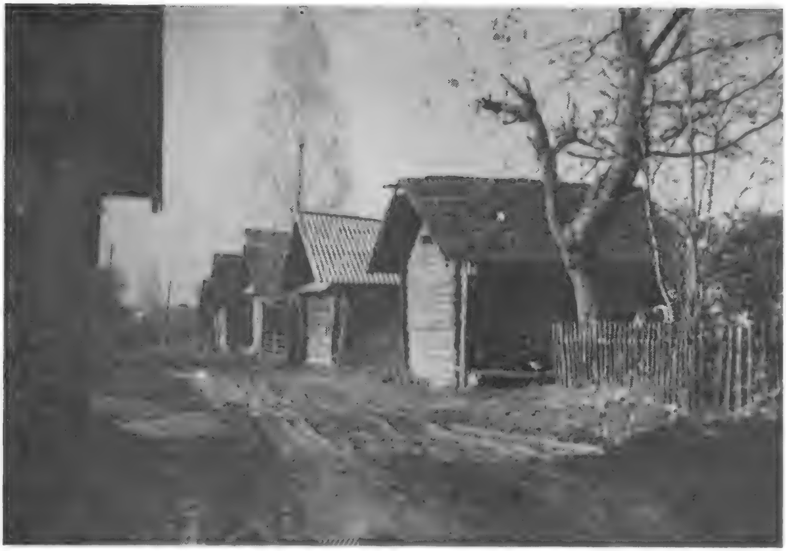


Рис. 10. Уличная застройка в Южном Поозерье. д. Будичи Докшицкого р-на

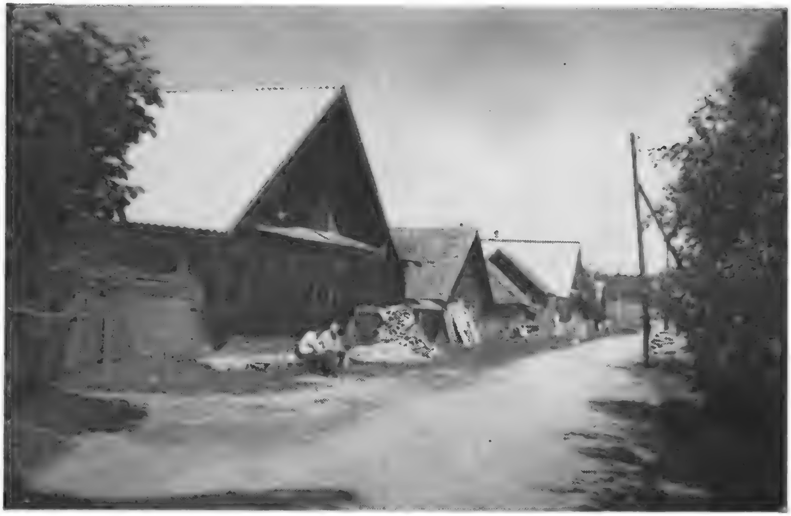


Рис. 11. Уличная застройка в Западном Поозерье. д. Ворошилки Мядельского р-на

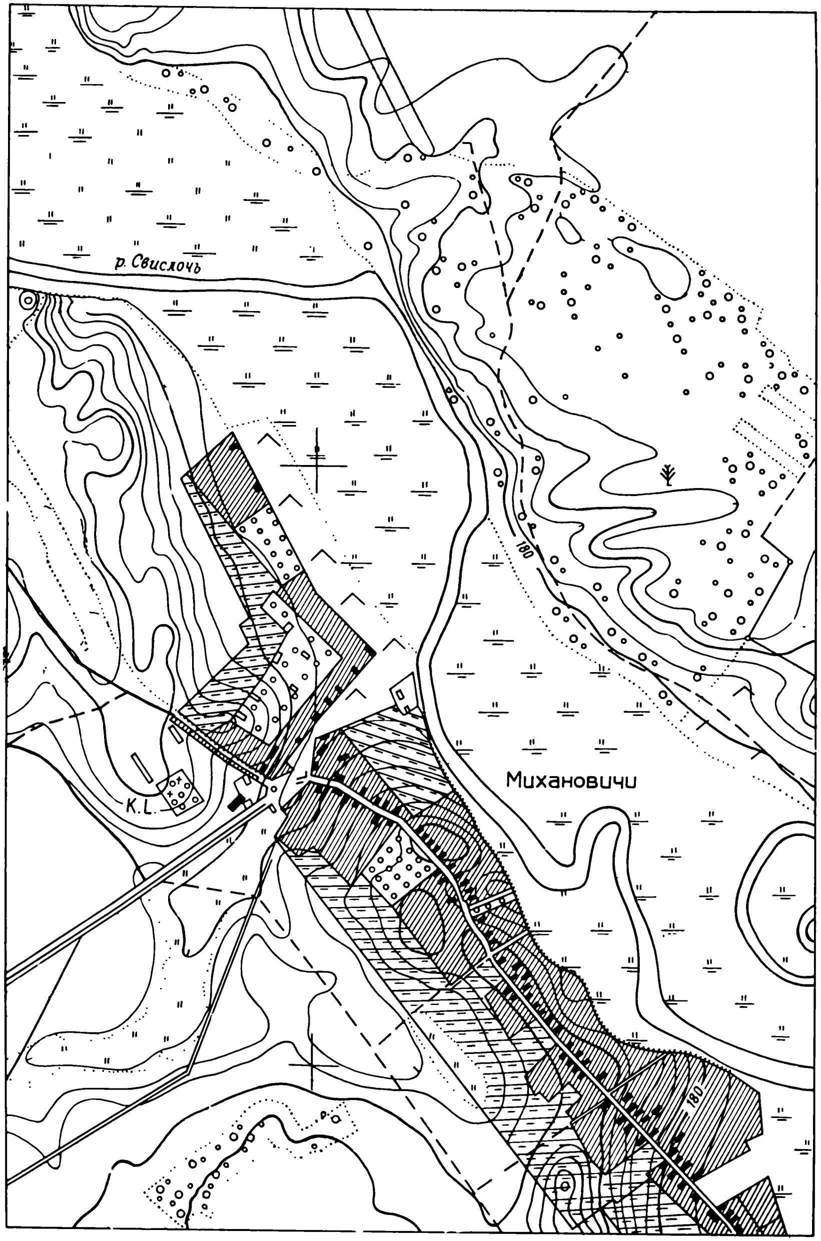
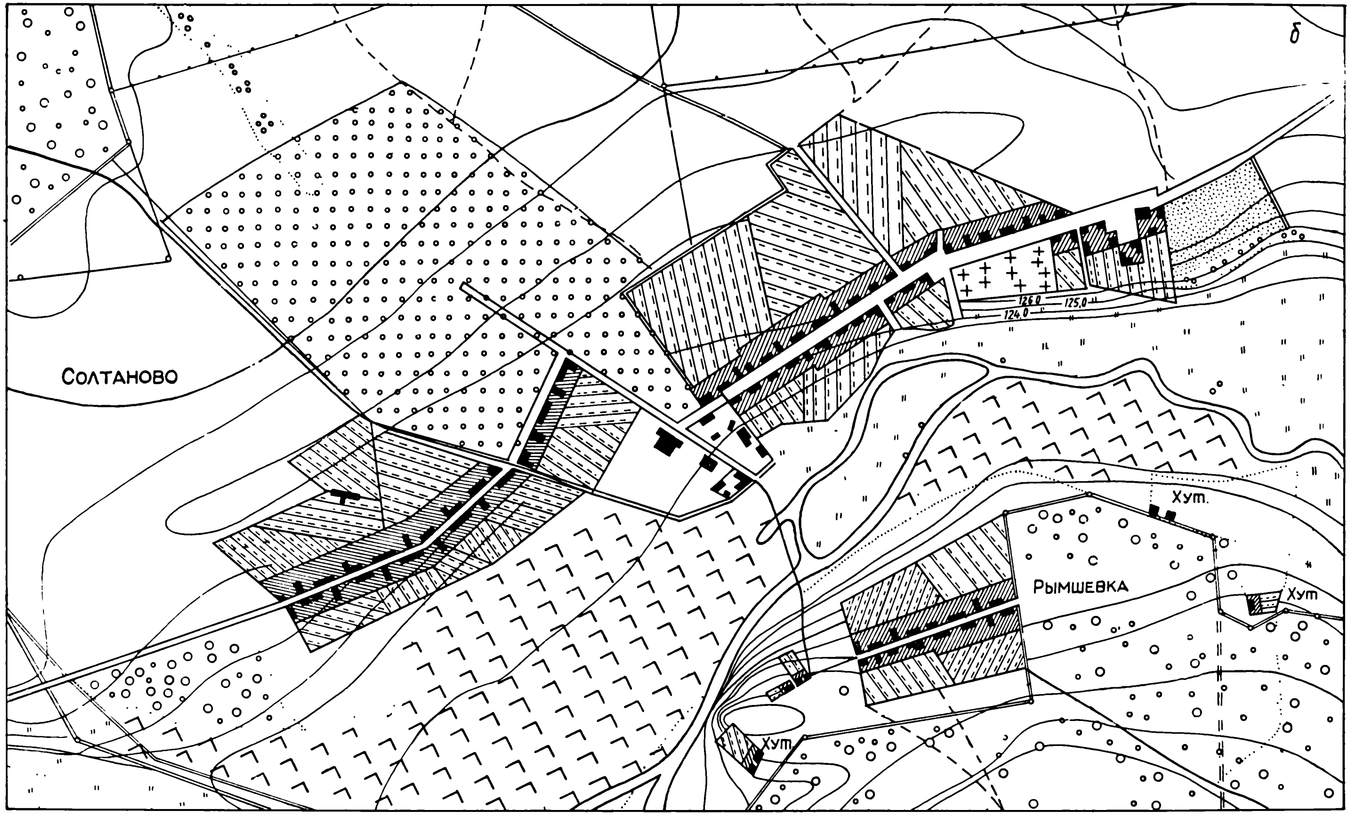

р. Свислочь
Михановичи
K.L.
180
180

Рис. 12. Уличные деревни в Центральном регионе: а — Михановичи; б — Солтаново, Рымшевка. 30-е гг. XX в. ЦГИА БССР


б
Солтаново
126,0
125,0
124,0
Хут.
с
Рымшевка
Хут
Хут.

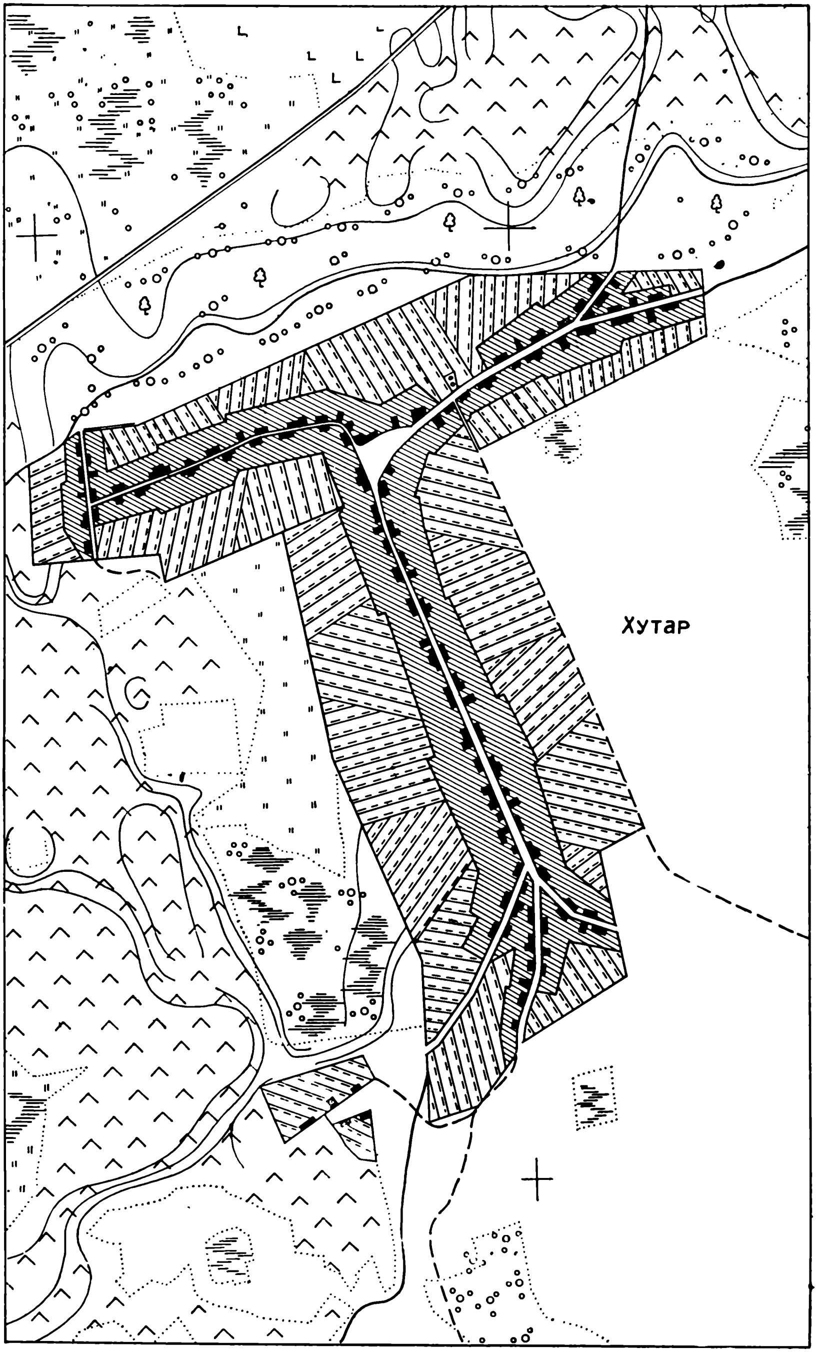


Рис. 13. Многоуличная деревня в Центральном регионе. 30-е гг. XX в. ЦГИА БССР

уличных поселений Белоруссии являлась закономерность формирования деревень-односторонок по берегам крупных рек (главным образом на Понеманье и Полесье). Встречаются селения низинного расположения, в полосе заливных лугов (деревни принеманской части Новогрудского, долины Щары Слонимского и Ивацевичского, долины Вилии Сморгонского, долины Случи Слуцкого р-нов). Другой общей особенностью является повсеместное распространение двусторонней деревни. В средней полосе Белоруссии от Беловежской пущи до Березины деревни-двусторонки имеют значительную протяженность, достаточно широкие улицы, очерченные оградами штакетника или частокола. Почти повсеместно между улицей и главным фасадом жилья имеются палисадники. Застройка средней плотности, погонная, в центральных районах с несвязанными постройками.

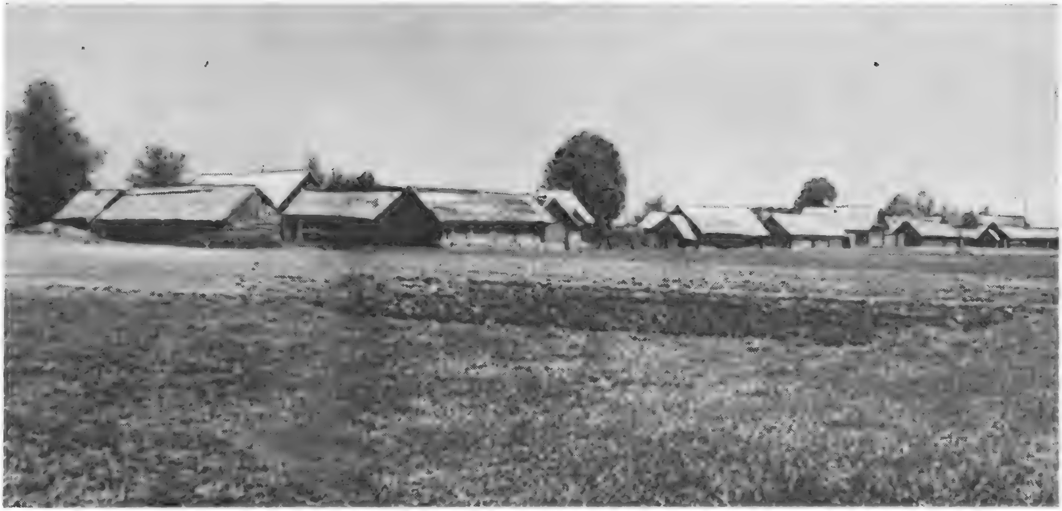


Рис. 14. Застройка деревни в Центральном регионе. д. Кремок Осиповичского р-на

Вместе с тем сформировался и ряд региональных особенностей в одноуличных поселениях Белоруссии. Главной среди них в Поднепровье является своеобразная структура на основе веночных дворов: замкнутые поселения-крепости. Немаловажным является и тот фактор, что наряду с прямолинейно расположенными вдоль улицы постройками существуют постройки-спутники, беспорядочно расположенные поблизости: бани, погребные ямы, отдельно стоящие пуни и гумна, мурни. Сохраняются и характерные для фронтальных бессистемных деревень разрывы. Их занимают пасеки, выгоны, а то и общественное или культовое сооружение — церковь (д. Сухари Могилевского р-на) (рис. 7).

В уличных деревнях Южного Поозерья угадывается структура более ранних планировочных традиций бессистемности. Извилистая улица, разнотипность оград (каменные, жердевые, замет, плетень и т. д.), разрывы в застройке, заполненные старыми деревьями и кустарником, пересекающий улицу ручей, крутые подъемы и спуски, неоднородность в плотности застройки и типах дворов (веночные, с несвязанными постройками), примыкание к улице убегающих в поле или лес тропинок, каплички или кресты — все это присуще уличным деревням Поозерья (Кукляны, Завличи и Девгуны Поставского, Малые и Большие Ситцы Докшицкого, Латыголь, Проходы, Киеково, Велец Глубокского, Волковщина Миорского р-нов и др.) (рис. 8—11).

Уличные поселения Центральной Белоруссии характерны для развития планировочной структуры белорусских поселений в целом. Центром, ядром этого развития являются Копыльский, Несвижский, Клецкий, Слуцкий, Любанский, Стародорожский, Червенский, частично Борисовский, Логойский, Молодечненский, Дзержинский районы. Уличная планировка четкая, построенная на основе погонной системы с совмещением проезжей части с улицей (рис. 12, 13). Линейные дворы находятся в процессе дифференциации, особенно сильной в центральных районах, где погонная структура с трудом угадывается в несвязанных между собой сооружениях: хата, один или два хлева, погреб (или истопка), иногда гумно. Минимальный набор построек порождал стереотипные варианты их размещения. Например, в Стародорожском районе погреб расположен в огороде, перпендикулярно жилью — пример своеобразной типизации в народной архитектуре. При внимательном рассмотрении обнаруживается множество других «типовых» приемов: ритмичность застройки, ее ориентация по отношению к улице, однообразие палисадников, скамеек, перелазов (д. Морочь Клецкого р-на). В стереотипности скрыт глубокий смысл длительного ис-

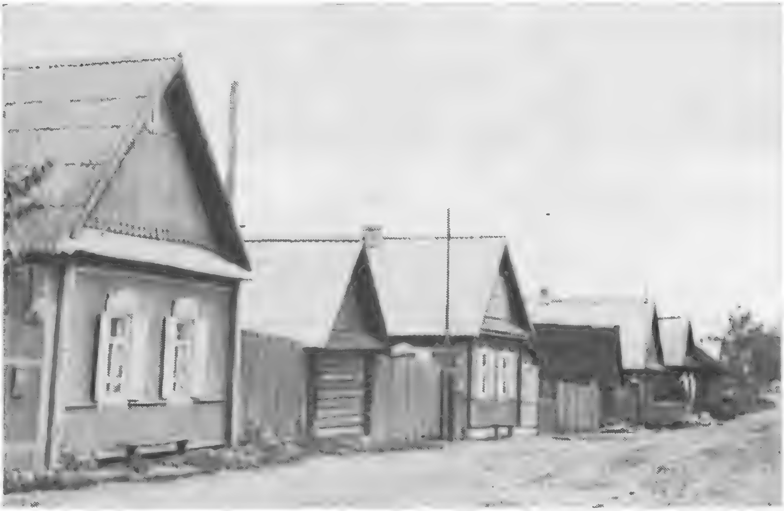


Рис. 15. Сельская улица в Центральном регионе. д. Обча Борисовского р-на

торического развития. Типовым становилось лучшее, многократно апробированное, удобное и простое. Характерными примерами уличных деревень Центральной Белоруссии являются Докторовичи, Грозово, Углы, Филиповичи, Блевчицы, Садовичи Копыльского, Играево, Працевичи, Исерно, Быково Слуцкого, Доросино Любанского, Новоселки, Дражно, Залужье, Левки, Щитковичи Стародорожского, Обчуга Пуховичского, Кремок, Житин, Моисеевичи Осиповичского районов и др. (рис. 14, 15).

Уличная застройка Центральной Белоруссии имеет и ряд локальных особенностей. На юго-востоке она характеризуется высокой плотностью погонных дворов, узкими улицами. Это несколько более ранняя стадия развития уличной деревни, уже исчезнувшая в центральных районах (деревни Заперинье Пуховичского, Пруссы Стародорожского, Косаричи Глусского р-нов). В деревнях Любанского, Солигорского, юга Клецкого районов помимо перечисленных встречаются и другие особенности: низинно-луговое расположение, чередование односторонней и двусторонней застройки, разрывы в ней, часто криволинейный характер улицы, наличие переулков и концов (деревни Большой Рожан Солигорского, Бучатино Копыльского р-нов и др.). Это влияние соседнего Центрального и Западного Полесья. Особенно много общего в поселениях юго-запада Копыльского и Клецкого районов и деревнях Ганцевичского, Лунинецкого районов. Указанная территория образует южный локальный район.

К западу от Бобовни и далее к северо-западу от Несвижа встречаются уличные деревни с неявно или явно выраженной двухрядной дворовой структурой. Это западный локальный район, тесно связанный с соседним Понеманьем. В застройке также сохранились более ранние традиции планировочного развития поселений: развитые комплексы жилых звеньев (выходящие на линию улицы клети-истопки), наличие деревень, сохранивших раннереформенную планировку (жилье с одной стороны улицы, пригуменья — с другой, как, например, в д. Низок Узденского р-на). Пореформенным отголоском является и плотная, строгая посадка дворов, часто под углом к улице. Район охватывает территорию северо-западной части Несвижского, западной Столбцовского, Воложинский, юго-запад Молодечненского районов. Остальная часть Молодечненского, Вилейский и северо-запад Логойского районов образуют своеобразный северный локальный район с пестрым по структуре характером застройки поселений. На северо-западе Мядельского района можно обнаружить в структуре деревень традиции Понеманья и Поозерья (район Свири), между Долгиновом и Жердяжьем увидеть прообразы докшицко-глубокских деревень.

Разнообразие в планировке поселений Центральной Белоруссии определяется ее положением на пересечении межрегиональных связей. Разумеется, эти связи не подменяют индивидуальные черты в архитектуре центрально-белорусских поселений, не вытесняют их и не накладываются механически, а вступают с ними во взаимодействие, достигают выгодной практической функциональности, органического сочетания с природой, достигая уровня новых этнографических традиций, образований.

Пожалуй, Центральная Белоруссия представляет собой регион этнического синтеза в народном зодчестве. Локальные районы не имеют четко выраженных границ. Гораздо правильнее будет говорить о центрах, т. е. территориях, где они ясно видны. Прежде всего это Минщина и прилегающие к ней районы. Центром юго-восточного подрегиона можно считать окрестности д. Пруссы Стародорожского, юго-западного — д. Танежицы на Слутчине, западного — д. Першаи Воложинского района. Северный локальный район имеет три центра: западный (д. Редупля Мядельского р-на), северный (район Долгиново — Будслав), восточный (д. Саковичи Логойского р-на).

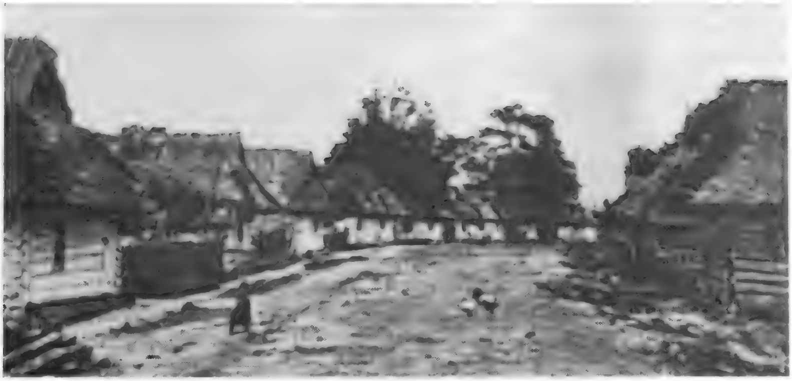


Рис. 16. Тип полесской деревни. Нач. XX в. По А. Ф. Оссендовскому

Уличные поселения Восточного Полесья формировались в сложных природных условиях. Планировка их отличается гибкостью, чередованием элементов линейности и бессистемности, иногда прерывностью. Но главной особенностью является своеобразие типа застройки. Формы центричного жилища начали развиваться на Полесье еще в железном веке [58]. Многоугольные в плане жилые постройки встречались в Восточном Полесье в начале XX в.[59] Дифференциация веночного и погонного дворов усилила здесь развитие центричного жилища. В юго-восточной части региона образовался локальный район уличных деревень с центричными хатами (деревни Сперижье, Надточаевка, Колыбань Брагинского р-на). Необходимо отметить, что такие деревни характерны для Украинского и Брянского Полесья, где образуют обширный межэтнический ареал. Западная часть Восточного Полесья по типу уличных поселений сливается с районами Центрального Полесья (территория от Копаткевич до Житкович — Микашевич).

В Столинском районе, с которого, можно считать, начинается Западное Полесье, уличные поселения значительной протяженности, равномерно и плотно застроены традиционными погонными дворами [60] (рис. 16). Улица может иметь протяженность 3—5 км. Поселения Западного Полесья по своей структуре в основном однородны. Некоторые отличия наблюдаются в районе Малориты — Дивина, где равномерность и целостность застройки вновь начинают распадаться (деревни Леликов Дрогичинского, Хабовичи, Руховичи Кобринского р-нов). Особенности планировки уличных деревень в полосе между Каменцом и Ивацевичами определяются влиянием Понеманья (рис. 17, 18).

---

[58] Мельниковская О. Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967. С. 37.

[59] Moszyński K. Polesie wschodnie. S. 105; Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. S. 218.

[60] Ossendowski A. Polesie. S. 213; Domochowski Z. Ze studijów nad poleskim budownictwem drzewnym.

В восточных районах Понеманья (Мир, юг Кореличского, север Барановичского р-нов) уличные деревни еще имеют много общего с центральнобелорусскими (рис. 19). Зоной ярко выраженной двухрядной застройки является полоса долины Немана и его притоков — рек Зельвянки и Котры, для которой характерны прямые, плотно застроенные улицы с расположением дворов часто под углом. Улицы средней ширины, в основном без палисадников, на «красную» линию выходят и клети второго ряда (рис. 20, 21). Отличительная особенность — мощение улицы и дворов — получила распространение в начале XX в. (деревни Мелехи, Дайнова, Дуды, Липнишки Ивьевского, Валевка, Лавришево Новогрудского, Самойловичи Дольные Мостовского, Семеново, Тальковцы, Шиловичи Волковысского р-нов и др.). Четкость структуры начинает теряться в Гродненском, Свислочском, Берестовицком районах. Определенную роль здесь сыграло территориально-политическое положение этих мест. Особенности уличных поселений наблюдаются в локальном Сморгонско-Островецком районе. Если на юге Сморгонского района двухрядная уличная структура еще преобладает (деревни Слободка, Солы), то в Ошмянском районе она уже неустойчива и сильно ослабевает по мере продвижения к западному берегу озера Свирь, убывает число многодворных и растет число малодворных поселений, расположенных на расстоянии 1,5—2 км друг от друга (как, например, на Поставщине). Крупные уличные деревни остались лишь на большаках древних местных торговых связей (деревни Клюшаны, Кемелишки, Спонды Островецкого р-на) (рис. 22).

Крупные одноуличные деревни, как правило, развивались из сравнительно небольших поселений. Административно-территориальные и феодальные центры разрастались до крупных размеров, приобретая многоуличную структуру. В многоуличные превращались и поселения, местонахождение которых оказывалось в зоне развития торгово-экономических сношений, мест-

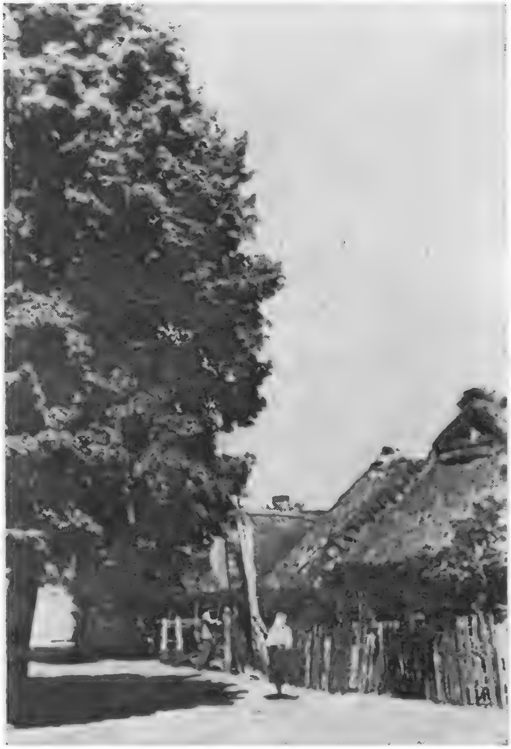


Рис. 17. Улица села Глубокое Брестской обл. ЦГАКФФД БССР

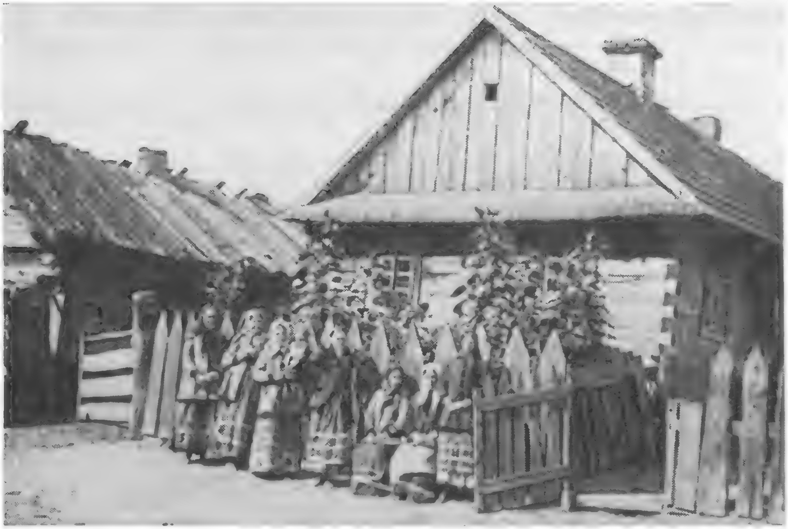


Рис. 18. Вид д. Беловежи Брестской обл. 1886—1887 гг. ЦГИА БССР

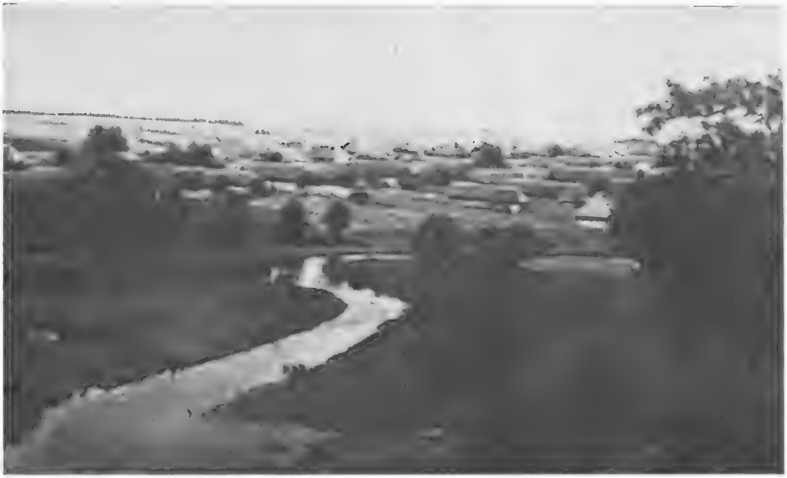


Рис. 19. Тип понеманской деревни. д. Радогоща близ Новогрудка. 1924 г. ЦГИА ЛитССР

ных промыслов и ремесел. В раннеславянский период многоуличные поселения развивались на структурной основе селищ и городищ. Расходящиеся в разные стороны от городища селища являлись прообразом улиц будущих многоуличных сел, местечек и городов. Развивались они и на основе растущих бессистемных деревень. Появление их в пореформенный период явилось результатом прекращения роста поселений за счет внутренних разделов. Дальнейший рост был возможен лишь за счет строительства новых улиц. Новые дворы ставились на пригуменьях, образуя улицу, параллельную старой [61]. Если усадьбы строились в глуби надела (друг за другом), то получалась улица, перпендикулярная основной. Многоуличная структура крупных сел часто определялась площадью — центром, где стояли церковь, корчма, общинный амбар, и рынком. Из таких сел могли в будущем формироваться местечки. Бурный рост многоуличных поселений начинается в XX в. Они оказались перспективными, так как соответствовали функциональному зонированию поселений (торговая зона, общественная, административная, хозяйственная, жилая) и обеспечивали компактность застройки. По сравнению с деревней-односторонкой или двусторонкой это качественный скачок, ибо последние не могли развиваться иначе, как растягиваясь на несколько верст [62].

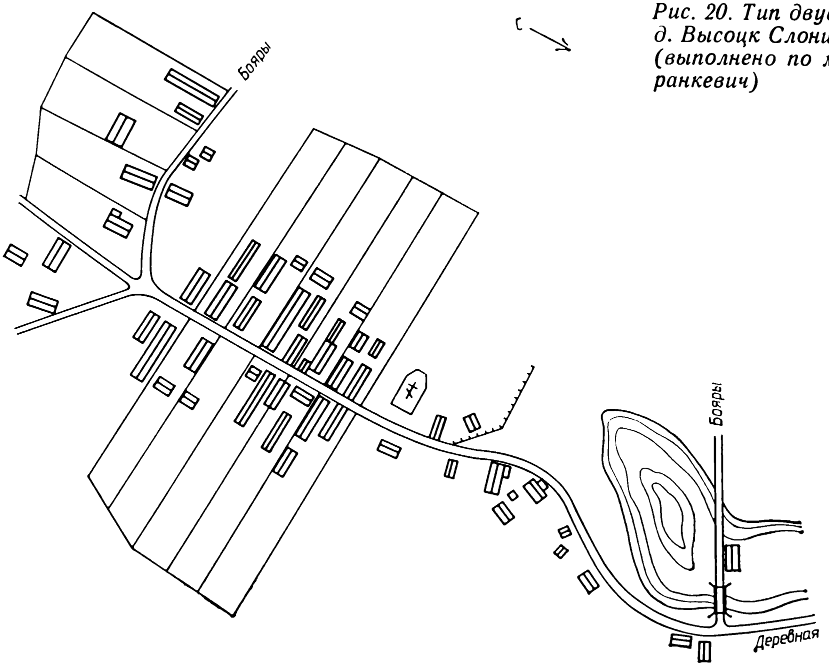


Рис. 20. Тип двусторонней деревни. д. Высоцк Слонимского р-на (выполнено по материалам Е. Н. Каранкевич)

---

[61] Гуркоў У. С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі. С. 17.

[62] Данное обстоятельство было одной из причин непопулярности царских указов среди крестьян, которые неохотно строились по новым планам. См.: Введенская А. Г. К истории

Особенностью планировки многоуличных поселений Полесья является их центричность. Улицы имеют общую точку пересечения. Обычно на этом месте стоит мемориальный знак: один-два креста, обнесенных низкой оградой. Пересекались две основные улицы. Часто к главной примыкает второстепенная, образуя с ней Т-образный перекресток. В крупных селах улицы могут создавать планировку радиального характера (деревни Мотоль Ивановского, Ремель Столинского, Телеханы, Бытень Ивацевичского, Копаткевичи Петриковского, Лозки Калинковичского р-нов и др.).

Многоуличные поселения средней полосы республики и Понеманья отличаются развитой центральной частью (так называемая планировка погостного типа[63]). Улицы сходятся к площади, на которой стоят церковь или костел, волостная управа (гмина), корчма, школа (деревни Сухари Могилевского, Дараганово Осиповичского, Бобовня Копыльского, Городище Барановичского, Дворец Дятловского, Кремяница Зельвенского, Доброволье Свислочского р-нов и др.). Формированию поселений этого типа способствовали наличие торговых путей, более высокий уровень урбанизации, особенно на Поне-

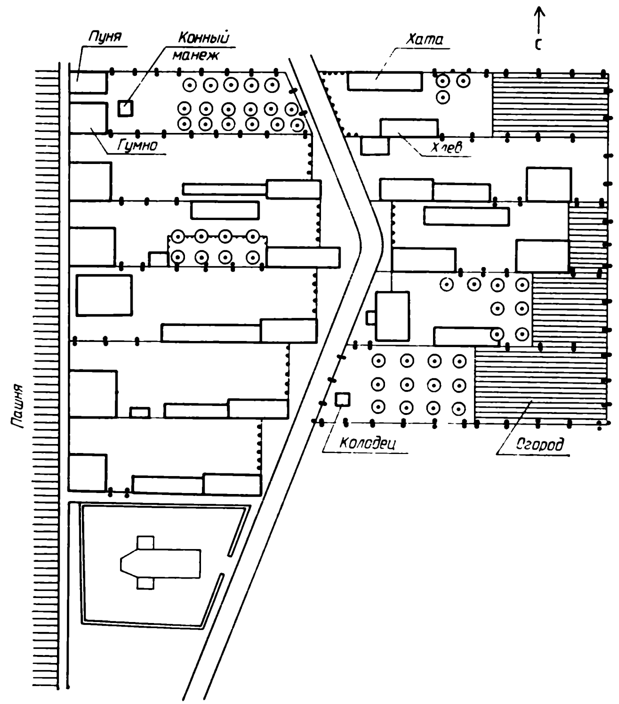


Рис. 21.
Волочная структура в планировке понеманского поселения.
Нач. XX в.
д. Селевичи Слонимского р-на
(выполнено по материалам Е. Н. Каранкевич)

планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в.: Сб. ст. по истории СССР XIX в. // Тр. ГИМа. М., 1941. Вып. 15. С. 77—120.

[63] Термин применен Е. Э. Бломквист для характеристики поселений со свободным пространством, площадью в центре. См.: Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 45.

манье с его большим количеством местечек, плотностью населения и городов, сетью железных дорог, сравнительно ранним развитием мануфактурного производства, а позднее и промышленности.

Кроме погостного, в центральной части Белоруссии известны многоуличные поселения иного типа, сформировавшиеся из густо расположенных небольших поселений на заболоченной территории. Примером может быть д. Подоресье Стародорожского района. Главная улица идет параллельно реке Орессе по левому ее берегу. К ней непосредственно примыкает ряд перпендикулярных ей и продолжающих ее улиц, причем некоторые расположены со значительным отрывом от главной (рис. 23). В прошлом территория деревни была сильно заболочена. На месте старых болот ныне торфяные коллекторы. Главная улица находится на сухом, дренированном рекой участке. Правобережные концы примыкают к песчаным холмам лесного массива. Деревни Волочаевка и Причепиловка были совершенно отделены пространством болот как от поселения, так и друг от друга. Интерес представляет наличие в центре короткого, параллельного главной улице отростка, некогда упиравшегося прямо в болото, идущего по месту бывших пригумений главной улицы. Вероятнее всего, данное многоуличное поселение сформировалось из небольших разделенных болотами деревень — теперешних улиц и концов деревни. Подтверждением может быть наличие в окрестности Подоресья и поныне малодворных деревень: Корытище, Красное, Углы. В междуречье Орессы и Птичи существует еще ряд подобных поселений: Жилин Брод Слуцкого, Щитковичи, Положевичи, Макаричи Стародорожского районов, в бассейне Березины — Морховичи Кировского, Михалево Бобруйского районов и др. Описанный тип многоуличных поселений особенно интенсивно начал форми-

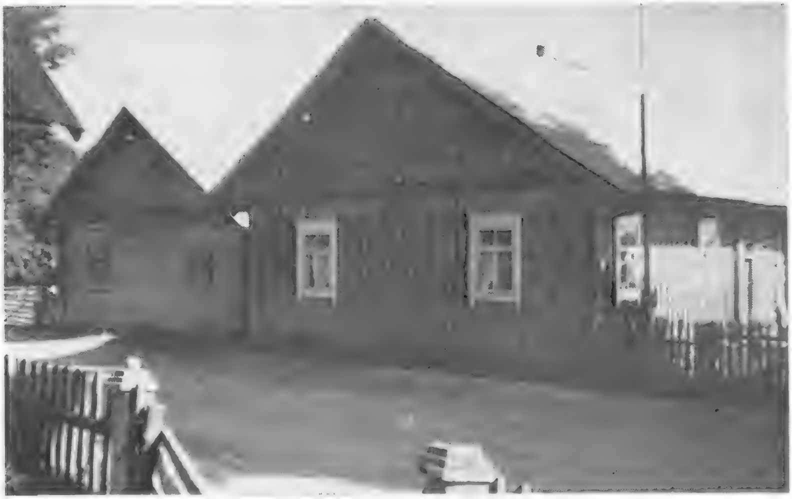


Рис. 22. Фрагмент улицы с уплотненной застройкой. д. Спонды Островецкого р-на

роваться с распространением мелиорации. Отдельные дворы и деревеньки, затерянные в болотах, переносились в центры колхозов и совхозов, крупные деревни.

улицу (деревни Дворчаны Поставского, Волколата Докшицкого р-нов). Некоторые многоуличные поселения состоят из отдельных групп дворов с трудноулавливаемой связью между ними.

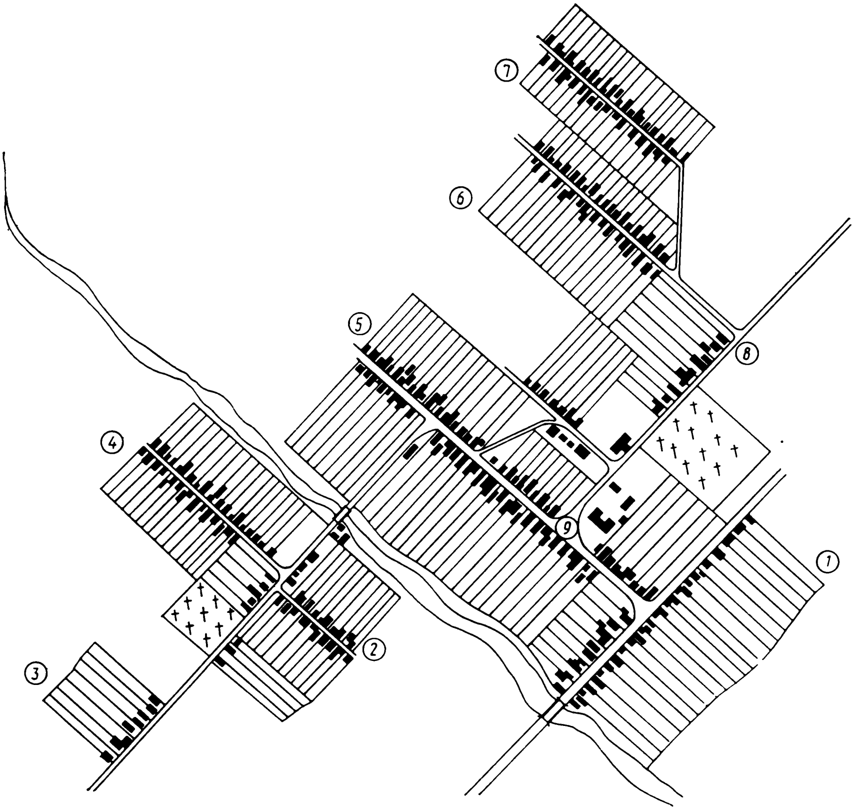


Рис. 23. Многоуличная деревня в Центральном регионе. д. Подоресье Стародорожского р-на:
1 — Каменка, 2 — Зыковец, 3 — Козланский конец, 4 — Заречье, 5 — Жабин Кончик, 6 — Волочаевка, 7 — Причепиловка, 8 — Драженское, 9 — центр

Многоуличные поселения Белорусского Поозерья несут на себе отпечаток планировочного принципа бессистемных деревень — иррегулярности. В отдельных случаях поселение может иметь развитый центр (д. Комаи Поставского р-на) или доминирующую

В структуре многоуличных поселений Поднепровья заметно влияние особенностей ландшафта и трассировки дороги (д. Сычевка Мстиславльского р-на) (рис. 24), сохранившиеся черты бессистемности (д. Коротьки Кормянского р-на) и развитие застройки во-

Рис. 24.
Односторонняя и двусторонняя застройка в поселении Восточного Поднепровья. д. Сычевка Мстиславльского р-на

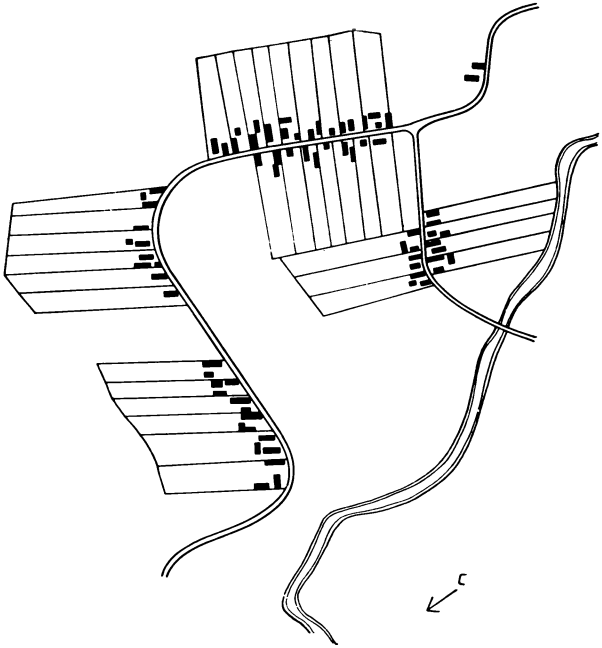


Рис. 25. д. Белявка Чечерского р-на

круг планировочного центра (д. Великая Грива Чечерского р-на) (рис. 25—27). Количество таких деревень преобладает в южной части региона, на насыщенных поселениями осях (рис. 28).

В различных регионах встречаются многоуличные поселения квартальной планировки (рис. 29). Как правило, это пришедшие в упадок местечки. Центральная часть д. Белица Лидского района застроена культовыми, общественными и торговыми сооружениями. Вокруг нее есть кварталы двусторонней застройки. Квартальные поселения развивались на основе веночных деревень в результате уже отмечавшейся застройки по пригуменьям.

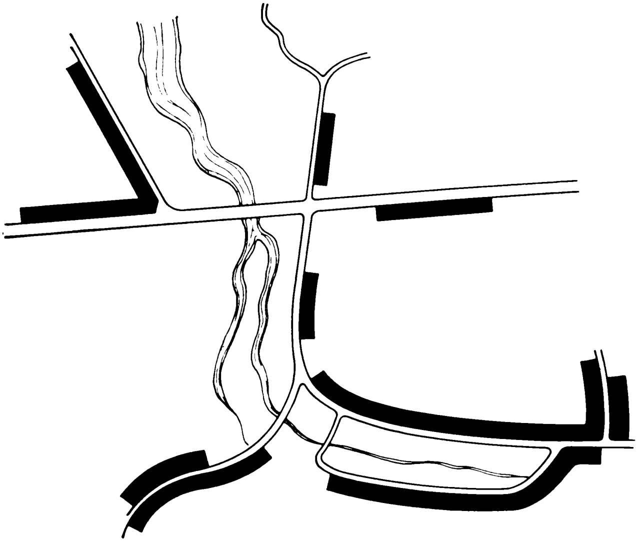


Рис. 26. Развитие многоуличной деревни из бессистемной застройки в Южном Поднепровье. Схема д. Коротьки Кормянского р-на

Как тип поселения многоуличная деревня оказалась наиболее перспективной, соответствующей современному функциональному зонированию (зоны общественно-культурного центра, колхозного управления, отдыха, общественного транспорта, хозяйственная, производственная, жилая). В настоящее время разработана целая система генеральных планов, в которых органически учтен и опыт традиционной планировки, ландшафт, транспортные, хозяйственные, климатические, жилые, социальные и бытовые особенности, характерные для поселений различных регионов Белоруссии.

Общие и региональные особенности сельских поселений Белоруссии представлены в форме типологической схемы (приложение, табл. 2). При систематизации планировочных типов учтен еще один немаловажный фактор — пространственная характеристика планировочной структуры. В соответствии с ней планировочные типы объединены в две группы: линейные поселения (одно-, двусторонки) и пространственные (бессистемные и многоуличные). Учет этого фактора позволяет избежать дублирования и наложений в характеристике типов, вытекающих из их общих особенностей.

В типах сельских поселений проявляется тесная взаимосвязь народного зодчества белорусов и русских, украинцев, литовцев, латышей, поляков. Полоса линейных поселений тянется на огромном пространстве Европейской равнины: от Одера, через Белоруссию и до Урала, захватывая значительную часть Прибалтики и Украины. Региональные отличия в структуре сельских поселений позволяют выявить крупные межэтнические ареалы их бытования. Так, например, в такой ареал объединяются уличные деревни Белорусского и Украинского Полесья (Припятский ареал), которые формировались на узких греблях, на стесненных болотами и лесами участках, вдоль рек, лесных опушек, дорог[64]. Они отличаются протяженностью, узкими улицами, высокой плотностью погонной застройки.

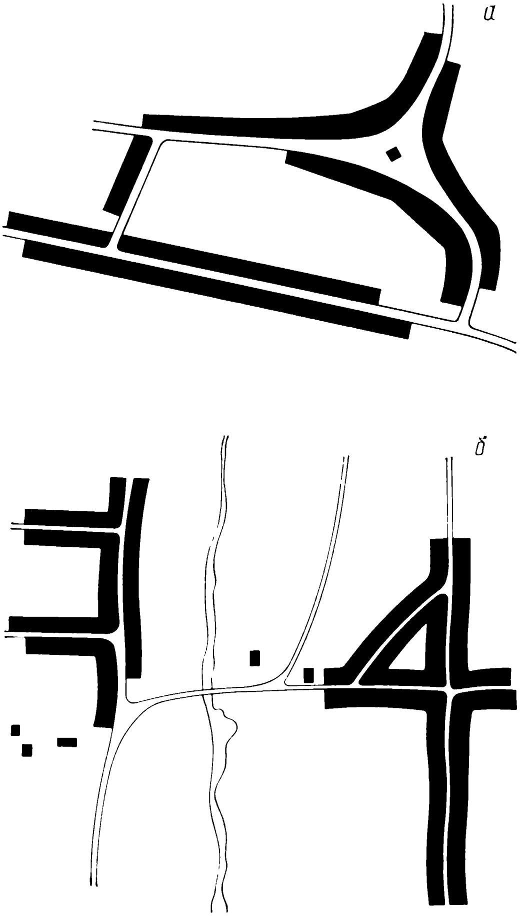


Рис. 27. Многоуличное поселение в Южном Поднепровье:
а — д. Великая Грива Чечерского р-на;
б — д. Рудня Бартоломеевская Чечерского р-на

Уличные деревни Литвы и Белорусского Понеманья образуют свой ареал, определяемый географически долинами Немана и Вилии — Нярнса (Неманско-Нярисский ареал). Здесь структурообразующую роль играют не столько природные факторы, сколько дороги, перекрестки. Поэтому планировка поселений ареала отличается вариабельностью, склонностью к образованию многоуличных структур. Преобладающей является двухрядная застройка[65]. Поселения средней полосы Белоруссии имеют много общего с поселениями Смоленщины и Брянщины (Среднебелорусский ареал): широкие улицы, невысокая плотность застройки, преобладание дворов с несвязанными постройками. Основным структурообразующим фактором и здесь являются коммуни-

---

[64] Беларускае народнае жыллё. С. 15—19; Самойлович В. П. Українське народне житло (кінец XIX — початок XX в.). С. 9—13; Витов М. В. О классификации поселений // Сов. этнография. 1953. № 3. С. 27—37; Козакевич М. З. Типы поселень в Українськом Поліссі // Матеріали з етнографії та містецтвознавства. Київ, 1959. Вып. 5. С. 9—26; Стельмах Г. Ю. Поселення, двір, житло.

[65] Литовское народное зодчество. Вильнюс, 1968. С. 5—11.

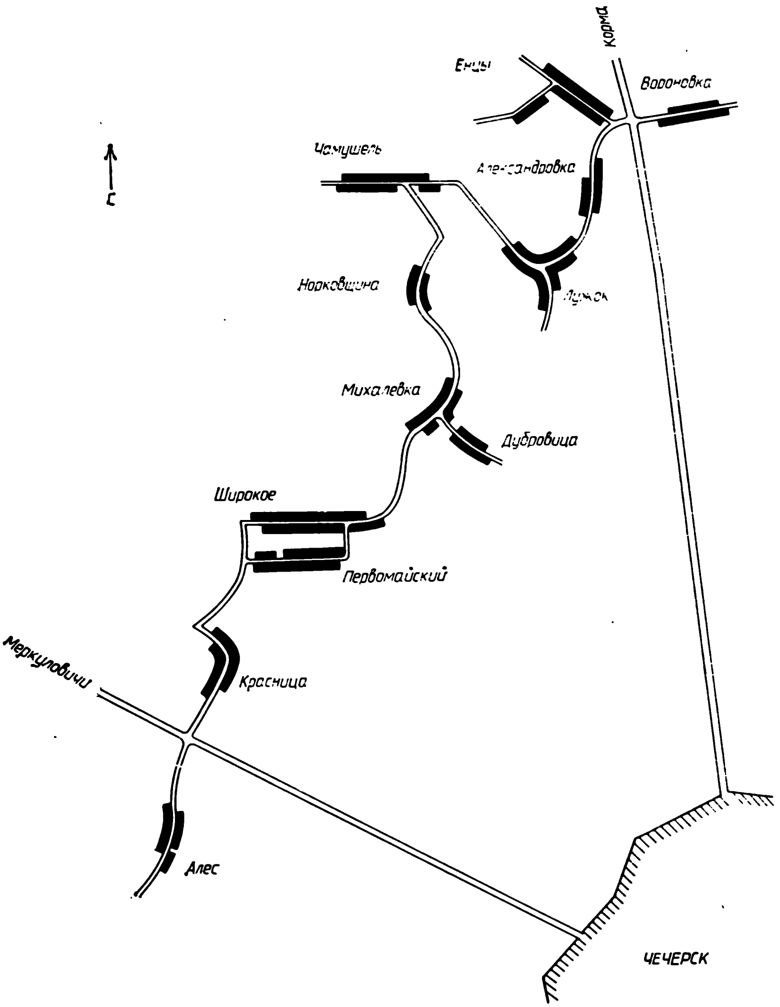

Корма
Енцы
Вороновка
Чамушель
Александровка
С
Норковщина
Лужок
Михалевка
Дубровица
Широкое
Первомайский
Меркуловичи
Красница
Алес
ЧЕЧЕРСК

Рис. 28. Топографическая схема поселений северо-западной части Чечерского р-на

кации, что приводит подчас к сложным планировочным решениям [66].

Поселения Западного Полесья и Подляшья (Польша) длительное время формировались в единых исторических и природно-климатических условиях на значительной территории от Вислы до Припяти (Висло-Бугский ареал), что отразилось на общности особенностей их структуры.

Своеобразный ареал (Западнодвинский) образуют поселения Белорусского Поозерья и Латгалии. Бессистемность, сформировавшаяся в сложных географических условиях пересеченной местности,— главная отличительная его особенность. На специфику здешних поселений оказала влияние, как уже отмечалось, и веночная дворовая застройка. По типам поселений указанный ареал отличается четкостью границ, целостностью [67].

---

[66] Маковецкий И. Б. Архитектура русского народного жилища. М., 1962. С. 17—19; Станюкович Т. В., Рождественская С. Б. Поселения и жилища.

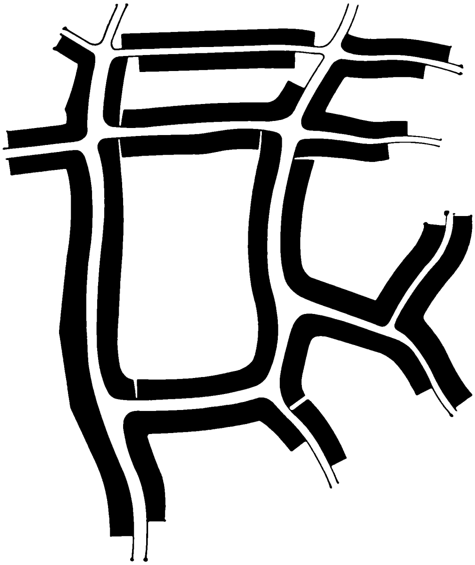


Рис. 29. Поселение с квартальной планировкой в Южном Поднепровье. д. Будище Чечерского р-на

За многовековую историю сельские поселения Белоруссии прошли сложный путь, достигнув в своем развитии уровня, который может служить современным потребностям села, может быть использован в его социалистическом преобразовании. Лучшие традиции структурного формирования белорусского села развиваются, определяя разумные пределы урбанизации, вызывающей в некоторых случаях искажение сельских структур, образа села, приводящей к образованию урбанистических конгломератов. Всем историческим развитием белорусское село доказало право на будущность [68].

МЕСТЕЧКИ

Специфика местечек как типа поселения, имеющего своеобразную, сложную структуру, требует отдельного рассмотрения. Имеется некоторый опыт научного осмысления их генезиса и развития, в частности социально-экономические причины возникновения и характеристика типов исследованы В. С. Гурковым [69]. Местечко и подобные ему поселения хорошо известны не только славянам, но и народам Западной Европы. Слово «местечко» — уменьшительная форма общеславянского «место» — город. Возникновение местечек на территории Белоруссии относится к XV—XVI вв. и связано с появлением возле крупных феодальных вотчин торгов вследствие распространения денежной ренты. Крестьяне для приобретения денег вынуждены были продавать часть продуктов и ремесленных изделий. Постепенно торги стали превращаться в межгородские торгово-посреднические центры, втягивающие в сферу торговли широкие слои населения. Налог за продажу товаров на ярмарках шел в пользу казны, поэтому феодалам первоначально запрещалось строить частновладельческие местечки

---

[67] Сельские поселения Прибалтики. М., 1971.

[68] Беларускае народнае жыллё. С. 7—23, 99—125; Соколовский В. Э., Алимов Р. Н. Архитектура нового белорусского села. Мн., 1979.

[69] Гуркоў У. С. Асноўныя традыцыйна-гістарычныя тыпы сельскіх пасяленняў Беларусі. С. 12—14; Польскі С. А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР. Мн., 1973.

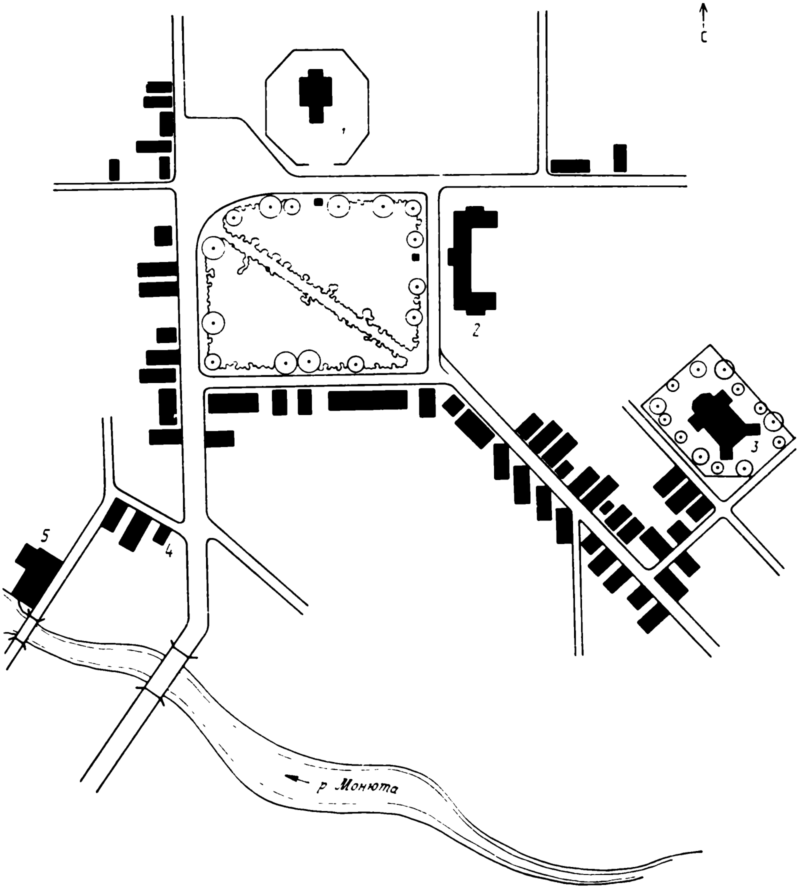


Рис. 30. Схема местечка Лужок Шарковщинского р-на

без разрешения великого князя или короля. Дабы поборы с торговли пополняли королевскую казну, во избежание конкуренции запрещалось создавать торги ближе чем за три мили от королевских местечек. Бурное их распространение начинается после 1588 г., когда шляхта добилась ликвидации ограничений на строительство частновладельческих местечек. Большинство их возникло в период с конца XVI до начала XVII в. Жители, решившие строить и селиться в местечках, освобождались на несколько лет от натуральных и денежных повинностей [70].

---

[70] Aleksandrowicz S. Miasteczka Białorusi i Litwy jako ośrodki handlu w XVI i połowe XVII w. // Rocznik Białostocki. 1961. T. 1. S. 61—127; Он же. Kierunki produkcji rzemieślniczej i przemysłowej w miasteczkach Białorusi i Litwy (XVI — do połowy XVII w.) // Zeszyty naukowe UAM. Historia. Poznań, 1964. Z. 6. S. 23—54; Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонах Киев, 1901; Пичета В. И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

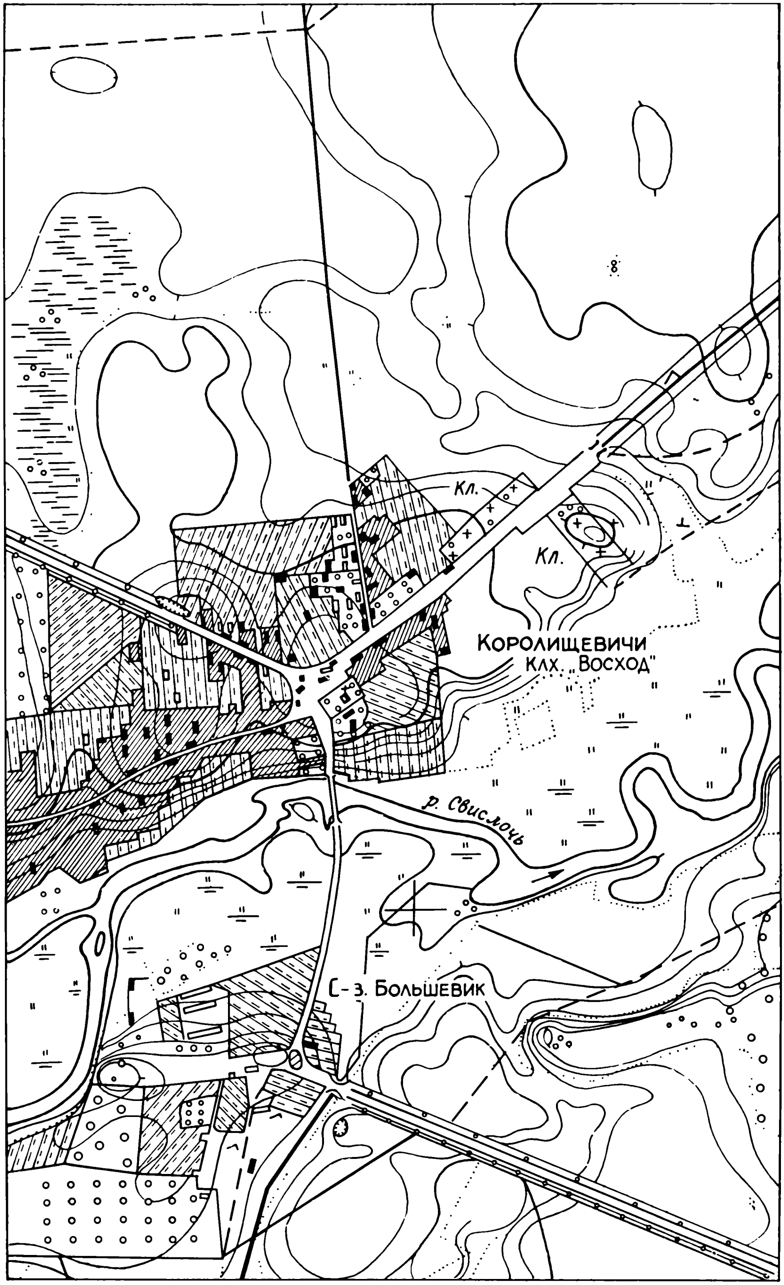

Кл.
Кл.
КОРОЛИЩЕВИЧИ
КЛХ. „ВОСХОД"
р. Свислочь
С-з. БОЛЬШЕВИК

Рис. 31. Местечко Королищевичи под Минском. 30-е гг. XX в. ЦГИА БССР

Первые местечки возникли возле замков или строились вместе с ними (Иказнь, 1504, Дисна, 1566), возле монастырей на церковных землях (Жировичи, 1643). В XVI в. многие из них вырастают на основе крупных деревень (Мотоль Ивановского (1554), Дивин Кобринского (1566), Станьково Дзержинского (1585) р-нов и др.), вдоль крупных дорог (Нача Вороновского, Барань Оршанского, Старобин Солигорского р-нов). В обязанности их жителей входило строительство постоялых дворов и корчем, обслуживание проезжих.

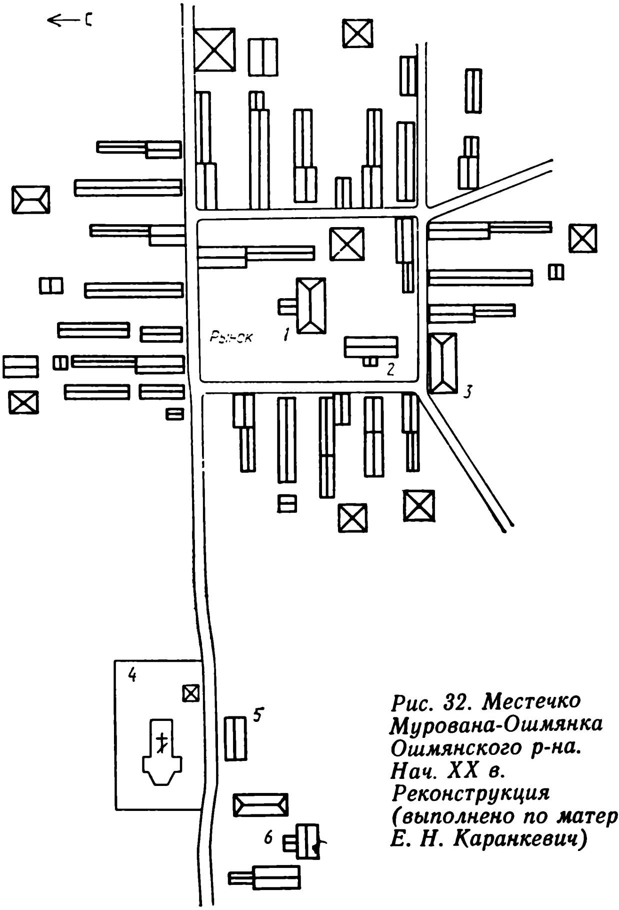


Рис. 32. Местечко Мурована-Ошмянка Ошмянского р-на. Нач. XX в. Реконструкция (выполнено по материалам Е. Н. Каранкевич)

В отличие от деревни, села местечко имело сложный социальный состав населения. Его жители (мещане) не всегда пользовались статусом горожан. Нередко им приходилось держать хозяйство, двор, выполнять крестьянские повинности. В основном это были ремесленники, торговцы. Они заселяли, как правило, центральную часть или районы, примыкающие к торговой площади[71].

Многие местечки в процессе исторического развития и под влиянием социально-экономических факторов стали городами (Вилейка, Поставы, Клецк, Червень, Зельва, Мосты). Некоторые, наоборот, в результате перемещения центров и торговых путей — селами (Погост Березинского, Нача Вороновского, Мотоль Ивановского, Новый Двор Щучинского, Дворец Дятловского р-нов и т. д.). Функцию торгового посредника между городом и деревней местечки выполняли до конца XIX в. Рост промышленности и транспорта, изменение масштабов межгородских торговых и экономических связей и рост самих городов лишили местечки их важного функционального значения[72].

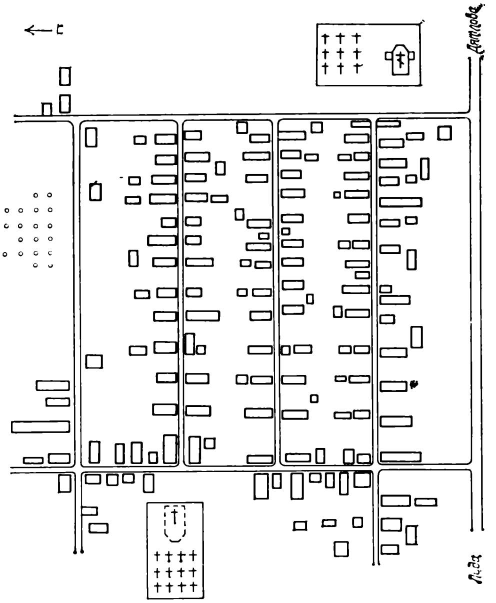


Рис. 33. Местечко с ампирной планировкой. д. Белица Лидского р-на (выполнено по материалам Е. Н. Каранкевич)

Общенациональные особенности белорусских местечек конкретно могут быть охарактеризованы через систему структурообразующих факторов, определяющих их общие географические, исторические и планировочные признаки. Первую группу географических факторов составляли: наличие воды и источников питания (рыба, водоплавающие птицы), условий естественной защиты. Древние местечки строились в низинных, заболоченных местах (Волколата Докшицкого, Дивин Кобринского, Мотоль Ивановского р-нов и т. д.). Их относят к так называемому болотному типу. Окружающая среда сильно влияла на характер поселений, стоящих на берегах крупных рек и озер,— портовых местечек (Новый Свержень Столбцовского р-на на Немане, Друя Верхнедвинского р-на на Западной Двине, Браслав в низине, среди пяти озер). Позднее местечки начали строить на границах пойменных террас, мысах и водоразделах (Негневичи Новогрудского, Рубежевичи Столбцовского, Деречин Зельвенского, Желудок Щучинского р-нов). Это местечки суходольного типа[73].

Другую группу факторов образовывали виды сообщения и связи между местечками — коммуникации (дороги, водные пути). Они определяли планировочные типы местечек: одноуличные, двух- и трехуличные, многоуличные.

---

[71] Aleksandrowicz S. Zaludnienie miasteczek Litwy i Białorusi w XVI i pierwszej połowe XVII wieku // Rocznik dziejów spolecznych i hospodarczych. S. 36—67.

[72] Польскі С. А. Нарысы геаграфіі гарадоў Беларускай ССР.

[73] Тэматико-экспозиционный план сектора «Местечко». Мн., 1981.

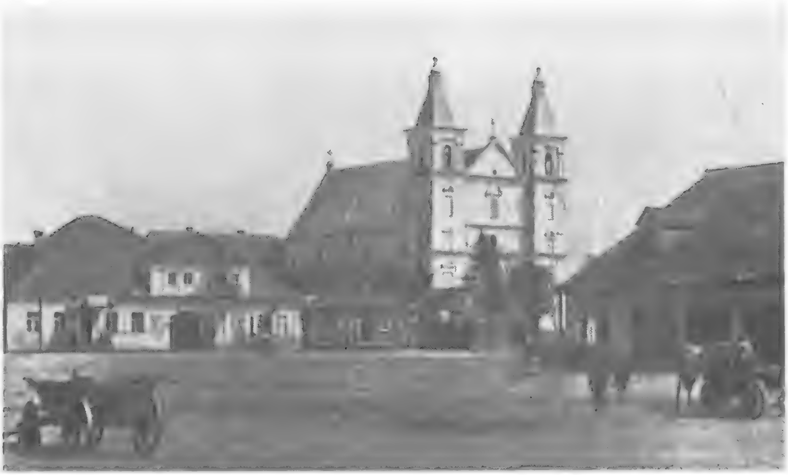


Рис. 34. Клецк. Нач. XX в. ЦГИА ЛитССР

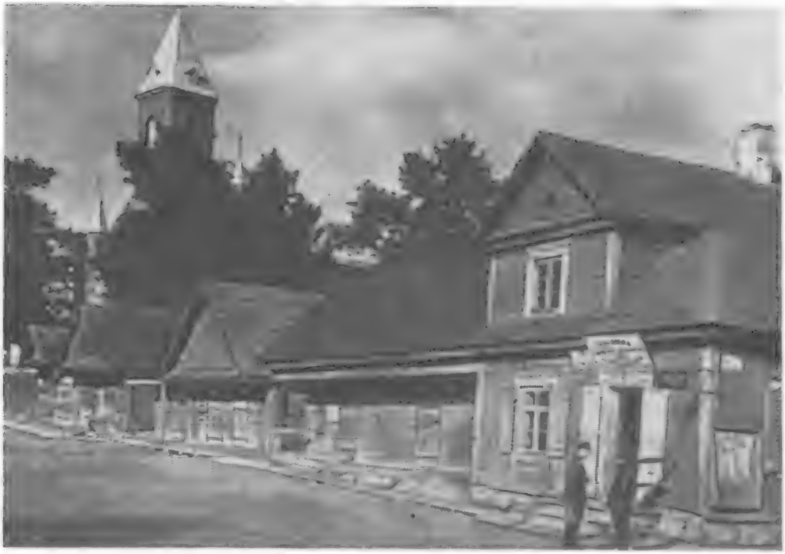


Рис. 35. Браслав. Нач. XX в. ЦГИА ЛитССР

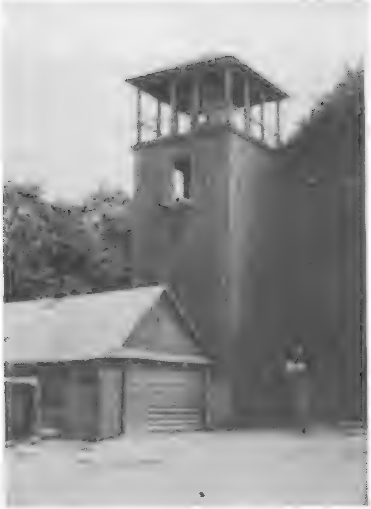


Рис. 36. Пожарная каланча.
г. Несвиж

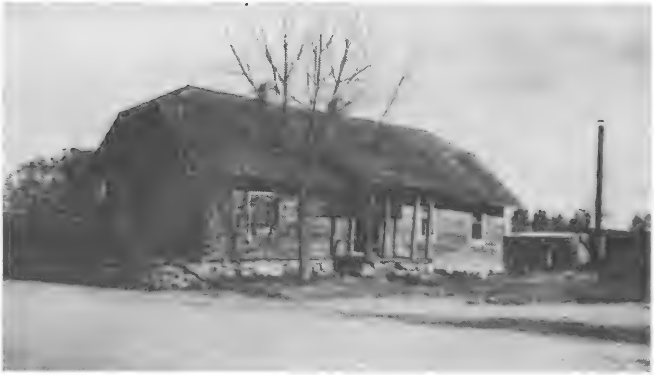


Рис. 37. Дом-лавка.
Нач. XX в.
д. Волколата
Докшицкого р-на

К первым можно отнести Селибу Березинского, Холопеничи Крупского, Трокели Вороновского районов. Ко вторым — Ошмяны, Любчу Новогрудского района. Признак, отличающий местечко от сельского поселения,— наличие площади. В простейшем случае это было уширение дороги, улицы, незастроенная территория между двумя параллельными улицами.

Своеобразная планировка складывалась у местечек, застройка которых велась без определенного плана. Это группа так называемых позаклассификационных местечек (Слоним, Леонполь, Острино).

Общенациональные особенности белорусских местечек проявляются в ряде их исторических признаков. Структура их формировалась целенаправленной деятельностью человека в условиях различных исторических и культурных эпох. Эпохой формирующихся народностей средневековой Европы была готика. На территорию Белоруссии она пришла несколько позднее, и отголоски ее продолжали жить в последующие века, наиболее ярко в архитектуре. Готические местечки Западной Европы отличались новым качеством в планировке — регулярностью, сочетающейся с компактностью застройки, радиальным направлением улиц. В Белоруссии они сформировались позднее и имели свои особенности. В их планировке преобладает линейный характер. Динамизм линии противопоставляется статике круга. Идеальной схемой белорусского готического местечка является площадь, к сторонам которой по касательной подходят улицы (Пинск, Новый Двор Щучинского, Скидель и Острино Гродненского, Белица Лидского р-нов и др.) (рис. 30—33).

С XIV—XV вв. начинается эпоха Ренессанса. Зарождающиеся в недрах феодализма буржуазные отношения вступают в борьбу с феодально-дворянским абсолютизмом. Демократия вместо монархии, знания вместо религии, техника вместо примитивного ручного труда — главные девизы новой эпохи. Формируется новое мировоззрение, в основе которого лежит гуманистическая направленность в отношении к человеку и обществу. В зодчество начинают проникать черты античной архитектуры. В планировке западноевропейских местечек угадываются элементы римских оборонительных лагерей: оси главных улиц пересекаются в центре площади, подчеркивается центричность, исчезают характерные для готики острые углы, ломаные линии, площадь и кварталы стремятся к правильным формам. В структуре белорусских местечек Возрождение обрело воплощение преимущественно в архитектуре отдельных зданий и ансамблей, в планировке оно отражения не получило. Регулярное строительство на основе плана в Белоруссии практиковалось еще недостаточно широко, преобладали традиционные приемы застройки, отвечающие привычным бытовым и хозяйственным условиям.

XVII—XVIII века характеризуются обострением социальных противоречий, уходом к дворянско-помещичьему идеализму. Аристократия стремится обрести спасение в мире романтики и мифов. Растет стремление к роскоши. Строятся дворцы; интерьеры, мебель приобретают вычурные формы. Так начинается эпоха барокко. В барочных местечках композиционным звеном становится магнатская усадьба (Щучин, Поставы, Ворняны, Желудок). Примером может быть застройка Постав во 2-й половине XVIII в. Тизенгаузом[74].

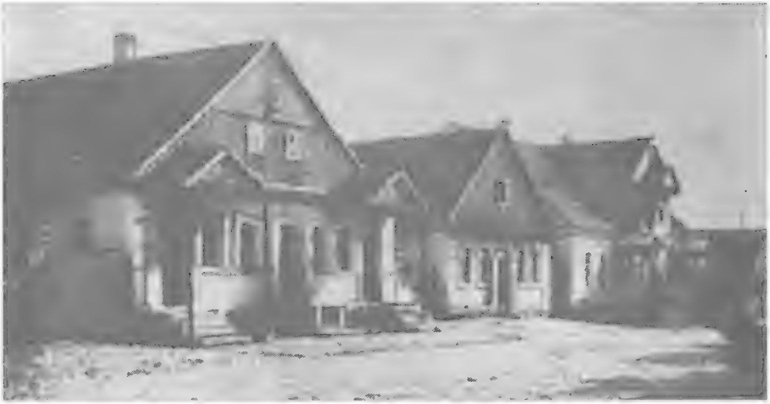


Рис. 38. Застройка улицы в Гольшанах. С фотографии нач. XX в.

Как уже отмечалось, в XVIII—XIX вв. в России издается ряд указов, предусматривающих перестройку сельских поселений, городов, местечек[75]. В них приводится примерный характер застройки: внешний вид планировки, перечень административных зданий, культовых сооружений, торговых и т. д. Даются рекомендации по застройке улиц, предлагаются варианты с квартальным характером застройки. Местечки такой структуры получили название ампирных по господствовавшему в тот период стилю в русском зодчестве.

---

[74] Квитницкая Е. Д. Строительство Тизенгауза в Поставах // Архитектурное наследство. 1961. № 3.

[75] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки.. С. 50—56.

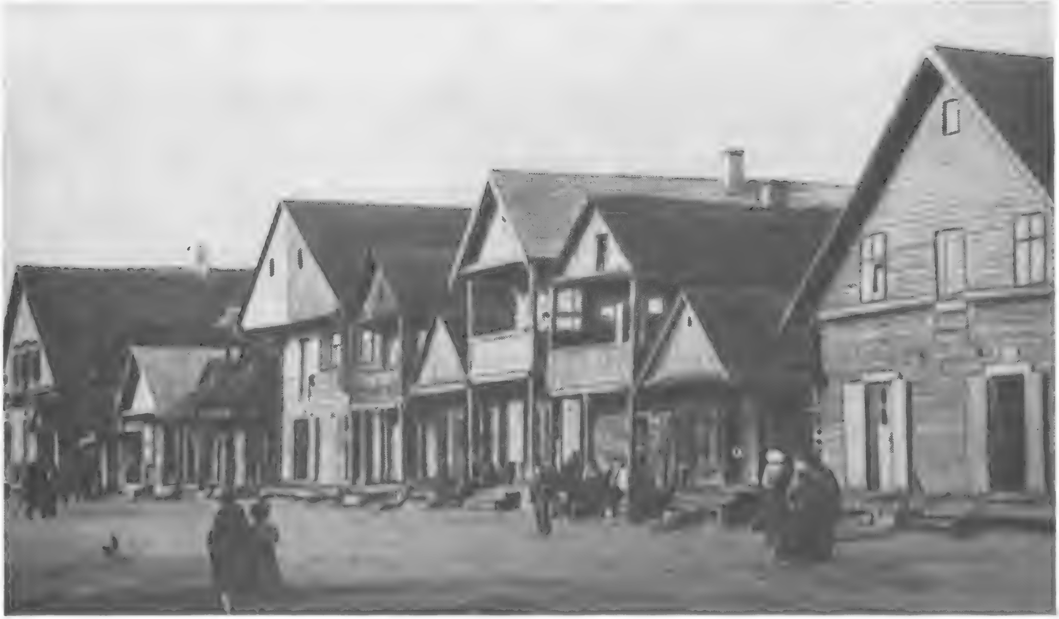


Рис. 39. Дома-лавки в понеманском местечке Белица. С фотографии нач. XX в.

Ряд ампирных местечек появляется в Белоруссии (Барановичи, Вилейка и т. д.) (приложение, табл. 3.).

Застройка местечка любого типа (особенно его центральной части) определялась комплексным размещением ряда сооружений: торговых рядов, церкви, костела (мечети, синагоги), ратуши (если местечко имело магдебургское право), волостной управы (гмины), школы, постоялого двора, корчмы, иногда пожарной каланчи (Докшицы, Быхов) (рис. 34—36). Застройка улиц и концов формировалась лавками, шинками, крамами, мастерскими, жилыми домами мещан (рис. 37). Общей особенностью белорусских местечек является высокая плотность застройки. Лавки, крамы, жилые постройки соприкасались крышами, крыльца домов выходили прямо на улицу[76] (рис. 38—40). Стремление к максимальной уплотненности отражается и на планировке мещанских построек — домах-лавках, соединяющих жилье торговца-ремесленника с торговым помещением (Трабы Ивьевского, Раков Воложинского, Долгиново Вилейского, Ситцы Докшицкого р-нов и др.). По этой же причине дома-лавки часто строились в два этажа (Новогрудок, Ивенец Воложинского, Погост Березинского р-нов и др.). Полезная площадь увеличивалась за счет балкончиков и галерей, мансард (Белица Лидского, Гольшаны Ивьевского р-нов). Если площадь участка позволяла, то во дворе стояли клеть, один-два хлева (многие торговцы и ремесленники держали коз). Плотность застройки резко падала в периферийных районах местечка. Там в основном жили крестьяне, батрачившие у торговцев. Их дворы стояли свободнее, имели больший набор хозяйственных построек. Когда-то в местечках на въездах со стороны главных дорог стояли заставы со шлагбаумом.

---

[76] Kłosy. 1937. N 27.

Помимо общих местечкам Белоруссии свойствен ряд особенностей, разделяющих их на два обширных региона: западный и восточный. Граница между ними проходит приблизительно по линии Верхнедвинск — Миоры — Глубокое — Докшицы — Вилейка — Красное — Раков — Рубежевичи — Станьково — Узда — Бобовня и далее на юг, через Ганцевичи на Лунинец. Рассмотрим эти особенности конкретно для каждого из регионов, начиная с западного.

Западнобелорусские местечки были преимущественно многоуличными, с центричной планировкой (площадь в центре), компактными по застройке. Социальный состав населения в основном однородный, здесь жили преимущественно ремесленники-торговцы. Застройка местечковой площади отличалась развитым набором культовых, административных, торговых, увеселительных, гостиничных и прочих сооружений. Они размещались по определенной, ставшей традиционной системе, отклонения от которой были незначительными (непосредственно в центре — торговые ряды или колодец, церковь и костел — на противоположных или смежных сторонах и т. д.). Татарские мечети и еврейские синагоги строили на некотором удалении от площади. Регламентации строить мечети на площадях, действующие в Российской империи, как правило, не выполнялись. Дома-лавки прилегающих к площади улиц двух-, а иногда и трехэтажные имели общий архитектурный стиль, планировку (галереи, балкончики и мансарды, крыши сложной формы, резная пластика и т. д.). В местечках находились производственные («крупадзернi», мельницы, фолюши) или ману-

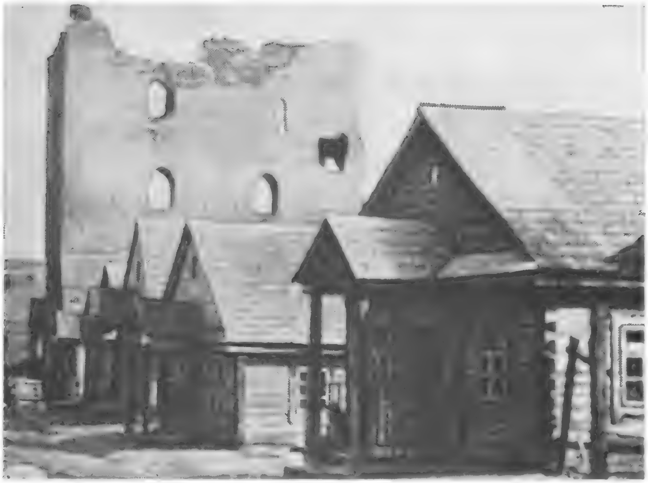


Рис. 40. Местечко Крево. Нач. XX в. ЦГИА ЛитССР

фактурные сооружения, а позднее и мелкие промышленные предприятия по переработке местного сырья (Поставы, Скидель). В западнобелорусских местечках высок процент каменной застройки. Нередко из камня выполняются первые этажи домов-лавок, мастерские (Мир, Новогрудок). Улицы, как правило, имеют каменное и брусчатое мощение (Картуз-Береза). На планировку местечка, раздел его на районы влиял сложный национальный состав населения (белорусы, поляки, евреи, татары, в меньшей степени цыгане). Западнобелорусские местечки были расположены на расстоянии 30—50 км, имели высокий удельный вес в общем количестве поселений, оказывали влияние на формирование дорожно-транспортной сети, отличались общей урбанизированной направленностью (большая часть стала городами), определяемой развитым характером торговли, а также мелкой промышленности, которая концентрировалась не в крупных городах, а рассредоточивалась по местечкам.

Местечки Восточной Белоруссии иного типа. Возьмем, к примеру, местечко Селиба Березинского района, принадлежавшее помещикам Пермяковым. Длинная улица, на одном конце которой живут ремесленники-торговцы, а на другом — крестьяне. В начале нашего века здесь жило 750 ремесленников-торговцев. Кроме обыкновенных мастерских и лавок имелись чайная, две аптеки, мельница. Торговля во время ярмарок шла с телег, расставленных вдоль улицы. Тротуары были вымощены деревянными брусьями. Местечковые крестьяне водили обозы с товарами: из Минска привозили сукно; из Бобруйска — водку, камень, кирпич, соль; из Могилева — промышленные изделия. Часть товаров доставлялась по реке Бобр из Борисова. Упадок местечка начался из-за перемещения центра торговли в Игумен (Червень), Березино. Аналогичными являются местечки Богушевичи Березинского, Велятичи Борисовского районов и др.

Восточнобелорусские местечки в большинстве своем одноуличные, в отдельных случаях имеют Т-образную планировку. Площадь, как правило, отсутствует, ее заменяет уширение улицы. Плотность застройки неравномерна, характер — линейный. Здесь резче выражено социальное расслоение жителей. Набор построек центральной части местечка ограничен. Культовое сооружение одно — церковь. Костелы, мечети, синагоги встречаются реже. Отсутствуют торговые ряды, административные постройки в центрах волостей и уездов, заезжие дома, корчмы. Проезжие останавливались на ночлег у арендаторов (Зембин Борисовского р-на). Определенной системы в расположении общественных построек не прослеживается, некоторые из них могут размещаться на окраине. Дома-лавки по планировке и архитектуре близки сельскому жилью: преимущественно одноэтажные, галереи, балконы, мансарды отсутствуют. Уличный фасад дома-лавки традиционный: в центре дверь и два окна со ставнями по сторонам, или дверь с края, а окна в центральной части (Селиба, Зембин). Производственный сектор ограничивается «крупадзернямі» и мельницами (Крупки, Зембин). Удельный вес местной промышленности в товарообороте невысокий.

Характерной особенностью восточнобелорусских местечек является также деревянный характер их застройки. Камень используется лишь для сооружения подвальных и цокольных этажей (Погост Березинского р-на). В отдельных случаях встречается мощение центральной части (Богушевичи) или обочин — тротуаров (Селиба). Национальный состав населения не столь сложный, как в западнобелорусских местечках, в основном белорусы и евреи, реже поляки. Плотность в системе расселения восточнобелорусских местечек невысокая и неравномерная (от 30—50 до 50—100 км). Соответственно невысок и удельный вес их в общем количестве поселений. Наиболее старые местечки тяготеют к водным путям сообщения (Велятичи на р. Нача, Селиба на р. Бобр). Общей отличительной особенностью восточнобелорусских местечек является их структурно-планировочный характер сельского типа (линейность, отсутствие развитого общественно-торгового центра, мощения, деревянный характер застройки, сильно развитый крестьянский сектор, отсутствие промышленных предприятий), отрицательный баланс в развитии (упадок, утеря статуса местечка и превращение в сельское поселение) (рис. 41, 42).

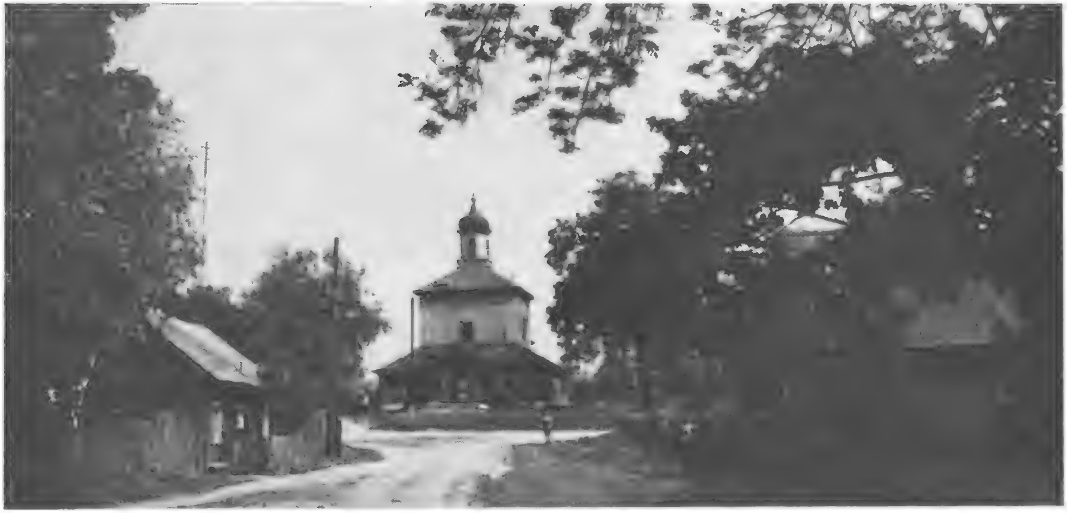


Рис. 41. Застройка местечка в Поднепровье. д. Барань Оршанского р-на

Главная причина различий белорусских местечек в неодинаковом социально-экономическом развитии восточных и западных районов. Последние были экономически более развитыми. В Понеманье процветала торговля. На крупные ярмарки в Зельву или Мир приезжали купцы из-за рубежа. Высокое развитие торговли связано с развитием ремесел. В местечках существовали многочисленные организации (цехи) ремесленников, которые обеспечивали массовое производство изделий. Строительство магнатских резиденций при замках (нередко с участием иностранных зодчих) влияло и на характер расположенного рядом местечка. Появление на Гродненщине в XVIII в. мануфактур усилило городские черты в облике местечек. Определенную роль в этом сыграло проникновение через Польшу элементов западноевропейской архитектуры.

Восточные районы Белоруссии в экономическом отношении уступали западным. Ремесло и торговля развивались слабо, путей сообщения было меньше. Реже были расположены и центры магнатских владений (Крупки Сонгушек, Быхов Сапегов). Отрицательное влияние оказала и редкая сеть крупных городов — источников товаров.

Местечки Белоруссии имеют много общего с местечками Литвы и Северо-Восточной Польши[77]. По планировочной структуре их можно объединить в три группы: центричные, центрично-осевые и осевые. Первая группа, включающая компактно застроенные местечки Понеманья, литовской Жемайтии, Белосточчины, развивалась на основе хозяйственно-экономических факторов — коммуникаций, торговых путей (Друскининкай, Алитус, Сувалки, Августов). Местечки второй и третьей групп зависели от природно-географических условий. Если третья группа в большей степени характерна для Восточной Белоруссии, то вторая спорадически распространена по всему ареалу, сочетая элементы местечковой застройки с элементами сельской (Адутишкис, Мединикай). В развитии местечек четко прослеживается направление урбанизированности с востока на запад. Чем дальше на запад, тем меньше сельских элементов в местечковой застройке. Это явление может быть связано с более ранним переходом сельского хозяйства и торговли на капиталистические рельсы в условиях высокой плотности заселения, особенно в долинах крупных рек (Висла, Одер, Эльба), и густой сети развитых промышленных районов.

В настоящее время бывшие белорусские местечки превратились в города или поселки городского типа, се-

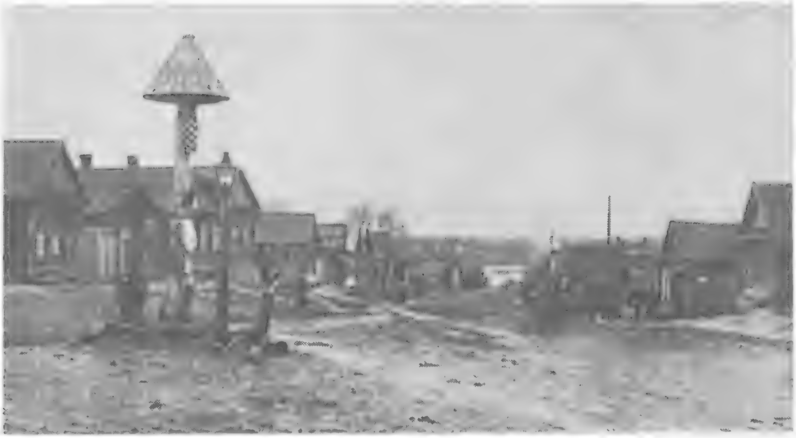


Рис. 42. Вид предместья Слободка в г. Борисове (до 1917 г.). ЦГАКФФД БССР

ла. Распределение их по этим категориям было сделано на основании указа Президиума Верховного Совета БССР от 27 сентября 1938 г. «О классификации населенных пунктов БССР». Сто одно поселение местечкового типа было отнесено к двум первым категориям [78].

---

[77] Rewieńska W. Miasta i miasteczka w połnocno-wschodniej Polsce.

ДВОРОВАЯ (УСАДЕБНАЯ) ЗАСТРОЙКА

ВЕНОЧНЫЕ ДВОРЫ

Архитектура и структура усадебной застройки определялись хозяйственными функциями. Развитие земледелия и животноводства накладывало существенный отпечаток на их развитие наряду с такими факторами, как климатические условия, планировка поселения, этнические традиции и вкус хозяина. Усадьба — это комплекс жилых и надворных построек на участке земли. Функционально она состоит из трех частей: чистого двора — территории, примыкающей к жилым и соседствующим постройкам, хозяйственного двора — денника и территории у хлевов и гумнища, несколько отдаленного и включающего гумно и прочие сооружения. Постройки объединялись в определенные планировочные и объемно-пространственные комплексы — типы дворовой (усадебной) застройки. Советские этнографы выделяют три основных архитектурно-планировочных типа: усадьба с крытым двором, где все жилые и надворные постройки тесно объединены и имеют общую крышу; усадьба с полуоткрытым сверху и замкнутым в плане двором; усадьба с открытым двором [79].

Выделенные группы имеют определенные этногеографические районы бытования.

Первый тип распространен от берегов Ледовитого океана до Среднего Поволжья и представляет собой сочетание разновидностей северорусского и среднерусского дворовых комплексов. Северорусский комплекс — дом-двор — объединяет рубленную из бревен избу на подклети и крытый двухъярусный двор. В нижнем ярусе — помещения для скота, верхнем — для хранения сена, средств передвижения и т. д. В нижний ярус ведут ворота в стене, в верхний — настил-помост (взвоз, или взъезд). Все помещения сообщаются внутри между собой. Архитектура крестьянской усадьбы подобного типа определяется суровыми северными зимами. Она дает возможность почти все хозяйственные функции выполнять в крытом пространстве, не выходя наружу. Дом-двор, или хоромы,— следствие развития плотницкого искусства. Рубленые хоромы XIX — начала XX в. сохранились до нашего времени в Архангельской, Вологодской, Кировской областях, Карелии [80].

Среднерусский комплекс — это усадьба с рубленой избой на невысокой подклети с примыкающим крытым одноэтажным двором. При этом одноэтажный двор рубится с домом в одно целое реже, чем двухэтажный, нередко он ставится рядом с избой. Как и в северных хоромах, изба через сени сообщается с помещениями двора (хлевами), ворота находятся в стене крытого двора.

---

[87] Сборник законов Белорусской ССР и указов Президиума Верховного Совета Белорусской ССР (1919—1967 гг.). Мн., 1968. Т. 1. С. 267—270.

[79] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 61—66, 200—204.

[80] Ополовников А. В. Русское деревянное зодчество. М., 1983.

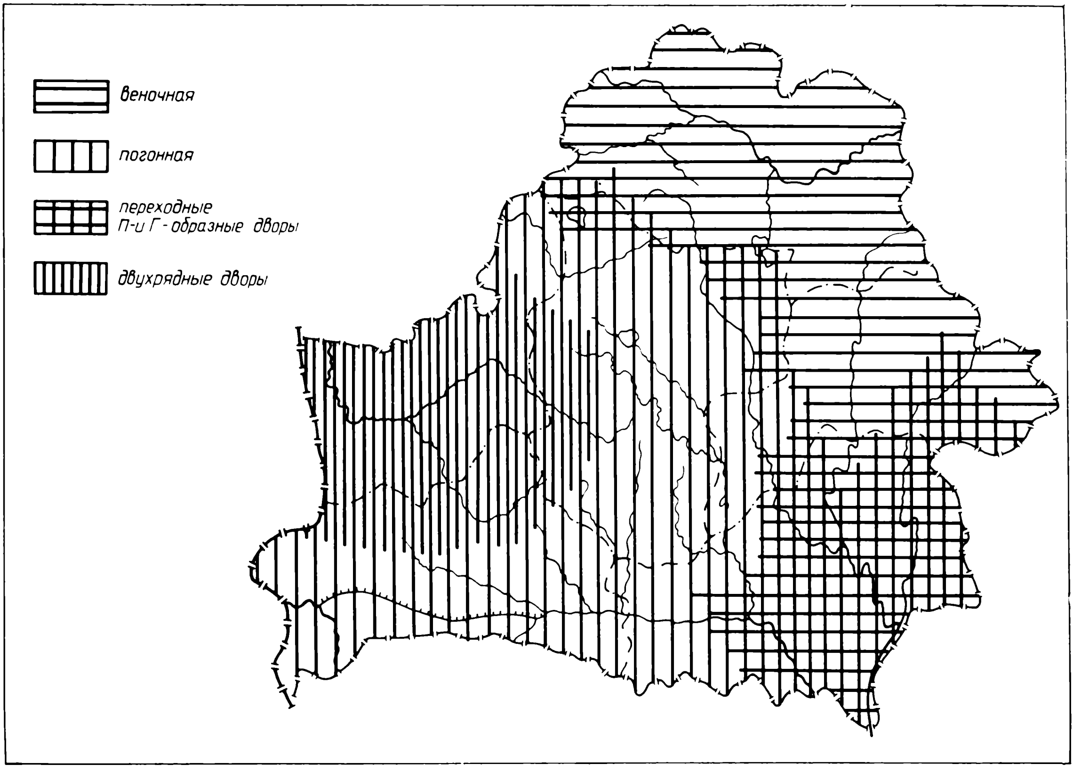


Рис. 43. Типы дворовой застройки. Общие черты

Второй тип застройки распространяется к югу от Псковщины в Московской области через Среднее Поволжье и далее на юг и восток. К избе примыкает открытый двор, в который с улицы ведут двустворчатые тесовые ворота, часто с брамой. Открытая часть двора еще невелика. Часто это просто щель между сходящимися скатами, закрываемыми на зиму щитом (Среднее Поволжье, Московская обл.). По мере продвижения на юг открытая часть двора увеличивается. Торцовыми фасадами к улице выходят изба и хозпостройки. Между ними ворота (брама). В глубине двора обе линии соединяются поветью, через которую осуществляется проход на пригуменье. Такой тип двора часто называют П-образным. Зона его распространения проходит через Витебщину, Смоленщину, Калужскую, Московскую, север Рязанской, Владимирскую, Горьковскую области и далее к низовьям Камы и Вятки.

Южнее, к черноземной полосе РСФСР и полосе лесостепи, господствует четырехугольный открытый двор. Изба ставится к улице не торцовым, а продольным фасадом. Часто в центре открытого двора могли стоять отдельные небольшие постройки (клети).

Третья группа имеет обширный ареал распространения, охватываю-

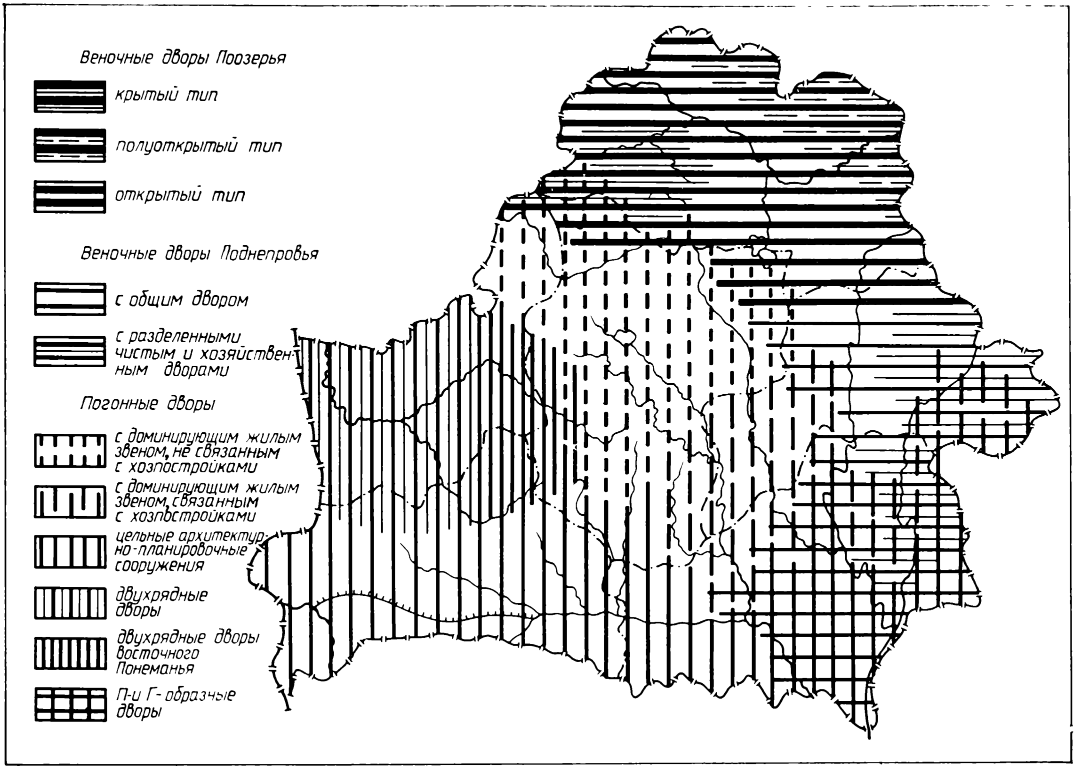

Веночные дворы Поозерья
крытый тип
полуоткрытый тип
открытый тип
Веночные дворы Поднепровья
с общим двором
с разделенными чистым и хозяйственным дворами
Погонные дворы
с доминирующим жилым звеном, не связанным с хозпостройками
с доминирующим жилым звеном, связанным с хозпостройками
цельные архитектурно-планировочные сооружения
двухрядные дворы
двухрядные дворы Восточного Понеманья
П-и Г-образные дворы

Рис. 44. Типы дворовой застройки. Региональные особенности

щий территорию южной Украины, низовья Дона и Волги, Южный Урал и Северный Кавказ. Изба, дворовые строения и повети разбросаны по территории двора, границы которого очерчиваются изгородью (плетнем).

Существует мнение, что белорусская крестьянская усадьба стоит особняком от основных типов[81]. Ее разновидности рассматривают как разновидность П-образного (веночного) двора и погонного двора украинского типа. Очевидно, белорусский крестьянский двор относится к типу открытого двора, из которого в процессе развития сформировались отмеченные выше разновидности и их переходные формы (рис. 43).

Ареал распространения веночного двора охватывает северо-восточную и восточную части республики: Поозерье и Поднепровье. Отдельные исследователи XIX в. воспринимали веночный двор как ординарное явление, характерное для Витебщины[82]. С середины XIX в. веночная застройка отмечается

---

[81] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 65.

[82] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья... С. 257.

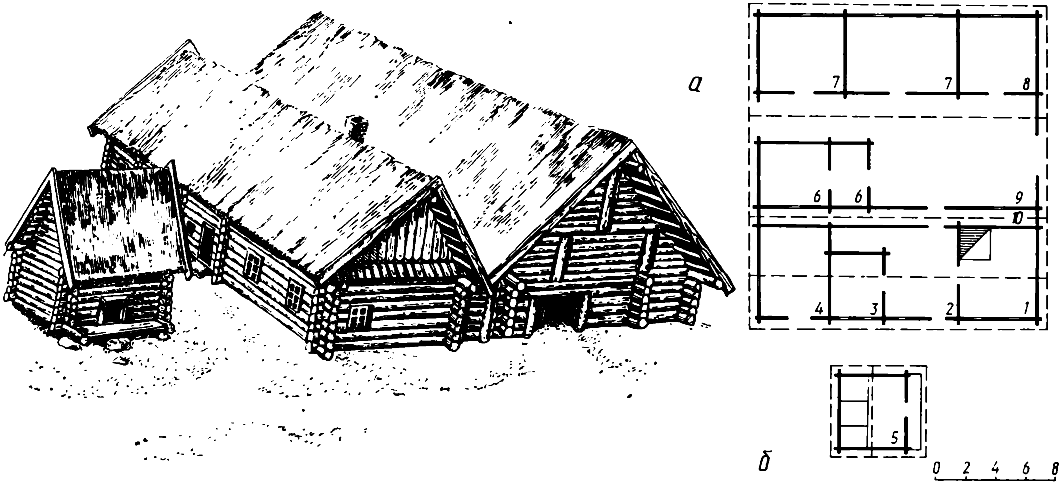

а
7
7
8
6
6
9
10
4
3
2
1
5
б
0 2 4 6 8

Рис. 45. Крытый двор в Поозерье. Конец XIX в.
д. Комаи Поставского р-на: а — общий вид, реконструкция;
б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — истопка,
5 — клеть, 6 — хлев для мелкого скота, 7 — хлева для крупного скота,
8 — сенник, 9 — денник, 10 — ход на денник

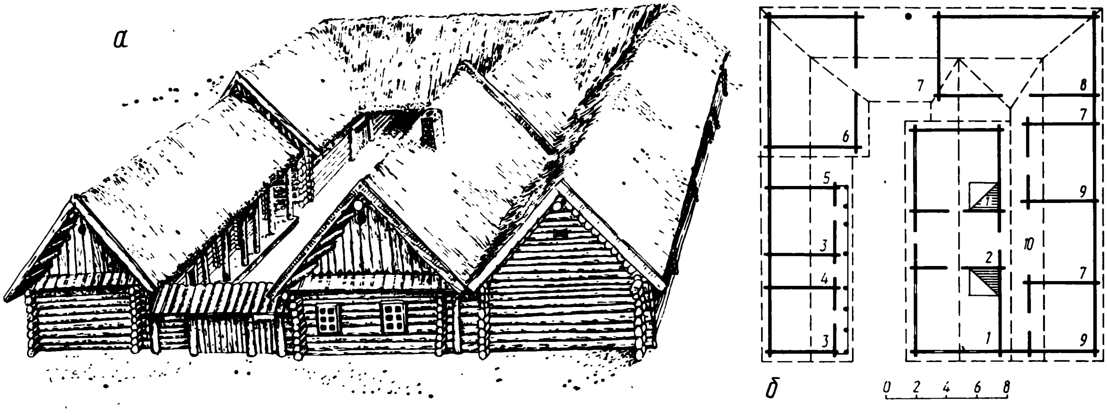

а
7
8
7
6
5
1
9
3
2
10
4
7
3
1
9
б
0 2 4 6 8

Рис. 46. Веночный двор с крытым денником в Поозерье.
XIX в. д. Великое Тешелово Городокского района:
2 — общий вид, реконструкция; б — план: 1 — хата,
2 — сени, 3 — клеть, 4 — жерновня, 5 — свинарник,
6 — стайня, 7 — поветь, 8 — пуня, 9 — хлева, 10 — денник

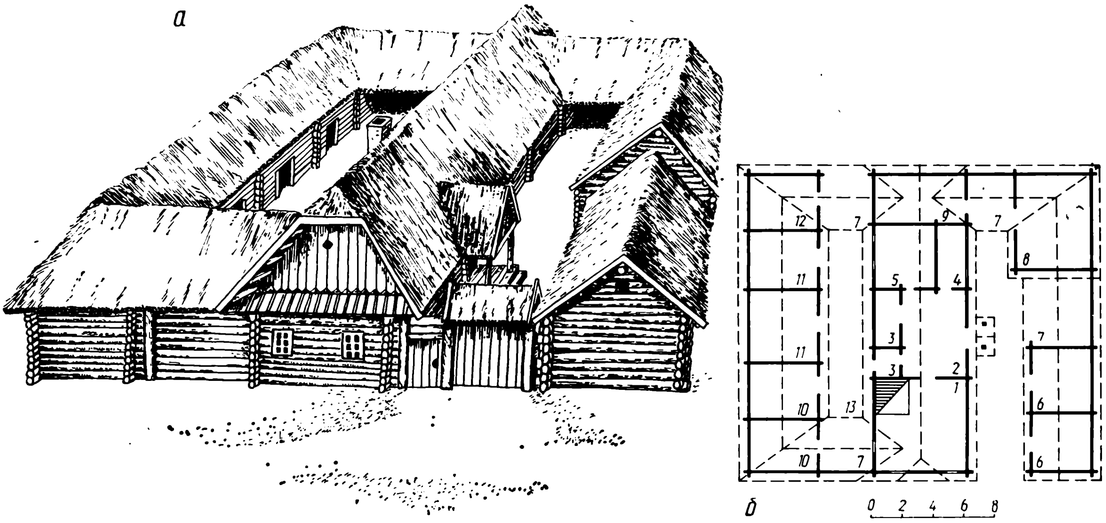

а
12
7
9
7
8
11
5
4
11
3
7
3
2
1
10
13
6
10
7
6
б
0 2 4 6 8

Рис. 47. Веночный двор с диаметральным расположением жилого звена в Поозерье. Конец XIX в. д. Акелы Поставского р-на: а — общий вид, реконструкция; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — кладовая, 5 — истопка, 6 — клеть, 7 — поветь, 8 — одрина, 9 — дровяник, 10 — хлева для мелкого скота, 11 — хлева для крупного скота, 12 — сенник

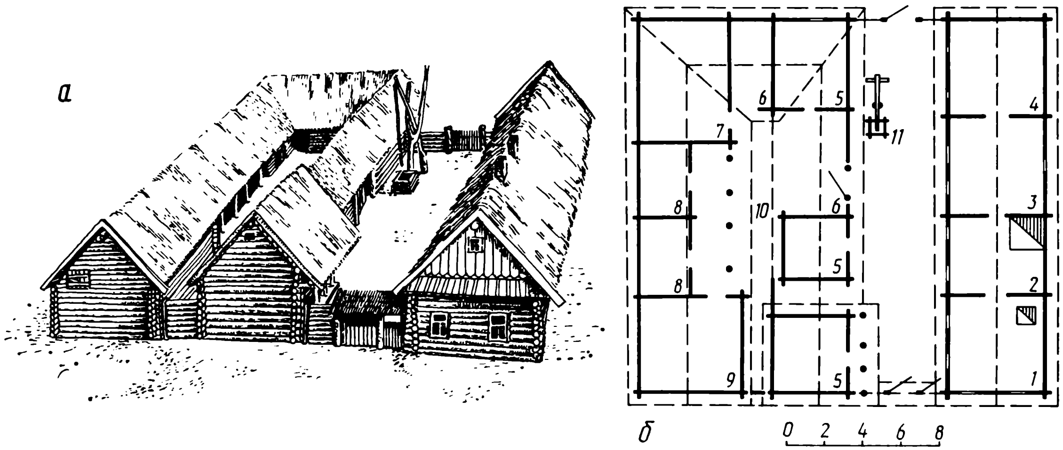
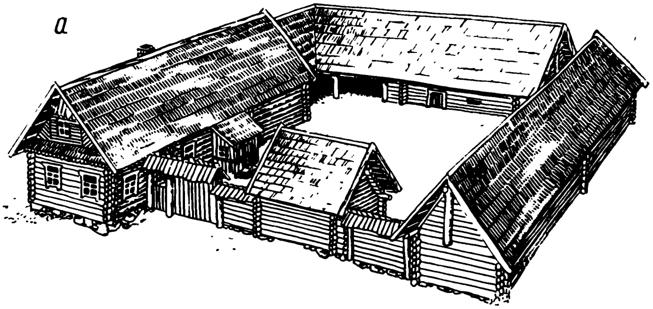

а
6
5
7
11
8
10
6
8
5
9
5
4
3
2
1
б
0 2 4 6 8

Рис. 48. Веночный двор с краевым расположением жилого звена в Поозерье. Конец XIX в. д. Будичи Докшицкого р-на: а — общий вид, реконструкция; б — план: 1, 2 — хата, 3 — сени, 4 — истопка, 5 — клеть, 6 — поветь, 7 — хлев для крупного скота, 8 — хлев для мелкого скота, 9 — стайня, 10 — денник. 11 — колодец

в трудах этнографов как преобладающая в Могилевской губернии (ныне Могилевская и часть Гомельской обл.). Реже встречались венки в центральных районах республики (Вилейский, Мядельский, Логойский р-ны). Продолжительное бытование веночного двора в северо-восточных, восточных и юго-восточных районах Белоруссии дает основание считать, что здесь это наиболее древний тип крестьянской усадебной застройки. В определенной степени его происхождение связано с малодворностью поселений, освоением лесных массивов в условиях подсечного земледелия [83]. Условия жизни в небольших, состоящих из 2—3 дворов селениях, находящихся на значительном расстоянии друг от друга, требовали не только удобного размещения построек с хозяйственной точки зрения, но и их защищенности от нападения, чему веночный двор хорошо соответствовал. Расположенные замкнутым четырехугольником постройки, обра-



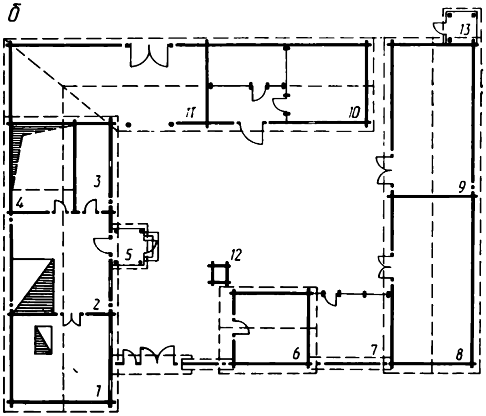


Рис. 49. Тип двора с остатком промежуточного ряда в Поозерье. Нач. XX в. д. Ворошилки Мядельского р-на: а — общий вид, реконструкция; б — план: 1 — хата, 2 — сени-кухня, 3 — камора, 4 — истопка-погреб, 5 — крыльцо, 6 — клеть, 7 — денник, 8 — сенник, 9 — хлев для крупного скота, 10 — хлев для мелкого скота, 11 — поветь, 12 — колодец, 13 — туалет

щенные наружу глухими стенами, соединенными в отдельных местах бревенчатым заметом, образовывали двор-крепость, попасть в который можно было только через браму с глухими, тяжелыми воротами.

---

[83] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 39—41.

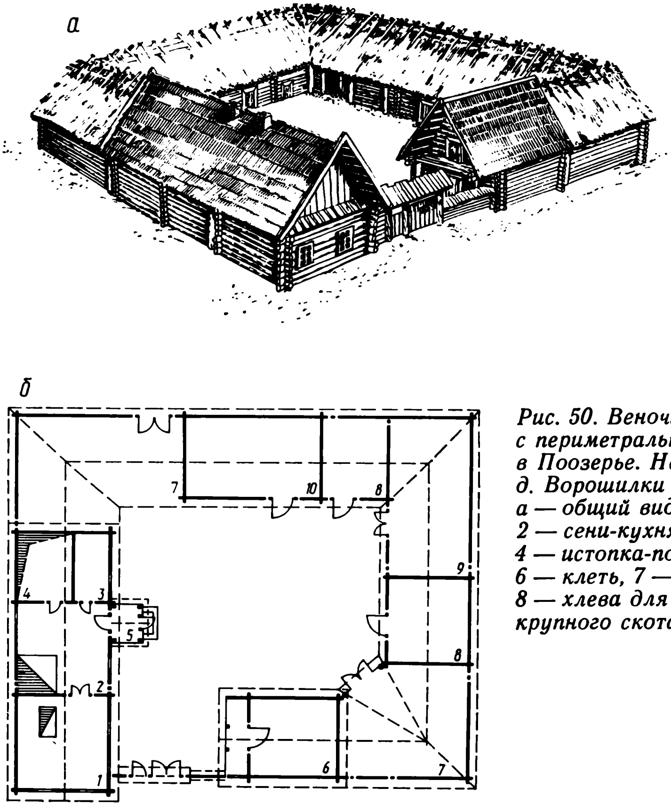


Рис. 50. Веночный двор с периметральной застройкой в Поозерье. Нач. XX в. д. Ворошилки Мядельского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени-кухня, 3 — камора, 4 — истопка-погреб, 5 — крыльцо, 6 — клеть, 7 — поветь, 8 — хлева для мелкого скота, 9 — хлева для крупного скота, 10 — поветь

Есть все основания предполагать, что формирование веночных дворов в Белоруссии началось еще в железном веке. На городище зарубинецкой культуры у деревни Чаплин Лоевского района, относящемся к III в. до н. э.— I в. н. э., обнаружены остатки жилых и хозяйственных построек, образующих замкнутые группы, представляющие двор, окруженный со всех сторон постройками[84]. В XIX в. на Полесье еще отмечались дворы, в которых хата стояла в центре, а подворье окружало ее плотным кольцом хозяйственных построек[85]. Такие дворы были известны на юге России, Украины, в Закарпатье. Городища, преобладающие в железном веке в северной части Белоруссии, несомненно оказали влияние на формирование веночных дворов в Поозерье.

---

[84] Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. С. 154; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Мн., 1971. С. 62; Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. С. 130—131.

[85] Moszyński K. Polesie wschodnie. S. 122.

Одной из важных общих особенностей веночных дворов Белоруссии является их функциональная дифференциация на чистый и хозяйственный дворы, которая четко прослеживается, несмотря на региональные отличия. В северорусском, среднерусском и московском подтипе П-образного двора такого четкого зонирования не наблюдается. Многие функции чистого и хозяйственного дворов в нем совмещены, особенно в северорусском типе [86]. Они образуют единое пространство.

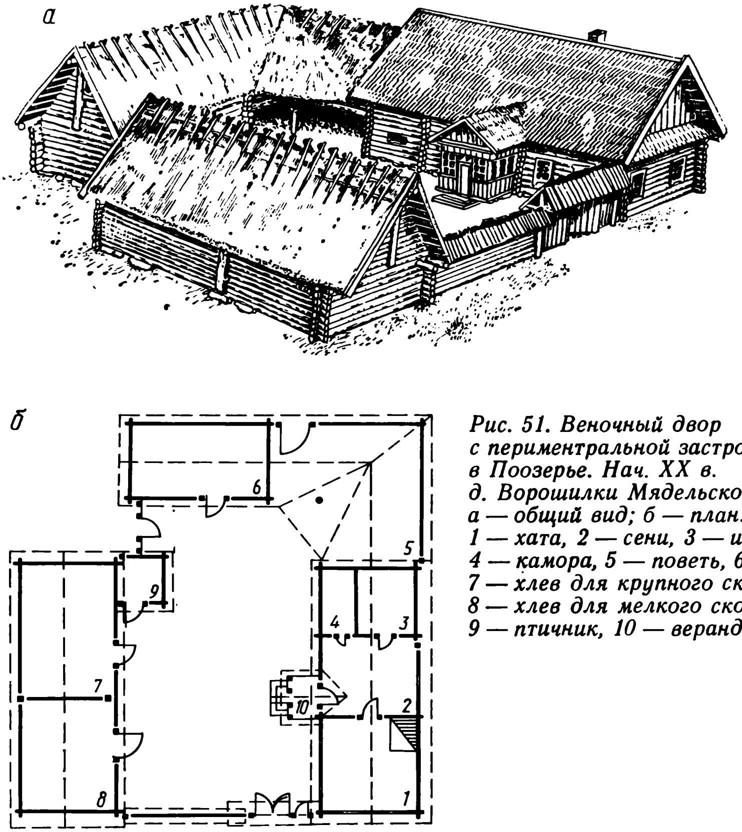


Рис. 51. Веночный двор с периментральной застройкой в Поозерье. Нач. XX в. д. Ворошилки Мядельского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — истопка, 4 — камора, 5 — поветь, 6 — сенник, 7 — хлев для крупного скота, 8 — хлев для мелкого скота, 9 — птичник, 10 — веранда

Общей особенностью более позднего происхождения, развившейся в процессе формирования уличных деревень, является фронтальное расположение построек по отношению к улице (главный фасад хаты, брама), в то время как в соседних областях России и Украи-

---

[86] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 161—195.

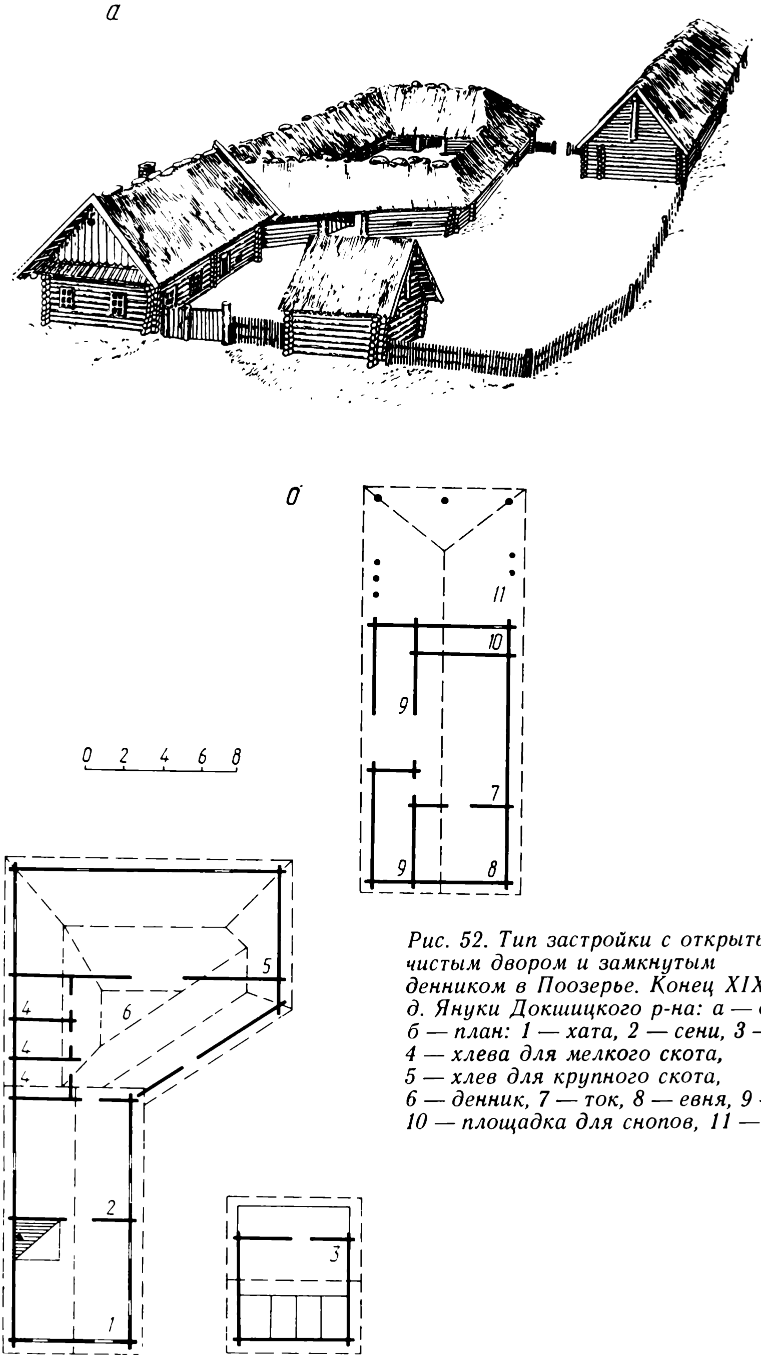


Рис. 52. Тип застройки с открытым чистым двором и замкнутым денником в Поозерье. Конец XIX в. д. Януки Докшицкого р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — хлева для мелкого скота, 5 — хлев для крупного скота, 6 — денник, 7 — ток, 8 — евня, 9 — мякинник, 10 — площадка для снопов, 11 — манеж

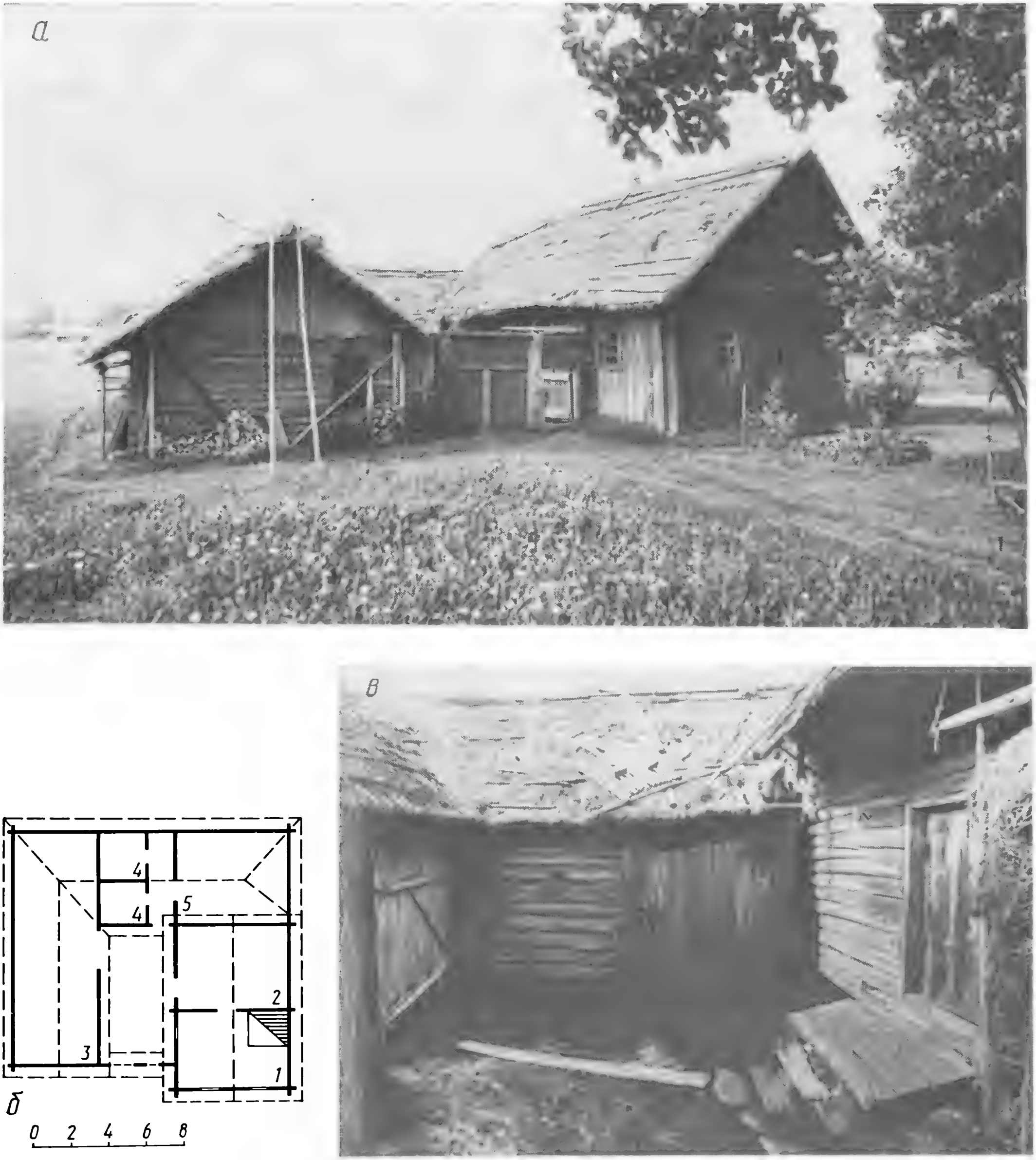


Рис. 53. Тип замкнутого (круглого) двора на севере Поднепровского региона.
Конец XIX в. д. Волево Дубровенского р-на: а — общий вид;
б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — поветь,
4 — хлев для свиней и овец, 5 — коровник;
в — внутренний вид двора

ны в расположении дворов по отношению к улице наблюдается большее разнообразие.

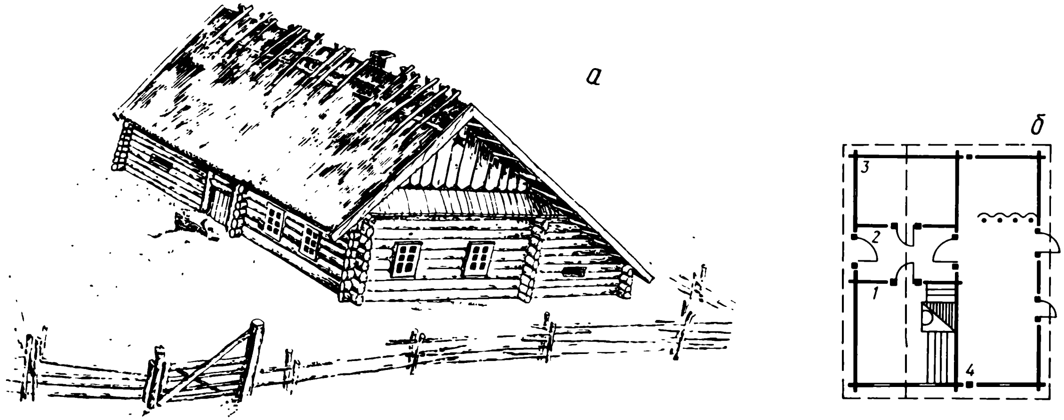


Рис. 54. Крытый двор в Поднепровье. Нач. XX в. д. Волево Дубровенского р-на:
а — общий вид, реконструкция; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — хлев

Существует единый принцип расположения в веночной застройке жилых помещений (хата — сени, хата — сени — камора). Как правило, жилое звено стоит во главе одного из двух параллельных рядов застройки, сомкнутых уличной брамой, доминирует в объемно-пространственном решении двора (выделяется размерами, пропорциями).

Особенностью развития белорусского венка является его тенденция к раскрытию, обусловленная относительной свободой составляющих звеньев. Отрыв того или иного хозяйственного звена от замкнутой системы не разрушает целостность ее хозяйственных функций. Они сохраняются, но уже в системе нового, переходного типа двора.

Несмотря на обусловленную замкнутой структурой целостность, веночные дворы Белоруссии имеют ряд региональных особенностей (рис. 44).

Сложны по планировке и объемно-пространственному решению веночные дворы Поозерья. В них отчетливо выделяется ряд типов. На Поставщине известен своеобразный тип крытого веночного двора. Жилое звено (хата — сени — истопка — камора) своей продольной глухой стеной вплотную смыкается с обширным, целиком перекрытым денником, превышающим его в два раза по габаритам. Денник состоит из площадки (собственно денника) и хлевов. Поставский тип по структуре во многом напоминает латгальскую жилую ригу[87] (рис. 45). Жилище и хозяйственные помещения образуют единое архитектурное пространство.

---

[87] Latvijas etnografikais brivdabas museis. S. 161—179.

Своеобразным развитием поставского является широко распространенный на Поозерье тип двора, представление о котором дает реконструкция усадьбы из д. Великое Тешелово Городокского района (рис. 46). Здесь дворовый комплекс четко делится на чистый двор и денник, который объединен с жилым звеном в один объем (крытый денник) [88].

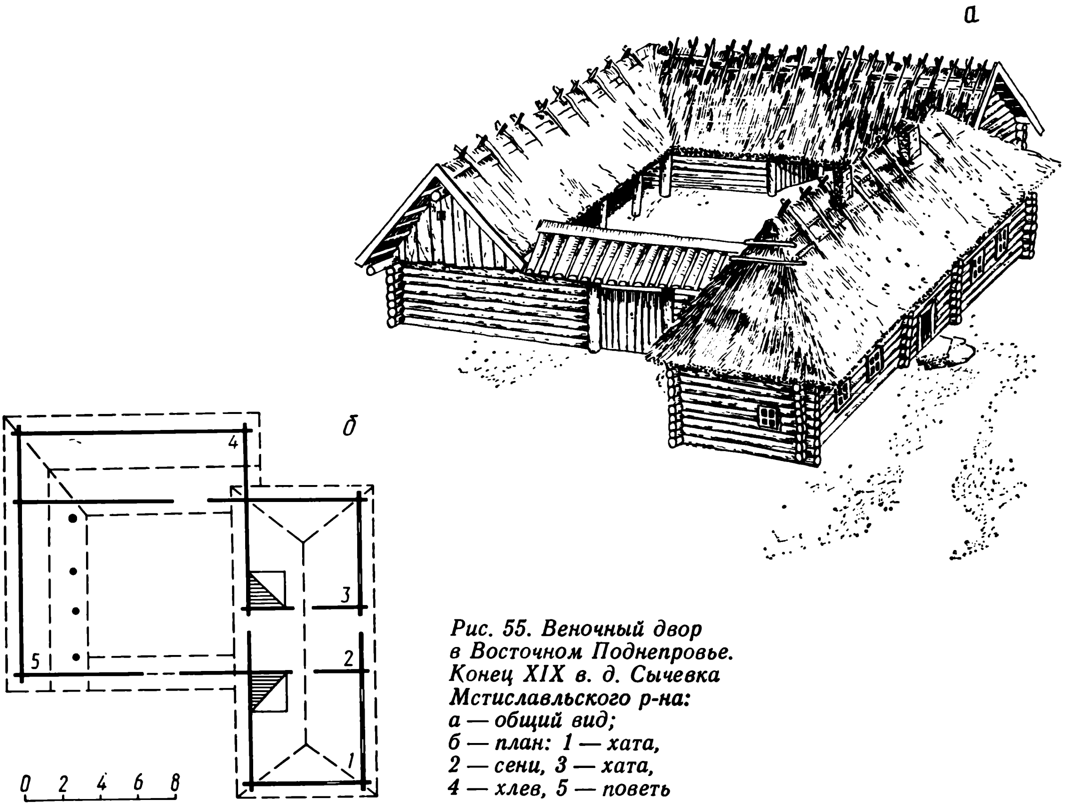


Рис. 55. Веночный двор в Восточном Поднепровье. Конец XIX в. д. Сычевка Мстиславльского р-на:
а — общий вид;
б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — хата, 4 — хлев, 5 — поветь

Чистый двор ограничен клетями и другими постройками, соседствующими с жильем. Они не смыкаются с последним крышами, как денник, а образуют свободное пространство. Главной особенностью этого типа является диаметральное расположение жилого звена: оно делит кольцо застройки на чистый двор и денник. Диаметральное расположение жилого звена в веночной застройке характерно и для соседних областей РСФСР, где такая планировка известна как псковский тип. На Поозерье он был распространен довольно широко, о чем говорит наличие

---

[88] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 41.

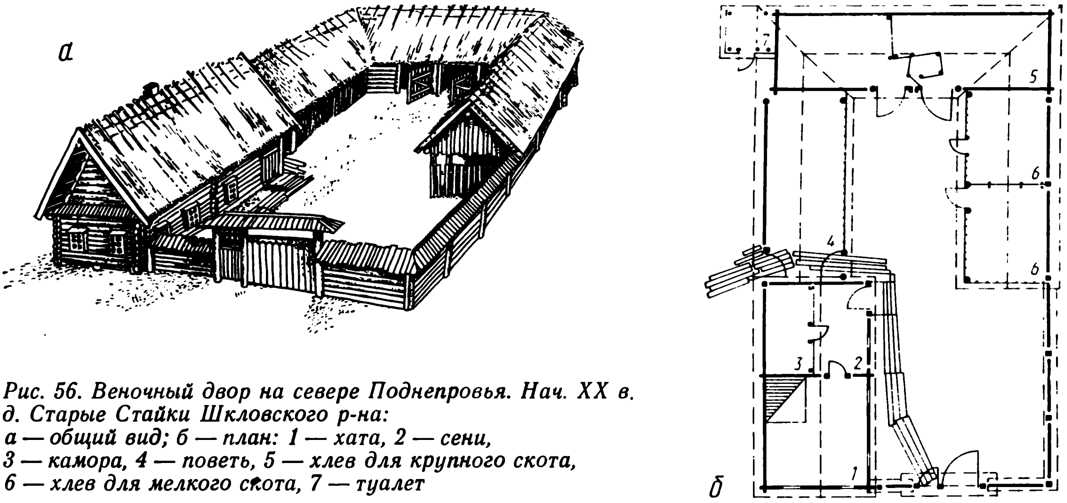


Рис. 56. Веночный двор на севере Поднепровья. Нач. XX в. д. Старые Стайки Шкловского р-на:
а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени,
3 — камора, 4 — поветь, 5 — хлев для крупного скота,
6 — хлев для мелкого скота, 7 — туалет

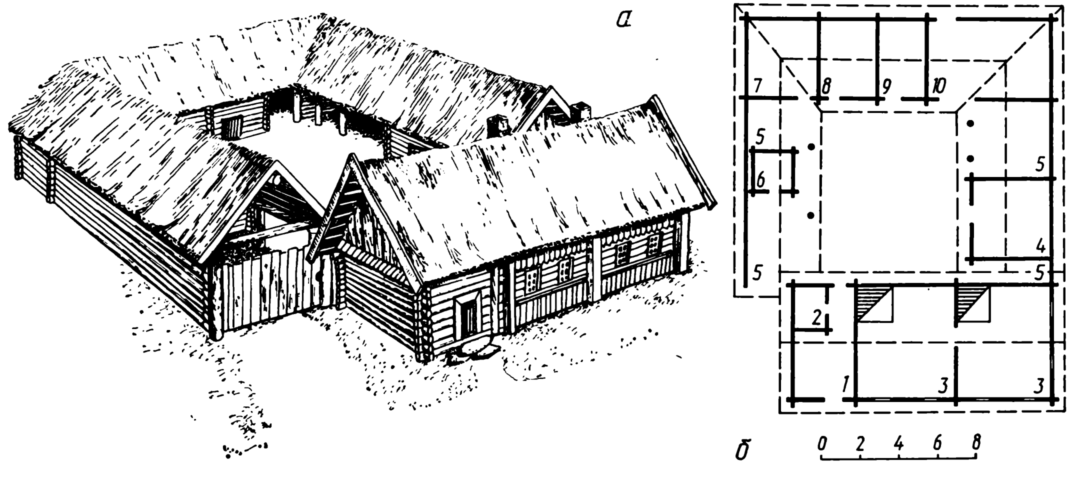


Рис. 57. Веночный двор на востоке Поднепровья. Конец XIX в. д. Бракова Слобода Чаусского р-на: а — общий вид; б — план:
1 — сени, 2 — камора, 3 — хата, 4 — клеть, 5 — поветь,
6 — баня, 7 — стайня, 8 — хлев для крупного скота,
9 — хлев для мелкого скота, 10 — сенник

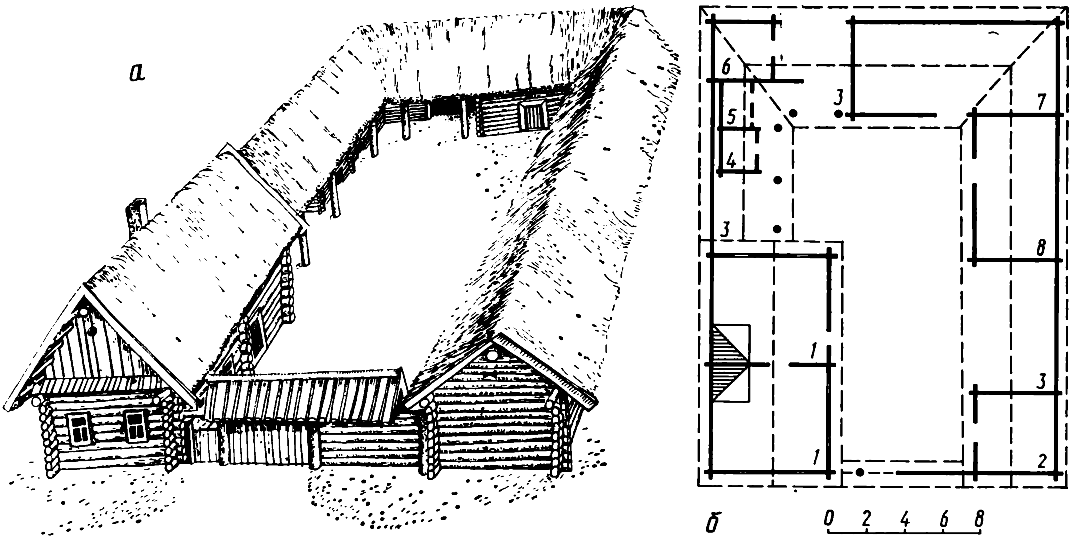

а
6
3
5
4
3
1
1
7
8
3
2
б
0 2 4 6 8

Рис. 58. Веночный двор на юге Поднепровья. Конец XIX в. д. Загорье Чечерского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — клеть, 3 — поветь, 4 — истопка, 5 — свинарник, 6 — баня, 7 — хлев, 8 — пуня

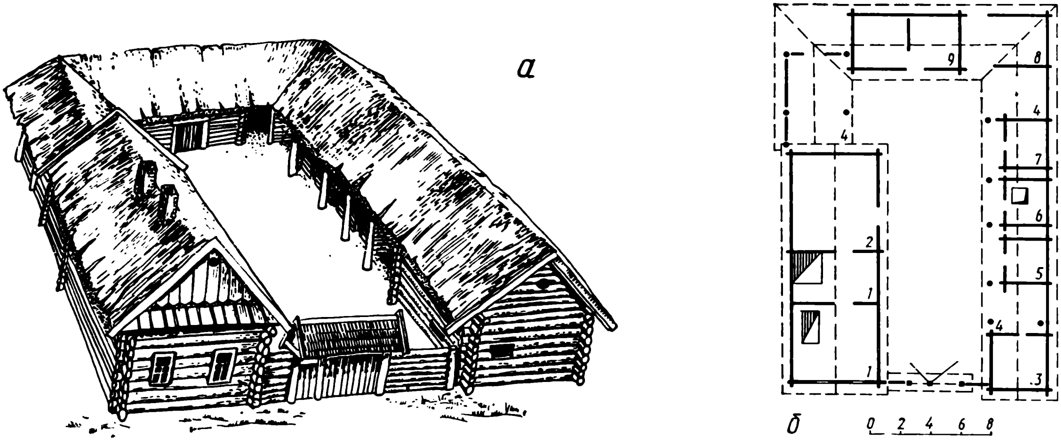

а
9
8
4
4
7
6
2
5
1
4
1
3
б
0 2 4 6 8

Рис. 59. Веночный двор на юге Поднепровья. Нач. XX в. д. Кукличи Чечерского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — баня, 4 — поветь, 5 — клеть, 6 — погреб, 7 — свинарник, 8 — сенник, 9 — коровник

такого двора в д. Акелы Поставского района, значительно отдаленного от северо-восточных областей Поозерья (рис. 47). Особенностью его является раскрытие единого с жильем пространства денника. Это явление можно считать промежуточным в процессе разрушения целостности чистого и хозяйственного дворов, которые связывались с жильем.

Характер эволюции веночных дворов Поозерья ориентирован на выделение жилого звена и примыкающей к нему территории чистого двора. В то же время комплекс хозяйственных построек сохраняет свою целостность. Расположение жилого звена в виде вертикального диаметра препятствует дальнейшему развитию веночной застройки. Чистый и хозяйственный дворы начинают располагаться последовательно, вдоль улицы, что способствовало развитию очередности застройки и ее относительной свободе, так как хозяйственные помещения с жильем не были конструктивно связаны. Так сформировался новый тип поозерских веночных дворов, в которых хозяйственный двор функционально замкнутый, отделен от жилого звена сквозным проездом через браму (уличную и пригуменную) (рис. 48).

Чистый двор отделяет от хозяйственного застройка, связывающая выходящую на улицу клеть и хозпостройки, замыкающие двор с пригуменной стороны (навесы, повети). Однако в конце XIX — начале XX в. они часто отсутствуют и внутреннее пространство двора объединяется или его разделяет жердяная изгородь. Лишь клеть напоминает о существовании промежуточного ряда застройки (рис. 49), которая начинает приобретать периметрический характер с нерасчлененным внутренним пространством двора (рис. 50, 51).

Дифференциация веночной застройки начала XX в. наложила отпечаток на характер веночных дворов Поозерья. Переход к двору с несвязанными постройками в первую очередь отразился на целостности чистого двора. Он начал разрушаться, связи между кле-

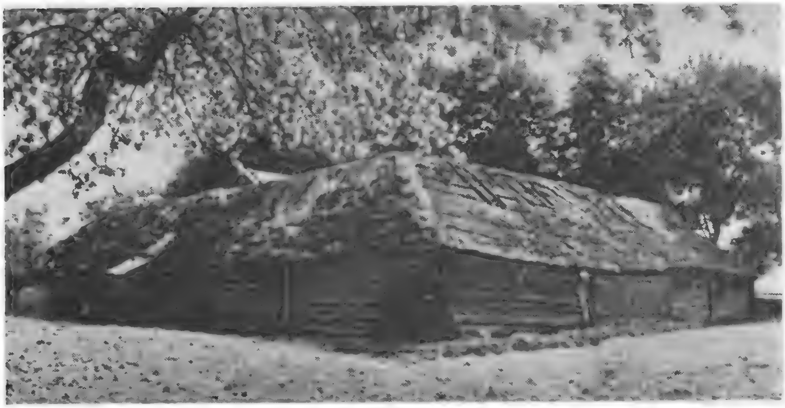


Рис. 60. Веночный двор на юге Поднепровья. Нач. XX в. д. Барченки Ветковского р-на

тями и жильем исчезали, открывая свободу мобильности застройки в новых условиях. Брамы, бревенчатые тыны теряют свою функциональную оправданность. Наиболее стойким в отношении каких-либо изменений оказался хозяйственный двор. Несмотря на то что чистый двор становился открытым, денник продолжал оставаться все еще замкнутым комплексом (рис. 52).

Таким образом, процесс постепенного раскрытия, развертывания застройки в веночных дворах Поозерья наблюдается весьма отчетливо. Обращает на себя внимание существенная роль сеней, они являются важным коммуникационным узлом, в котором пересекаются все хозяйственные связи (проход скота на денник, связь жилья с подсобными помещениями, летнее жилье и т. д.). Необходимо отметить две общие особенности веночной застройки Поозерья: расположение чистого и хозяйственного дворов на осях, параллельных между собой и перпендикулярных улице, и относительная объемно-пространственная однородность застройки, указывающая на связь с архитектурой крытого двора. Увеличенные габариты жилого звена (архитектурное доминирование) свойственны дворам явно выраженного открытого типа (приложение, табл. 4).

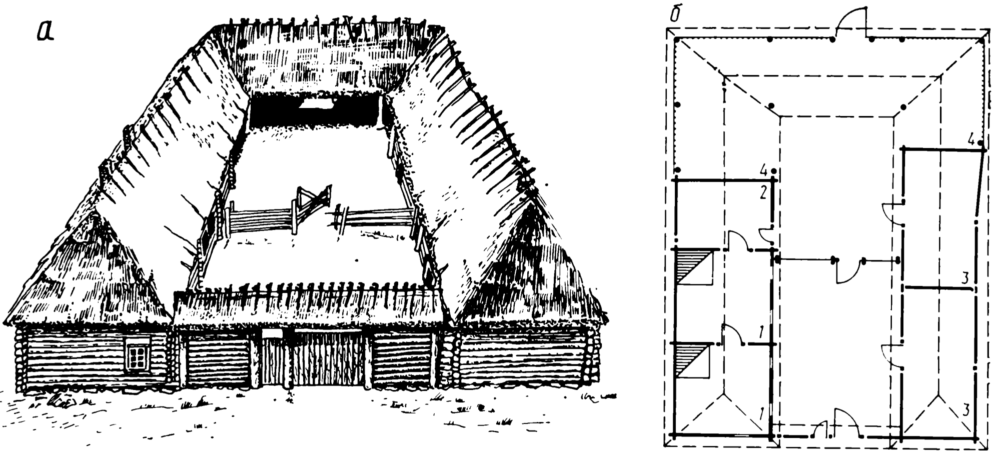


Рис. 61. Веночный двор конца XIX в. в д. Сычевка Мстиславльского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — хлева, 4 — одрина

Рудименты крытого двора в Поднепровье наблюдаются в жилищах низшей ступени социальной дифференциации. Хлев пристраивается вдоль продольной глухой стены жилого звена под общей крышей, с общим входом через сени (рис. 54). Если для поозерских венков было характерно параллельно-осевое расположение чистого двора и денника по отношению к улице, то поднепровские дворы осевые, чистый двор выходит на линию улицы, хозяйственный расположен в глубине двора. Рассматривая развитие застройки со стороны улицы, можно заметить, что она развивается не вширь, а вглубь.

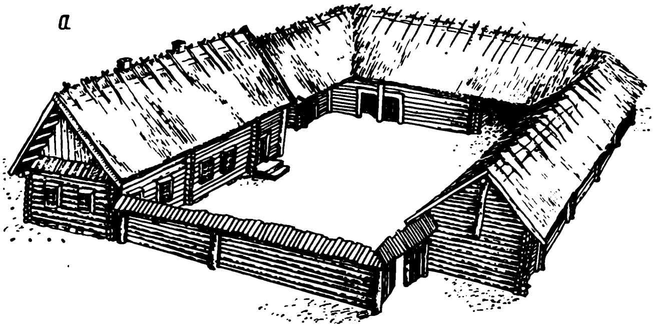


Рис. 62. Веночный двор на западе Поднепровья. Нач. XX в. д. Мокровичи Белыничского р-на:
а — общий вид;
б — план: 1, 2, — хата, 3 — сени,
4 — поветь, 5 — птичник, 6 — сенник,
7 — хлев для крупного скота,
8 — хлев для мелкого скота,
9 — истопка, 10 — приистопка,
11 — дровяник

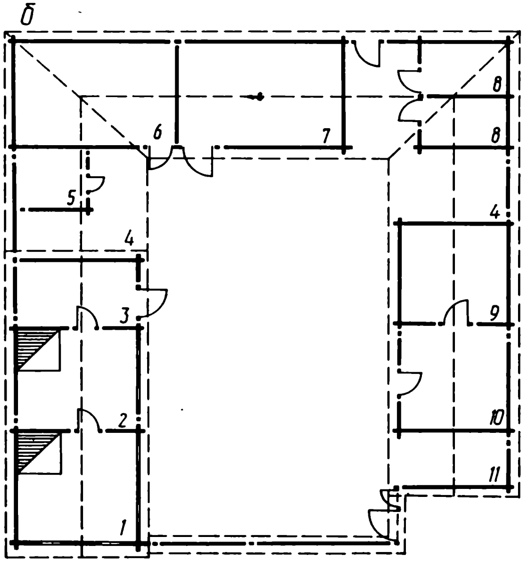
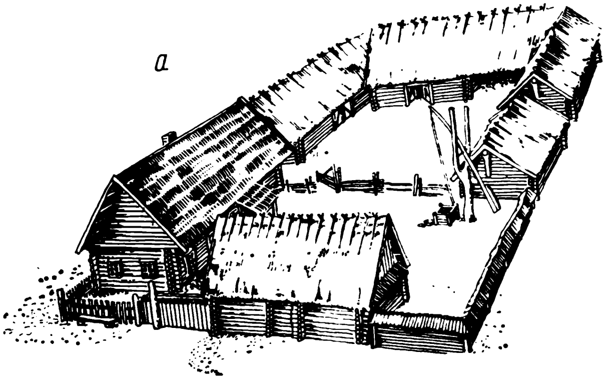
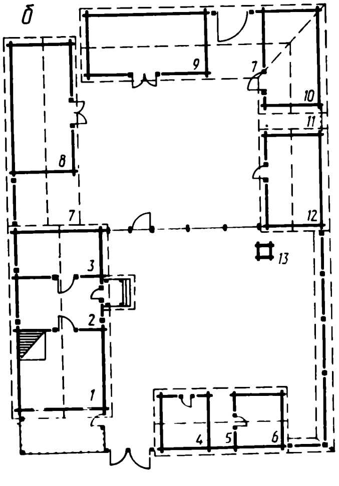


Рис. 63. Тип застройки на западе Поднепровья. Конец XIX в. д. Березовка Березинского р-на:
а — общий вид; б — план: 1 — хата,
2 — сени, 3 — камора, 4 — амбар,
5 — приистопка, 6 — истопка,
7 — поветь, 8 — хлев для крупного скота, 9 — сенник, 10 — овчарня,
11 — загон для свиней, 12 — хлев для свиней, 13 — колодец





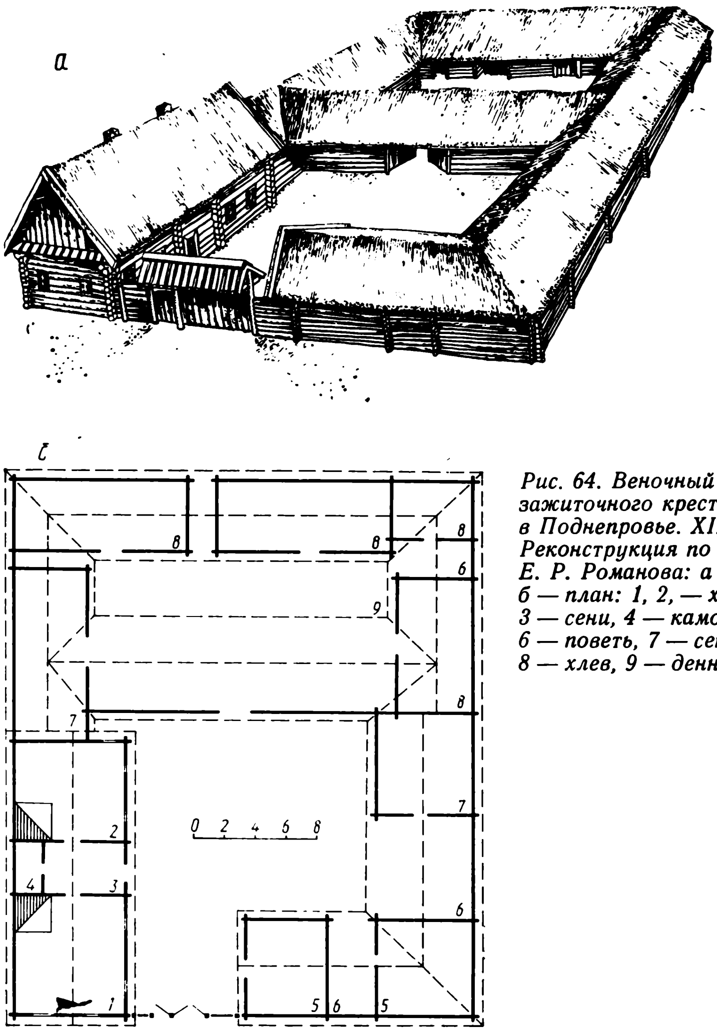


Рис. 64. Веночный двор зажиточного крестьянина в Поднепровье. XIX в. Реконструкция по обмерам Е. Р. Романова: а — общий вид; б — план: 1, 2, — хата, 3 — сени, 4 — камора, 5 — клеть, 6 — поветь, 7 — сеновал, 8 — хлев, 9 — денник

Уличная и дворовая брамы, как правило, располагаются на перпендикулярной улице оси.

Наиболее распространенным, преобладающим является тип веночного двора с функциональным совмещением чистого и хозяйственного дворов. В отдельных случаях они могут отделяться жердяной изгородью (рис. 53—62). Двор с архитектурно выделенным денником был характерен для усадеб зажиточных крестьян[89] (рис. 63, 64). Функциональной связи с жилым звеном денник не имел. Горизонтальным диаметром между жилыми и хозяйственными постройками служила поветь с воротами. Еще один тип веночного двора Поднепровья сформировался в условиях уличной волочной деревни. Волочная реформа привела к его дифференциации: чистый и хозяйственный дворы оказались на противоположных сторонах улицы. Кроме того, она способствовала их упорядочению, придала им правильную геометрическую форму (прямоугольник, квадрат), удобную для формирования уличной деревни.

---

[89] Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 8. С. 17—20.

Деструктирование веночных дворов Поднепровья в период распространения дворов с несвязанными постройками выразилось в распространении П- и Г-образных дворов (юго-восточная часть Поднепровья).

Поскольку веночные дворы Поднепровья имеют ярко выраженный открытый характер, то в них объемно-пространственное доминирование жилого звена наблюдается значительно чаще. Отсутствие единой конструктивной связи звеньев обеспечивает жилью свободу роста и развития. Жилое звено, как правило, шире и выше прочих построек.

ПОГОННЫЕ ДВОРЫ

Вопросы возникновения, развития погонной застройки являются в этнографической науке по-прежнему актуальными. Это объясняется тем, что в регионах своего распространения она определяет характер поселений и в наши дни.

Имея много общего с усадьбой незамкнутого характера, линейными дворами украинского типа, белорусский погон характеризуется рядом индивидуальных черт, выделяющих его как национальную особенность дворовой застройки[90]. Существует мнение, что как этническая традиция, народный обычай погон восходит к «старосветской дреговичской усадебной застройке»[91].

Широкое распространение погонной застройки начинается после реформы 1557 г. «Устава на волоки». Прежде всего волочная реформа затронула западную часть Белоруссии: Гродненскую, Пинскую, Кобринскую, Брестскую экономии[92]. В северных и северо-восточных областях она была проведена в XVII в., причем частично.

Реформа четко выявила ареал бытования погона как давно сформировавшейся традиции и расширила его. Вытянутость участков, их измельчение до $^1/_4$, $^1/_6$, $^1/_8$ волоки способствовали линейности застройки. Со временем на узкой полосе выстраивались друг за другом два-три погона (некоторые сохранились до наших дней в Копыльском, Слонимском и других районах). Однако в регионе бытования веночного двора (Поозерье, Поднепровье) реформа не привела к развитию нового (линейного) типа.

«Устава на волоки» не единичный пример земельной реформы, повлиявшей на формирование структуры поселений и планировку двора. Аналогичная реформа была, например, проведена в 1767 г. в Словакии (так называемый «терезианский урбарий», «урбарий» — перечень крестьянских податей и барщины в венгерском праве). Каждой крестьянской семье выделялся участок земли — «сесия». Он состоял из приусадебного участка (intravilana) и пахотной территории

---

[90] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 200.

[91] Сербаў І. А. Вічынскія паляне. С. 9.

[92] Похилевич Д. Л. Землеустройство и поземельный кадастр в Белоруссии, Литве и Украине в XVI—XVII вв. М., 1952. С. 557.

(extravilana). Размеры участков были точно определены «терезианским урбарием». Например, приусадебный участок равнялся 1 ютру (0,575 га), пахотный — 6—22 ютрам. Землевладельцы были заинтересованы в минимальных размерах приусадебных участков, так как они не облагались налогами. Число дворов в поселении росло, размеры же intravilana оставались прежними. На пахотной территории строить запрещалось. Это, привело к дроблению участков вначале в ширину. «Сесия» де́лилась на длинные узкие полосы по числу владельцев, что вызвало изменение застройки двора. Разбросанные жилые и хозяйственные строения начали вытягиваться по intravilana. Стал формироваться линейный двор погонного типа. Дальнейшее развитие привело к делению участков в длину. Сначала в общем дворе селились родственники, а затем и чужие люди. Общие линейные дворы разделялись оградами и назывались «передним», «средним», «задним» и т. д. Этот процесс очень похож на аналогичные явления в «уставных» белорусских деревнях[93].

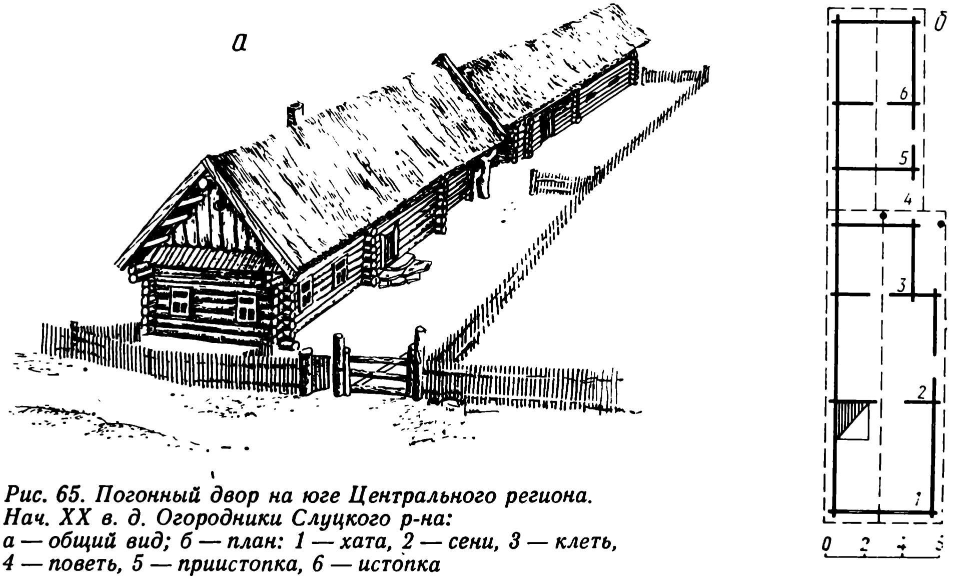


Рис. 65. Погонный двор на юге Центрального региона. Нач. XX в. д. Огородники Слуцкого р-на:
а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — поветь, 5 — приистопка, 6 — истопка

Материалы экспедиций показывают, что ареал распространения линейной (погонной) застройки превышает территорию, на которой волочная реформа была проведена прежде всего и последовательно (западные, юго-западные районы). Погоны устойчиво бытуют в центральных районах и восточнее — до Днепра, в юго-восточных районах до Сожа. Северная граница проходит по Островецкому, Сморгонскому, Мядельскому, южной части Докшицкого, Логойского, Борисовскому, Крупскому районам. Однорядные погоны распространены в Центральной Белоруссии, Среднем и Западном Полесье, двухрядные — в западных и северо-западных районах (Понеманье). Однако четкой границы с ареалом распространения веночного двора не наблюдается. Примеры погонной застройки встречаются в Поставском, Глубокском, Белыничском, Могилевском и других районах. На границе ареалов бытуют переходные типы — П- и Г-образные дворы. Первые — вдоль ее северной части, вторые — вдоль восточной. Погонная застройка охватывает территорию с различной географической средой, материальной культурой, с этническими отличиями (например, Полесье и Понеманье, Полесье и Центральная Белоруссия). Это явление не локальное и даже не региональное. Погонные дворы встречаются на Смоленщине, Украинском Полесье, в юго-западных и юго-восточных районах Литвы, вдоль восточной границы Польши. На соседних этнических территориях они воспринимают местные особенности народного зодчества и несут на себе их отпечаток.

---

[93] Грацианская Н. Жилище и хозяйственные постройки словацкого крестьянства в XIX — начале XX в. // Тр. Ин-та этнографии им. Миклухо-Маклая. М., 1960. Т. 62. С. 206—208.

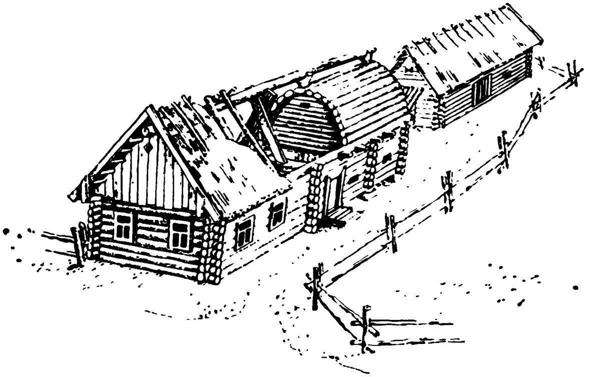


Рис. 66.
Погонный двор на юге Центрального региона. Нач. XX в.
д. Исерно Слуцкого р-на

Этнографическая литература дает достаточно полное представление о линейной застройке как однорядной, так и двухрядной. Например, в «Материалах...» Е. Р. Романова находим описание однорядного погона в Бельском уезде, дающее наглядное представление о последовательности размещения жилых и хозяйственных помещений: хата — истопка — камора (кладовая) — свинушник — овчарня — хлев — возовня — сенник [94]. Здесь же описание однорядного погона с расположением части построек на противоположной стороне улицы:

хлева — клеть || хата — сени — истопка[95].

Оба примера Романов характеризует как «два типа крестьянских построек, имеющих признаки древности», однако вопросы происхождения и развития типов этнографом не рассматриваются.

Двухрядные погоны подробно описываются И. Сербовым [96]. Многочисленные схемы двухрядной застройки приведены в книге А. Харузина [97]. Они дают представление о вариабельности в расположении жилых и хозяйственных помещений. Этнографы дореволюционной Белоруссии описали многочисленные варианты планировочных решений погонных дворов, показали их зависимость от хозяйственно-бытовых функций. Однако становление, эволюция однорядного и двухрядного погонов и формирование их как этнической традиции, связь с переходными формами и другими типами застройки не рассматривались.

---

[94] Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вып. 1. С. 21.

[95] Там же.

[96] Сербов И. Поездки по Полесью 1911 и 1912 гг.

[97] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 32, 44, 50, 56.

В значительной мере отмеченные вопросы затрагиваются и решаются в ис-

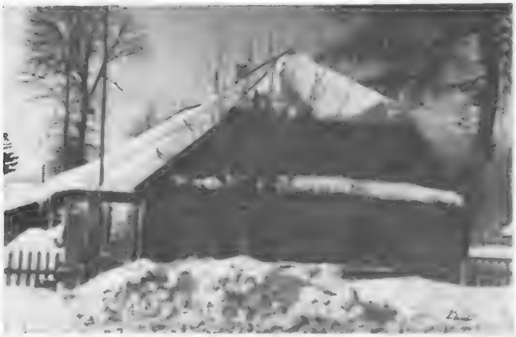


Рис. 67. Погонный двор на востоке Центрального региона. Нач. XX в. д. Столовичи Барановичского р-на

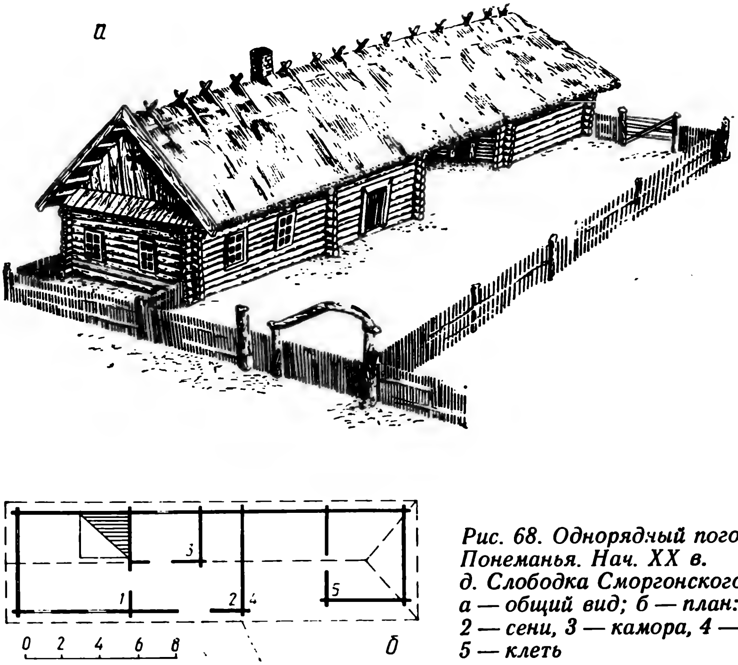


Рис. 68. Однорядный погон на востоке Понеманья. Нач. XX в. д. Слободка Сморгонского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — поветь, 5 — клеть

следованиях советских этнографов. Анализируется погонная застройка в работе Н. И. Лебедевой[98]. Е. Э. Бломквист рассматривает белорусский погон как звено в динамичной системе типов застройки двора восточных славян — западнобелорусский подтип открытого двора[99].

Серьезный анализ погонной застройки в свете «волочной реформы» проведен Л. А. Молчановой[100]. Подробно исследуется структура двора в системе уставных преобразований, возможности его дальнейшего развития. Общая характеристика погонного двора дана белорусскими этнографами в коллективной монографии по народному жилью[101]. В. С. Титов подчеркивает связь развития погонной застройки с подворной формой землепользования в районах обширных земледельческих территорий[102].

Погонная застройка Белорусского Полесья рассматривается польским этнографом Збигневом Домоховским. Приводятся схемы одно- и двухрядных погонов из Лунинецкого и Столинского уездов. Особое внимание уделено конфигурации, взаимному расположению дворов, объемно-пространственной организации жилья и хозяйственных сооружений[103].

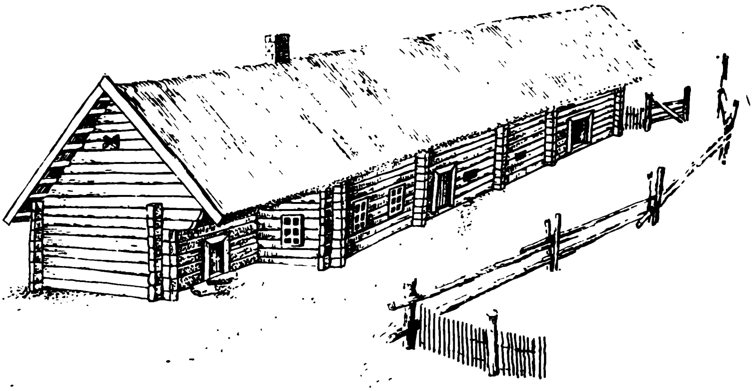


Рис. 69. Однорядный погон на западе Понеманья. Нач. XX в. д. Цвикличи Гродненского р-на

Планировочные приемы погонной застройки, получившие развитие в народном жилище Польши, отражены в исследованиях Ежи Чайковского[104].

Общенациональные особенности погонных дворов Белоруссии отчетливо прослеживаются в принципах их формирования. Одна из таких общих закономерностей наблюдается во взаиморасположении помещений, звеньев (принцип функционального соподчинения). Суть его вытекает из роли хозяйственно-бытовых функций в планировке и пространственном решении двора. Им подчинены расположение жилых, подсобных и хозяйственных групп помещений (звеньев), их связь и последовательность. Динамика хозяйственного процесса как основная закономерность организует отдельные постройки и помещения в звенья, а последние — в единую архитектурно-планировочную структуру линейного характера — погон. Такова суть названного принципа.

---

[98] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР.

[99] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 162—163.

[100] Молчанова Л. А. Из истории развития сельских поселений и усадеб белорусов; Она же. Материальная культура белорусов. С. 27.

[101] Беларускае народнае жыллё. С. 26—30.

[102] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 43.

[103] Domochowski Z. Ze studijów nad poleskim budownictwem drzewnym. S. 166—168.

[104] Czajkowski I. Budownictwo wiejskie w okolicy Częstohowy w połowe XVIII wieku // Polska sztuka ludowa. 1972. N 2. S. 105.

Важной особенностью является структурное строение погонов на основе звеньев — групп построек или помещений, выполняющих определенную часть хозяйственно-бытовых функций и связанных между собой архитектурно. Объединение построек в звенья не случайно. Взятое из звена одно помещение зачастую не в состоянии выполнить необходимую функцию или выполняет ее не в полной мере. Например, жилище (хата) с трудом будет выполнять свои функции без сеней, ухудшается функционирование клети или истопки, если они удалены от жилья, камора (кладовая) может функционировать только в сочетании с хатой и сенями, помещения для скота (овчарни, коровники, конюшни) — с постройками для хранения кормовых (сенниками), а помещения для инвентаря (повети, сараи) — с постройками для дров (дровяниками), а также с сенниками. Признаком звена является четкое отличие общей функции составляющих его помещений от функции других построек (специфика функции), относительная планировочная и объемно-пространственная (архитектурная) самостоятельность. Она может быть неявной (архитектурно не выраженной) и явной, придающей звену (как правило, жилому) доминирующее положение (рис. 65—67).

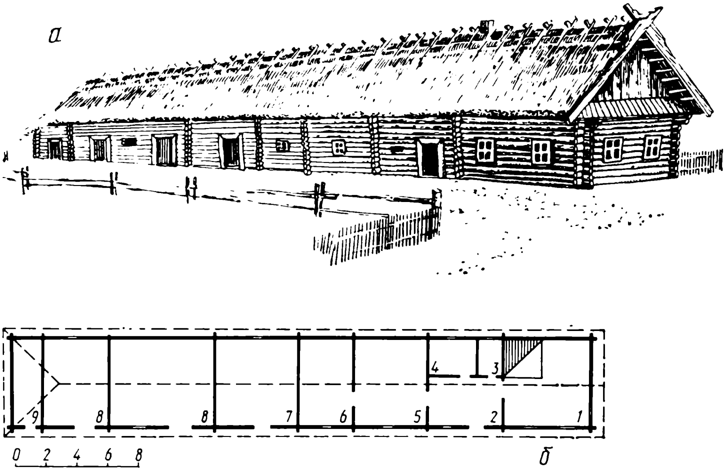


Рис. 70.
Тип однорядного двора на юге Центрального региона. Нач. XX в.
д. Садовичи Копыльского р-на:
а — общий вид:
б — план: 1 — хата,
2 — сени,
3 — камора,
4 — кладовая,
5 — сенички,
6 — клеть, 7 — одрина,
8 — хлева, 9 — птичник

Главным звеном погона является хата и соседствующие с ней помещения: сени, камора, истопка, погреб. Сочетание хата — сени — камора (клеть, истопка) представляет собой трехкамерное жилище, характерное и

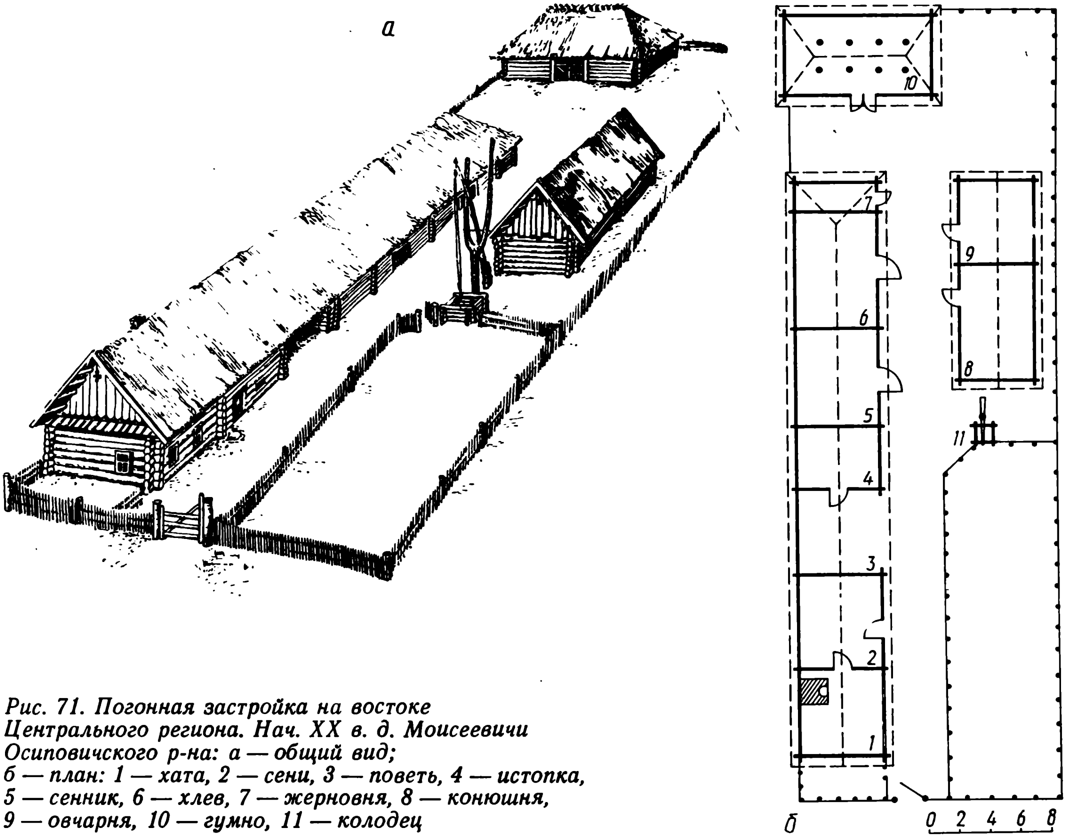


Рис. 71. Погонная застройка на востоке Центрального региона. Нач. XX в. д. Моисеевичи Осиповичского р-на: а — общий вид;
б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — поветь, 4 — истопка, 5 — сенник, 6 — хлев, 7 — жерновня, 8 — конюшня, 9 — овчарня, 10 — гумно, 11 — колодец

для других типов дворовой застройки Белоруссии. Формирование звена восходит ко времени разделения функций между жильем и клетью. Существует мнение, что важную роль здесь сыграли сени, соединив отдельно стоящие хату и клеть [105].

Материалы экспедиций показывают, что структура жилого звена имеет ряд региональных особенностей. В развитых погонных дворах число соседствующих с жильем помещений достаточно велико. Например, в погоне из д. Садовичи Копыльского района главное звено имеет схему

хата — сени — сенички — клеть
| |
истопка — камора

Менее развито жилое звено в погонах восточной части ареала распространения, где оно часто состоит лишь из хаты и сеней (Пуховичский, Осиповичский, Кличевский, Кировский, Бобруйский, Глусский р-ны). Набор помещений звена в центральных районах ареала богаче, здесь кроме хаты и сеней

---

[105] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. T. 1. S. 557.

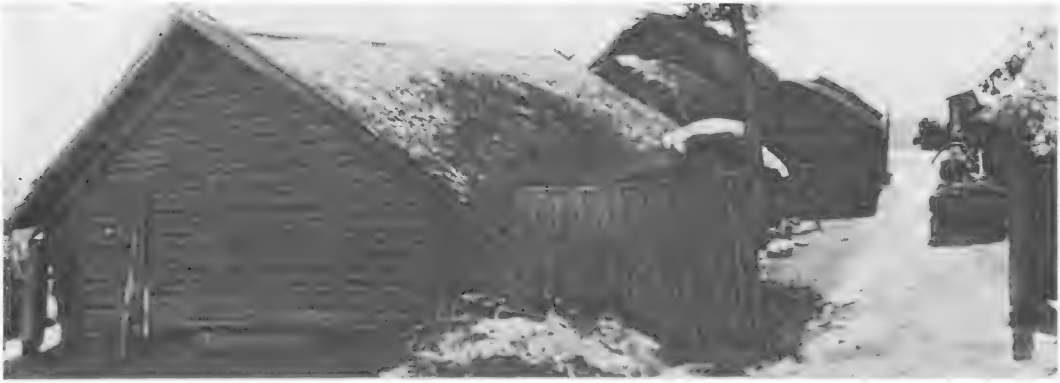


Рис. 72. Погонная застройка в Центральном регионе. Конец XIX — нач. XX в. д. Кремок Осиповичского р-на

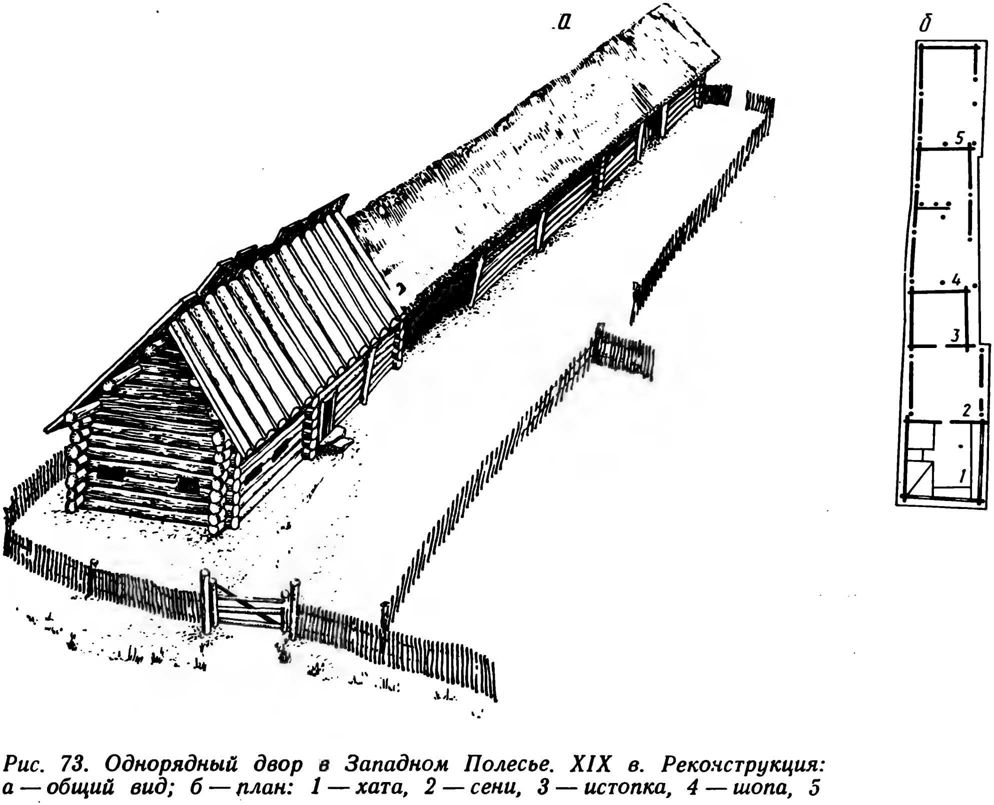
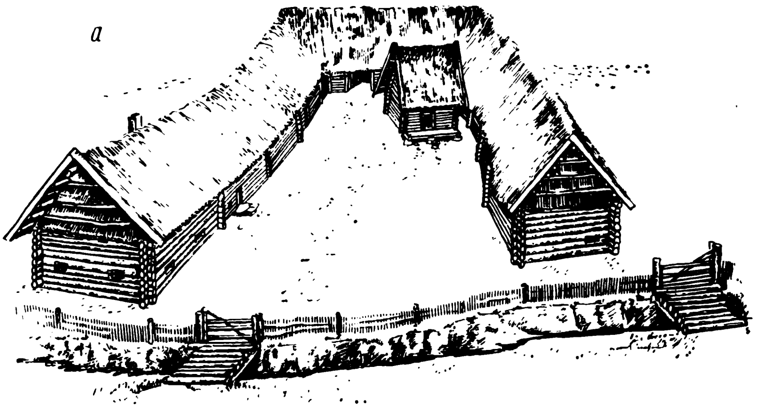


Рис. 73. Однорядный двор в Западном Полесье. XIX в. Реконструкция: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — истопка, 4 — шопа, 5 — хлева



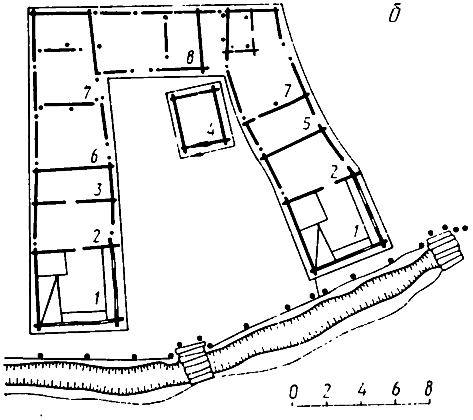


Рис. 74. Дворовая застройка в Западном Полесье. XIX в. Реконструкция: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — истопка, 4 — клеть, 5 — поветь, 6 — шопа, 7 — хлева, 8 — одрина

подсоединяются камора, клеть или истопка (Стародорожский, Слуцкий, Солигорский, Копыльский, Несвижский, Клецкий, Столбцовский, Молодечненский, Минский, Борисовский р-ны). Сильно развита планировка главного звена в погонах Понеманья. Более высокий хозяйственно-экономический уровень этого региона ускорил процесс дифференциации жилища. Здесь в жилом звене наблюдается хата из двух комнат и кухни, сени, камора, клеть и истопка (Барановичский и Слонимский р-ны). В особое звено здесь объединяются повети, возовни, сенники, помещения для дров (шопы, дровяники). Так как по своему назначению они предназначены для обслуживания жилья и скотных хлевов, то и располагаются, как правило, между ними (восточные и центральные районы). На юге отдельные помещения этого звена могут находиться в конце погона, что объясняется развитием линейного двора во времени. Рассматриваемое звено в силу его несложных функций является в сравнении с прочими более мобильным, способным легко распадаться на отдельные постройки (помещения, расположенные в разных местах погона), легко присоединяться к иным звеньям.

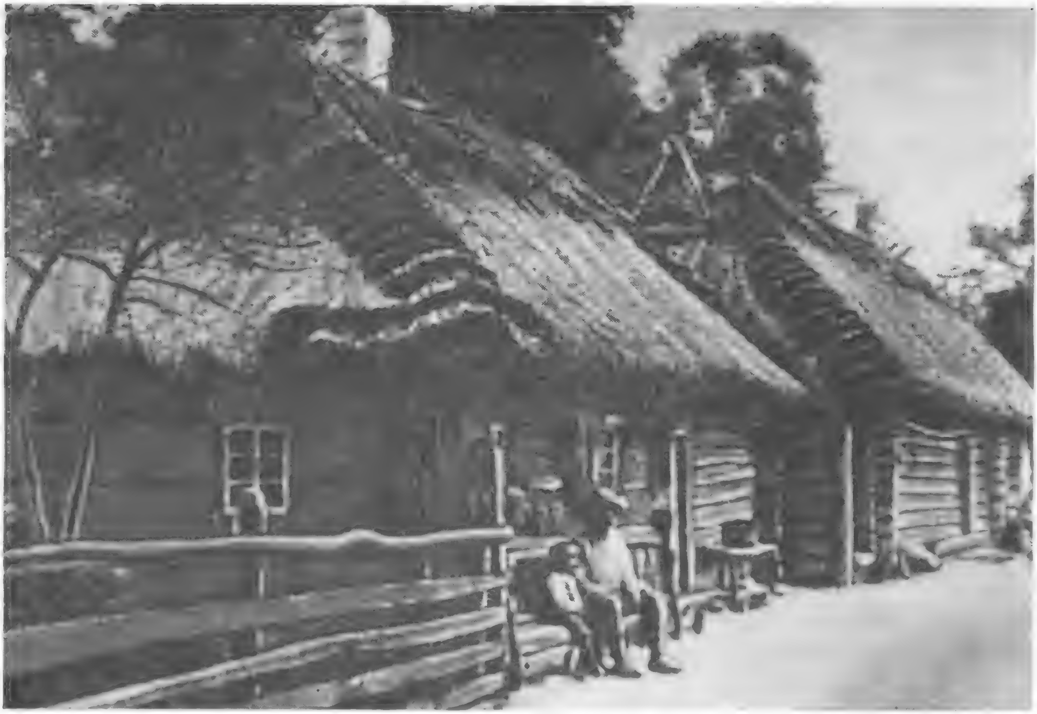


Рис. 75. Тип погонной застройки. Столинский р-н. С фотографии нач. XX в.

Погонный двор включает в себя два звена хлевов: для мелкого скота и птицы и для крупного скота и лошадей. Число помещений в этих звеньях зависело от экономического положения крестьянина. Как конструктивно-хозяйственная единица хлев сформировался в пору начальной стадии развития земледелия[106]. С развитием животноводства начался процесс его дифференциации. В системе погонного двора объединение хлевов в звенья имеет региональные особенности. Например, в Среднем Полесье постройка с загонами для лошадей, коров и овец называлась одриной, на Минщине — оборой, а на Могилевщине — пуней. На Витебщине практически все помещения для скота объединяются в одно звено. Самостоятельно часто выступает помещение для лошадей — конюшня. Звенья хлевов для крупного скота в погонной застройке обычно располагаются сразу же за поветью или сенником. Архитектурно не выделяясь из общего силуэта застройки, планировочно они занимают значительную часть площади погона (до 25 %), особенно в районах с развитым сельским хозяйством (Среднее Полесье, Понеманье). Звено помещений для мелкого скота и птицы (телятник, свинушник, овчарня, птичник) находится, как правило, в конце погона. В отдельных случаях загородка для телят может быть оборудована в хлеву для крупного рогатого скота. Часто в планировке выделялся птичник. Например, в погонах Пуховичского и Осиповичского районов он располагается в повети — маленькой срубной постройке, Центральной Белоруссии — в конце ряда (Слуцкий, Копыльский р-ны).

---

[106] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 236.

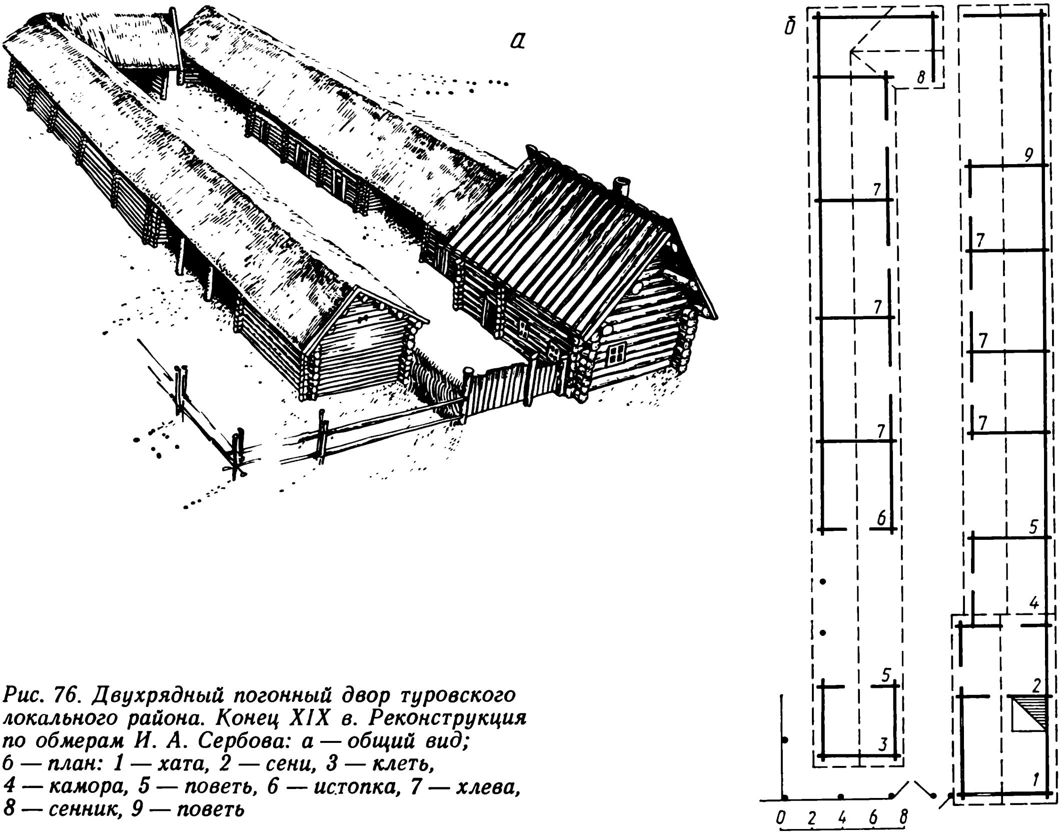


Рис. 76. Двухрядный погонный двор туровского локального района. Конец XIX в. Реконструкция по обмерам И. А. Сербова: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — камора, 5 — поветь, 6 — истопка, 7 — хлева, 8 — сенник, 9 — поветь

На основе принципа функционального соподчинения формируются звенья и в двухрядном погоне. На Гродненщине второй ряд начинается с клети (иногда двойной), образующей с истопкой соседствующее с жильем звено. Таким образом на чистом дворе возникает целый комплекс построек:

хата — сени — камора — . . .
клеть — клеть — истопка — . . .

В формировании погонного двора как определенной конструктивно-планировочной структуры значительную роль играет принцип конструктивного единства, являющийся важной общенациональной особенностью погонной застройки. Он характеризует ее планировочные и архитектурно-строительные особенности. Конструктивное единство подразумевает степень целостности комплекса дворовых построек: они представляют собой либо одно сооружение, либо несколько. Своего наивысшего развития конструктивное единство достигло в погонах, архитектурно представляющих одно целое, все звенья которых соединены между собой и находятся под общей крышей (Среднее и Западное Полесье, юг и юго-восток Центральной Белоруссии) (рис. 68—71). В Центральной Белоруссии, особенно в восточной ее части, преобладают погоны, жилые и хозяйственные звенья которых конструктивно самостоятельны, т. е. представляют собой два или несколько не связанных между собой сооружений. Для погонов конца XIX — начала XX в. это явление связано с распадом линейной застройки и переходом к двору с несвязанными постройками, что было вызвано социально-экономическими изменениями, проникновением в деревню капитализма. На более раннем этапе самостоятельность звеньев могла обусловли-

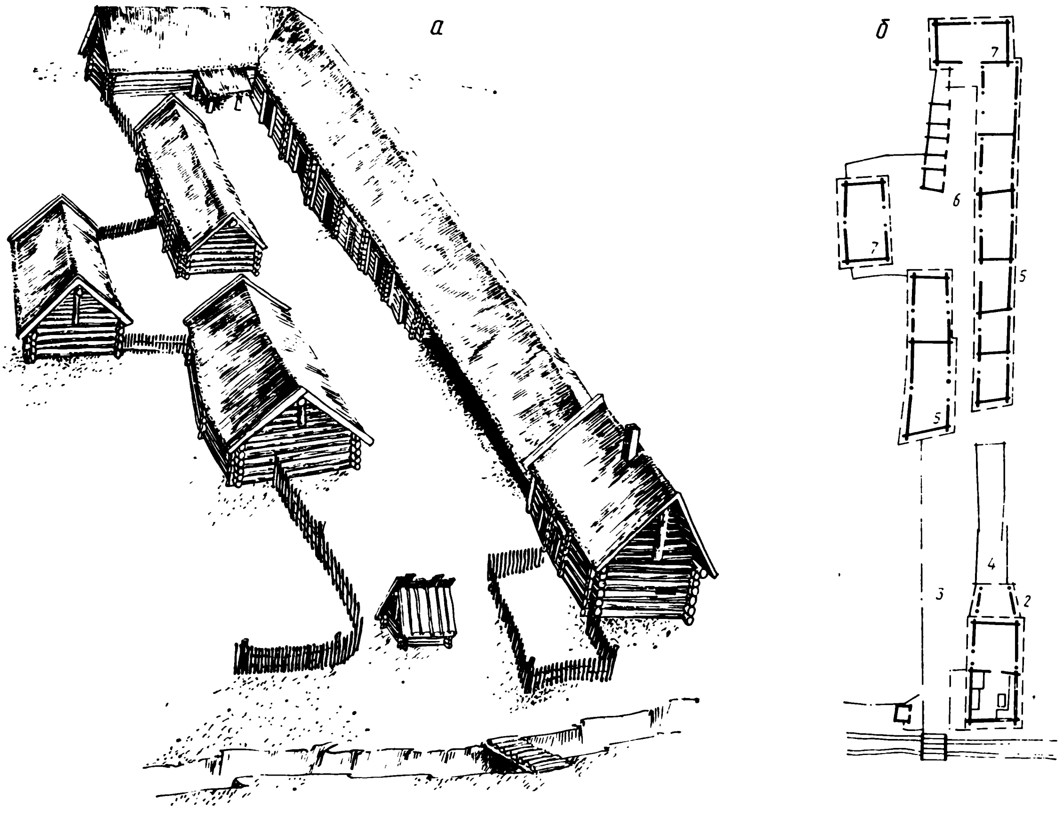
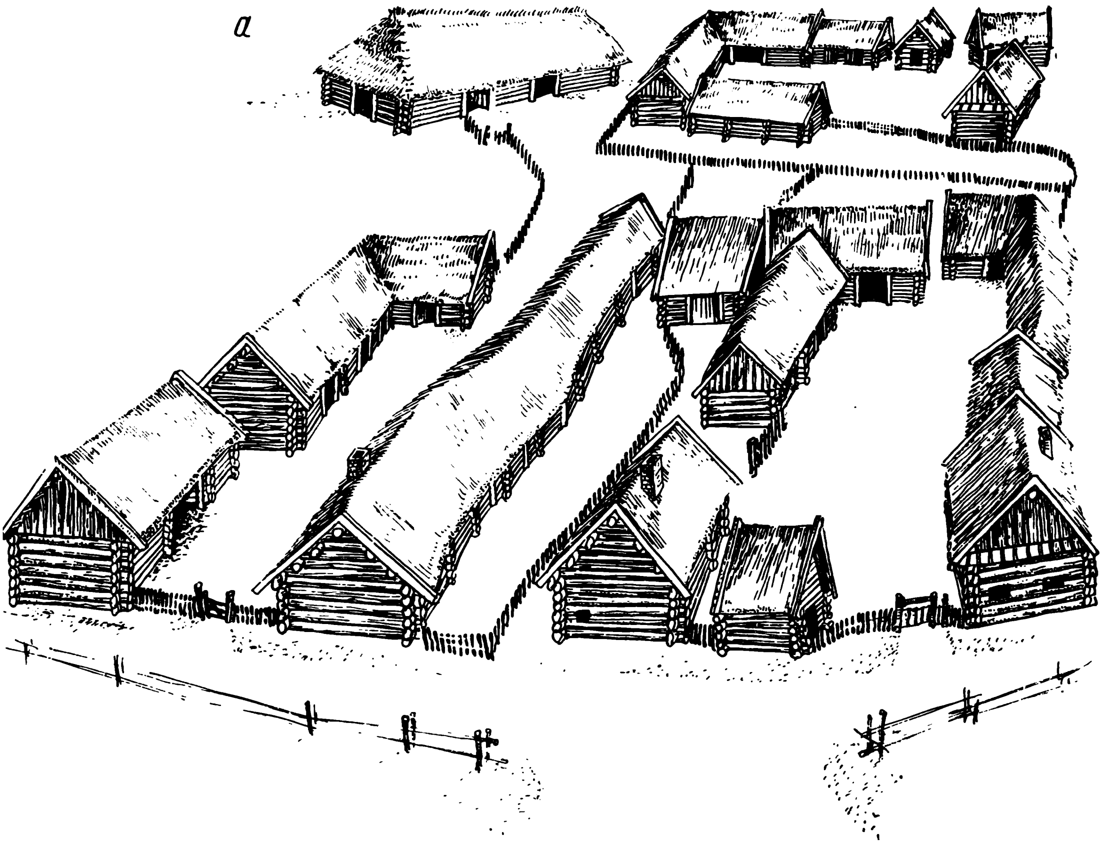


Рис. 77. Г-образная застройка с элементами двухрядного двора. Нач. XX в. д. Войтковичи б. Столинского повета. Реконструкция по обмерам З. Домоховского:
а — общий вид;
б — план: 1 — хата, 2 — поветь, 3 — двор, 4 — огород, 5 — хлева, 6 — пригуменье, 7 — гумно



ваться особенностями структуры «уставной» деревни (расположение на разных сторонах улицы жилых и хозяйственных построек) или семейными разделами, могла вытекать из развития погона в хронологическом плане. Как уже отмечалось, погонный двор мог строиться несколько десятков лет. Впоследствии звенья соединялись поветями в одно целое. А. Харузин приводит схему двухрядного погона из д. Старая Воля Пружанского уезда[107]:

погреб, хата — поветь — хлев — поветь — хлев...
клеть, хлев, хлев

Из нее видно, что формирование конструктивного единства главного ряда завершено, а второстепенного нет. Упоминавшийся погон из д. Садовичи начал строиться в начале века и достраивался так, что некоторые хлева, погреб и птичник появились лишь в конце 40-х годов. В конце прошлого века были построены хата и пара хлевов погона из д. Моисеевичи Осиповичского района (рис. 72). А к концу 30-х годов к ним прибавились поветь, истопка, пуня и другие постройки, увеличившие длину погона до сорока метров. Еще в большей мере сказанное харак-

---

[107] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 44.

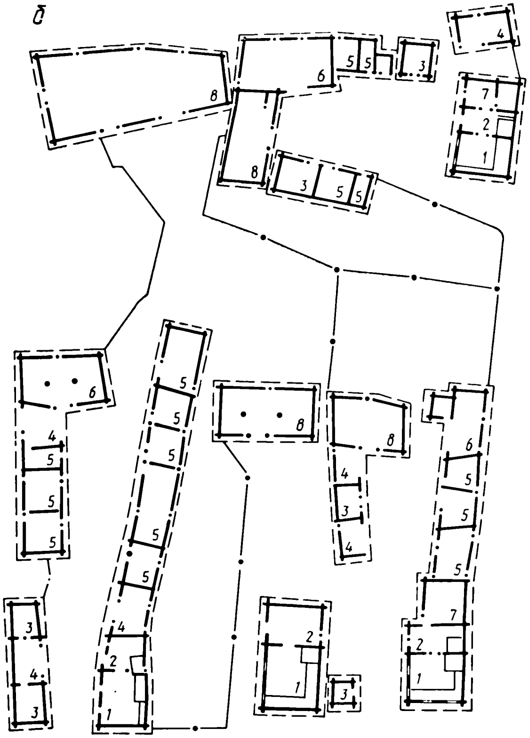


Рис. 78. Погонная застройка в Кажан-Городке. Конец XIX — нач. XX в. Реконструкция по обмерам З. Домоховского: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — поветь, 5 — хлева, 6 — сенник, 7 — истопка, 8 — клуня

терно для двухрядного двора. Соединение самостоятельных звеньев шло по-разному. Часто связующим элементом была бревенчатая стена (замет), соединяющая, например, жилое звено с хлевом. Свидетельство тому — погоны из деревень Новоселки и Углы Стародорожского района. Следующим шагом было преобразование стены-замета в поветь, часто представляющую собой лишь крышу между звеньями (погоны из деревень Докторовичи, Бучатино Копыльского р-на). И наконец, самое распространенное связующее звено — поветь, открытая только со стороны денника (деревни Заперинье Пуховичского, Пруссы Стародорожского, Огородники Слуцкого р-нов). Полное конструктивное единство достигалось, когда связующим становилось закрытое помещение: приистопка, одрина, сенник. Экономические и социальные условия способствовали объединению звеньев линейного двора, разделенных улицей (в «уставных» поселениях типа д. Низок Узденского р-на, сохранившей до настоящего времени структуру волочной деревни с жилыми и хозяйственными постройками на противоположных сторонах улицы) [108]. Объединение происходило путем переноса клетей и хлевов на сторону теплых построек. Освободившаяся территория могла застраиваться новой усадьбой. В последующие триста с лишним лет после реформы в развитии погонного двора усиливалось конструктивное единство. Продольное, а зачастую и поперечное деление участков вынуждало рациональнее использовать пространство между дворовыми постройками. Соединение всех звеньев в один «сцяг» давало экономию леса, так как сокращалось количество поперечных стен. Двусторонняя уличная застройка, а затем формирование многоуличной посредством образования улиц по пригуменьям уплотняли все виды дворовой застройки. В конце XIX в. погоны Западного Полесья представляли собой либо сплошное протяженное строение («сцяг»), либо две, реже три протяженные постройки, объединяющие несколько звеньев.

---

[108] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 71; Народы европейской части СССР: Этнограф. очерки/Под ред. С. П. Толстова. М., 1964. Ч. 1. С. 818.

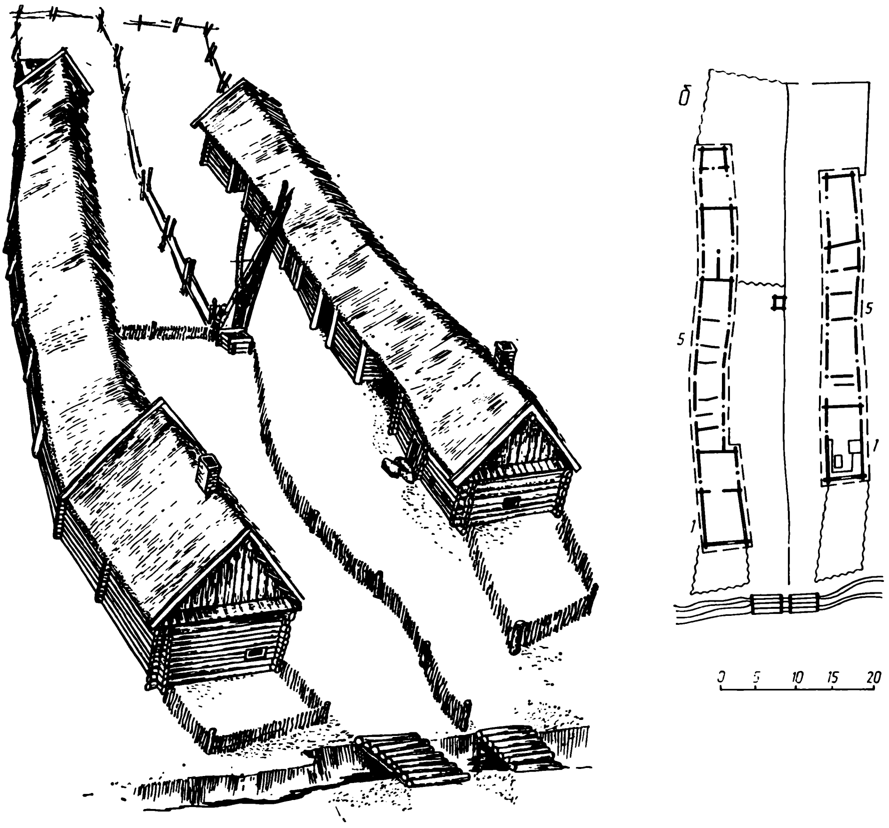
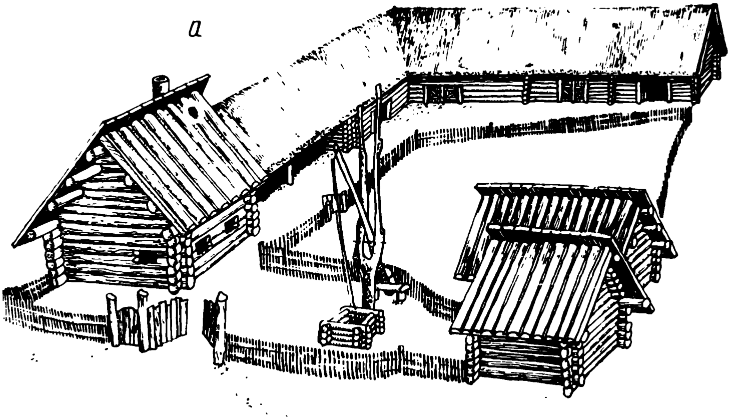


Рис. 79. Однорядные погонные дворы. Нач. XX в. д. Гришиновичи б. Лунинецкого повета. Реконструкция по обмерам З. Домоховского: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 5 — хлева

В главном ряду архитектурно-планировочной структуры двухрядного погона преобладает конструктивное единство, во второстепенном — самостоятельность. Конструктивная самостоятельность свойственна, как правило, клети. Иногда она стоит через улицу — рудиментарный отголосок «волочных» времен (деревни Мелехи, Дайнова Ивьевского р-на). Но шире распространены двухрядные погоны с цельными рядами (восточная и северная части Понеманья). Очевидно, что рассматриваемый принцип сформировался и получил развитие в совокупности со всеми историческими, социально-экономическими, бытовыми и этническими аспектами эволюции погона и является как бы их производной, т. е. представляет собой параметр, определяющий динамику структуры погона в ходе его исторического развития (рис. 73—79).

Еще одним общим фактором формирования погонного двора как архитектурного ансамбля является принцип объемно-пространственного соподчи-



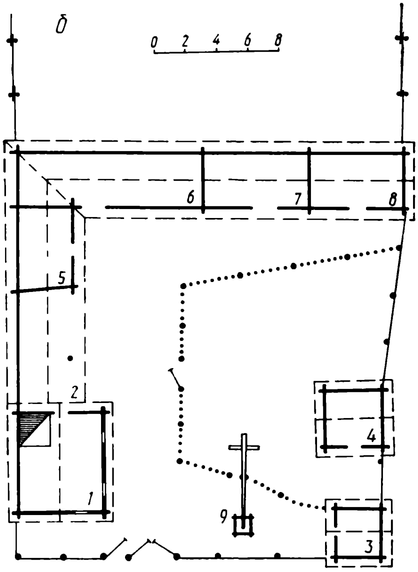
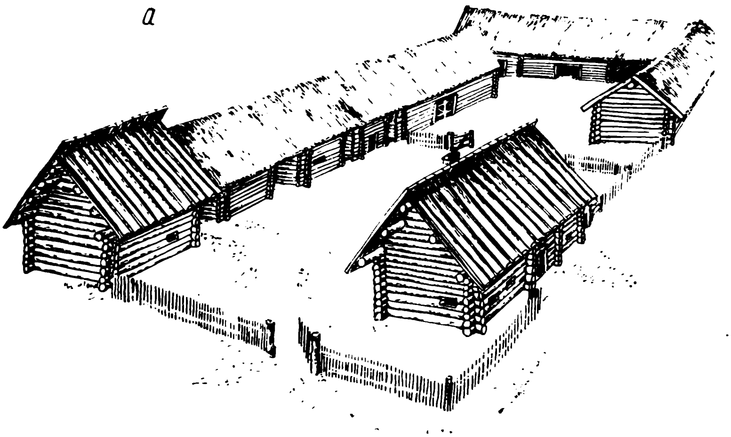


Рис. 80. Г-образный двор в Восточном Полесье. Конец XIX в. д. Бабичи Речицкого р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — истопка, 5 — хлев для мелкого скота, 6 — хлев для крупного скота, 7 — сенник, 8 — гумно, 9 — колодец

нения. Он определяет пропорции и соотношение звеньев и отдельных построек как между собой, так и относительно всего линейного комплекса. Суть его заключается в характере сочетания частного и целого в системе продольно-осевой композиции двора. Ведущую роль может играть объемное единство звеньев или, наоборот, главенство, доминирование одного из них. Доминирующее звено отличается более выгодным с точки зрения планировки двора расположением, выделяется размерами, с него начинается развитие композиции застройки. Как правило, доминирующее положение характерно для звена жилых помещений (хата — сени — клеть). В двухрядном погоне могут быть два доминирующих звена: в главном ряду жилое, во второстепенном — клеть. Выделение их в объемно-пространственной структуре двора порождено неравномерностью исторического развития составляющих звеньев. Жилье развивалось быстрее хлевов. Хата из однокамерной превращалась в двух-, трехкамерную, развитие же хлевов всегда обусловливалось хозяйственными нуждами. Объемно-пространственное соподчинение звеньев



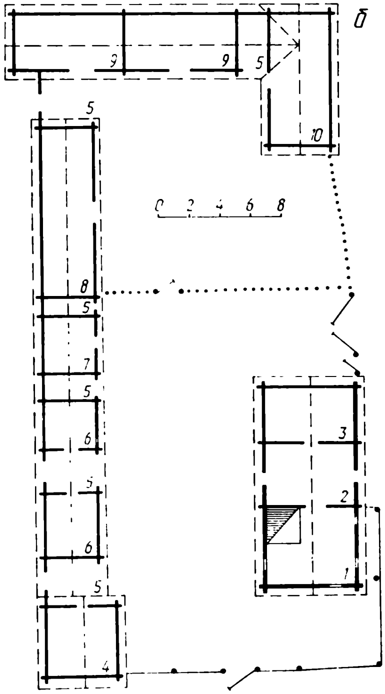
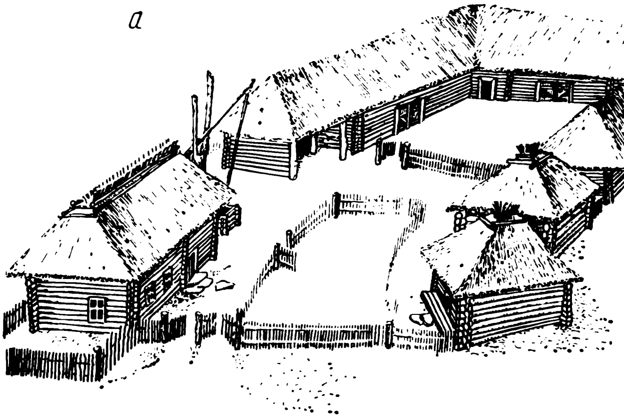


Рис. 81. П-образный двор
в Мозырском подрегионе.
Реконструкция XIX в.:
а — общий вид; б — план: 1 — хата,
2 — сени, 3 — камора, 4 — клеть, 5 — поветь,
6 — истопка, 7 — хлев для мелкого скота,
8 — конюшня, 9 — хлев для крупного скота,
10 — сенник

отличается региональным разнообразием. Доминирующее жилое звено характерно для погонов центральных и западных районов, где процесс развития жилища проходил интенсивнее. И наоборот, для Среднего и Западного Полесья характерны единые в объемном решении линейные дворы с простым двухкамерным и даже однокамерным жилищем. Выделение клети в двухрядном погоне — региональная особенность Понеманья, вытекающая из ее длительного развития, обусловленного важной ролью этой постройки в крестьянском хозяйстве. Главенство жилого звена придает архитектуре погона ступенчатый характер (погоны в уже упоминавшихся деревнях Заперинье, Пруссы, Огородники), который может быть развит. Например, в д. Новоселки Стародорожского района сохранились однорядные дворы, в которых все помещения, начиная с сеней и далее, убывают как планировочно, так и по высоте. Доминирующие объемы характерны для погонов с конструктивной самостоятельностью зве-



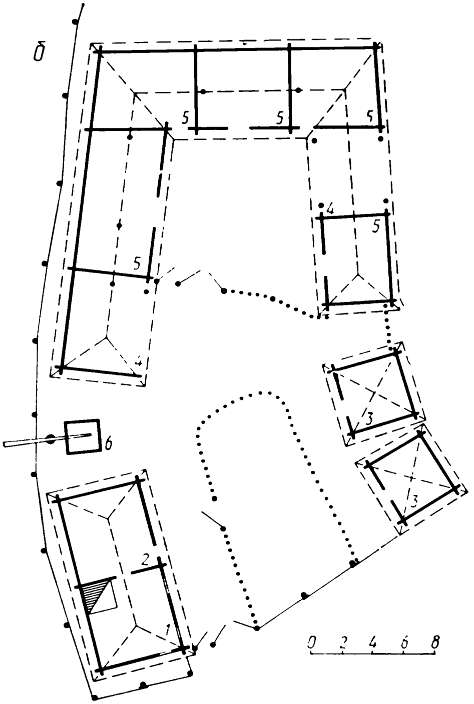


Рис. 82. П-образная застройка в Восточном Полесье. Конец XIX в. д. Козероги Лоевского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — поветь, 5 — хлева, 6 — колодец

ньев, что и очевидно: архитектурный объем всегда точно отражает внутреннее конструктивно-планировочное содержание. Конструктивному же единству соответствует и единство объемно-пространственное. «Сцягі» Осиповичского, Любанского, Копыльского, Кореличского, Гродненского и других районов отличаются единой формой, объемом. Для звеньев предшествующей группы линейных дворов, не связанных конструктивно и объемно, характерно дифференцированное во времени развитие, звенья же погонов-«сцягаў» развивались как единое целое. И если в первом случае развитие получило жилье, то во втором — весь погон. Именно погон-«сцяг» воспринимается как архитектурный ансамбль. Целостное объемно-пространственное решение подчеркивает стиль, создает запоминающийся образ с оригинальными эстетическими качествами, говорящими, что это не только этническая традиция материальной культуры, но и памятник народного зодчества (рис. 78) (приложение, табл. 5).

Протяженные линейные дворы имели свои недостатки. Вытянутые в глубь двора помещения создавали неудобства в их использовании и занимали

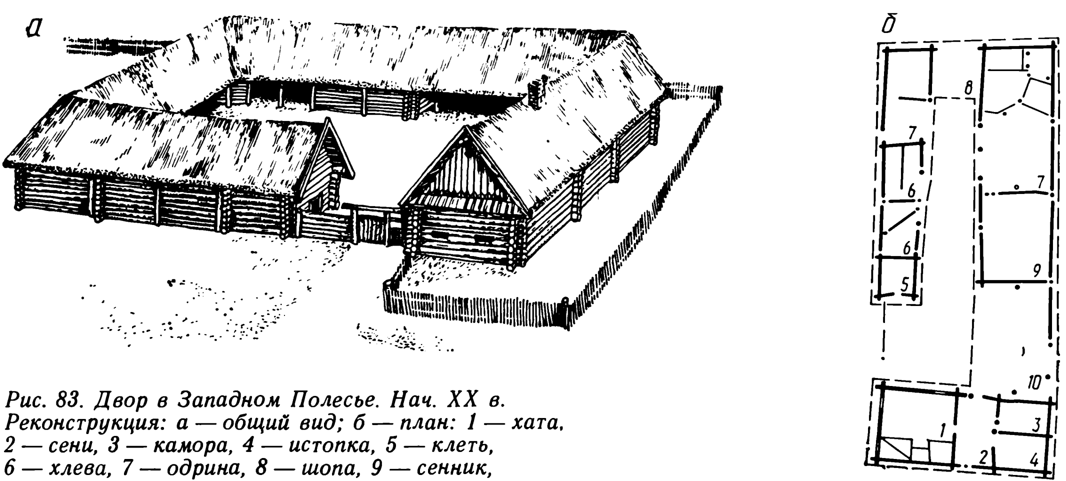


Рис. 83. Двор в Западном Полесье. Нач. XX в. Реконструкция: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — истопка, 5 — клеть, 6 — хлева, 7 — одрина, 8 — шопа, 9 — сенник, 10 — поветь

вместе с чистым двором и денником значительную часть земельного надела. Развитие в длину не могло продолжаться безгранично, и новые постройки строились напротив, образуя двухрядный двор. Один из таких дворов сохранился в д. Радунь Кореличского района. Главный ряд его протянулся на сорок шесть метров и по хозяйственным соображениям не мог развиваться дальше. Это привело к появлению второго ряда восьмиметровой длины. Предел количественного роста привел к качественному изменению застройки. Такие двухрядные дворы выделяются заметной диспропорцией между рядами (главный значительно крупнее второстепенного). Распространены они вдоль границы Полесья и Понеманья. Развитие двухрядного погона на основе однорядного не противопоставляется развитию первого из веночного двора. Эволюция двух основных видов дворовой застройки (погона и венка) шла во встречном направлении, и двухрядный погон (П- и Г-образные дворы) показывает, что между ними существует тесная взаимозависимость в функциональной организации, планировке, объемно-пространственном решении (рис. 80—84). Она наводит на мысль, что веночный и погонный дворы — архитектурно-планировочные разновидности общего типа усадебной застройки с открытым (полуоткрытым) двором, постройки которого в зависимости от условий формирования могут составляться в замкнутую или линейную структуру. Это подтверждается и анализом составляющих отдельных звеньев. И для первого, и для второго характерно четкое разделение на чистый и хозяйственный дворы. Жилое звено, звенья для мелкого и крупного скота, хранения инвентаря, дров и сена, кормов имеют одинаковое структурное строение (последовательность и функциональная связь помещений). Например, в д. Углы Копыльского района Минской области погоны состоят из хаты, сеней, каморы (клети), повети, помещений для мелкого скота, крупного скота, птичника, дровяника. Двухрядные погоны в д. Валевка Новогрудского района Гродненской области объединяют такие же помещения с до-

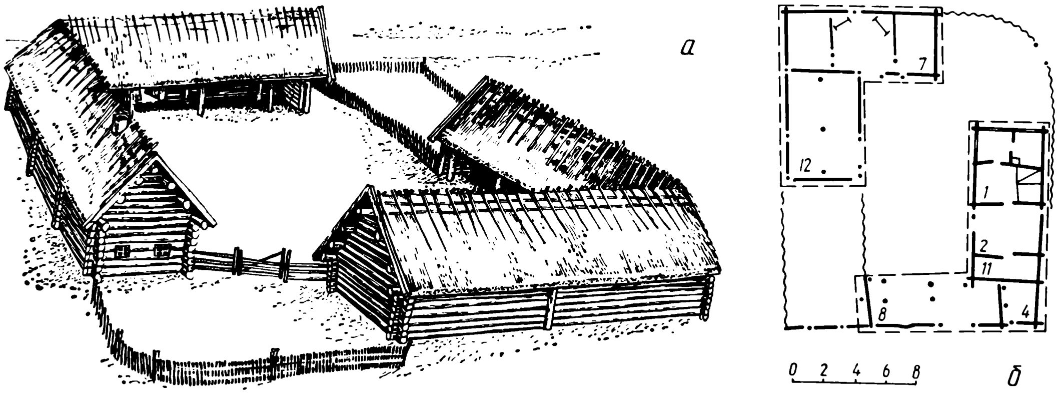


Рис. 84. Переходный тип двора в Западном Полесье. Нач. XX в. Реконструкция: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 4 — истопка, 8 — шопа, 7 — одрина, 11 — кладовая, 12 — сенник

бавлением других, но с сохранением функциональной соподчиненности в два ряда. Денник двора из д. Януки Докшицкого района Витебской области представляет по сути дела погон наподобие буквы Р, а двор из д. Будичи того же района — организацию этих помещений замкнутым венком. Расширение функций крестьянского хозяйства в условиях капитализма, развитие многоуличных деревень с уплотненной застройкой, улучшение санитарно-гигиенических условий деревни и борьба с пожарами начали разрушать структуру венков и погонов. Требовался двор с более свободной, мобильной застройкой, удобной и экономной. Оборонительные черты венков давно утратили свое значение, да и недостатки погонов начали проявляться резче в новых хозяйственно-экономических условиях.

Эволюция венка и погона вела к рождению нового типа двора, объединяющего в себе лучшие качества исходных типов, отвечающего хозяйственным потребностям времени. Интеграционный характер эволюции был обусловлен общими этническими процессами в материальной культуре периода завершения формирования нации. Начав развитие как две разновидности общего типа в период средневековой хозяйственно-экономической обособленности и пройдя длительный путь формирования как этнические традиции в процессе постепенного укрупнения феодального хозяйства, они объединились в новый тип, сохранив характер открытого двора, из которого когда-то вышли (рис. 85—88):

Тип открытого двора

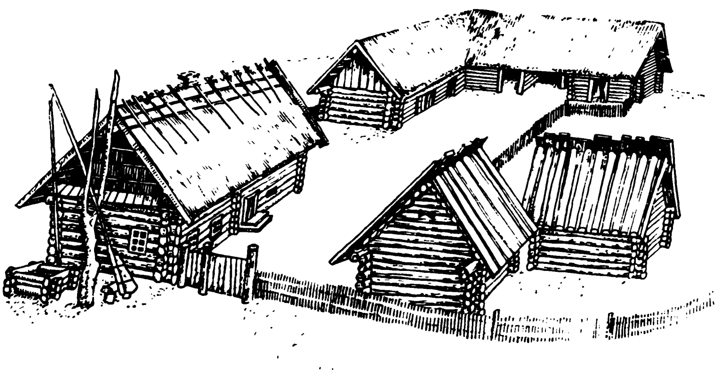
замкнутый — незамкнутый

веночный двор — погонный двор

Переходные типы, П- и Г-образные дворы

Двор с несвязанными постройками

В конце XIX в. начинается процесс трансформации веночного и линейного дворов в двор с несвязанными постройками. Архитектурное и планировочное единство погона и венка начинает диф-



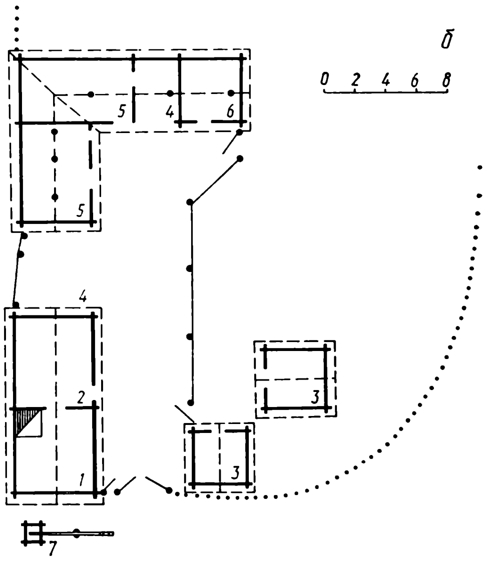


Рис. 85. Двор с несвязанными постройками. Нач. XX в. д. Шарин Ельского р-на:
а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — поветь, 5 — хлева для крупного скота, 6 — хлева для мелкого скота, 7 — колодец

ференцироваться, объемно-пространственное единство разрушается, нарушается равномерность в развитии звеньев, сокращается набор хозяйственных помещений. Однако в регионах распространения погонной и веночной застройки новый вид двора сохранил многие свойственные им черты. Объемно звенья разъединились, сдвинулись относительно друг друга их оси, но характер двора остался прежний.

Дворы с несвязанными постройками

Поозерья и Поднепровья сохранили традиционное венкам функциональное деление, компактную центрично-периметрическую планировку, важный архитектурный элемент — браму с навесом. В южной части республики они имеют осевой, линейный характер, который создает жилое звено, и один-два ряда хлевов.

В дворовой застройке белорусов прослеживаются широкие связи народного зодчества с соседними народами[109].

---

[109] Чижикова Л. Н. Изучение сельского жилища восточных славян; Станюкович Т. В. Поселения и жилища русского, украинского и белорусского населения среднеазиатских республик и Казахстана // Этнография русского населения Сибири и Средней Азии. М., 1969; Данилюк А. Г. Замкнені дворі на Поліссі // Народна творчість та етнографія. 1975. № 4; Козакевич М. З. Селянська седиба в Українському Поліссі (в другій половіні XIX і першій половіні XX ст.) // Матеріали з етнографії та містецтвознавства. Київ, 1959. Вып. 4. С. 24—40; Стельмах Г. Ю. Поселення, двір, житло; Этнаграфія беларусаў. Мн., 1985.

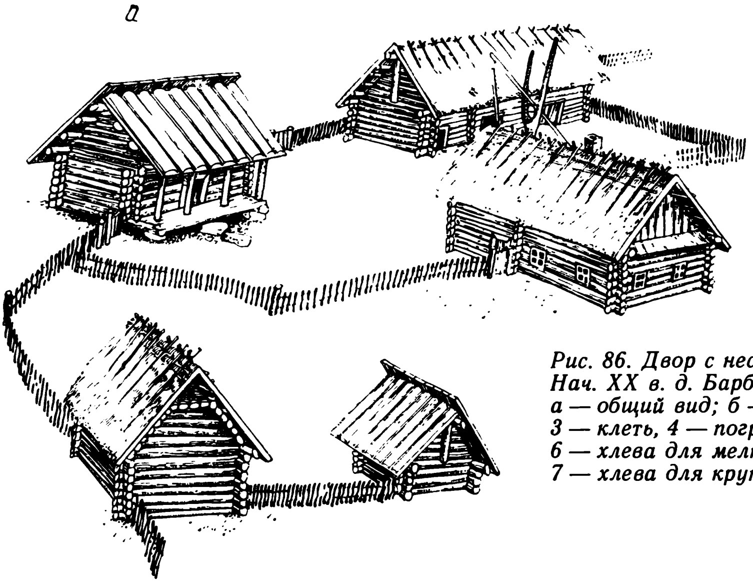
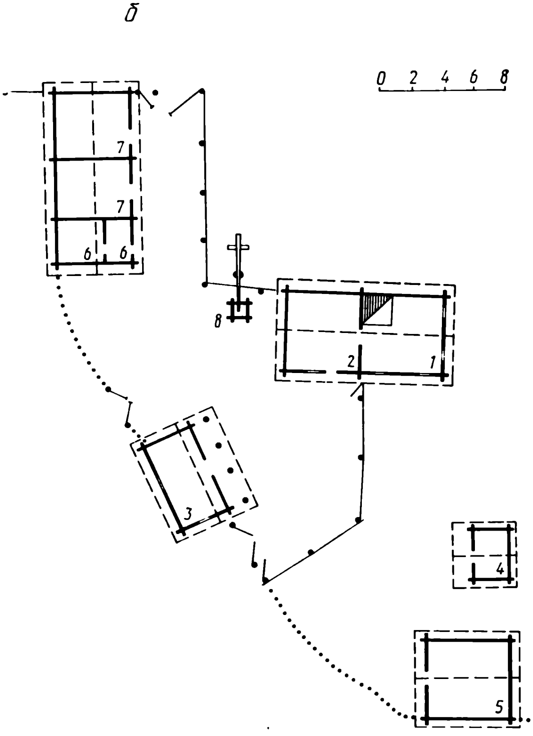


Рис. 86. Двор с несвязанными постройками. Нач. XX в. д. Барбаров Мозырского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — клеть, 4 — погреб, 5 — истопка, 6 — хлева для мелкого скота, 7 — хлева для крупного скота, 8 — колодец

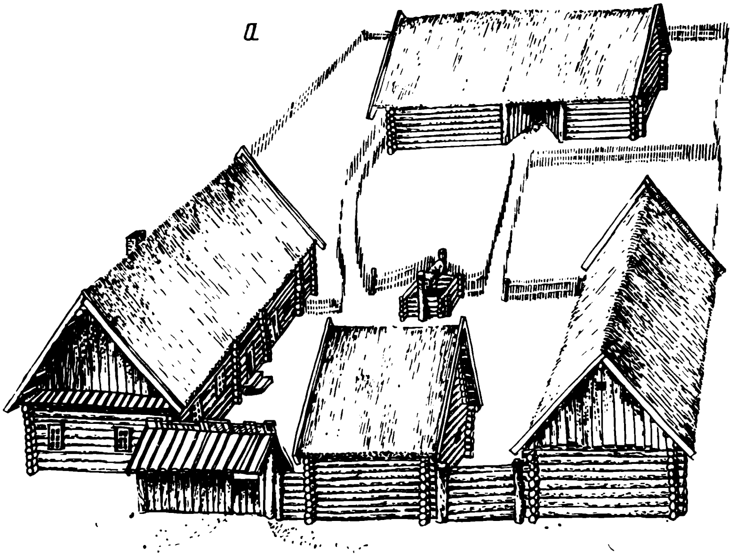


Исконно белорусский тип — погон, как уже говорилось, охватывает не только Припятский ареал, Центральную Белоруссию и частично Подляшье, но и простирается на восток через северо-запад Брянщины в Смоленскую область. Безусловно, структура погонного двора на таком значительном пространстве неоднородна. В восточной части Припятской зоны погонные дворы отличаются от западнополесских и подляшских, причем с ними там соседствует множество переходных форм (П- и Г-образные дворы). Погоны Центральной Белоруссии отличаются от полесских своей структурной дифференцированностью, что характерно для погонных дворов Смоленщины и Брянщины [110].

Двухрядный погон понеманского типа охватывает Белостокское воеводство, южные и юго-восточные районы

---

[110] Самойлович В. П. Українське народне житло; Маковецкий И. В. Архитектура русского народного жилища; Беларускае народнае жыллё.



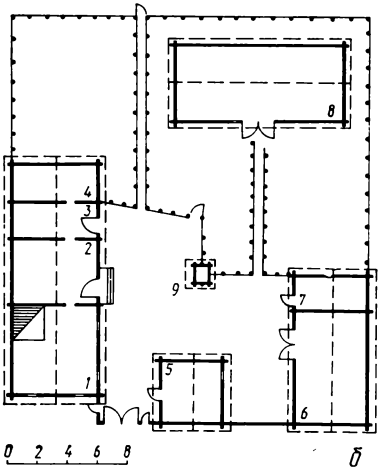


Рис. 87. Двор с несвязанными постройками. Нач. XX в. д. Канатиха Вилейского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — приистопка, 4 — истопка, 5 — клеть, 6 — хлева, 7 — птичник, 8 — гумно, 9 — колодец

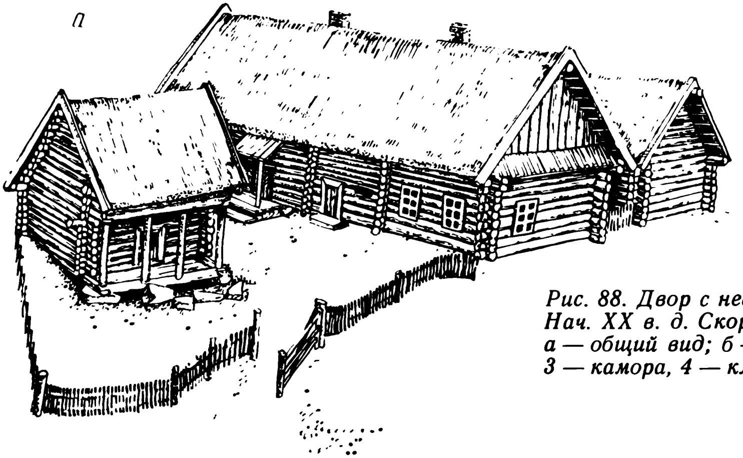
Литвы. Однако и здесь структура дворов неоднородна: западнее она более отчетлива, восточнее уже несколько деструктирована рудиментами веночного двора (северо-восток ареала) и двора с несвязанными постройками (восточная часть)[111]. В центре ареала отличительной особенностью является доминирующая во втором ряду клеть.

Много общего у белорусов и их соседей (латышей, русских) и в веночной застройке, охватывающей области Поозерья, Поднепровья, северо-западные районы Смоленщины, западные Калининской области, юг Псковской и латышскую Латгалию. Ареал распространения веночных дворов значительно шире ареала бессистемных деревень, частично он захватывает Восточное Полесье и Черниговщину[112]. В пределах столь обширного пространства распространения веночные дворы также неоднородны: поднепровские отли-

---

[111] Литовское народное зодчество.

[112] Юрченко П. Г. Дерев'яне зодчество України; Иконников А. В. Планировочные традиции в народном зодчестве // Архит. наследство. 1962. № 14.



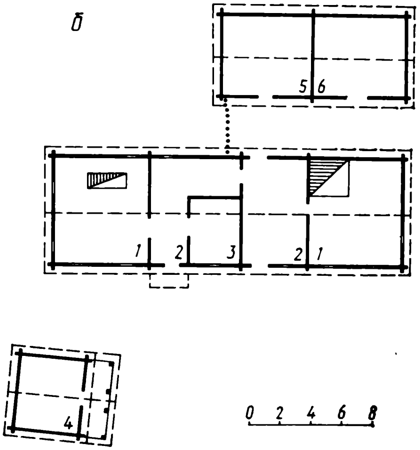


Рис. 88. Двор с несвязанными постройками. Нач. XX в. д. Скорода Верхнедвинского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — клеть, 5, 6 — хлева

чаются от поозерских, последние от латгальских и т. д.

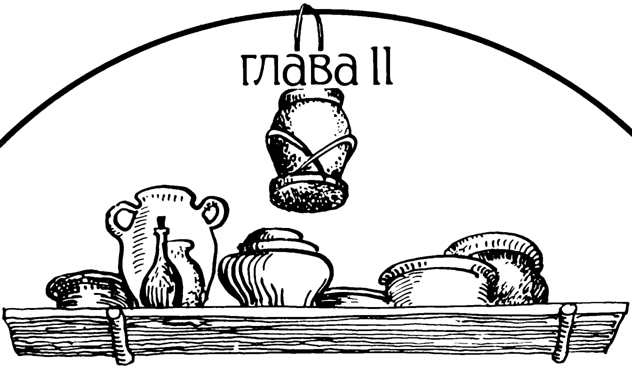
Если обобщить материал по дворовой застройке отдельных ареалов и взглянуть на проблему с точки зрения ее истоков, то очевидно, что обширная полоса, выходящая из глубин среднерусской равнины и охватывающая южные районы Прибалтики, Белоруссию и север Украины и уходящая далее в Польшу, представляет собой область распространения единого типа двора — открытого, в зависимости от условий принимающего замкнутую или незамкнутую форму. В этнографической литературе такой двор отождествляется со среднерусским П-образным[113]. Можно предположить, что для всей обширной зоны срубного жилища, распространенного в Восточной Европе, выделенные ранее три основных типа двора представляют скорее всего промежуточную ступень одного, более обширного типа[114]. Открытый (замкнутый, незамкнутый) двор находится между северорусским крытым и южно-великорусским и южноукраинским открытым двором с несвязанными постройками. В ходе исторического развития определились этнографические ареалы, в центре которых указанные типы бытовали устойчиво; на периферии, вдоль приграничных районов, складывались переходные типы. Тип открытого двора можно рассматривать как переходную форму между диаметрально противоположными северным и южным типами. В свою очередь, в среднерусском типе также происходят процессы дифференциации, подтверждением чему может быть эволюция белорусского венка и погона в дворы с несвязанными постройками, идентичные дворам южной полосы России и Украины. Становится очевидным, что к концу XIX в. начался постепенный процесс трансформации основных типов дворовой застройки народов Восточной Европы в сторону двора с несвязанными постройками. Их статичная форма развития, в которой стадии эволюционного процесса были зафиксированы по ареалам (северо-, средне-, южно-великорусский и южноукраинский), достигнув предела количественного развития, перешла в динамичную. Началось движение к образованию общего типа. Можно с уверенностью сказать, что этот тип двора, наиболее мобильный, рациональный по использованию площади усадьбы и расходу лесоматериалов, легко вписывающийся в структуру деревни, смог получить распространение лишь благодаря неоспоримым хозяйственно-экономическим преимуществам. Переход к этому типу на юге Восточно-Европейской равнины был обусловлен рядом исторических факторов: высокой интенсивностью движения населения, вызванной сложными этническими отношениями, дефицитом леса, не позволяющим сооружать сплошные жилищно-хозяйственные комплексы, теплым климатом, не требующим капитальности сооружений, высоким уровнем развития животноводства, что вызывало динамику хозяйственных построек. С другой стороны, более низкая плотность расселения, суровый климат, наличие леса на русском Севере способствовали длительному сохранению дома-двора. Капитализм, разрушив старую экономическую структуру деревни, в первую очередь затронул и ее усадебную структуру, привел ее в движение. Начинается процесс дифференциации традиционных дворовых типов — как замкнутого крытого, северорусского, так и замкнутого (незамкнутого) открытого средней восточноевропейской полосы. Начинают очерчиваться контуры нового типа двора, отличающегося подвижностью, планировочным разнообразием, утратившего этнические традиции в планировке, но сохранившего их в отдельных постройках. Перспективным становится двор с несвязанными постройками. Он не препятствует хозяйственно-экономическому развитию поселений in citu (в себе) и способствует их трансформации в крупные села и местечки. Развитие двора Восточной Европы представляет, таким образом, стройный диалектический процесс во времени и пространстве одного из явлений материальной культуры. Начав из общего типа и пройдя длительный процесс дифференциации и количественного разнообразия, начинается объединение вновь в общий тип, но уже на качественно новой основе, более высокой современной ступени (приложение, табл. 6).

---

[113] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 180—185.

[114] Там же. С. 63—66.

глава II



Этно-архитектурные особенности белорусского народного жилища

ПЛАНИРОВКА. КОНСТРУКЦИИ

В последнее столетие до н. э. и в 1-м тысячелетии н. э. в зоне лесной полосы Восточной Европы бытовали наземные срубно-бревенчатые жилища с печью-каменкой у задней стены. На территории Белоруссии определились два региона (северный и южный) с отличиями в строительной технике и архитектуре жилищ[1]. Развитие белорусского жилища в этот период идет неравномерно, несколько быстрее в северной части, где с развитием земледелия ускорился переход от патриархально-родовой к соседской общине. Типы жилых построек, характерные для северной и южной частей Белоруссии, определились еще в железном веке. Северо-белорусские представляли сооружения 12×12, 17×18 м столбовой конструкции, разделенные на отдельные помещения площадью 20—25 м², в которых имелись очаги[2].

В начале нашей эры уже были известны стены комбинированной конструкции (углы соединяются в замок, а длина наращивается через столбы с вертикальными пазами — шулы). Строение делилось пополам продольной стеной, которая могла служить опорой для двускатной крыши[3]. Большие многокамерные жилища Средней и Северной Белоруссии отвечали условиям общественного и хозяйственного быта большой патриархальной семьи. Семьи, которые позднее начали отделяться, жили в отдельных помещениях общего жилища и своего хозяйства не вели[4].

Совершенно иной вид имели жилища племен милоградской и зарубинецкой культур юга Белоруссии. Здесь выделение самостоятельной семьи в основную хозяйственную единицу вело к появлению небольших построек. Иногда они имели круглую в плане форму диаметром до 6 м с плетеными стенами и шатровой крышей, поддерживаемой столбом в центре. Постройка заглублялась в землю на 25—30 см. Чаще строились жилища столбовой конструкции, покрытые камышом или соломой, в плане близкие к квадрату, иногда с закругленными углами. Намечается процесс перехода от заглубленных столбовых землянок к наземным свайным постройкам[5].

Во 2-й половине 1-го тысячелетия в Белоруссии распространяется новый, характерный для славян тип жилища полуземляночного или земляночного строения (заглубление до 1—2 м) с глинобитной или каменной печью. Размеры жилища небольшие, 4×5 м. Постепенно на смену полуземлянкам приходят срубные постройки с двускатными крышами на самцах, с окном в противоположной от входа стене, пристроенной каморой, печью с верхом наподобие сковороды, что позволяло использовать ее и как плиту. Они стали прообразом более поздней традиционной белорусской хаты[6].

Развитие феодальных отношений, ускорившее рост хозяйства и ремесел, торговли, дало новый толчок развитию жилища. В IX—XI вв. срубная техника в строительстве становится господствующей. Формируется древнерусский тип однокамерного жилья с двускатной крышей, крытой соломой или колотыми щепами (дранкой). Развивается двухкамерное жилье. В древнем Берестье на некоторых дворах обнаружены по два сруба, обращенных входами друг к другу. Возможно, они были объединены сенями. В жилом помещении печь переместилась из дальнего угла ближе к входу, что стало отличительной чертой западнорусского, украинского и белорусского жилищ. В XIV—XV вв. срубы уже рубятся не только из кругляка, но и брусьев, в угол без остатка — «чистый» угол.

---

[1] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 31.

[2] Очерки по археологии Белоруссии. С. 190.

[3] Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. С. 119.

[4] Там же. С. 107.

[5] Загорульский Э. М. Древняя история Белоруссии. С. 111.

[6] Там же. С. 119.

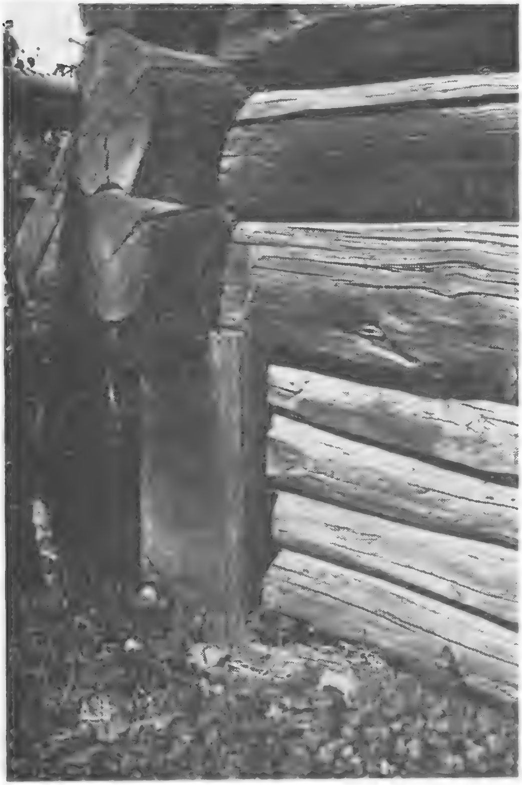


Рис. 89. Тип основания жилого дома конца XIX в.
д. Сычевка Мстиславльского р-на

У восточных славян исторически сформировались два основных типа народного жилища. Наземный — без подвала (подклети), с глинобитным (токовым) или дощатым полом на лагах — из землянок и полуземлянок в лесостепной полосе. Другой тип жилья — на подклети, практичный в условиях снежных заносов и обильных талых вод — развился в северной лесной полосе. Земляной или глинобитный пол постепенно сменяется деревянным и чем дальше к северу, тем он выше поднимается над землей [7]. Принадлежность белорусского народного жилища к первому типу — одна из его общих особенностей. Исключением являются отдельные районы Пинского Полесья, где издревле известны не только деревянные полы в хатах, но и постройки на сваях. На сваях делались и улицы в виде длинных мостиков — лав (Давид-Городок, Столин). Свайные основания в низинных, пойменных местах Западного Полесья просуществовали длительное время [8].

Из отмеченной общей особенности вытекает и другая: вертикальный характер развития белорусского народного жилища. Это одноярусные сооружения, в то время как двухъярусные избы русского Севера развивались из жилья на подклети. Элементы двухъярусного жилища в белорусском народном зодчестве начали формироваться лишь во второй половине нашего века, когда стали использовать чердачное пространство в качестве полезного объема.

Значительные изменения коснулись планировки белорусского народного жилища. Первоначально оно было од-

---

[7] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 60—63.

[8] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 65.

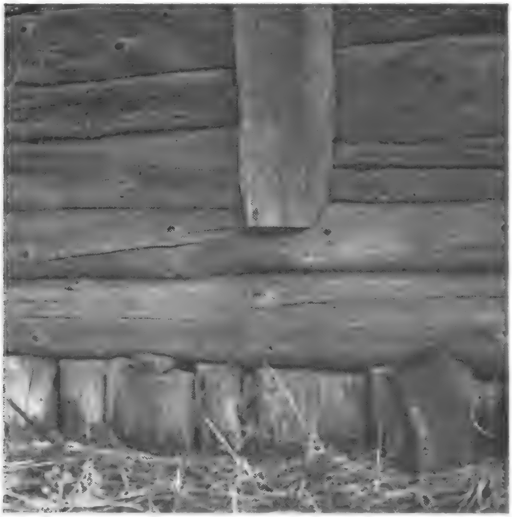


Рис. 90. Постройка на штандарах. Нач. XX в. д. Строчицы Минского р-на

нокамерным (прямоугольный сруб с длиной бревен 5—6 м и соотношением сторон 1 : 1,1; 1 : 1,3). С развитием функционально-бытовых сторон жилья появилась необходимость в подсобных помещениях. Появляются сени — конструктивный навес из жердей, прислоненных к срубу и покрытых ветками и хворостом (древнеславянская сень). Постепенно они трансформируются в тристен, сначала с односкатной крышей, а затем и двускатной, единой с жильем. В структуре жилища происходят важные изменения: вход с дворовой торцовой стороны перемещается на дворовую продольную, что приводит к увеличению длины жилой постройки, появлению так называемого широкофронтового дома[9]. Двухкамерное жилье было наиболее распространенным в Белоруссии в эпоху феодализма.

В качестве основного строительного материала в белорусском народном зодчестве использовали дерево. Даже в городах в XVII—XVIII вв. 92—93 % построек были деревянными[10]. Из 600 тыс. жилых построек, существовавших в Белоруссии в 70-е годы прошлого столетия, только 2 тыс. были каменными, и то половина из них приходилась на помещичьи имения и церковные приходы[11]. Строительство жилья велось, как правило, из добротного леса. До 20-х годов XX в. для жилых построек использовался лес 60—80-летнего возраста, так называемый спелый лес. Постройки из такого дерева могли стоять 200—300 лет. Штандары, шулы, подрубы делались из дуба (рис. 89, 90). Знали народные строители и простейшие способы антисептической обработки древесины. Заглубляемые концы штандар, сох, шул вымачивались в насыщенном соляном растворе. Постепенно ввиду дефицитности строительного леса начали использовать более молодой лес, 30—40-летнего возраста. Разумеется, это вело к снижению долговечности построек. Однако для наиболее ответственных конструкций старались использовать «спелый» лес (опоры, подруб, шулы, лаги (подмостники, подвалины), балки).

Традиционными в возведении стен были столбовая и срубная конструкции.

Фахверковые конструкции (несущий деревянный каркас с заполнением из глины, камня и других материалов), широко известные у поляков, чехов, венгров, отдельных районах Западной Украины, в Белоруссии в народном жилище не встречаются[12]. Имеются единичные примеры их использования в местечковой и усадебной архитектуре. Примеры употребления глинобитных материалов, широко распространенных в южной части Украины и России, также единичны и случайны (деревни Самуйловичи Горные, Самуйловичи Дольные Мостовского, Тальковицы Волковысского р-нов и др.)[13].

---

[9] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 37.

[10] Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI—XIX вв. С. 4.

[11] Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. СПб, 1882. Вып. 5. С. 75—172.

Как уже отмечалось, жилище находилось в тесной функциональной связи с вспомогательными помещениями. Хата и клеть или истопка ставились друг напротив друга. Логичным было их объединение тыльной стеной и общей крышей. Так сформировалось трехкамерное жилое звено. Здесь необходимо отметить, что клеть использовалась в качестве дополнительного жилого помещения и трансформировалась впоследствии во второе жилье. Этот процесс имел место во многих областях России, а также в Польше и на Украине[14]. По мере развития трехкамерная связь преодолела первоначальную механичность и приобрела планировочную и структурную осмысленность: план стал цельным, объемы архитектурно соподчиненными.

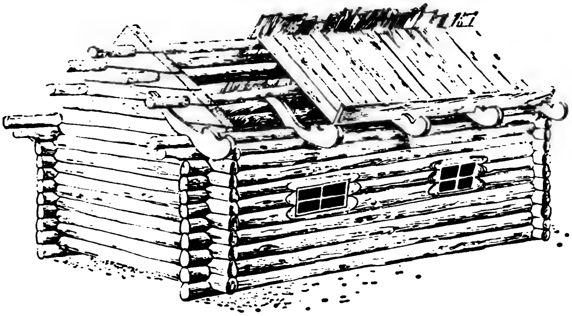


Рис. 91. Однокамерное жилище с крышей на самцах (по К. Мошинскому)

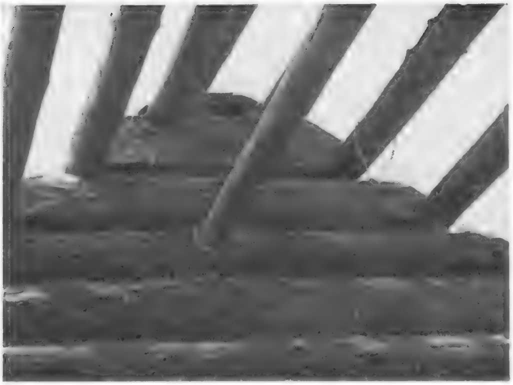


Рис. 92. Крыша на самцах. Нач. XX в. д. Новые Войхоны Городокского р-на

Общими для белорусского народного жилья являются и типы конструкции крыши: срубная и каркасно-прогонная[15]. Первый подразделяется на три подтипа: сплошное сводчатое перекрытие, называемое в народной терминологии закотом и применяемое преимущественно в клетях и свирнах, разреженное сводчатое перекрытие (разреженный закот — крыша на самцах) (рис. 91, 92) и пирамидальная (костровая, шатровая) крыша. Сводчатые и пирамидальные перекрытия рубились одновременно со стенами и создавали единый, не разделенный потолком объем интерьера, что было функционально необходимо в условиях

---

[12] Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы.

[13] Отчет об экспедиции в Волковысский, Зельвенский и Мостовский районы в мае 1978 г. Архив БГМНАБ.

[14] Бломквист Е. Э. Общие черты крестьянского жилища русских и украинцев // Сов. этнография. 1954. № 4.

[15] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 66.

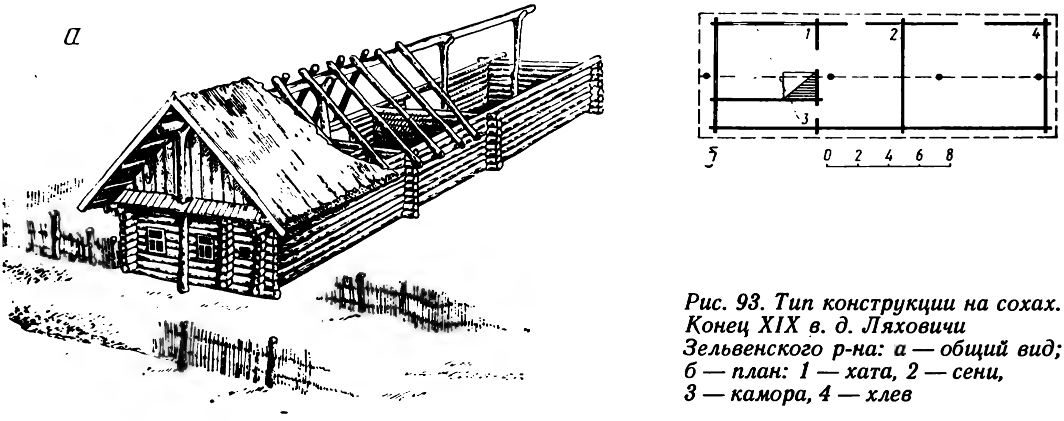


Рис. 93. Тип конструкции на сохах. Конец XIX в. д. Ляховичи Зельвенского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — хлев

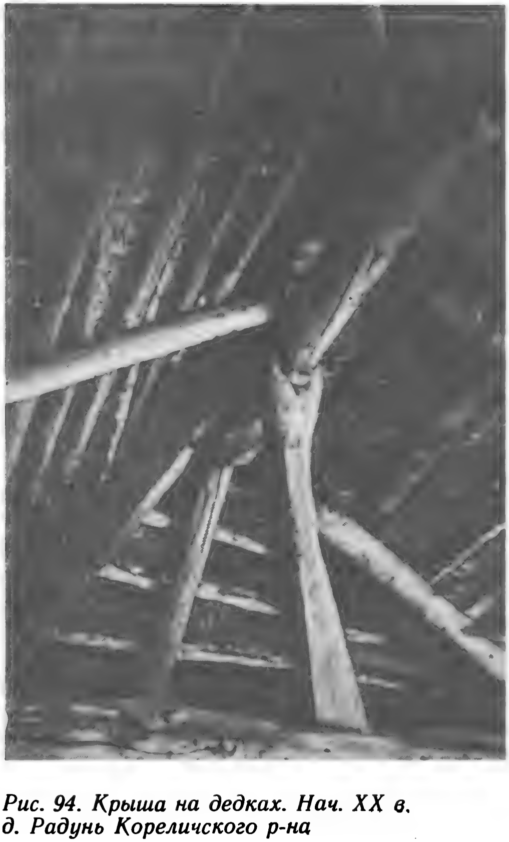


Рис. 94. Крыша на дедках. Нач. XX в. д. Радунь Кореличского р-на

курных хат: увеличивался воздушный объем, выше поднимался дым от печи. В период Киевской Руси крыши на самцах были широко распространены у всех восточных славян, а также и в народном жилье белорусов [16]. В настоящее время эта конструкция как архаичная встречается в восточной части Белоруссии, северо-востоке Украины (Черниговщина), северных и северо-западных областях РСФСР [17].

С исчезновением курных хат и ростом объема жилища перекрытие и покрытие начинают разъединяться; появляется потолок. Первоначально он имеет треугольную, позднее трапециевидную форму, определяемую самцами, и, наконец, становится горизонтальным. Самцы превращаются в продольные балки, из них позднее остается только одна — трам, на которую иногда укладывались три попереч-

---

[16] Лысенка П. Ф. Раскопкі Бярэсця // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1971. № 1. С. 20.

[17] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 97.

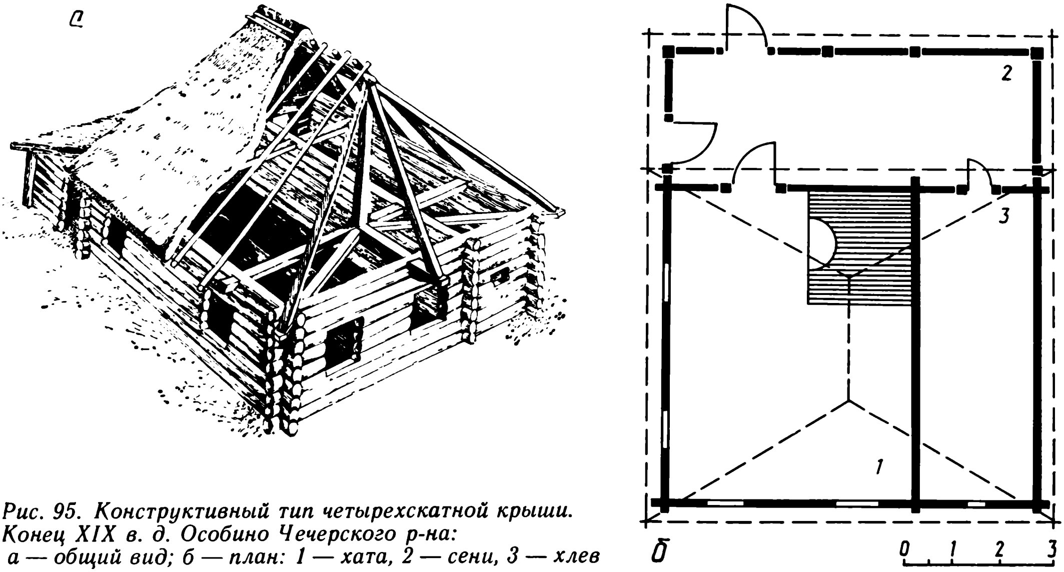


Рис. 95. Конструктивный тип четырехскатной крыши. Конец XIX в. д. Особино Чечерского р-на: а — общий вид; б — план: 1 — хата, 2 — сени, 3 — хлев

ные[18]. Таким образом, сводчатое перекрытие сменилось плоским, а трам стал реминисценцией конькового самца. Появление плоского потолка было обусловлено развитием другого, характерного для восточнославянского народного зодчества типа конструкции крыши — каркасно-прогонного (рис. 107). Ее древнейший тип — крыша на сохах (система вертикальных опор, не связанных со срубом) в некоторых районах бытовал и в жилых постройках (рис. 93). Повсеместное распространение получили каркасно-прогонные крыши с опиранием на сруб: крыша на дедках (полусошках), на козлах (рис. 94). Последние служили опорой для конькового прогона, на который навешивались жерди-ключи. В настоящее время основной является стропильная конструкция — прочная, легкая, несложная в изготовлении.

Своеобразен процесс развития форм крыши в белорусском народном жилье. Можно предположить, что исходной была шатровая, или четырехскатная крыша, восходящая к шалашеобразным крышам полуземлянок милоградцев и зарубинцев, к упоминавшимся жилищам — куреням (рис. 95). Распространены четырехскатные крыши и в хозяйственных постройках (хлевах, гумнах).

Трансформация четырехскатной крыши началась с усечения ската над уличным фасадом[19]. При этом сверху образовывается треугольный фронтончик и причелок («закот», «казырок», «прычэлле», «капеж»). Соотношения указанных частей 1:1 или 1,5 : 1. В случае усечения ската снизу получалась вальмовая крыша, или, по-народному, крыша с залобком, фронтон имел трапециевидную форму. Такая крыша обеспечивала лучший отвод воды и увеличивала объем сооружения, потому и получила широкое распространение в строительстве пунь, гумен.

---

[18] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 50.

[19] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 206.

В белорусской народной архитектуре преобладал традиционный глинобитный пол, за исключением заливных районов Полесья, в частности Пинского. В хате выравнивалась грунтовая площадка, в которой выбиралось углубление (корыто) 10—15 см. Низ корыта уплотнялся деревянной колотушкой. Затем насыпалась жирная мятая глина и утрамбовывалась. Верхний слой выравнивался и поливался глиняным раствором.

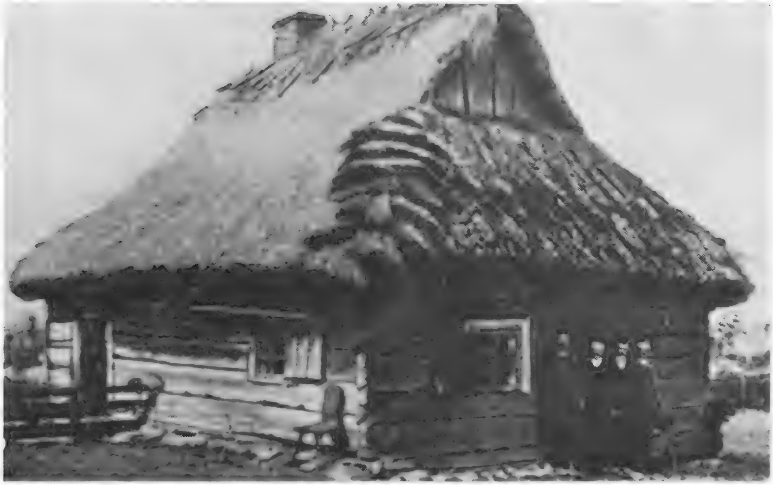


Рис. 96. Тип хаты центричной композиции. Конец XIX в. (по З. Глогеру)

Анализ региональных особенностей белорусского народного жилища правомерно будет начать с Восточного Полесья, ибо там сохранились следы его наиболее простых типов. Рубленные из кругляка, а иногда из половняка гладкой стороной внутрь, в угол с остатком хаты ставили на штандары или дубовый нижний венец — подруб (известен и в других регионах). В начале века применялась своеобразная региональная конструкция потолка: «...заканчивая сруб, запускают в верхние венцы поперечных стен толстую продольную балку (трам), предпоследний же венок связывают из балок квадратного сечения и запускают их в поперечные балки, которые посреди хаты опираются на трам»[20]. Отмеченная конструкция в различных интерпретациях встречается и в других районах Белоруссии.

Широко употреблялось наряду с соломенным покрытием камышовое и тесовое. Камыш и солома укладывались комлем вниз под щетку («страхоўку»), под лопату. Часто нижний слой покрытия делался из камыша, верхний — из соломы. Небольшие снопки (стреховики, застрешники), связанные вчетверо или попарно, насаживались на нижнюю лагу обрешетки. Сверху настилался колосом вверх ряд соломы и выравнивался гребнем-щеткой. Он прижимался тонкой, расколотой пополам жердью из ореха, березы или черемухи — поплетом, который связывался с обрешеткой тонкими, вымоченными в воде березовыми или ивовыми прутьями (гужевкой) (рис. 97). Последующие ряды укладывались с учетом частичного перекрытия предыдущего. На коньке камыш или солома заламывались, уплотнялись мятым материалом, иногда смоченным глиной или льняной кострой, а то и просто дерном. Гребень обжимался двумя рядами жердей и рожками-козликами[21]. Тесом покрывали крыши закотом, встречающиеся на Восточном Полесье под Речицей и Мозырем и распространенные на северо-запад через Светлогорск, Паричи и Озаричи в сторону Бобруйска[22]. Бревна фронтонной части сруба имели специфическое название «лемег». Как правило, покрытие было трехслойным. По закотвинам укладывались кокошины (уключины), по ним вдоль скатов — доски со слоем бересты. Затем укладывался тес, который нижним концом

---

[20] Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. S. 224.

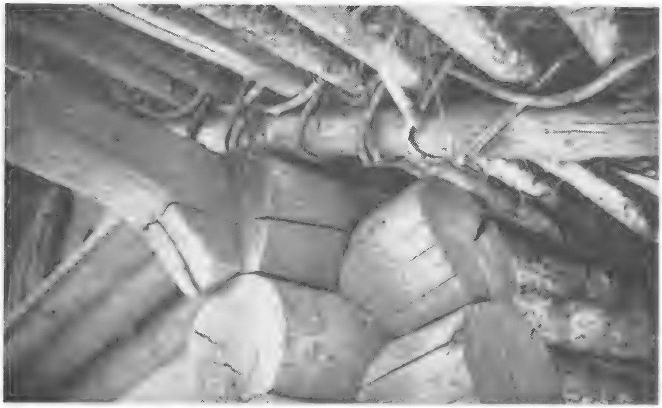


Рис. 97. Крепление обрешетки к ключам березовой гужевкой. Нач. XX в. д. Себровичи Чечерского р-на

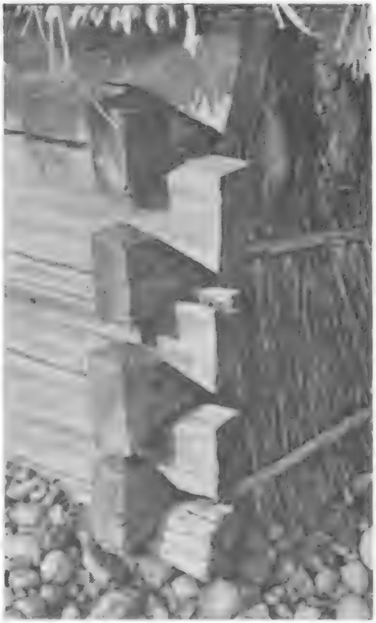


Рис. 98. Тип углового замка. Нач. XX в. д. Луково Малоритского р-на

опирался на доску (дранку), уложенную на концы (крюки) кокошин. На Руси вместо теса часто употребляли полутора-, двухметровые щепы (драньʼ). В Белоруссии широко известна крыша из дранки (щепы длиною до 70 см, укладываемые в три слоя). Конек тесовой крыши накрывали охлупным бревном («воўкам»), иногда просто выпускали на 20—50 см тес одного из скатов[23].

---

[21] Технология народных мастеров из деревни Косаричи Глусского р-на, применяемая ими во время работы в Белорусском государственном музее народной архитектуры и быта.

[22] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 38.

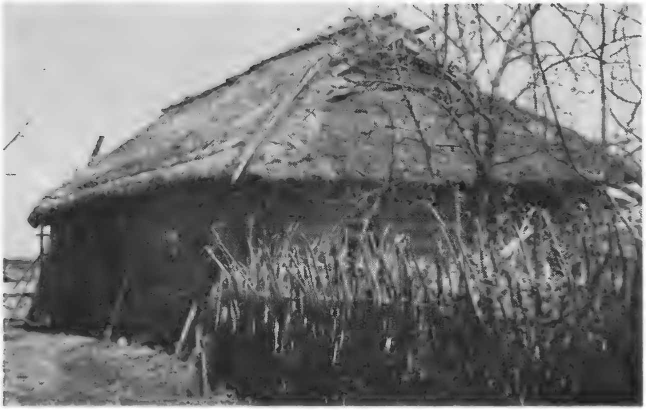


Рис. 99. Крыша с причелком. Конец XIX в. д. Мелехи Ивьевского р-на

Важной особенностью восточнополесского жилья является его объемно-планировочная центричность. Применение данного термина во многом дискуссионно, но, на наш взгляд, позволяет глубже осмыслить некоторые вопросы генезиса как жилого, так и монументального зодчества, происхождения форм последнего (пирамидальных, шатровых и др.). Термин используется для объемно-пространственной характеристики постройки. Он не тождествен симметричности и не подразумевает ее в расположении дверных и оконных проемов, внутреннего оборудования. Объемно-планировочная центричность выражается в близком к квадрату плане жилища (хаты) или связи хата — сени. Она сохраняется и тогда, когда жилище находится в системе развитой дворовой застройки: П-, Г-образные дворы, погон. Объемное решение определяется либо двускатной тесовой крышей, либо четырехскатной соломенной. Данное архитектурное решение связано с традициями раннеславянского жилища. Область распространения центричных хат имеет исходное компактное ядро: Брагинско-Речицкий локальный район. Центричный план, пирамидальная крыша были характерны для жилых построек нынешних Хойникского, Наровлянского, частично Мозырского и Петриковского районов. За их пределами центричные хаты диффузно распространяются полосой сначала на северо-запад, в сторону Василевич — Глусска, а затем на запад, в сторону Любанского района. Спорадически центричные жилища встречаются в Бобруйском, Жлобинском, Осиповичском районах. Отличительная их особенность — конструктивно-архитектурная самостоятельность в отношении к хозяйственным постройкам. Отдельные черты описанных жилищ характерны и для центральных и западных районов Белорусского Полесья. Правда, в последних по мере продвижения на запад постоянно увеличивается соотношение длины к ширине из-за возрастания роли сеней в системе погонной застройки. Центричные жилища характерны и для Украинского Полесья (рис. 96). Близкие к квадрату, рубленные из кругляка жилища тянутся от Копаткевич до Петрикова и далее к Житковичам и Луниицу. Однако далее характер сруба начинает меняться. Особенностью западнополесского народного зодчества является использование помимо общеизвестных строительных материалов сосны, реже ели, ольхи и осины (Столинский, Пинский, Ивановский, Кобринский, Малоритский, Брестский р-ны). Это обусловлено относительно теплым климатом, позволявшим использовать материалы несмолистых пород и с повышенным влагосодержанием. Обращают на себя внимание срубы из бревен, расколотых пополам,— дылей. Центр этого регионального явления — Кобринско-Малоритский локальный район. Они распространяются частично на север, северо-запад в Березовский, Пружанский, Волковысский и Каменецкий районы, на юг и юго-запад от Белорусского Полесья. Строительство таких срубов в два раза сокращало расход древесины. Из стволов большого диаметра изготавливалось несколько дылей небольшой толщины (13—15 см), но значительной ширины, так что из 7—9 дылей можно было возвести весь сруб. Для соединения их требовалась особая конструкция деревянного замка. И народные зодчие нашли решение — угол «в каню» (рис. 98). Его можно рассматривать как полесскую разновидность угла с потайным шипом, широко известного в народном зодчестве восточных славян, русских, украинцев, поляков[24]. Так, в Ивановском, Дрогичинском, Кобринском районах угол имеет сложный ступенчатый вырез, в Ивацевичском, Пружанском, Каменецком районах — клиновидную форму.

---

[23] Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. S. 229.

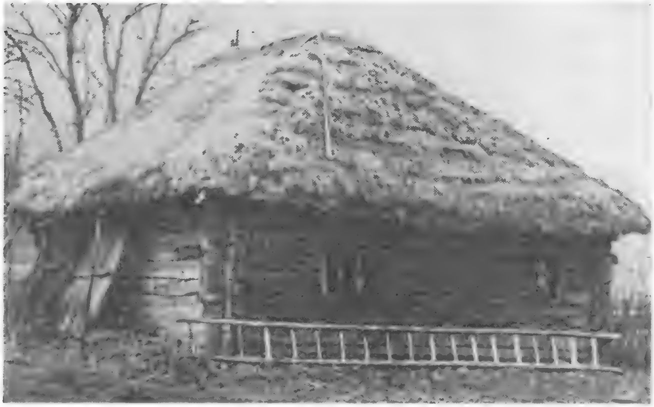


Рис. 100. Курная хата с четырехскатной крышей. Конец XIX в. Хутор близ д. Лелянцы Вороновского р-на

Помимо традиционных крыш на дедках, козлах («крыжак», «чапелка») в Западном Полесье (южные районы

---

[24] Prokopek M. Budownictwo ludowe w Polsce. Warszawa, 1976. S. 62.

Брестчины) бытует региональная разновидность строительной конструкции. Здесь стропильная система известна давно, причем применяется не только в жилье, но и в хозпостройках. Особенностью этой конструкции является врубка стропил не в концы выносов поперечных балок (встречается в редких случаях), не в бревна верхнего венца, а в бревно, уложенное на застенные выносы балок, с фиксацией в последних деревянным нагелем. Этот прием наблюдается во всех постройках, сохранившихся с XIX в. Отмечается генетическая связь данной конструкции с народным зодчеством Польши, где она известна под названием «платвёва» (platwiewa)[25]. Существует мнение, что эта конструкция связана с немецким фахверковым жильем. Там стропила также врубались в балки, соединяющие по верху фахверк (die Plätte)[26].

Постройки в южных районах Брестчины отличаются и своеобразной технологией соломенного покрытия, широко распространенной на Украине, в Польше, Чехословакии. Изготавливалось два типа снопов: связанные под колос застрешники (заколосники) и под комель головачи. Крышу кроют головачами колосом вниз. Заколосниками (комлем вниз) выкладывают лишь первый ряд (застрешину) и углы скатов в четырехскатных крышах и крышах с причелком, образуя характерные, живописные гребни. Сравнительно небольшой регион распространения данной технологии, отсутствие и даже незнание здесь других способов позволяют предположить, что Западное Полесье является окраиной обширной межэтнической области многовекового бытования этого способа[27].

Наиболее распространенной в полесском жилище была призба в виде земляного валика, укрепленного оплетенными колышками или горбылями. Нередко срубы утеплялись и соломенной обивкой на уровне низа оконного проема (правобережье Припяти).

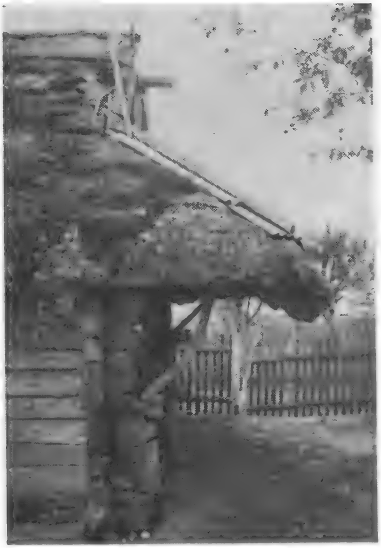


Рис. 101. Крыша с причелком. Конец XIX в. д. Подболотье Зельвенского р-на

Если центричным хатам Восточного Полесья был характерен одно-, двухкамерный план, то в Западном Полесье преобладает двух-, трехкамерный и даже четырехкамерный. В Пинском Полесье и на Столинщине одно-, двухкамерные постройки имели плетеные сени[28]. Однако постепенно центричный характер сменяется центрично-осевым и осевым, что во многом было определено и связью жилья, его включением как звена в погонную застройку. Трехкамерное жилое звено Западного Полесья состояло из устойчивого набора помещений: хата — сени — камора, хата — сени — истопка, хата — сени — клеть. Важной особенностью является сохранение в данном регионе оригинального типа трехкамерного жилья с торцовой столбовой или консольной подсенью, часть которой занята истопкой или клетью.

---

[25] Moszyński K. Kultura ludowa slowian. T. 1. S. 505.

[26] Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. С. 190.

[27] Беларускае народнае жыллё. С. 54.

[28] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 35—38.

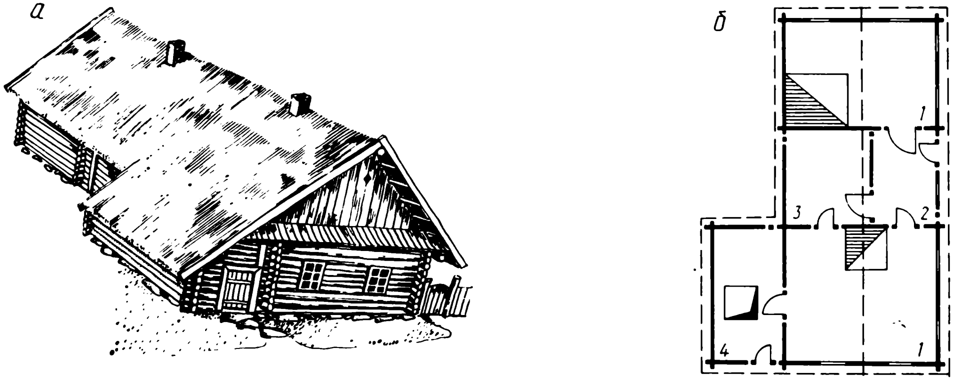


Рис. 102. Жилище с боковым прирубом погреба. Нач. XX в. д. Спонды Островецкого р-на:
а — общий вид; б — план:
1 — хата, 2 — сени, 3 — камора, 4 — погреб

Отметим, что аналогичные примеры встречаются и в западной части Понеманья (погон с консольной подсенью в д. Цвикличи Гродненского р-на), в югозападных районах Центральной Белоруссии (деревни Карцевичи Клецкого, Домантовичи Копыльского р-нов). Можно предположить, что этот тип является реминисценцией подсеневого жилища, который встречается в Польше, где столбовая подсень также занимает часть уличного фасада.

Таким образом, в развитии планировки жилья в Западном Полесье наблюдаются два локальных очага: Пинско-Столинский и Кобринско-Малоритский. Их отличительной особенностью является постепенное усложнение планировки жилья при фронтальном продвижении на север, к границе с Понеманьем. В Пружанском, Ивацевичском, на юге Барановичского и Ляховичского районов уже обнаруживается сильное влияние дифференцированного жилья Понеманья.

Региональные особенности народного жилища Понеманья обнаруживаются уже в основании построек. Для них характерны каменные основания, чему во многом способствует каменистость почв [29]. Крупные камни кладутся не только под углы построек, но и по всей длине стен.

---

[29] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 66.

В середине XIX в. на Понеманье существовали целые поветы, в которых практически не было хат без фундаментов. Из 5266 хат Слонимского повета, например, 5219 были на каменном фундаменте[30]. Использование камня отразилось и на характере утепления нижней части сруба: призбы также делались из земли и камней[31]. Довольно часто на Понеманье возводились срубы из тесаных бревен — брусьев. В начале века конструкция, при которой бревна соединяются в угол без остатка («чистый» угол, или немецкий), начала широко распространяться и в других областях Белоруссии. Прием соединения угловых бревен таким способом был известен в Белоруссии с XIII в. (по материалам раскопок Минского замчища), однако в народном зодчестве получил применение значительно позднее. С начала XX в. популярность «чистого» угла растет и распространяется в другие регионы[32].

В жилище современного Понеманья бытуют все известные восточным славянам конструкции крыши (рис. 116). Однако среди других следует выделить жилые постройки с крышами на сохах, которые еще в начале XIX в. в белорусском жилище почти не применялись. Отдельные случаи были отмечены польскими исследователями в 20—30-е годы. Экспедиции 1978—1979 гг. выявили хаты на сохах в Зельвенском и Мостовском районах. Примечательно, что в указанных районах крыши на сохах широко применяются в строительстве хлевов и гумен.

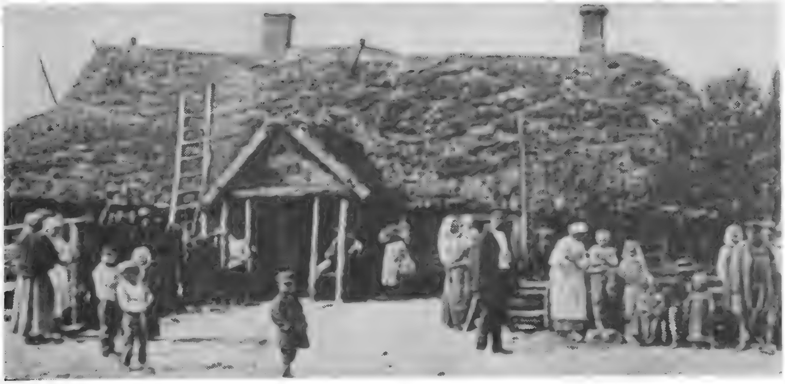


Рис. 103. Хата на две половины. Конец XIX в. д. Новоселки под Волковысском (по З. Глогеру)

С точки зрения распределения сил в сооружении на сохи и прогон приходится половина веса крыши и по четверти ее веса — на продольные стены. Эта особенность крыш на сохах была очень важна в начальный период развития деревянного зодчества, когда бревна стен соединялись в углах не при помощи замков, а через шулы и, следовательно, стены не смогли бы взять на себя всю нагрузку крыши.

---

[30] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губ./Сост. П. Бобровский. СПб, 1863. Ч. 1. С. 212.

[31] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 102.

[32] Беларускае народнае жыллё. С. 33.

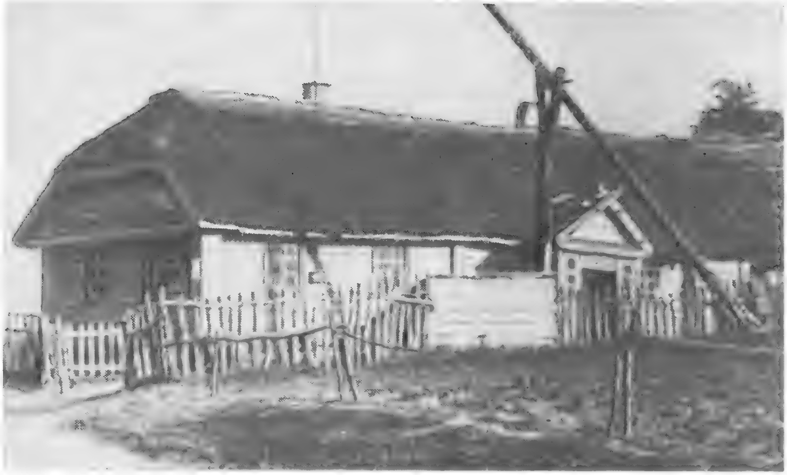


Рис. 104. Жилище зажиточных крестьян на две половины. 20-е гг. д. Столовичи Барановичского р-на. Фотография Я. Булгака. БАН ЛитССР

Перенос веса крыши на стены стал возможным лишь с появлением жесткой и устойчивой пространственной конструкции — сруба. Своеобразным локальным центром архаичных форм народного зодчества в Понеманье являются Зельвенский и Мостовский районы, где сохранились сводчатые потолки на продольных балках. Примером может служить жилой дом конца XIX в. в д. Черчичи Зельвенского района[33].

Региональной особенностью Понеманья является преобладание дву-, трехскатных крыш. Территорию региона условно можно поделить на два локальных района: западный с центром на Зельвенщине — Мостовщине и северо-восточный с центром на Ошмянщине. Для первого характерны трехскатные крыши с обширными причелками (деревни Цвикличи Гродненского, Тальковцы, Шиловичи, Семеново Волковысского, Подболотье, Кремяница, Ляховичи Зельвенского, Самуйловичи Дольные и Самуйловичи Горные Мостовского р-нов и др.) (рис. 99—101). Такие же формы крыш бытуют и в соседнем Западном Полесье. Причина кроется в архитектурно-конструктивной самостоятельности жилых звеньев в системе застройки. Трехскатные крыши с причелком как разновидность четырехскатных появились в результате развития планировки жилья по оси — от центричной к осевой. Восточнее, в Дятловском, Новогрудском и в особенности в Ивьевском районе, жилье тес-

---

[33] Отчет об экспедиции в Зельвенский р-н в феврале 1979 г. // Архив БГМНАБ.

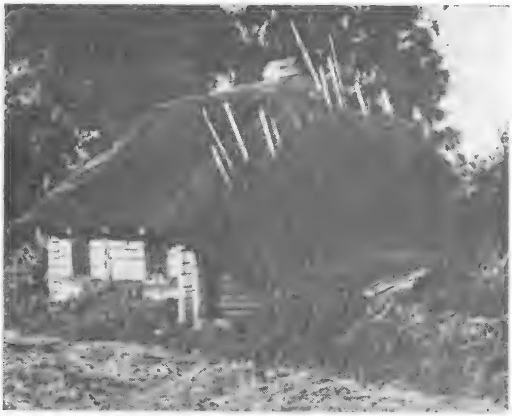


Рис. 105. Сени в виде жердяной повети. Конец XIX в. Щучинский р-н

нее смыкается с другими звеньями двухрядного погона. Здесь преобладают двускатные крыши, причелок сменяется застрешком из гонта или дранки. В указанных районах помимо описанной конструкции на сохах хорошо бытуют производные от нее: на дедках, козлах. В Ошмянско-Островецкой части Понеманья преобладание двускатных крыш в значительной мере связано с некоторым своеобразием конструкции: фронтон выполнен двухчастным закотом, что является результатом влияния Поозерья.

Полноправно бытуют в Понеманье соломенные покрытия (под гребень). Спорадически встречаются хаты, крытые дранкой.

В планировочном отношении традиционное понеманское жилище трех-, четырехкамерное. Обращает на себя внимание наличие в некоторых случаях каморы за глухой продольной стеной хаты, вертикальной перерубки на уличном фасаде с маленьким окошком. Камора теплая, обогревается задней стенкой печи, в ней зимою держали овец. Здесь мы имеем дело с примером этнической традиции в народном зодчестве, распространенной на обширном пространстве от Прибалтики до Карпат, где помещения для мелкого скота располагались аналогичным образом[34]. Жилища такой планировки известны и на Белорусском Поозерье и Поднепровье. В начале нашего столетия данная традиция выявилась в пристройке вместо каморы погребов (Островецкий р-н) (рис. 102).

Более высокое по сравнению с другими регионами экономическое развитие Понеманья ускорило процесс усложнения, дифференциации планировки жилища. Оно выражается не только в большом наборе помещений жилого звена, но и в большой площади собственно хаты, членении ее на две или несколько частей. Особенно ярко дифференциация жилища выражена в левобережной части региона. Причины тому — развитая экономика и густонаселенность (густая сеть дорог и местечек, пересечение основных торговых путей из Прибалтики на Украину и из России в Польшу), плодородные пахотные земли, орошаемые притоками Немана — Щарой, Зельвянкой, Росью, Свислочью (рис. 103). Вот планировка жилого звена однорядного погона конца XIX в. из д. Семеново Волковысского р-на:

$$\begin{tikzcd} & \text{камора} \arrow[d, no head] & & \\ \text{хата} \arrow[r, no head] & \text{сени} \arrow[r, no head] & \text{клеть} \arrow[r, no head] & \text{истопка}\ldots \end{tikzcd}$$

Она еще мало отличается от западнополесской трех-, четырехкамерной. Однако отметим, что площадь собственно хаты здесь в полтора раза больше. Центром отмеченного регионального явления нужно считать Слонимско-Барановичский локальный рай-

---

[34] Макушенко П. И. Народное деревянное зодчество Закарпатья. С. 27—44.

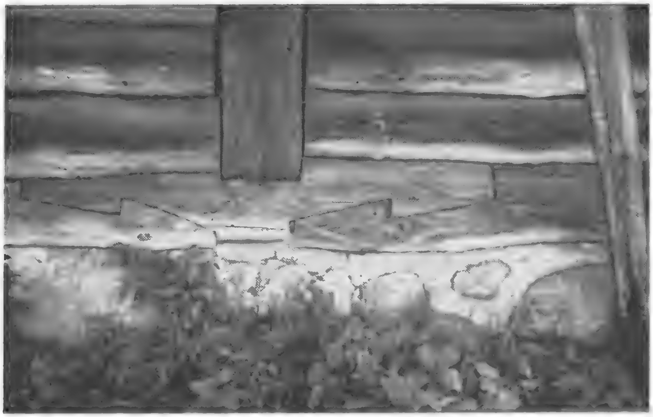


Рис. 106. Тип сопряжения бревен. Нач. XX в. д. Ворошилки Мядельского р-на

он. Именно здесь планировка жилья достигает наибольшего усложнения (деревни Мижевичи, Селевичи, Деревная Слонимского, Старое Село, Столовичи, Городище, Молчадь Барановичского, Валевка Новогрудского р-нов и др.) (рис. 104). Например, жилье однорядного погона конца XIX в. из д. Столовичи отличается сильной расчлененностью:

спальня — кухня — камора
| | | — истопка...
хата — сени — клеть

В нем выделяется кухня, спальня. Печь перемещается из угла в центр, вокруг нее проходы в кухню, сени, спальню. В хате — грубка, иногда значительных размеров.

Развитие планировки понеманского жилища в конце XIX — начале XX в. отражает проникновение в сельский быт капиталистических отношений, оказывающих влияние на земледелие и промыслы, производство и торговлю, традиционное сельское строительство, его конструкции и материалы (широкое использование камня, тесаных бревен, соединение их в «чистый» угол и т. д.). Дифференциация планировки жилища отражала социальную дифференциацию крестьян. Жилье бедняка и здесь выглядело тесным и убогим. В сенях зимой стоял скот, а птицу, овец и телят приходилось держать в хате[35]. Часто сени заменял навес из жердей (рис. 105).

Особенности народного жилища Поозерья, как и предыдущих регионов, не однородны. В чем-то они схожи между собой, в чем-то, наоборот, имеют локальные очаги, где проявляются с наибольшей убедительностью и отчетливостью и вокруг которых распространяются.

Использование камня для строительства фундамента жилища, характерное для Понеманья, в Поозерье наблюдается также широко. Заметно, что при помощи камней народные зодчие часто решали вопросы вертикальной планировки, посадки жилья на крутых склонах. Если в каменных основаниях домов Понеманья не прослеживается определенного порядка в укладке камней, да и камни в основном небольших размеров, то в Поозерье крупные камни кладутся под углы и в средней части стены, промежутки заполняются

---

[35] Романов Е. Р. Материалы по этнографии Гродненской губернии. С. 21.

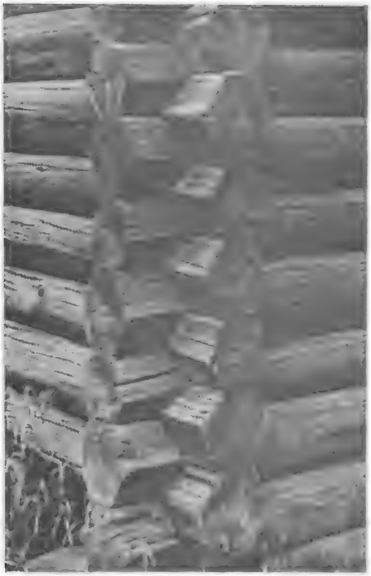


Рис. 107. Тип угла в «охряпку». 1918 г. д. Житьково Борисовского р-на

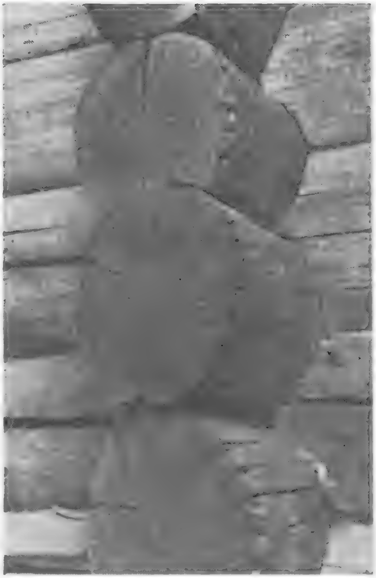


Рис. 108. Тип монтажных меток в Поозерье. Нач. XX в.

более мелкими. Равномерно заполненные каменные основания — явление более позднее. Основания из камней в Поозерье распространены неравномерно. Наиболее часто они встречаются на сильнопересеченных водораздельных гребнях (Поставский, Докшицкий, Браславский, Шарковщинский, Миорский, Лепельский, Полоцкий, Верхнедвинский, Городокский р-ны).

Стены срубов хат Поозерья отличаются монументальностью и прочностью. Это впечатление создается качеством подобранных в стену бревен по размеру (сечению), аккуратностью кладки венцов, отсутствием в конструкциях случайных элементов (рис. 106). Сбежистость бревен погашалась стесыванием комлевых концов. Они приобретали шести-, восьмиугольную форму (Западное Поозерье). На торце сруба чередовались бревна круглого сечения с гранеными («в охряпку»). Такая форма угла отмечена в соседних регионах (рис. 107). Большим сечением отличаются бревна нижнего венца (диаметром до 70 см^3). Средний размер бревен сруба 18—24 см, что несколько больше, чем в других регионах. Судя по постройкам XIX — начала XX в., в строительстве жилища использовался кругляк, иногда стены обтесывались изнутри. Бревна, обтесанные с двух сторон, начали распространяться позднее. При перекладке (пересыпании) или перевозке постройки на бревнах сруба на краю выступающего остатка или в конце стены возле угла делались глубокие, квадратной формы метки, в других регионах — продолговатые засечки (рис. 108).

В устройстве потолков сохранялся элемент архаичности — балки круглого сечения. Широко встречаются и балки со стесанными гранями (Поставский, Докшицкий р-ны)[36].

В конструкции крыши общей для Поозерья особенностью является постепенное нарастание монументальности по мере продвижения на восток и северо-восток региона. В юго-западной части (Миоры, Браслав, Поставы, Докшицы) преобладают крыши на дедках и козлах. Закотом выполняются лишь фронтоны. В восточных и особенно юго-восточных районах (Бешенковичский, Витебский, Оршанский) уже встречаются срубные крыши, распространяющиеся в Восточное Поднепровье, что было тесно связано с развитием срубного наземного жилища лесной полосы. Отсюда их широкая известность у северных великорусов, финнов, шведов[37]. Белорусское Поозерье и Поднепровье входят в зону активного распространения крыш закотом. Не исключено, что северо-восточные районы Витебщины — ареал зарождения этой конструкции[38]. Элементы срубных крыш обнаруживаются в широко распространяющихся стропильных крышах. Так, в Поозерье и Поднепровье концы стропил врубают в специальную продольную балку, мауэрлат («мурлата», «ахлупнае, застрэшнае бервяно», «падкраквянік», «закотвіна»), который представляет собой не что иное, как крайний пристенный самец.

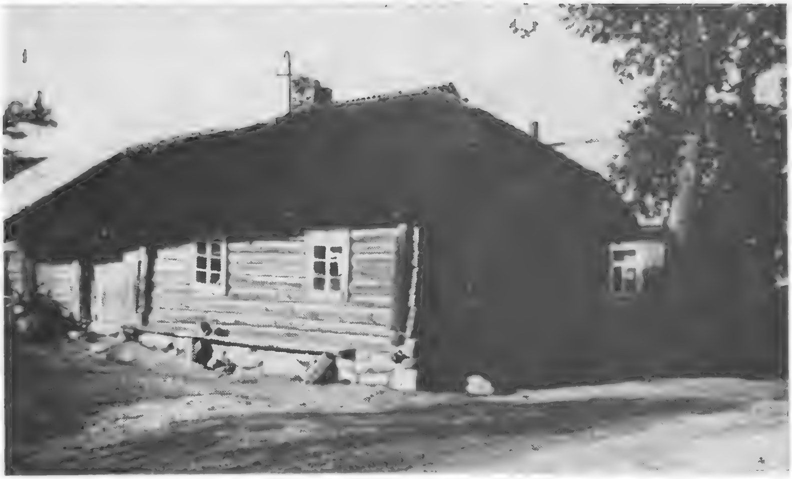


Рис. 109. Тип крыши с «залобкам». Конец XIX в. д. Шени Поставского р-на

В XIX в. в Поозерье и Поднепровье бытовала так называемая простая соломенная крыша («пад колас»), известная ранее во всей Белоруссии и сохранившаяся в нескольких регионах как временное покрытие. Нижний, застрешный, ряд крепился обычным способом, а последующие укладывались колосом вниз, что было и проще, и требовало меньшего расхода соломы. В юго-западной части региона сохранилась своеобразная локальная особенность укрепления гребня соломенной крыши двумя рядами плоских камней, уложенных цепочкой на гребне, что связано с более широким употреблением здесь камня в народном строительстве (фундаменты, погреба и подвалы и т. п.). В Поозерье преобладают двускатные крыши. Вальмовые крыши встречаются преимущественно в западной части, в постройках с крышами каркасно-прогонного типа (рис. 109).

---

[36] Отчет об экспедиции в Вилейский и Мядельский районы в июле 1978 г. // Архив БГМНАБ.

[37] Moszyński K. Kultura ludowa slowian. T. 1. S. 496.

[38] Беларускае народнае жыллё. С. 44.

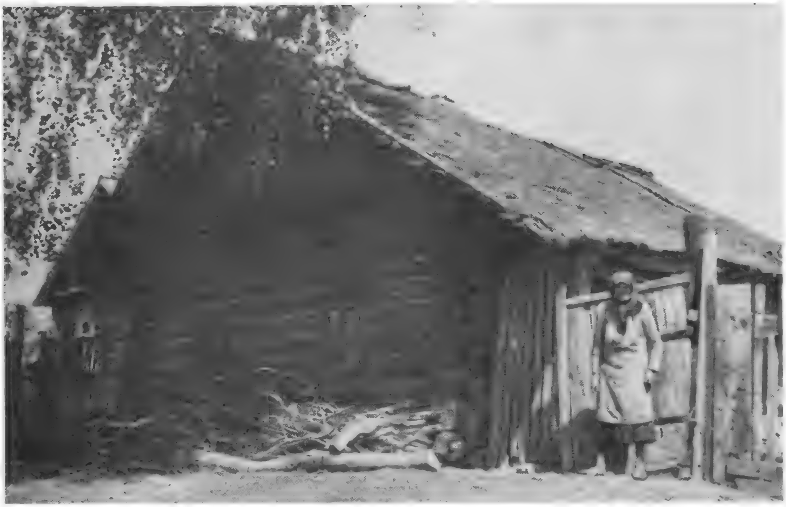


Рис. 110. Хата с потолком на двух продольных балках. Конец XIX в. д. Староселье Рогачевского р-на

Судя по памятникам середины XIX в., в западной части региона основным типом пола был глинобитный[39]. Дощатые полы чаще встречаются на северо-востоке Поозерья (Полоцк, Верхнедвинск, Городок), что, по-видимому, является следствием общих тенденций развития срубных жилищ лесной полосы по мере продвижения на север. В хатах крупных веночных дворов деревянный пол («падлога», «мост», «памост») был прочным, основательным. Настилался он по поперечным лагам («мостнікі», «паляніцы»), врубленным в нижний венец сруба. Во избежание прогиба через равные промежутки под них подкладывались камни или деревянные колоды («стулы», «штэмпелі»), сейчас употребляют кирпичные столбики. Доски колотые, подогнанные одна к другой «пад рыску». Существует мнение, что такая достаточно сложная конструкция пола начала распространяться в народном зодчестве с появлением фундаментов [40]. Постепенно она становится традиционным элементом белорусского народного жилища [41].

---

[39] Отчет об экспедиции в Поставский и Докшицкий районы в сентябре — октябре 1983 г. // Архив ин-та «Белспецпроектреставрация».

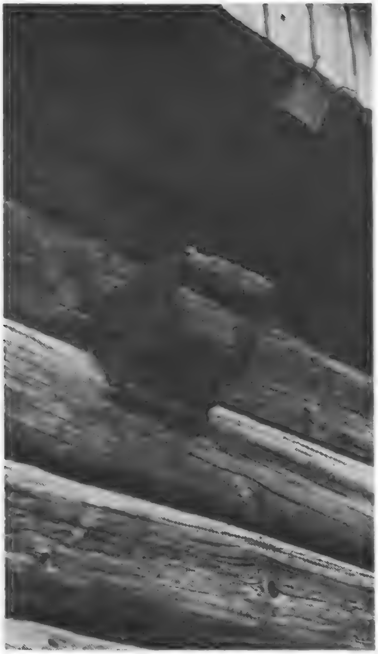


Рис. 111. Наружный выпуск «трама». Нач. XX в.

Планировка жилого звена Поозерья тесно связана с планировкой веночного двора и его функциями, определена необходимостью рационального использования тепла печи, охраны домашнего скота и ухода за ним в условиях более холодной снежной зимы. Тем не менее планировочная структура жилого звена сохраняется: жилые помещения, сени, подсобные помещения. Отличительной особенностью являются крупные габариты хаты в развитых веночных дворах (двор Акелы в Поставском р-не). Если взять план трехкамерного или четырехкамерного жилого звена, то можно заметить, что отдельные помещения (хата, сени, истопка) в плане представляют собой квадрат или прямоугольник, близкий к нему. По-видимому, отмеченное увеличение габаритов жилья произошло за счет увеличения ширины, т. е. сруб рубился из одинаковых по длине бревен, что является рудиментом древности, восходящим к срубу — клетке с приблизительно равными сторонами. Несмотря на значительные размеры, цельность хаты не разрушается, кухня выделяется редко или, как правило, является следствием позднейшей планировки (расширения). Например, к хате веночного двора в Будичах позднее был пристроен еще один сруб-тристен, о чем свидетельствует расположение грубки в проеме одного старого окна и встроенного шкафа в проеме второго. Старая хата стала выполнять роль кухни.

Значительными размерами отличаются сени. Они обеспечивают связь между помещениями, являясь планировочно-композиционным центром всего комплекса застройки в условиях прямого примыкания жилого звена к деннику [42]. Число подсобных помещений, кладовых, камор может быть весьма значительным, часто они представляют собой расчленение единого срубного объема некапитальными перегородка-

---

[40] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 102.

[41] Беларускае народнае жыллё. С. 37.

[42] Сергачев С. А., Карачун В. И. Народное зодчество Белорусского Поозерья // Стр-во и архитектура Белоруссии. 1980. № 1. С. 21—25.

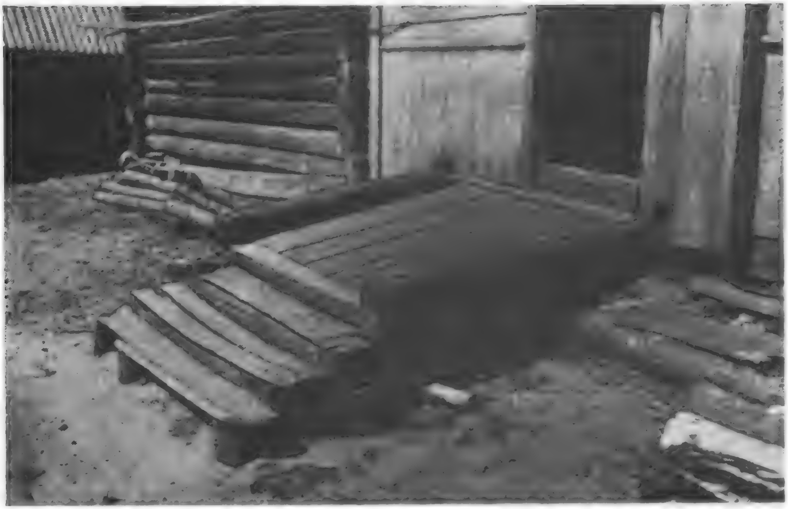


Рис. 112. Крыльцо. Нач. XX в. д. Шепетовичи Чечерского р-на

ми (Акелы). Если между жилым звеном и денником находится чистый двор, роль сеней упрощается (д. Будичи), сокращается и число подсобных помещений. Своеобразной особенностью жилья Поозерья начала XX в. является совмещение сеней и кухни в одном помещении с печью. Такие сени-кухня использовались как основное зимнее жилье (д. Януки). В отмеченной планировке угадываются связи с народным жилищем литовцев и латышей [43].

Регион Поднепровья по характеру особенностей народного жилища делится на три локальных района: западный, восточный и юго-восточный. Такое деление обусловлено как природно-географическими, так и историческими факторами. Регион с севера на юг пересекают крупные реки (Березина, Друть, Днепр). Лесные массивы долины Березины сменяются обширными равнинами в районе Шклова, Чаус, Кричева. С юга, юго-запада вплотную подступает Полесье. Западная часть граничит с Центральной Белоруссией, Восточное Поднепровье северной границей соприкасается с Поозерьем, имея с ним множество общих этнических черт. Как для Поозерья, для Восточного Поднепровья характерны жилые срубы из кругляка, рубленные «в чашку», угол с остатком, встречающийся в древности у всех восточных славян [44].

Основанием для сруба на большей части региона служили штандары [45].

В отличие от Восточного Полесья промежутки между ними заполняли не расколотыми колодами («штэмпелямі»), а горизонтальными дубовыми плахами, впущенными в пазы штандар и служащими основанием постройки.

---

[43] Latvijas etnografikais brivdabas museis. S. 54, 76, 93, 144.

[44] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 68—69; Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры Белоруссии. С. 63.

[45] Там же. С. 65.

Лишь в юго-западных районах наравне со штандарами встречается подруб (лежни), а в западных — основания на камнях. Диаметр бревен, как и в Поозерье, колеблется от 18 до 24 см. По мере продвижения с востока региона на запад более часто употребляются в сруб бревна, обтесанные с двух сторон. В юго-западной части Березинского, Кличевского, Кировском, Осиповичском районах срубы из обтесанных бревен преобладают. Характерной особенностью для указанных районов является и конструкция угла. Это широко известный в восточнославянском деревянном зодчестве угол «в лапу» — разновидность «чистого» угла, только без скосов. Характерная деталь при такой врубке бревен — подтес («заліз»), сводящий на нет выпуклость бревна для создания гладкой поверхности угловых срезов. Западное и юго-западное Поднепровье отличается повышенной высотой срубов (деревни Дараганово Осиповичского, Барановичи Бобруйского, Морховичи Кировского р-нов и др.). Распространение таких срубов возрастает по мере продвижения в юго-восточном направлении, где, по-видимому, и находится центр этого локального явления. Такие срубы чаще имеют четырехскатные или вальмовые накрытые дранкой крыши (деревни Дараганово, Вязье Осиповичского, Глуша Бобруйского р-нов). Широкое распространение данного типа жилья в указанной части региона свидетельствует о его традиционности.

Конструкции построек Восточного Поднепровья сохраняют как черты архаичности (рис. 110, 111), так и более

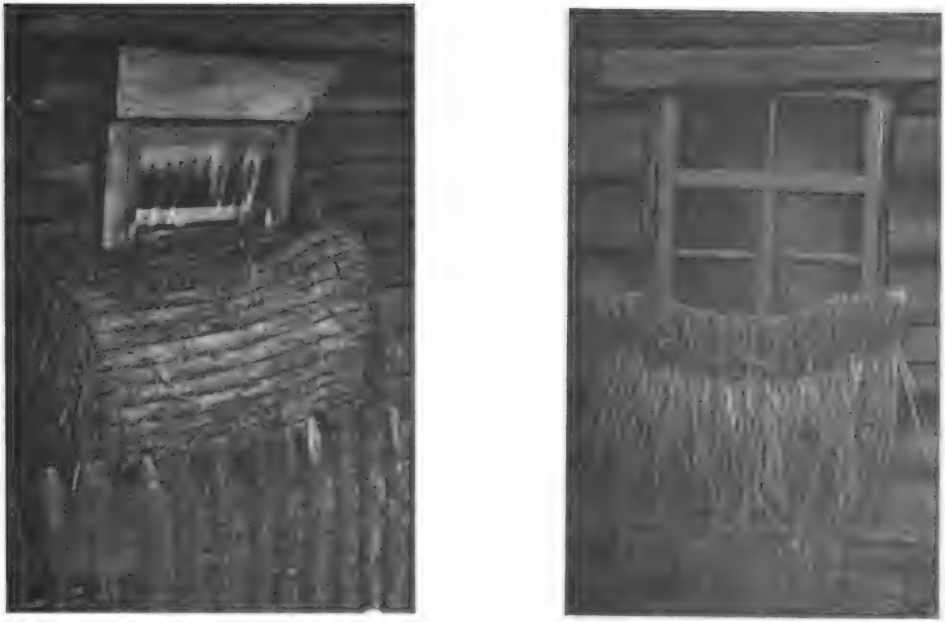


Рис. 113. Утепление окон в Поднепровье. Нач. XX в.

поздних достижений. Традиционны потолки на двух-трех продольных балках [46]. В то же время в западной части региона преобладают потолки обычной конструкции, со своеобразной настилкой досок. Поперечные балки имеют четверти в нижней части, на которые опираются плотно пригнанные доски. Получается плотный гладкий потолок с незначительным выступом балок (на 3—5 см). Для настилки используются перевернутые плоской стороной книзу горбыли, причем совершенно разной ширины и толщины. Данная конструкция потолка в XIX — начале XX в. широко применялась в городском деревянном строительстве и, возможно, была заимствована сельскими плотниками.

Восточное Поднепровье, как и Поозерье,— зона срубных крыш. Древность этой конструкции подтверждается хотя бы тем, что крыша на самцах характерна не только для жилья, но и хлевов. Самцы уложены довольно часто (не 5—7, как в других районах, а 7—9), диаметр их доходит до 30 и более сантиметров (деревни Супоничи, Ждановичи, Бушково Могилевского, Черневка Шкловского р-нов). В бассейне Березины крыши закотом распространены реже. В упоминавшихся центричных жилых домах они, как правило, стропильной конструкции. Стропила из достаточно толстых брусьев (сечением до 20 см) врубаются в наружные выносы балок, выполняющих роль затяжки. Крыши на козлах и дедках устойчиво преобладают в широкой полосе междуречья Друти и Днепра.

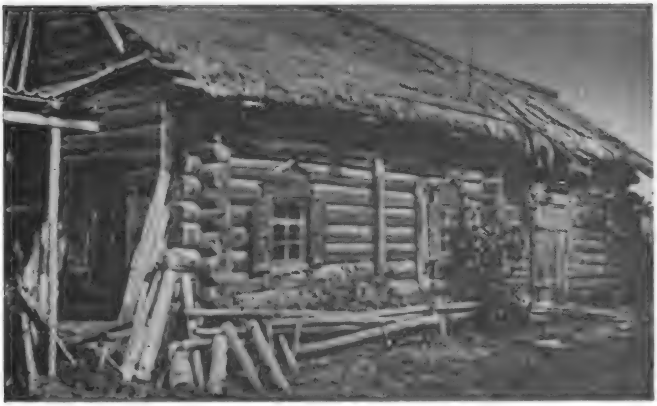


Рис. 114. Хата с крышей на самцах. 1887 г. д. Моисеевичи Осиповичского р-на

Если в Западном Поднепровье дрань и тес являлись материалом для покрытия жилья, то в восточной части региона преобладала солома, укладываемая «пад колас».

Дощатый пол — характерная черта народного жилища Поднепровья. Традиционным районом бытования деревянных полов является юго-восток региона [47]. Порог жилья часто представляет собой помост со ступеньками на срубном основании. Последние могут опираться и на вкопанные колоды (рис. 112).

---

[46] Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 13. С. 9.

[47] Беларускае народнае жыллё. С. 37—38.

Региональной особенностью Поднепровья является способ утепления низа сруба на зиму. Если для западной части региона характерны традиционные земляные призбы, то в долине Днепра и восточнее сруб утепляют соломенными матами, особенно подоконную часть (рис. 113). Призбы утепляли также и соломенными снопами. Их изламывали под прямым углом и прислоняли в ряд к стене, затем засыпали землей. Встречались и призбы, оплетенные ивняком. Особенно добротно они сооружались на востоке региона: в виде стенки из плах или тонких бревен, задвинутых в столбы, иногда доходившей до окон. Такие призбы засыпались землей с опавшими листьями. Окна на зиму утепляли соломенными матами.

Преобладающим в Поднепровье является жилище по традиционной схеме: хата — сени — клеть. Иногда в сенях выделяется камора. Однако для Поднепровья характерным является более глубокий процесс развития трехкамерного жилища, когда третье помещение — клеть, истопка, камора — превращается в жилье. Более упрощенным вариантом такой планировки является жилище из двух жилых камер: хата — хата. В обеих стоят печи, первая является проходной во вторую. Переоборудование сеней в дополнительное жилье — следствие роста семьи; такое явление встречается и в других регионах[48]. Например, в Поозерье, Центральной Белоруссии для дополнительного жилища использовались другие помещения: клети, каморы. Отмеченная планировка в большей степени встречается в западных и юго-западных районах региона. Гораздо больший интерес представляют хаты на две половины, разделенные сенями:

камора
|
хата — сени — хата

Такое жилье могло появиться и как результат роста семьи, и как дополнительное жилье для батраков во дворе зажиточного хозяина (черная изба). Поднепровская хата на две половины отличается пропорциональностью и может считаться классическим примером развития трехкамерного жилья. Планировка обеих хат близка к квадрату. Сени узкие, вытянуты в поперечном направлении. Необходимо отметить своеобразные локальные явления в планировке жилищ Западного Поднепровья, сформировавшиеся в начале XX в. Увеличены размеры плана по сравнению с традиционными, в частности ширина, вследствие чего соотношение сторон сруба становится равным 1 : 1. Хата и сени приобретают вытянутые пропорции. В результате развития происходит дальнейшее увеличение плана, который делится на четыре приблизительно равные части: сени, кухню и две жилые комнаты. На фасадах появляется третье окно. Такое направление в развитии жилища могло сформироваться под воздействием ряда факторов: влияния местечковой и городской застройки, тесно связанной с сельской, развития ее в условиях застройки железнодорожных станций (Татарка, Талька, Дараганово, Гродзянка), заимствований из русской народной архитектуры (высокие срубы, три окна на фасадах и т. д.).

Своеобразие формирования этнических традиций Центральной Белоруссии ясно обнаруживается в региональных особенностях жилища. Сказывается влияние этнических традиций соседних регионов, глубоких внутрирегиональных процессов. Отдельные особенности имеют свои локальные районы бытования, и, наоборот, центры развития других находятся за пределами Центральной Белоруссии. Примером этому может быть восточный подрегион. Основанием срубов здесь являются штандары или подруб («лёжні»), широко распространенные в соседних районах Поднепровья и Восточного Полесья. Так, жилища погонных дворов конца XIX в. д. Пруссы Стародорожского района стоят на толстом дубовом подрубе. Это явление наблюдается и значительно севернее, в деревнях Заперинье, Обчуга Пуховичского района. В Глусском, юго-восточной части Любанского районов штандары устанавливают плотно друг к другу, как на Полесье. В Осиповичском, Пуховичском и северной части Стародорожского районов — под углами, шулами, в средней части нижнего венца. Промежутки заполняются камнями. Такие жилища часто встречаются в Западном Поднепровье.

---

[48] Романов Е. Р. Белорусский сборник. Вып. 7. С. 20; Сергачев С. А. Деревянная архитектура Белоруссии XVI—XIX вв. С. 23.

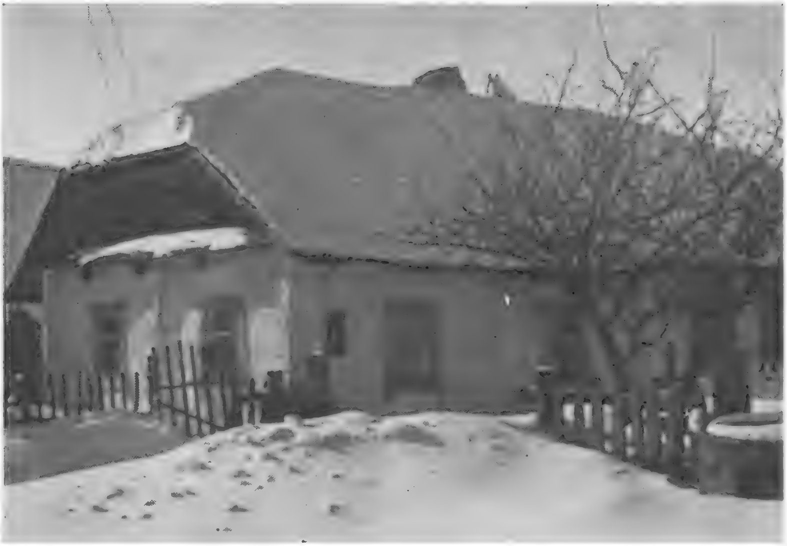


Рис. 115. Жилище в западной части Центрального региона. Конец XIX в. д. Великое Село Барановичского р-на

Юго-восток Центральной Белоруссии — своеобразный локальный район, в котором еще в начале нашего века были распространены хаты из кругляка с крышами на самцах и тесовым покрытием (рис. 130). Если в Восточном Полесье это диктовалось архитектурой центричных хат, то здесь — развитием продольно-осевых жилищ, планировочно и архитектурно в большей степени подчиненных погонной застройке. Примером такого жилища может быть хата из д. Чучевичи бывшего Мозырского уезда Минской губернии[49]. Материалом для срубов служил как круглый лес, так и обтесанный на две стороны. Первый встречается в большей степени в районах, соседствующих с Поднепровьем. Срубы приземистые, небольших габаритов. Средний диаметр бревен 20 см, так что весь сруб складывается из 10—13 венцов. Число их в крыше колебалось от 5 до 7. Бревна фронтона иногда делятся по вертикали дедком (двухчастный закот). Основной материал покрытия — тес.

---

[49] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 111 (рис. 14, б).

Распространившиеся позднее стропильные крыши здесь получили своеобразную локальную интерпретацию, в некоторой мере отражающую привычные конструктивные приемы. Так, в деревнях Пруссы, Макаричи, Солы Стародорожского района нижняя часть стропильной ноги имеет сук, посредством которого и опирается на верхнее бревно стены. Покрытие стропильных крыш — солома, дранка. Полы преимущественно глинобитные. Призба представляет собой земляной валик, иногда укрепленный горбылями и колышками.

В указанном районе преобладает двухкамерная планировка. В отличие от Восточного Полесья здесь звено хата — сени представляет собой, как и на Поднепровье, цельный архитектурный объем, конструктивно не связанный с прочими звеньями погонной застройки, доминирующей в ней. В плане жилое звено — вытянутый прямоугольник, разделенный на два квадрата. Часто в сенях выделяется дополнительное рубленое помещение — камора или истопка. Отмеченные особенности хорошо иллюстрирует памятник народного зодчества — хата 1887 г. в д. Моисеевичи Осиповичского района[50] (рис. 114).

Особенности народного жилища юго-западной части региона являются характерными для Центральной Белоруссии, и данный подрегион можно рассматривать как центр их формирования и развития. Здесь сохранился один из древних способов укладки бревен, преобладающий при возведении сруба,— «драчкой вверх» (продольный паз в бревне для плотного соединения венцов). Однако он имел серьезный недостаток: стекающая по срубу вода попадала в паз, вызывая быстрое биологическое разрушение древесины. Поэтому постепенно опять перешли к приему «драчкой вниз», что было сложнее, так как выбор паза в бревне нужно было производить до его подъема на стену. В Слуцком, Любанском, северной части Солигорского и южной Копыльского районов сохранились памятники, свидетельствующие, что здесь бытовал самобытный прием, при котором нижняя половина сруба рубилась «драчкой вниз», а верхняя, защищенная крышей,— «драчкой вверх». Свес крыши здесь, видимо, играл не последнюю роль. Привлекает внимание сильный вынос щита (фронтона) над торцовыми фасадами (от 0,7 до 1,5 м). Это также своеобразная локальная особенность, нигде более не повторяющаяся. В других регионах для защиты стены от косого дождя сооружают причелок или застрешек. Широко распространены крыши на козлах, причем ставить их стараются на поперечные стены сруба. Установка «крыжоў» на балки встречается нечасто и преимущественно в погонах. В стропильных крышах преобладают стропила с затяжкой в средней части, пяты которых врубаются в бревна верхнего венца. Дощатые полы здесь встречаются чаще, чем в юго-восточной части региона, призбы в основном аналогичные.

В подрегионе бытовала устойчивая трехкамерная планировка хата — сени — клеть; хата — сени — камора. Су-

---

[50] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1982. № 4. С. 22—24.

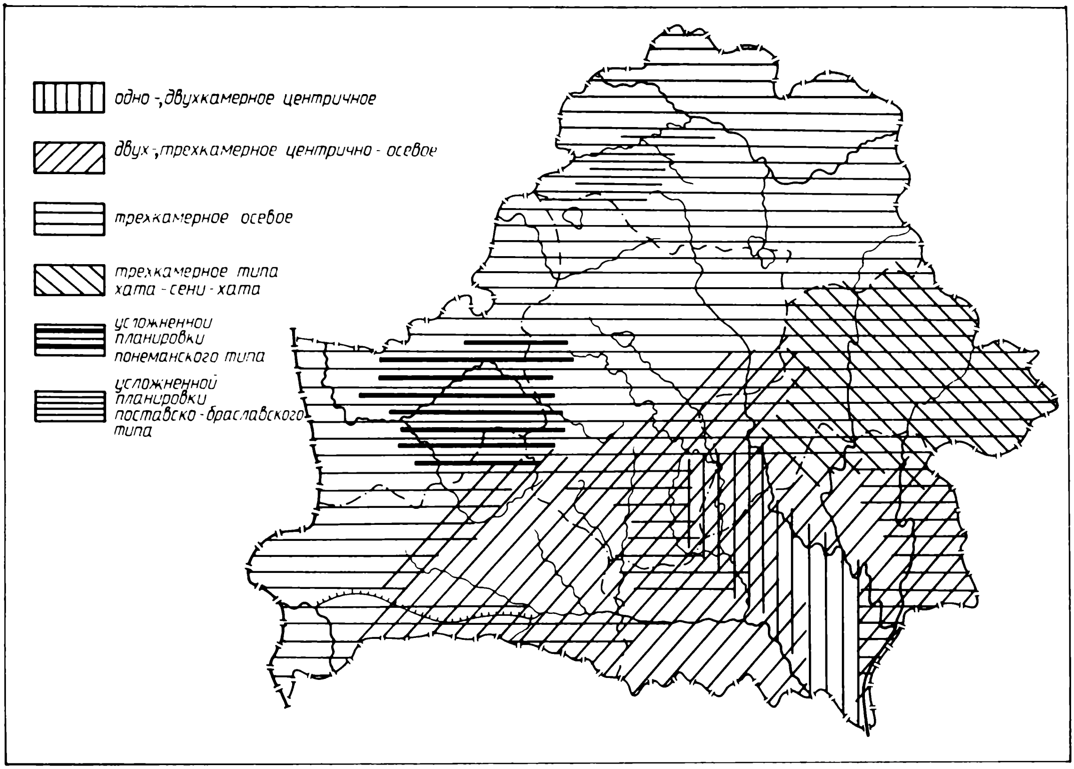

одно-, двухкамерное центричное
двух-, трехкамерное центрично-осевое
трехкамерное осевое
трехкамерное типа хата-сени-хата
усложненной планировки понеманского типа
усложненной планировки поставско-браславского типа

Рис. 116. Типы жилища

ществовали и более сложные планировочные варианты в жилье зажиточных крестьян, в жилых звеньях развитых погонов (хата — сени — сенички —
|
камора
клеть и др.). Важная локальная особенность — наличие в трехкамерном жилом звене двухъярусной клети с перекрытием сплошным закотом, конструктивно не связанным с общей крышей всего жилого сооружения (деревни Исерно, Играево, Большое Быково Слуцкого, Доросино Любанского р-нов и др.). Эта особенность имеет исключительное значение в исследовании не только вопроса формирования трехкамерного жилища, но и соотношения жилья и клети. Она наглядно иллюстрирует предположение Мошинского о первоначальной архитектурно-конструктивной самостоятельности этих построек и в некоторой мере подтверждает рассуждения Харузина о роли клети в развитии жилища[51]. Кроме того, это явление служит в пользу предположений о происхождении хаты-пятистенки, в том числе и белорусской пятистенки,

---

[51] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. T. 1. S. 551; Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 264—267.

из хаты с тристеном[52]. Наличие хат-пятистенок в данном подрегионе говорит о том, что наряду с другими этот процесс здесь имел сложное и длительное развитие. Замечательным памятником, в котором сконцентрированы все характерные особенности народного жилища, является хата конца XIX в. из д. Исерно Слуцкого района.

Возвращаясь к характеристике особенностей народного зодчества Центрального региона, нужно отметить возрастающую роль каменных оснований (камни под углами и в пролетах стен). Сруб из обтесанных с двух сторон бревен, стропильная двускатная крыша с застрешком. В качестве покрытия чаще используется дрань, гонт. Преобладают дощатые полы, призба сезонного характера или отсутствует вообще из-за высокого основания фундамента. Планировка в основном двухкамерная — хата и обширные сени. Часто встречается крыльцо или веранда. Жилые постройки отличаются цельностью, архитектурной завершенностью, характерной для дворов с несвязанными постройками. В архитектуре жилища Дзержинского, Столбцовского, Воложинского, юго-запада Молодечненского районов прослеживаются элементы жилища Понеманья (основания из камней, срубы из брусьев, крыши с причелками и соломенным покрытием и т. д. (рис. 115), идентичная планировка:
хата — камора — клеть). В народном
|
сени
зодчестве северных районов Центрального региона (Мядельский, Вилейский, Молодечненский, северо-запад Логойского р-нов) есть много общего с Понеманьем и Поозерьем. Вилейско-Мядельский подрегион в этом отношении представляет собой сложный узел пересечения межрегиональных этнических традиций, где начинали свое развитие самобытные черты, сформировавшиеся из исходных традиций и их усовершенствования. Примером является жилой дом середины XIX в. из д. Редупля Мядельского района. Постройка комбинированного типа: сруб+тристен, накрыта двускатной крышей из дранки, с бревенчатыми двухчастными фронтонами (характерная особенность северо-востока Понеманья и юго-запада Поозерья). В сенях выделена протяженная рубленая камора с окошком в торцовой стене. Аналогичный вариант жилого дома из д. Ляховичи Зельвенского района. В целом эту часть Центральной Белоруссии — Логойско-Борисовский подрегион — нужно воспринимать как переходную зону между Поозерьем и Понеманьем, Поозерьем и Западным Поднепровьем. Важной связующей нитью в формировании этнических особенностей здесь является река Березина. Жилье на широкой полосе от Логойска имеет много общего с жильем Западного Поднепровья, чьи локальные особенности начинают вступать в контакт с особенностями Поозерья на линии Плещеницы — Зембин (рис. 116).

Архитектурные, конструктивные и планировочные особенности белорусского народного жилища имеют широкие межэтнические связи, суть которых заключается в однотипности восточнославянского жилища в прошлом на обширном пространстве[53].

---

[52] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 150; Беларускае народнае жыллё. С. 81.

[53] Чижикова Л. Н. Жилища русских // Материальная культура компактных этнических групп на Украине: Жилища. М., 1979; Она же. Изучение сельского жилища восточных славян: Итоги и задачи классификации; Крюков М. В. Об общих принципах типологического исследования явлений культуры: На примере типологии жилища // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984; Казакевич М. З. Крестьянское жилище в Украинском Полесье во 2-й половине XIX и

Сравним раскопки Берестья и Старой Ладоги, Новгорода[54]. Процесс трансформации однокамерного жилья в двух-, трехкамерное на территории Восточной Европы, видимо, проходил по общему принципу, пока еще точно не установленному, т. е. жилое звено (хата — сени — камора, клеть, истопка) у русских, украинцев, белорусов, поляков, литовцев в основном идентично, особенно в ареале так называемого наземного типа жилища[55]. Жилище — динамичная ячейка крестьянского двора и имеет множество локальных и региональных типов. Центричная восточнополесская хата распространяется в северо-восточные области Украины, образуя большой по площади ареал[56]. Можно отнести к этой группе и центричные мазанки, простирающиеся еще глубже, вплоть до Полтавщины. Различие наблюдается только в материале. Форма и пропорции плана, крыши, общие габариты и соотношения остаются неизменными, что является главным признаком единства.

Западнополесский тип жилья (имеется в виду хата как самостоятельная постройка, а не как звено погона, например хаты из деревень Руховичи и Хабовичи Кобринского р-на и т. д.) глубоко охватывает запад Украинского Полесья и значительную часть Подляшья. Это, как правило, трехкамерные хаты с трехскатной, иногда четырехскатной крышей с залобком или причелком[57]. Особенно близки западнополесским хаты Подляшья.

Жилье Понеманья рассматривать в отрыве от дворовой, погонной системы трудно. Оно тесно связано с соседствующим помещением. Соседние районы Литвы и северо-западные Польши имеют много общего с жилыми звеньями погонов Понеманья: сложную планировку, ее дифференцированность. Жилье Литвы менее связано с дворовыми постройками, особенно в хуторной застройке. Схема плана:

```
          кухня — камора
               |        |
хата — хата — сени — клеть (истопка)
```

близка понеманской. Особенно сильно взаимопроникновение в жилье приграничных районов, где в отдельных местах наблюдается межэтническая диффузия (Ошмянский, Островецкий р-ны) в глубь Понеманья (вплоть до Новогрудского р-на). Здесь можно говорить об общем белорусско-литовском типе жилища, отчетливо заметном на хуторах[58].

Жилье Центральной Белоруссии уже почти столетие формируется в условиях двора с несвязанными по-

---

1-й половине XX в. и пути его дальнейшего развития. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1961; Данилюк А. Г. Особлівості розвитку традиційного житла Волинського Полісся // Народна творчість та етнографія. 1977. № 1. С. 50—56; Приходько Н. П. Особлівості сельского житла на Поліссі // Народна творчість та етнографія. 1970. № 6. С. 50—54; Стельмах Г. Ю., Приходько Н. П. Классификация типов украинского народного жилища конца XIX — начала XX ст. // Всесоюз. науч. сессия, посвященная итогам полевых археол. и этнограф. исследований 1970 г.: Тезисы. Тбилиси, 1971; Таранушенко С. Давне житло Полісся // Народна творчість та етнографія. 1969. № 1. С. 8—23; Космина Т. В. Сільское житло Полісся.

[54] Лысенко П. Ф. Раскопки древнего Берестья // Археол. открытия 1971 г. М., 1972; История культуры Древней Руси. Ч. 1.

[55] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. T. 1; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки...

[56] Самойлович В. П. Українське народне житло.

[57] Там же.

[58] Литовское народное зодчество; Беларускае народнае жыллё. С. 94—95; Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1979. № 1. С. 42—44.

стройками. Оно имеет аналоги в Смоленской и Брянской областях, но эти аналоги распространены не равномерно, а спорадически, так как возникли они лишь в сходных с центральнобелорусскими условиях: во дворах с несвязанными постройками позднего периода. Отличительной особенностью жилья этого типа является его лаконичная и выразительная архитектура: сруб, двускатная крыша с высотным соотношением приблизительно 1 : 1.

Жилье Поднепровья имеет много общего с жильем соседних областей России благодаря развитию двора (покоеобразный двор средней полосы России, поднепровский веночный), родственности природных, хозяйственно-экономических и культурно-этнических особенностей.

Общие межэтнические черты прослеживаются в народном жилище Поозерья и соседних областях Латвии и России. Обширные сени с проходом на денник, несколько камор, клетей с входом в сени, одна или две двери в хату, размеры которой непривычно велики, большая печь, низкий потолок на балках, иногда подпертых во избежание прогиба (хата веночного двора в д. Акелы Поставского р-на). Такое жилье очень похоже на жилье латгальских латышей, также отличающееся размерами и сложностью планировки, жилье соседних Псковской и Калининской областей РСФСР[59]. Отмеченные общие особенности в значительной мере связаны с эволюцией крытых дворов северо-востока Европы. Они проникают в Литву и северо-восточную Польшу (приложение, табл. 12).

Межэтнические связи белорусского народного жилища проявляются в конструкциях. Западнополесский угол «в каню» широко известен в Подляшье и Западной Украине, частично на юге Литвы. Хотя, с другой стороны, его можно считать разновидностью широко распространенного в Восточной Европе угла с потайным шипом, который с успехом применялся как в жилом, так и в общественном и культовом строительстве[60].

Территория распространения угла «в каню» совпадает с зоной срубов из колотых плах — дылей, которая захватывает Белорусское Полесье и частично Подляшье, простирается далеко на юг к Карпатам.

Известный на Понеманье «чистый» (немецкий) угол является особенностью народной архитектуры на огромном межэтническом пространстве от Эльбы до Немана. Как строительный прием такой угол был известен восточным славянам уже в XIII в., хотя как традиция не закрепился[61]. У русских широко известна разновидность угла «в лапу», распространенного в области с сырым климатом, так как, не имея остатка, меньше «подвержен гниению»[62]. Важным преимуществом «чистого угла» и угла «в лапу» является то, что они позволяют увеличить размер сруба в плане (приблизительно на полметра), что исключительно важно с точки зрения расхода лесоматериала. Ареал «чистого» угла совпадает с территорией распространения срубов из тесаных бревен, брусьев. Угол «в лапу» применялся и в срубах из кругляка, например на Могилевщине. Для этого делался подтес, затем углы зашивались (шалевались) досками. Угол «с остатком» имеет множество региональных разновидностей и названий: «в обло», «в замок», «в крюк», «в охряпку», «в охлуп», «в присек», «в ряж», «сковороднем» и т. д.[63] На Белоруссии бытуют три разновидности угла с остатком: простой угол, угол в «чашку» (русское «в обло») и угол «в охряпку», по-видимому, наиболее древний, так как встречается спорадически в восточной части республики в очень старых строениях. Восточным славянам было известно до 50 приемов рубки углов[64].

---

[59] Latvijas etnografikais brivdabas museis. S. 101—189; Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 60—67; Ушаков Ю. С. Деревянное зодчество русского Севера: Нар. традиции, совр. проблемы. Л., 1974.

[60] Prokopek M. Budownictwo ludowe w Polsce. S. 121—127.

[61] Беларускае народнае жыллё. С. 33.

[62] Урочное положение (Иллюстрационное урочное положение для составления чертежей, проектной документации и смет). СПб, 1913. С. 137.

В ареале угла «с остатком» жилье рубили преимущественно из кругляка. Но широко применялись и бревна, отесанные с двух сторон, особенно если предполагалось постройку шалевать. Сейчас срубы из стесанных бревен распространяются все шире, что в некоторой степени связано с изменением представления о красоте, эстетике в народном зодчестве.

Соединение стен в шулы в основном используется для соединения со срубом тристена, сеней. На Руси конструкция «в шулы» применялась в строительстве крупных сооружений, хором, которые составлялись из отдельных срубов («лепились из клетей»), соединяемых сенями через стойки и шулы[65].

Пропорции и размеры жилых срубов в восточнославянском народном зодчестве определялись своеобразным модулем, которым было бревно. Длина бревна определяла пропорции и размеры плана, а его диаметр — высотные габариты. Как в Белоруссии, так и у русских и украинцев оптимальный размер жилого сруба равнялся приблизительно 5,5×6,5 м, оптимальный обрез у бревен, пригодных для строительства и широко доступных. Бревна большой длины (12—13 м) были дефицитными и шли на подрубы или нижний венец хаты с сенями-тристеном. Наращивание бревен через замки, известное в XIX в., ранее в народном зодчестве не применялось. Наиболее распространенный диаметр бревен, идущих на сруб жилья,— 18—22 см. В отдельных районах Белорусского Полесья применялись толстые брусы или дыли большой ширины (сруб состоял из 6—8 венцов); их ширина увеличивается при продвижении к югу и достигает максимума в Закарпатье[66].

Конструкция белорусской крыши входит в обширный ареал двух основных типов: срубной и каркасно-столбовой. Последняя является наиболее древней для всей лесной полосы Восточной Европы. В жилищном строительстве срубные крыши были известны восточным славянам длительное время, вплоть до конца XIX в. Рубленые сводчатые перекрытия без потолков имели свои разновидности: сплошные сводчатые закоты, известные в русских хоромах и клетях и белорусских свирнах, разреженный закот — в Белоруссии и литовском народном зодчестве, народном зодчестве Украинского Полесья и Западной Польши[67]. Отделение потолка от крыши, покрытия от перекрытия способствовало изобретению новых форм конструкции крыши. Крыша на самцах широко бытовала в России и на Черниговщине[68]. У белорусов и большей части соседних народов рубленые перекрытия жилья отличались цельностью, что объяснялось небольшими размерами жилища. У русских, например, рубленое перекрытие на самцах имело продольные стены-споры (осевую или две параллельные осевой), выполняющие роль связей в перекрытиях больших размеров.

---

[63] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 70.

[64] Там же.

[65] Там же. С. 71.

[66] Макушенко П. И. Народное деревянное зодчество Закарпатья. С. 26—44; Беларускае народнае жыллё. С. 31—34.

[67] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 97.

[68] Там же. С. 97—98.

Наиболее распространенной является каркасно-столбовая конструкция. Крыша на дедках и козлах широко известна в народном зодчестве русских, украинцев, белорусов, поляков и других восточнославянских народов. Благодаря ряду архитектурно-конструктивных преимуществ она получила широкое распространение в народном зодчестве вплоть до нашего времени. Крышу на сохах можно рассматривать как явление широкого масштаба, охватывающего почти все регионы Европы, где было известно деревянное строительство. Подтверждением тому могут быть современная стоечно-балочная конструкция, известная в хозяйственных постройках современного села [69].

Со временем несущая способность сруба увеличивалась. Стропильная крыша становится универсальным межэтническим явлением и получает популярность в срубных сооружениях северо-восточной части Европы, в каркасно-столбовых постройках и мазанках лесостепной полосы, в фахверковых сооружениях Западной Европы [70]. Изобретение стропильной системы открыло возможность использования и развития чердачного пространства.

Тесно связанный с конструкцией крыши потолок на траме и его разновидности характерны для народного зодчества Украинского Полесья, Западной Польши, Литвы.

Глинобитный пол, как уже отмечалось, характерен для обширного ареала жилищ наземного типа. Экспедиционные наблюдения показывают, что в северо-восточных и восточных областях Белоруссии чаще встречались дощатые полы, в частности русского типа с глубоким подпольем-погребом (Березинский, Кличевский, Бобруйский, Кировский р-ны). В зажиточных хатах Витебщины полы настилались во всех помещениях жилого звена (хате, сенях, клети, каморе), как, например, в Латвии или Псковской и Калининской областях. Межэтнические черты, наблюдаемые в планировке и конструкциях белорусского народного жилища, свидетельствуют о его активном участии в процессе развития жилища народов Восточной Европы.

ИНТЕРЬЕР И ОБОРУДОВАНИЕ

Внутреннее оборудование и обстановка жилища наиболее отчетливо выявляют общность материальной культуры русских, украинцев и белорусов. Оборудование в народном жилище группируется по функциональным зонам, формирование которых тесно связано. Ряд общих черт имеет оборудование кухонной зоны, в частности устройство печи. До середины XIX в. в Белоруссии были распространены курные печи глинобитной конструкции на деревянном подрубе из 3—4 венков, возведенном на вкопанных в землю штандарах. Устройство курных печей имело некоторые региональные особенности: в форме, пропорциях, основании, выносе устья и т. д. Основой печи мог быть также каркас из брусьев, защемленных в столбе, установленном на внешнем углу. На подруб настилался помост, где выбивалась из глины площадка — под. На середину ее клали охапку дров или колоду, равную объ-

---

[69] Беларускае народнае жыллё. С. 41—45.

[70] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 96—119.

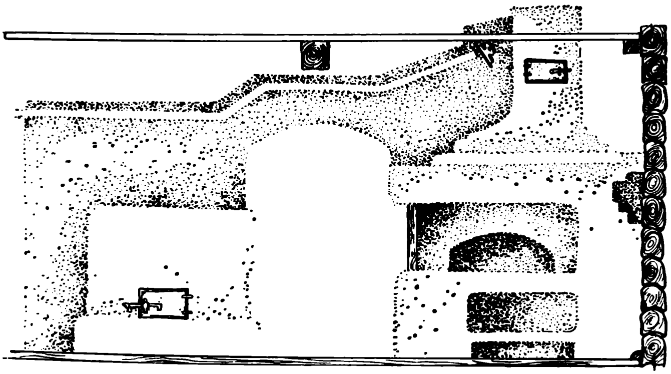


Рис. 117.
Печь со щитком.
Нач. XX в.
д. Горки
Дятловского р-на
(выполнено по материалам
Е. Н. Каранкевич)

ему внутренней полости. Внешние габариты печи ограничивались дощатой опалубкой, в которую набивали глину с добавлением камней, верхнюю грань («чарэнь») выравнивали. После просыхания опалубку убирали, в передней грани вырезали устье. Дрова или колоду сжигали для повышения прочности глины. В угловом столбе делались ниши для просушки табака, семян[71]. У восточных славян он играл важную роль в домашних обрядах и чародействе[72]. Дым выпускался через двери в сени либо через специальное отверстие в стене или потолке — «верх», «вершок». В Понеманье курные хаты на отдельных хуторах можно было встретить еще в 70-е годы нашего столетия. В Поднепровье такие печи старожилы вспоминают с трудом[73].

Во 2-й половине XIX в., после отмены крепостного права, в быт начинают входить печи с «комінам». Первоначально колоколообразный, он подвешивался над припечком[74]. Дымоход шел горизонтально над потолком и выходил в сени[75]. Там могла быть другая труба (Поднепровье, Полесье). Распространение «коміна» в Белоруссии шло с востока на запад, наиболее интенсивно — в хозяйствах государственных крестьян[76].

Меняется внешний вид печи, улучшается санитарное состояние жилища[77]. С появлением кирпичных печей исчезают припечный столб и связанные с ним конструкции.

Единством состава и расположения отдельных элементов характеризуется внутреннее оборудование и обстановка жилища. Главной общей закономерностью в интерьере является общность его функционального зонирования. Одной из таких зон является кухонная, определяемая местом расположения печи, что отмечалось еще в городищах Поднепровья VIII—IX вв.[78] Угловое расположение печи, известное как белорусско-украинский тип, распространено на обширном пространстве от Черного до Балтийского моря и характерно для жилищ всех восточных славян. Ориентация устья печи определяла и структуру всего внутреннего оборудования.

---

[71] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 51.

[72] Никольский Н. М. Происхождение и развитие белорусской свадебной обрядности. Мн., 1957.

[73] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 119.

[74] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 56.

[75] Там же. С. 51.

[76] Беларускае народнае жыллё. С. 54.

[77] Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. С. 821.

[78] Бломквист Е. Э. Общие черты в крестьянском жилище русских, украинцев, белорусов. С. 31.

В кухонной зоне находились скамья для ведер, подойника, маслобойки, кухонный шкафчик, прикрепленный к стене или встроенный в угол, жернова [79]. Общее представление об интерьере крестьянского жилища середины XIX в. дает курная хата.

Важной общенациональной особенностью является и диагональное расположение по отношению к печи «красного» угла («кута», «покуцi») — другой функциональной зоны жилища. В самом обозначении этой части интерьера обнаруживаются региональные отличия. Понятие «кут» встречается в восточнобелорусских районах и Смоленской и Калининской областях. «Покуць» — термин, в большей степени характерный для Брестской и Гродненской областей, а также Западной Украины. Неотъемлемым предметом интерьера были широкие лавы, сходящиеся в «красном» углу, неподвижно укрепленные на деревянных консолях или колодах. [80]. Функциональное назначение их универсально: они служили мес-

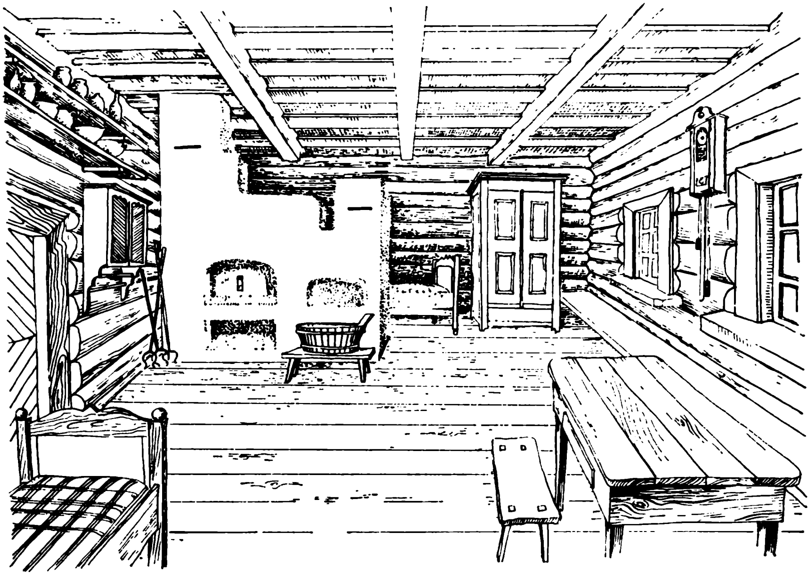


Рис. 118. Интерьер жилого дома в Понеманье. Нач. XX в. Реконструкция

---

[79] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 58.

[80] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 49.

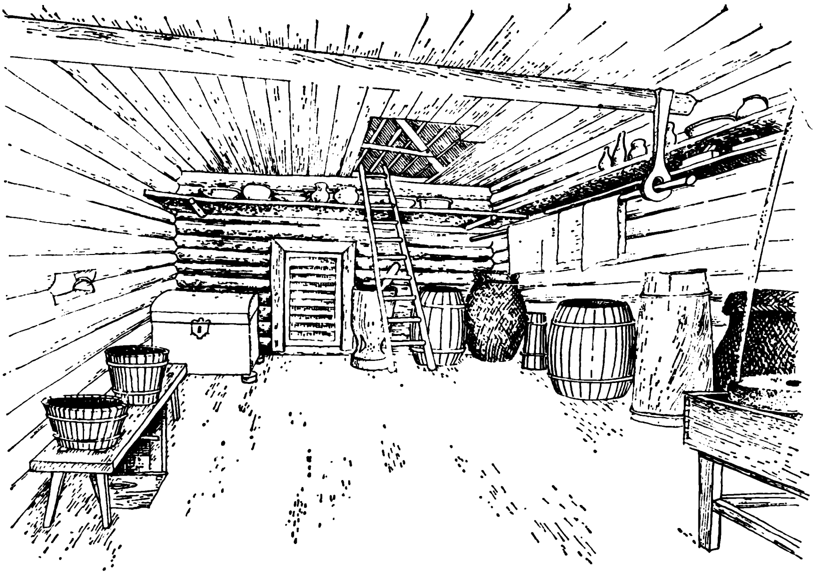


Рис. 119. Интерьер сеней в жилом доме в Понеманье. Нач. XX в. Реконструкция

том отдыха и работы, для чего снабжались отверстиями и зажимами для прялок, чесальных гребней, винтов и тисков.

Еще одной функциональной зоной, в значительной мере связанной с печью, является спальное место («пол»), настилаемое на высоте около 1 м от пола вдоль глухой стены, которое нередко обособлялось в интерьере. Габариты его часто определялись шириной печи и угловым припечным столбом, в который нередко врубалась жердь — било («ашостак»). Наброшенный на «ашостак» полог и отделял «пол» от остального пространства хаты. Это делалось, в частности, тогда, когда в семье имелась роженица. Рядом со спальным «полом» размещалась и детская люлька, подвешенная к деревянному колку, укрепленному в щели между балкой и потолком.

Своеобразную функциональную зону представляло и пространство между «красным» углом и «полом». Это было рабочее место в хате, как правило, сезонного характера. Зимой и весной здесь стояли сновница, кросна. На Руси иногда предусматривали постоянное функционирование этой зоны в так называемых хатах-«пряхах»; для этого размещение печи и спального места делалось с учетом увеличения площади для кросен.

В организации освещения жилья определяющими были требования теплового комфорта. Народные зодчие рационально определяли те участки интерьера, которые нужно было осветить. К одному из них относился угол напротив печи, в котором обязательно прорубалось окно. Хорошо освещался «кут» — как правило, двумя окнами в смежных стенах. Три оконных проема

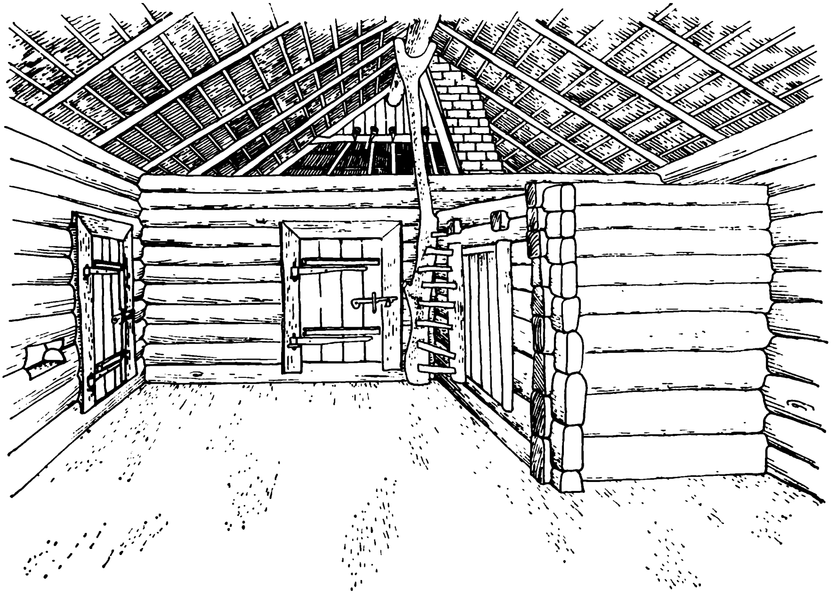


Рис. 120. Интерьер сеней в жилом доме. Конец XIX в. д. Подболотье Зельвенского р-на

(одно на уличном фасаде и два на дворовом) — одна из важнейших общих особенностей белорусского народного жилища, сохранившаяся и в жилищах переселенцев в восточных районах России. Прочие разновидности носили локальный характер (например, отсутствие окон в стене уличного фасада в Поднепровье и на Полесье)[81]. В частности, такая особенность определялась расположением хаты между хозяйственными постройками в погонном ряду. Иногда помещики запрещали своим крестьянам прорубать окно на улицу[82]. Окно в глухой припечной стене (в зоне отдыха) было редким явлением не только по функциональным, но и по бытовым соображениям (чтобы не было видно, что творится во дворе у соседа). Известно, что прорубать такое окно можно было лишь с согласия собрания общины и священника[83].

Средняя величина оконных проемов приблизительно 35×35 см. В прошлом были характерны окна прямоугольной или квадратной формы, вырубленные на полбревна и не имеющие рамы и стекла, роль которых выполняла «засаўка» (так называемые волоковые). Позднее и в них стали появляться застекленные «форткі»-переплеты (один-два), что подтверждают аналоги, встречающиеся в сенях и каморах. В отдельных случаях такие окна сохранились и до середины нашего столетия, например послевоенная хата-вре-

---

[81] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 37—38.

[82] Сербов И. А. Белорусы-сакуны. С. 11.

[83] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 103.

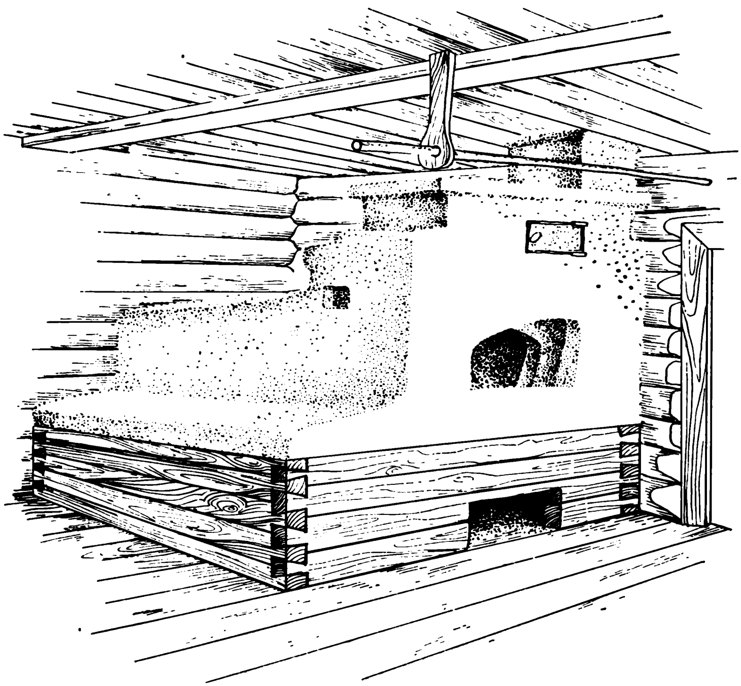


Рис. 121.
Печь. Нач. XX в.
д. Кайки
Городокского р-на

мянка в д. Углы Копыльского района, построенная в традициях народного зодчества начала века. Появление оконных рам и переплетов вызвало увеличение габаритов окна. Наиболее распространенными были окна на четыре фортки. Напротив «красного» угла вырезались окна больших размеров. Располагались они низко над землей, как правило, между пятым и седьмым бревном. К началу нашего столетия наиболее распространенными становятся окна на шесть форток. Усложняется профиль оконной коробки, она расширяется внутри. Появляются дополнительные зимние рамы, заменившие употреблявшиеся ранее соломенные маты.

Двери в белорусском народном жилище невысокие, одностворчатые. Полотно изготовлялось из 4—5 досок, набитых на специальные бруски. Для большей прочности полотна бруски часто делались со штапиком. В инвентарях XVII—XVIII вв. неоднократно упоминаются двери «на бегунах», или «на пятцы»[84]. В дверном косяке делался паз, куда вставлялась ось — часть древесного ствола с суком, который играл роль дополнительного элемента жесткости для полотна (в народной терминологии такое приспособление называется воротом). Двери на вороте сохранились до нашего времени лишь в хозяйственных постройках. В XIX в. на смену им приходят двери на кованых железных петлях с деревянными или железными «клямкамі» и замками. В курных хатах двери нередко состояли из двух частей: верхней и нижней.

---

[84] Инвентари...: Владение Тимковичи; Инвентари...: Владение Сморгонь.

Первая предназначалась для отвода дыма во время топки печи[85].

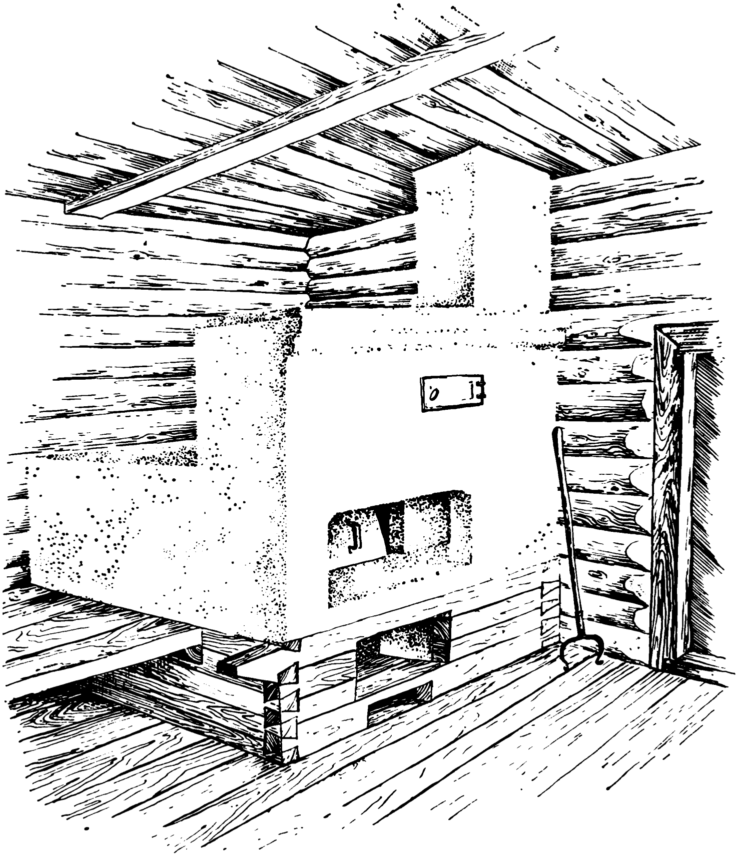


Рис. 122.
Печь. 40-е гг. XX в.
д. Смоловка
Городокского р-на

Большую площадь в интерьере жилья Восточного Полесья занимает печь на высоком подрубе с сильно выдвинутым вперед «прыпечкам», пластичными формами, многочисленными нишами и углублениями. Широкий «комін» украшается рельефной пластикой (д. Надточаевка Наровлянского р-на).

Характерная особенность, свойственная, впрочем, и Западному Полесью и некоторым южным районам Понеманья, Центральной Белоруссии и Поднепровья,— штукатурка и побелка стен, уходящая истоками в глубины Украинского Полесья, ареала распространения глинобитных жилищ. Аккуратно выбеленные стены, украшенные яркими узорами рушников, «набожніка», скатерти на столе приятно контрастировали с темными тонами глинобитного пола, потолка.

Среди множества видов приспособлений для освещения жилища в Восточном Полесье и соседних районах Поднепровья были распространены подвесные лучники. Они представляли

---

[85] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 104.

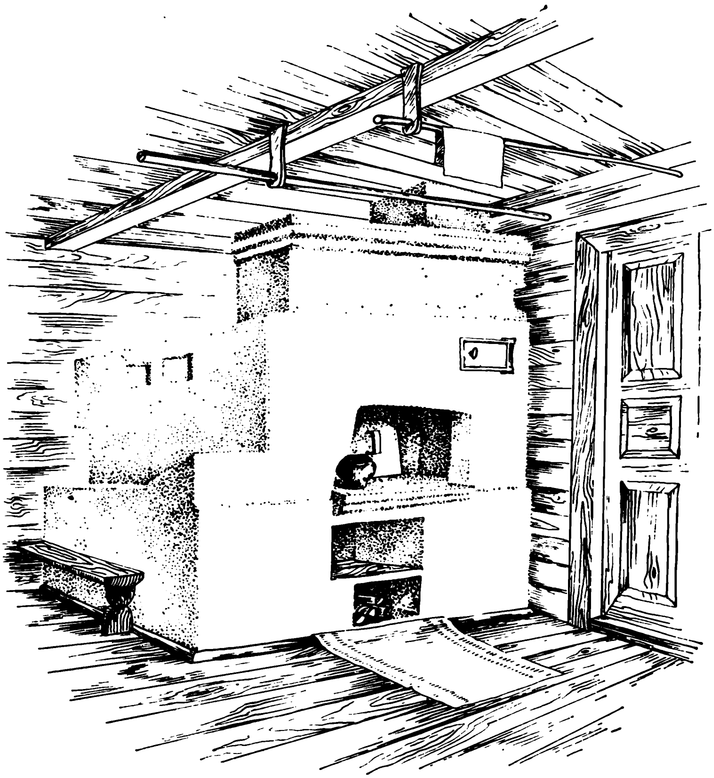


Рис. 123.
Печь.
Середина XX в.
д. Заборок
Городокского р-на

собой расширенную книзу трубу, плетенную из луба или лозы и обмазанную глиной. Часто ее делали из полотна, пропитанного известью[86]. В нижнюю часть вставлялось металлическое кольцо для придания формы. Снизу подвешивалась жестяная решетка, на которой сжигали смолистые корчи. Такой лучник можно было на день свернуть и заткнуть за балку. Он крепился напротив устья печи, ближе к окну. Дым через отверстие в потолке и далее через деревянную трубу, выведенную на крышу, выходил наружу[87]. Известны были и «камінкі» (распространенные также на Черниговщине и Волыни) — ниши на внешнем углу печи, в которых сжигали корчи. Дым выводился через специальный дымоход, соединенный с печной трубой. Широко применялись переносные осветительные приспособления («светачы», «коміны»), представляющие собой деревянную крестовину или кряж, на который клали плоский камень (такой источник света назывался «камнем»). Дым отводился через установленную на чердаке трубу:

---

[86] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов.

[87] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 122.

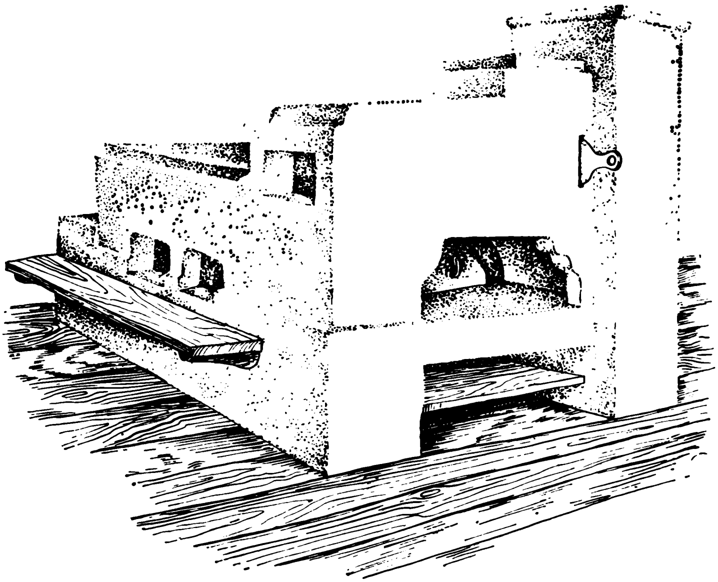


Рис. 124.
Печь.
1-я половина XX в.
д. Сардыки
Верхнедвинского р-на

древесный ствол с удаленной сердцевиной. В северо-западных районах Западного Полесья бытует своеобразная разновидность «камінка»: в смежном с печью углу устраивается подставка, которую вместе с частью стены обмазывают глиной. Дым отводился через плетеный дымоход в сени[88].

Если интерьеру Полесья свойственна функциональная лаконичность, простота, минимум оборудования, то в Понеманье наблюдается иная картина, функциональные зоны здесь усложняются, количество оборудования возрастает. Прежде всего по сравнению с Полесьем увеличивается разнотипность печи. Если в жилье, планировочно не расчлененном, печь в целом аналогична полесской, то в дифференцированном жилище ее конфигурация и конструкция усложняются. Из угла она перемещается в сложный планировочный узел (кухня, спальня, горница), определяющий ее форму. В конце XIX в. на Понеманье печь часто делалась в комбинации с плитой, устье выходило в хату, плита — на кухню. «Комінная» часть становится объемной и сложной по конструкции (дымовые каналы от плиты, грубки, дополнительные воздуховоды, люфты для увеличения теплоотдачи). В жилищах Понеманья имелся дополнительный источник отопления: щитки, стенки (узкие и протяженные печи высотою до потолка), грубки (неширокие, квадратные в плане печи). Стенки (северо-запад региона) разделяли хату по длине на две половины (отсюда и название), часто делались с площадкой для отдыха — лежанкой[89] (рис. 117).

На юго-востоке Понеманья преобладают грубки, дымоходы которых соединяются с «комінам», также разделяя хату на две половины (деревни Шмаровичи Слонимского, Великое Село, Столовичи Барановичского р-нов). В конце прошлого века в жилье зажи-

---

[88] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 177.

[89] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 177.

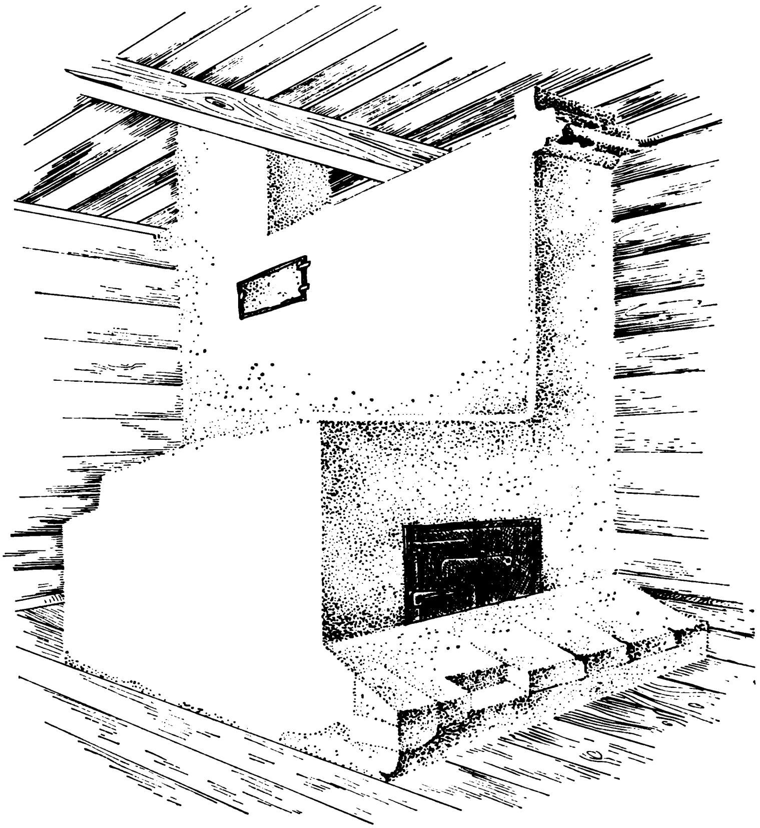


Рис. 125.
Печь.
Середина XX в.
д. Тимошково
Миорского р-на

точных крестьян грубки облицовываются изразцами («кафляй»). В дифференцированном жилье меняется характер мебели. Вместо лав появляются деревянные «канапы», спальный помост заменяется деревянными кроватями, иногда спальня отделяется дополнительно шкафом, на кухне появляются резные полки и шкафчики. Мебель украшается резьбой, точеными деталями. Помимо народных мотивов в ней угадываются и стилевые отголоски барокко, ампира, эклектики (особенно в решении спинок «канап» и кроватей, обрамлении шкафов). Развитие связи с городом способствует появлению в интерьере отдельных мелких деталей: настенных часов, шкатулок, посуды и т. д.

Предметную насыщенность интерьера народного жилища Понеманья можно проиллюстрировать на примере оборудования четырехкамерного (хата — сени — истопка) жилья из д. Сподны
|
камора
Островецкого района[90].

Слева в хате широкая печь со щитком, у припечья — ушат с водой. За печью вешалка для тулупов, зимней одежды, вдоль стены — две кровати, в углу — шкаф для одежды, лавы. На стене часы в футляре («загарак»),

---

[90] Записано автором в июле 1986 г. со слов жительницы д. Сподны Островецкого р-на М. А. Михнович, 1928 г. рожд.

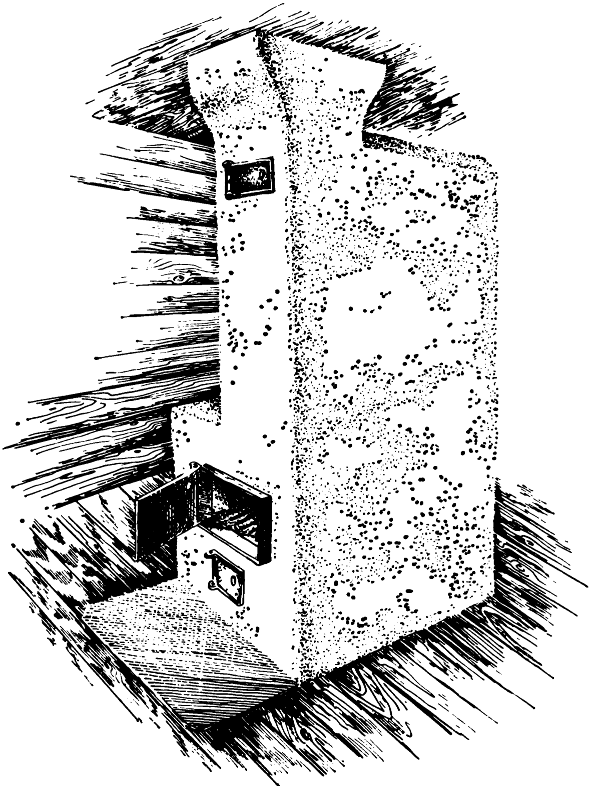


Рис. 126.
Грубка.
Середина XX в.
д. Смоловка
Городокского р-на

справа — в деревянной оправе зеркало. В «красном» углу иконы, 10—15 фигурок, стол и скамейка («услончык»). Напротив печи кровать, под ней чугуны, зимой корыто для корма скота. Над кроватью — кухонный шкафчик. В углу, возле печи,— ухваты (до 15 штук), кочерга, веник, выше, на стене,— шкаф-ложечник («заложнік»), над дверью — полка для посуды (рис. 118). В сенях по стенам — полки. На них инструменты (хозяин был кузнецом), различная посуда, прочие мелочи. Справа от входа, в углу,— хлебная лопата, за дверью в хату — жернова. Под полками, у стены,— кублы, дежи, бочки-плетухи. Над ними «ашостак», где развешены мешки, рядом лестница-стремянка на чердак. У стены, отделяющей сени от каморы и варивни,— ступа, сундук («куфар»). Слева от входа скамейка с ушатом для воды в летнее время, под ней корыто. В каморе у стены — кровать, напротив окошка — шкаф для одежды, над окошком — полка. В центре истопки — печь-каменка. Слева от входа — дежа для капусты, справа — «цэбры» для корма скоту, далее, вдоль стены, ночевки и прочая посуда (рис. 119).

Прочность традиции размещения предметов и оборудования накладывает отпечаток и на современную предметную обстановку народного жилища. Необходимо отметить, что социальная дифференциация крестьянства в понеманском жилище в сравнении с другими регионами проявлялась до-

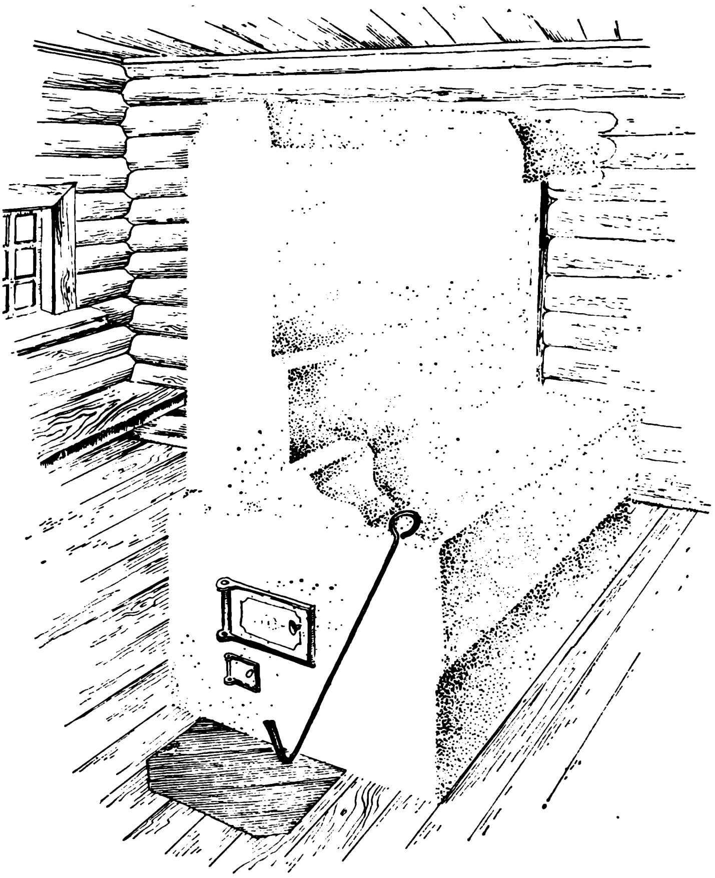


Рис. 127.
Грубка.
Середина XX в.
д. Сардыки
Верхнедвинского р-на

вольно контрастно. Жилье бедняков и значительной части середняков было оборудовано традиционно (рис. 120). Единственный весьма важный региональный элемент — появление дополнительного спального места — полатей, широко распространенных в средней полосе Белоруссии, включая юго-восточную часть Понеманья. На Слонимщине полати одним концом подвешивали к потолку, другим опирали на под печи.

Традиционным осветительным прибором на Понеманье был «светач», называемый в некоторых районах «дзедам»[91]. К деревянной колодке или крестовине из поленьев прикреплялась палка высотой около метра, на верху которой делались различные приспособления для крепления лучины (расщепление конца, две пластины, проволочный змеевик «дзедавы губы» и т. д.). Вечером такой светильник ставился посреди хаты, а на день отодвигался в угол, к печи. В ряде мест Понеманья он подвешивался к балке потолка.

---

[91] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 120.

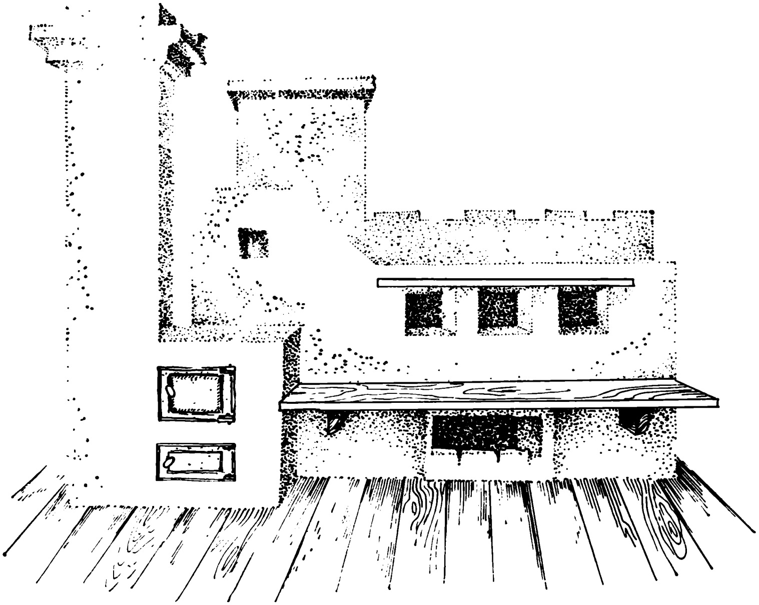


Рис. 128. Печь с грубкой. Середина XX в. д. Малое Тешелово Городокского р-на

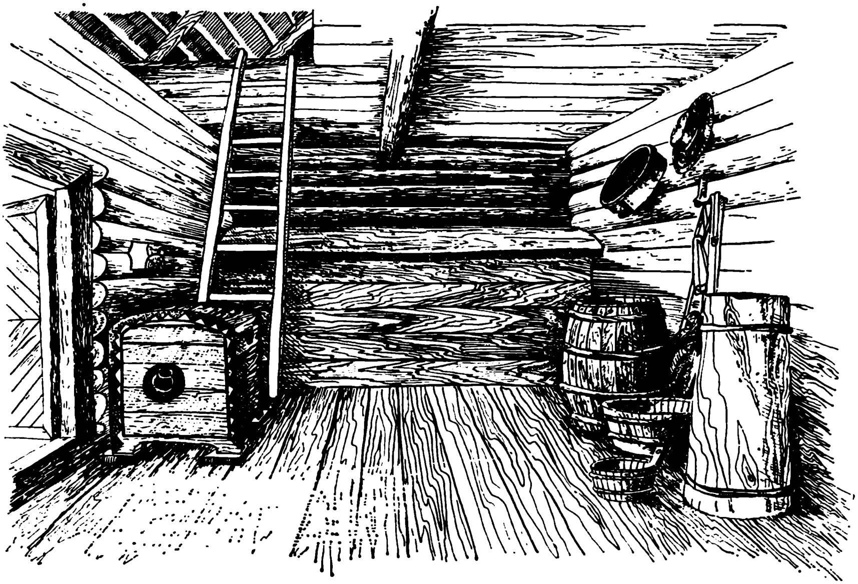


Рис. 129. Интерьер сеней в жилом доме. Конец XIX в. д. Тиньковцы Верхнедвинского р-на

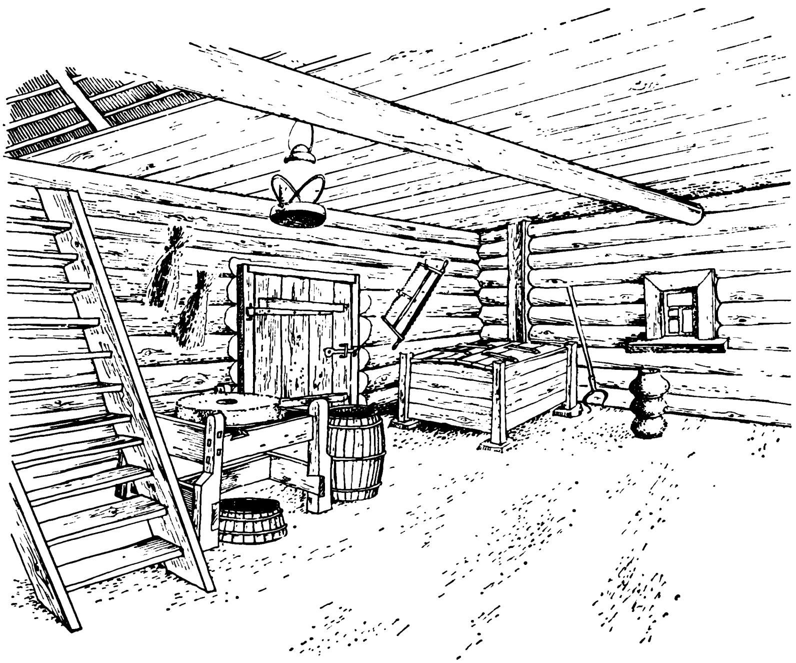


Рис. 130. Интерьер сеней в жилом доме. Нач. XX в. д. Тимошково Миорского р-на

В Поозерье печи более крупных размеров, с высоким подом. Расположение дымохода («коптура») асимметрично, сдвинуто, как правило, в сторону стены (рис. 121—125). В этом случае левая грань дымохода приобретает ступенчатый характер (Логойский, Докшицкий р-ны). Из дополнительных отопительных сооружений здесь применяется грубка, реже щиток (Полоцкий, Верхнедвинский, Россонский р-ны) (рис. 126, 127). Соединение дымоходов производится, как правило, на чердачном пространстве, часто строятся два самостоятельных дымохода. С середины нашего столетия получили распространение печи с плитой, встречаются и комбинации плиты с грубкой (Докшицкий, Глубокский р-ны) (рис. 128). В интерьере жилища Поозерья помимо элементов традиционного оборудования — «пола», лав, «паліц» встречаются «канапы», кровати, шкафы, особенно в просторных хатах веночных дворов зажиточных крестьян. В силу повышенной функциональной роли активно насыщаются оборудованием сени (рис. 129, 130). Интерьер входящей в состав жилого звена клети выделяется системой капитальных брусчатых замков (рис. 131). Своеобразна его структура в хатах с жилыми сенями. В таких сенях имеется своя печь, кровати, стол, куфры и скрыни (в прочих регионах в сенях, клети, каморе). В первой половине нашего века формируется региональное явление — расположение печи в центре сеней, тыльной стороной к входу, устьем внутрь (напротив устья — окно). В таком случае в смежной с устьем части сеней оборудуется кухонный угол. В про-

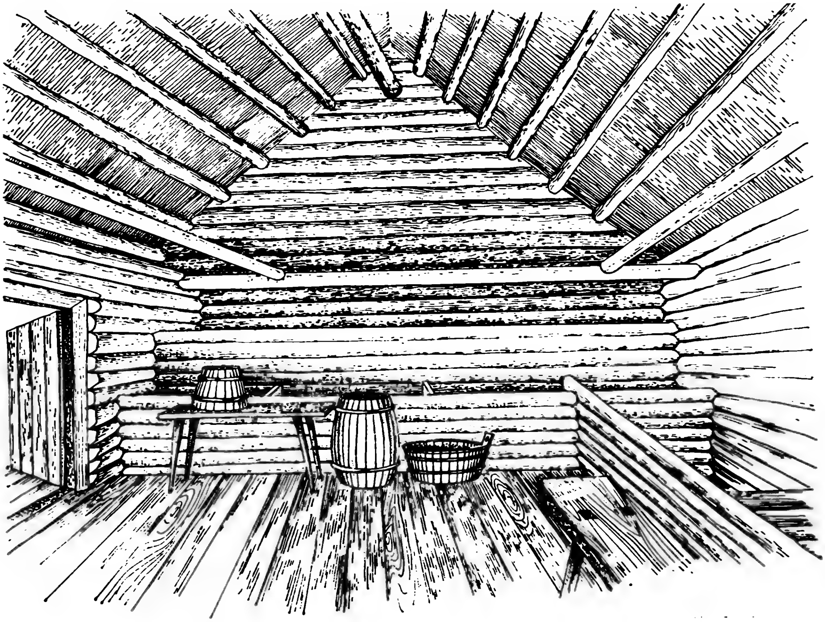


Рис. 131. Интерьер клети. Нач. XX в. д. Тиньковцы Верхнедвинского р-на

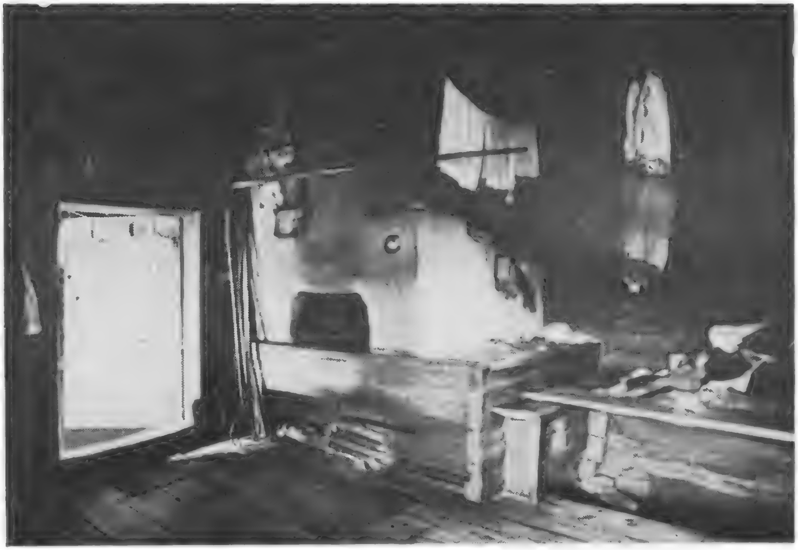


Рис. 132. Интерьер хаты. Конец XIX в. д. Волево Дубровенского р-на

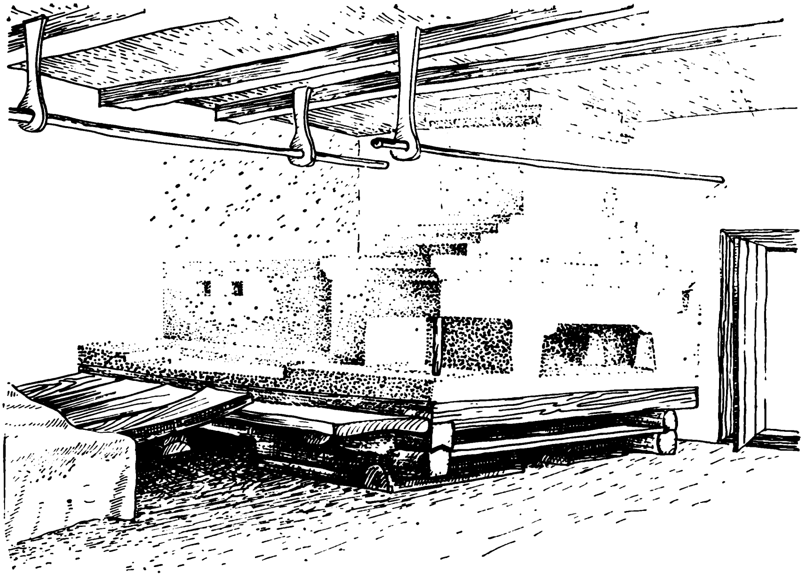


Рис. 133. Интерьер хаты. Нач. XX в. д. Вощанка Кормянского р-на

странстве слева от печи — лавы, стол, «пол»-нары. Справа — дверь в хату, обогреваемую грубкой. Жилище Поозерья освещалось в основном переносными и подвесными деревянными «светачамі». В отдельных случаях в качестве осветительного устройства использовались железные зажимы, вбитые в стену[92].

Печи с развитым широким комином характерны и для Поднепровья (рис. 132, 133). Нередко ее часть со стороны устья представляет собой широкую высокую плоскость с дверцами и прорезями для вьюшек (д. Богушевичи Березинского р-на). Расположение плиты может быть различным: как в припечной части, так и в одной из боковых. Последнее характерно для сочетания хата — хата, близкого описанному выше поозерскому варианту. Здесь печь также располагается центрично, задней стенкой примыкает через нишу к глухой стене, а устьем повернута ко входу. Плита располагается справа, здесь же и кухонный угол с полками, лавами и столом. Слева «пол»-нары и дверь в хату, обогреваемую грубкой (деревни Зарестье, Бушково, Супоничи Могилевского р-на) (рис. 134). Фасад печи вследствие бокового примыкания плиты имеет сложный характер — вытянут в продольном направлении, левая грань «коптура» ступенчатая. Отмеченный характер интерьера для планировки хата — хата преобладает в центральных и северо-восточных районах Поднепровья. В западных и юго-западных районах в обеих хатах ставятся одинаковые печи, как правило, примыкающие к разделяющей их стене, что придает жилью симметричность. Это же характерно и для жилья типа хата — сени — хата. В жилье типа хата — сени в последних печь, как правило, не сооружается.

---

[92] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 120.

Региональная особенность поднепровского жилища — наличие верхних полатей над «полам»-нарами. В отличие от Понеманья сооружение полатей на Могилевщине связано с припечным столбом. К нему крепится толстый брус, другой конец которого врубается в противоположную стену хаты («біла», «ашостак», «курчына»). На било в поперечном направлении клались брусья, на них — доски. Кроме того, на било вешался полог, отделяющий «пол» от остальной части хаты. В северной части Поднепровья жилье освещалось преимущественно «светачамі», в южной — «лучнікам».

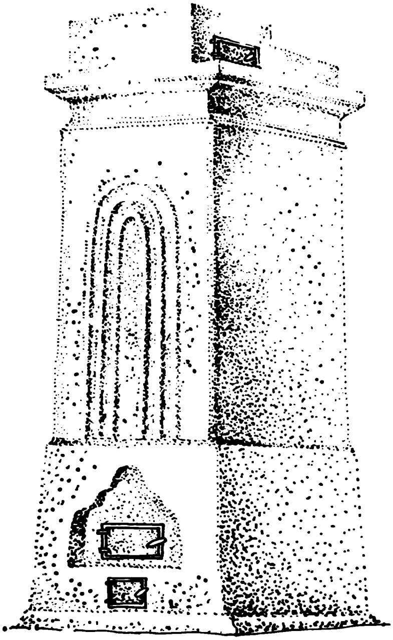


Рис. 134. Грубка. Середина XX в. д. Степанов Хутор Краснопольского р-на

Тесаные стены домов в Поднепровье периодически мылись (мылся также и потолок), вследствие чего дерево приобретало темно-коричневый оттенок, на котором контрастно выделялись белая печь, полотняный полог, рушники, скатерти. Обстановка — широкие лавы, стол на козлах, табурет («зэдлік»), кухонный шкаф-буфет или настенный угловой (угольник), полки для хлеба, посуды (рис. 135).

Интерьер жилья Центральной Белоруссии разнородный, как и его архитектура. Юго-восточные районы имеют много общего с Поднепровьем: сени с лавами, столом в углу, сундуками у глухой стены, на ней полки с посудой, инструментами и прочими вещами[93] (рис. 136). В южных районах помимо ярко выраженных региональных имеются и некоторые полесские черты[94] (деревни Островки, Поварчицы Солигорского, Исерно, Быково Слуцкого р-нов) (рис. 137—140).

Несколько усложняется интерьер по мере продвижения на запад региона. Обстановка хаты жилого звена погона из д. Садовичи (рис. 141) уже отличается сложной печью с подпечьем, закрываемым щитком с декоративными вырезами, припечье имеет узкие ниши для сковород, вмонтированную плиту, две ниши слева от устья и три в боковой части (ниши делались путем вмуровки керамических горшков), за печью — ниша-«схрон». Вторая сторона печи выходит в камору, где был топчан, окно на четыре фортки (здесь жила дочь хозяина). В сенях, кладовой и клети существовал свой порядок раз-

---

[93] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1982. № 4. С. 22—24.

[94] Строительство и архитектура Белоруссии. 1979. № 2. С. 35—38.

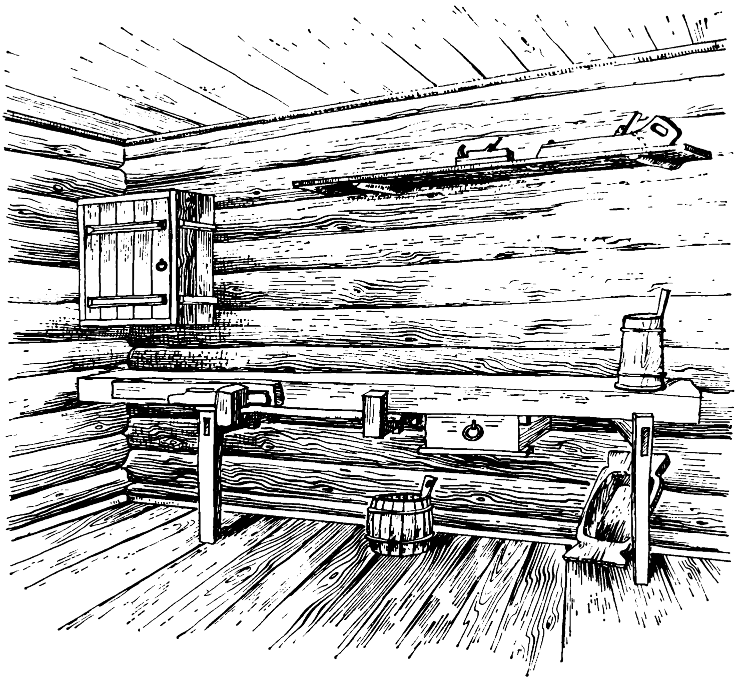


Рис. 135.
Уголок столяра.
Нач. XX в.
д. Вощанка
Кормянского р-на

мещения предметов: над входной дверью висела полка для посуды и инструментов. Свыше сотни различных хозяйственно-бытовых предметов в зависимости от функционального назначения находились в определенных местах. Некоторые элементы интерьера жилища Центральной Белоруссии имеют следы глубокой древности. Так, в Несвижском и Клецком районах была известна конструкция «пола» на расколотых пополам еловых плахах, обрубленные сучья которых служили опорами.

В интерьере жилищ Дзержинского, Столбцовского и Воложинского районов чувствуется влияние Понеманья (деревни Скоморошки, Старый Свержень, Забродье Столбцовского, Даниловичи, Добринево Дзержинского, Заровье, Залесье Воложинского р-нов и др.). Печи устьем выходят в выделенную рубленую кухню, задней и боковой стенами — в хату. Распространены и сложенные вместе печи-грубки, обогревающие жилье сложной планировки, грубки с лежанкой. Полоса их распространения охватывает центральные и северные районы региона[95].

В Центральных районах пространство между «красным» углом и полатями использовалось как особая, постоянная рабочая зона. Здесь устраивался со своими инструментами сапожник, портной, устанавливалась сновалка или самопрялка. Интерьер жилья северной и северо-восточной части близок поозерскому и поднепровскому, активизируется роль сеней. В Логойско-Борисовском районе большим разнообразием отличаются печи: на подрубах, с профилированным ступенчатым дымоходом, в различных вариациях с плитой (40—60-е годы) (рис. 142—151). В зависимости от типа источника света Центральная Белоруссия, как и Поднепровье, делится на северную и южную части. Для первой характерны «светачы», для второй — «лучнік».

---

[95] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 177.

Интерьер и внутреннее оборудование белорусского народного жилища формировались в едином процессе развития жилища восточных славян. Межэтнические черты можно проследить в типично белорусской особенности — наличии одного-двух окон на уличном фасаде. Такие жилища встречаются на Украине, в Польше, Литве и, надо полагать, распространены в западной части Восточной Европы. С продвижением на восток и северо-восток ширина фасада увеличивается, что характерно для срубных жилищ лесной полосы, так как на русском Севере она достигает максимальных размеров. Однако уже в старинных жилищах с волоковыми окнами средней полосы России на уличном фасаде было три окна: два волоковых по краям и одно «красное» (косящатое) на шесть форток в центре[96]. Три окна на уличном фасаде — характерное явление для Псковской, Смоленской и Брянской областей. Распространение таких жилищ в отдельных местах Поднепровья — пример этнического взаимовлияния в народном зодчестве.

Белоруссия относится к обширному ареалу жилищ с угловым расположением печи, являющимся древней особенностью восточных славян, отмеченной уже в городищах Поднепровья VIII—IX вв. Разворот печи устьем к входу и боковому окну кроме Белоруссии был свойствен Украине, Брянской, Смоленской, Псковской и западным районам Новгородской и Ленинградской областей, жилищу литовской Аукштайтии[97]. В северо-великорусских областях иная ориентация печи: устьем

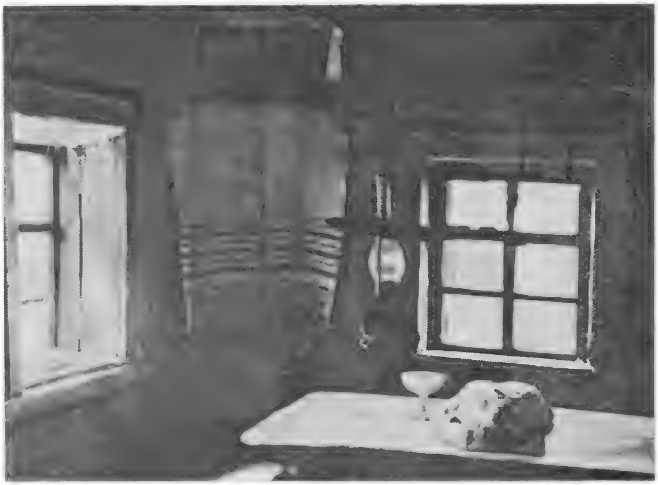


Рис. 136.
Интерьер традиционного жилища. 1887 г. д. Моисеевичи Осиповичского р-на

---

[96] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 121.

[97] Бломквист Е. Э. Общие черты в крестьянском жилище русских и украинцев. С. 30—31.

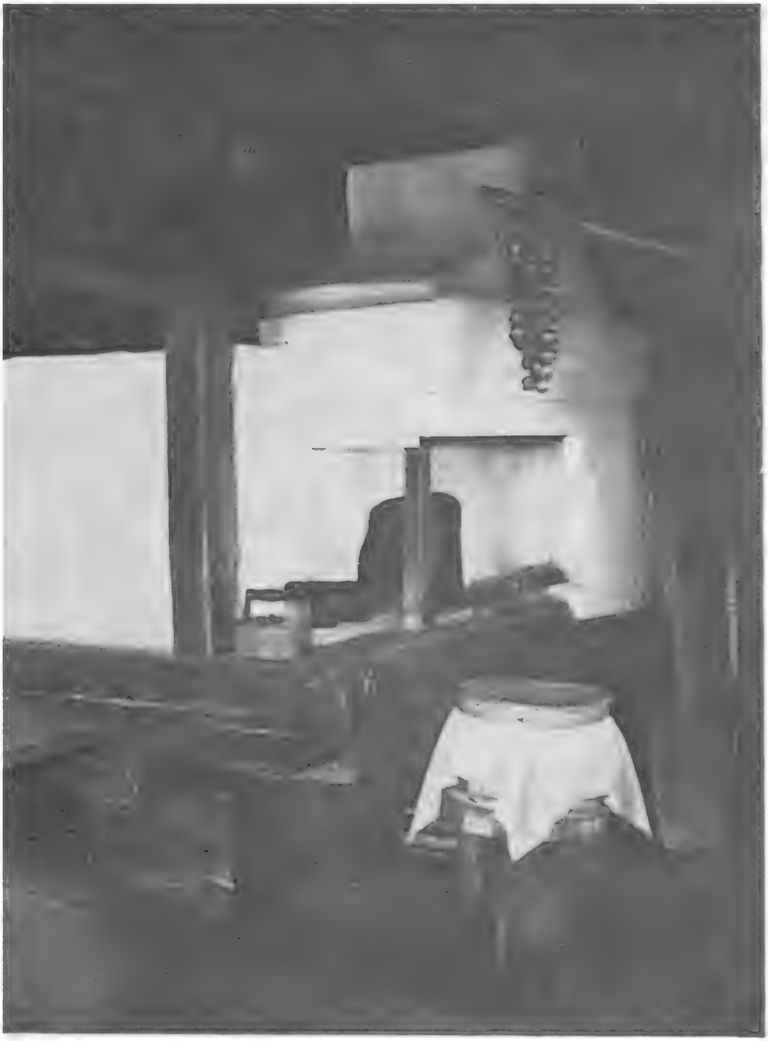


Рис. 137. Интерьер хаты. Нач. XX в. д. Исерно Слуцкого р-на

внутрь жилья (Архангельская, Вологодская, Кировская области, Поволжье и т. д.)[98]. Это позволяло эффективнее использовать тепло печи в суровых северных условиях. При этом увеличивалась площадь кухонной зоны, что в просторных по габаритам северорусских избах особых неудобств не вызы-

---

[98] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 121—222; Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н. э. // Материалы Ин-та археологии. М.; Л., 1941. № 5; Равдоникас В. И. Старая Ладога // Сов. археология. 1948. № 11. С. 20—22; 1950. № 2. С. 14.

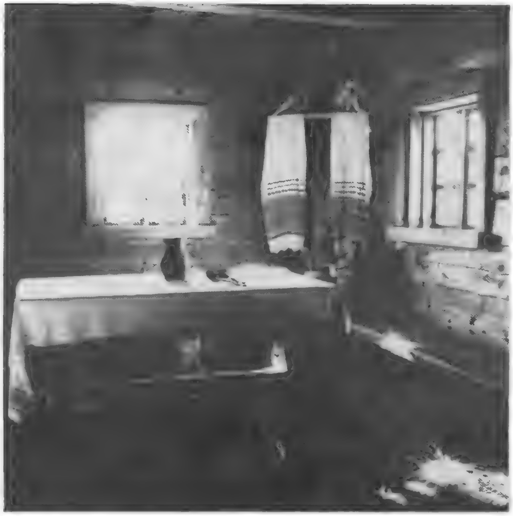


Рис. 138. «Красный» угол. Нач. XX в. д. Садовичи Копыльского р-на

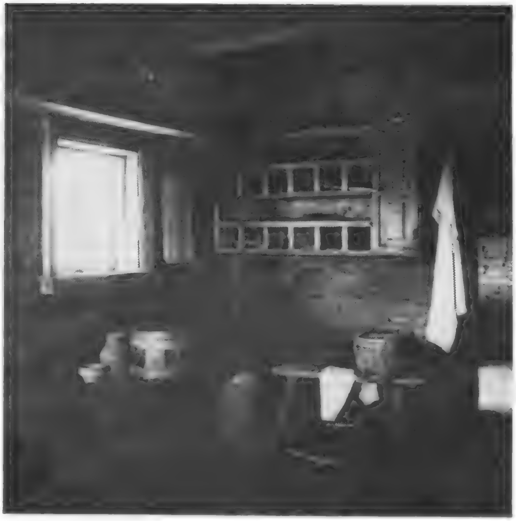


Рис. 139. Кухонный угол. Нач. XX в. д. Садовичи Копыльского р-на

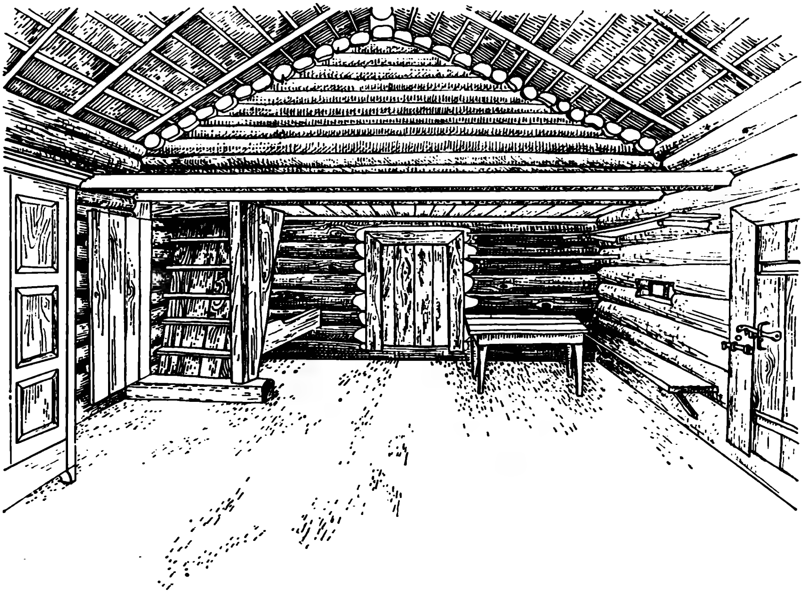


Рис. 140. Сени в жилом доме. Нач. XX в. д. Исерно Слуцкого р-на

вало. Аналогичное расположение печей встречается и в народном жилище Эстонии и Латвии, Белорусского Поозерья и Северо-Восточного Поднепровья (описанный выше интерьер с печью, развернутой устьем в глубь сеней, в д. Будичи Докшицкого р-на), из чего, видимо, следует, что формирование этой традиции в народном жилище шло по мере продвижения на север.

Примечательной межэтнической особенностью восточнославянского народного жилища является эволюция печи («русская печь» — в средней полосе России, «пекарка» — северных областях России, «печка» — в Белоруссии, «вариста піч» — на Украине). Суть эволюции заключалась в том, что глинобитная печь с закрытой топкой, распространяясь с юга Восточной Европы на север, постепенно вытеснила печь-каменку [99]. В древних жилищах восточных славян были открытые очаги. Они долгое время сосуществовали с печью, даже в период всеобщего распространения последней [100]. Варочная, или русская, печь широко известна у поляков, словаков, чехов. Сильно напоминают восточнославянскую печи хорватов и словенцев. Печи такого типа в прошлом широким поясом (в примитивной курной форме) распространялись

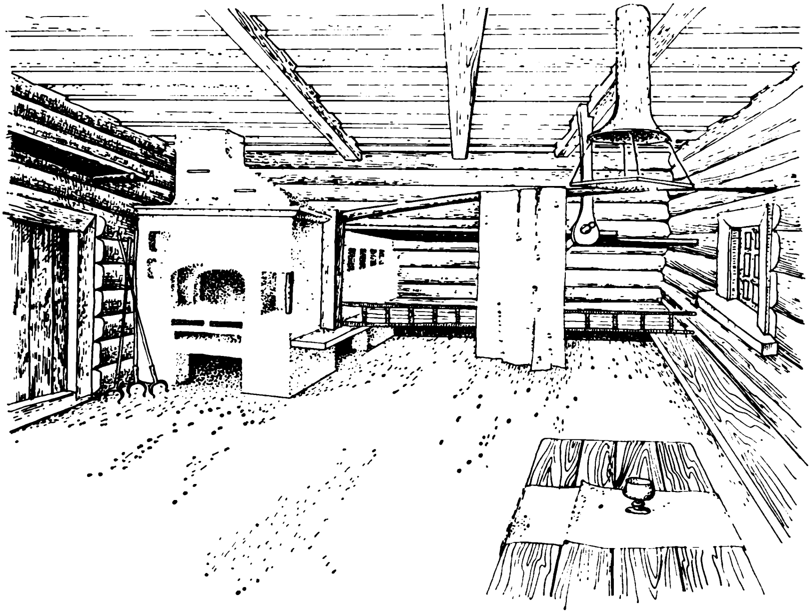


Рис. 141. Интерьер хаты. Нач. XX в. д. Садовичи Копыльского р-на

---

[99] Latvijas etnografikais brivdabas museis. S. 76, 83, 105.

[100] Монгайт А. Л. Древнерусское жилище XI—XIII вв. // Сов. археология. 1948. № 4.

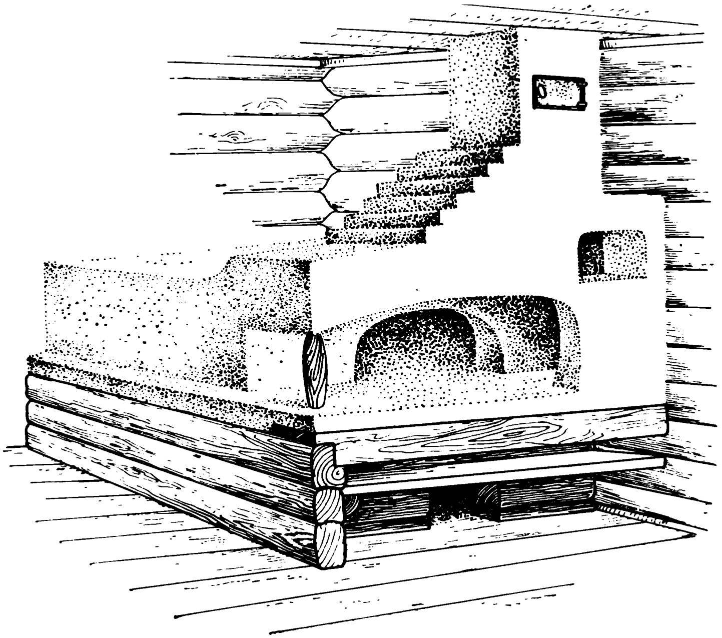


Рис. 142.
Печь. Нач. XX в.
д. Пекари
Молодечненского р-на

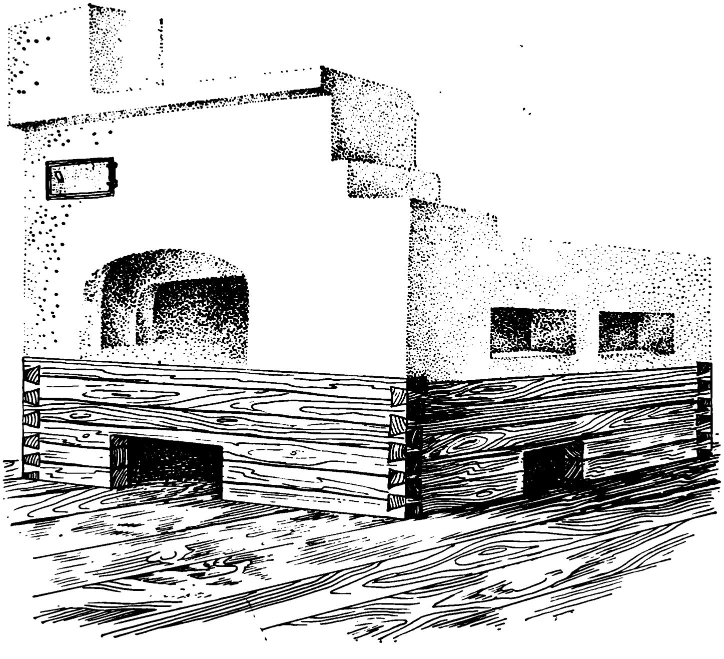


Рис. 143.
Печь. Нач. XX в.
д. Селец Борисовского р-на

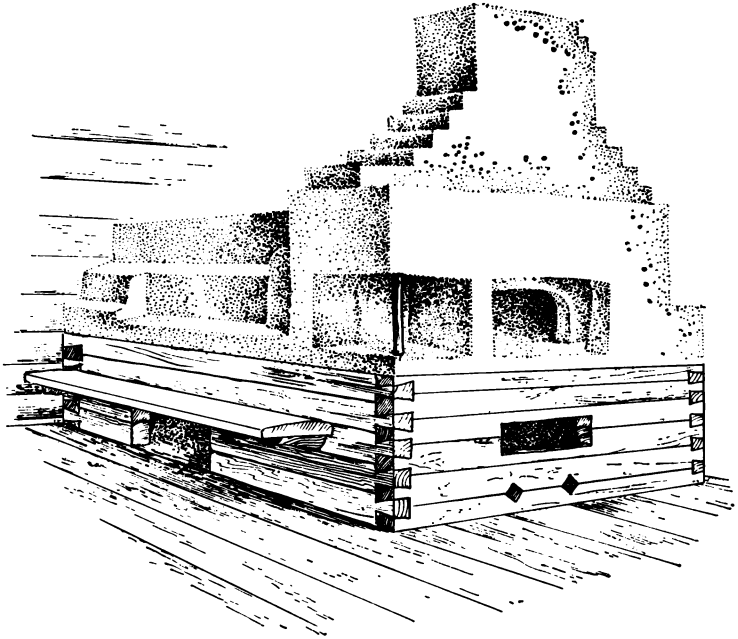


Рис. 144.
Печь. 1-ая половина
XX в. д. Обча
Борисовского р-на

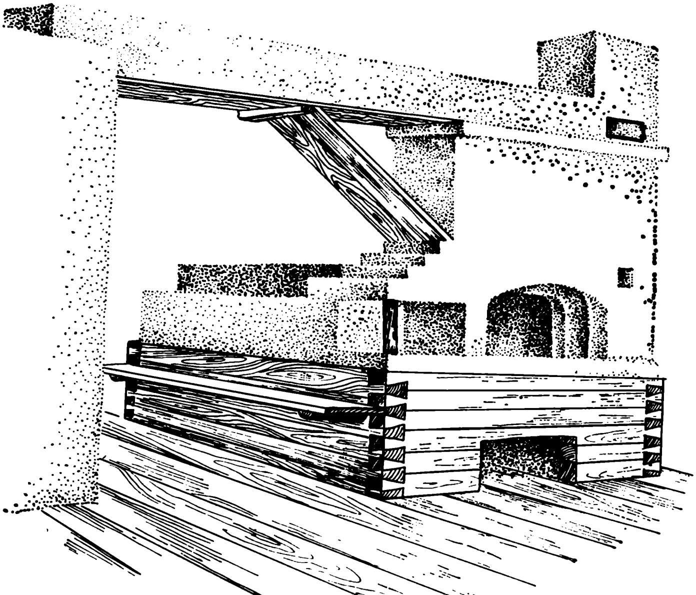


Рис. 145.
Печь.
30-е гг.
д. Недаль
Борисовского р-на

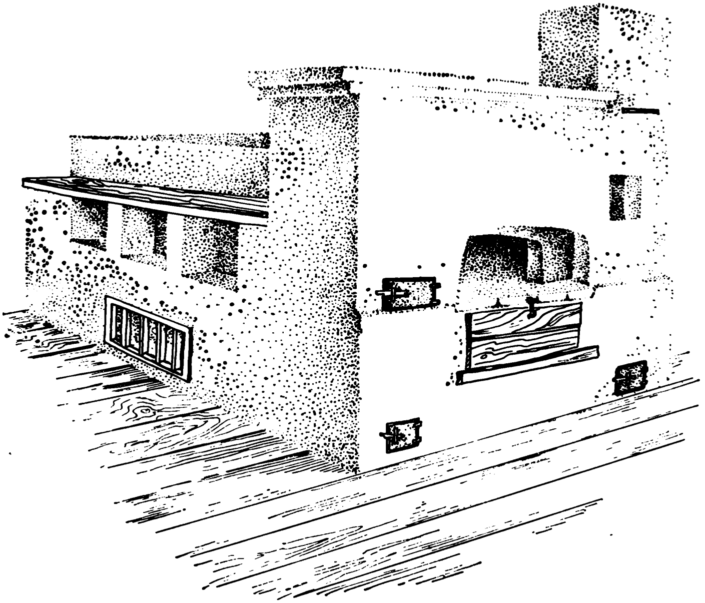
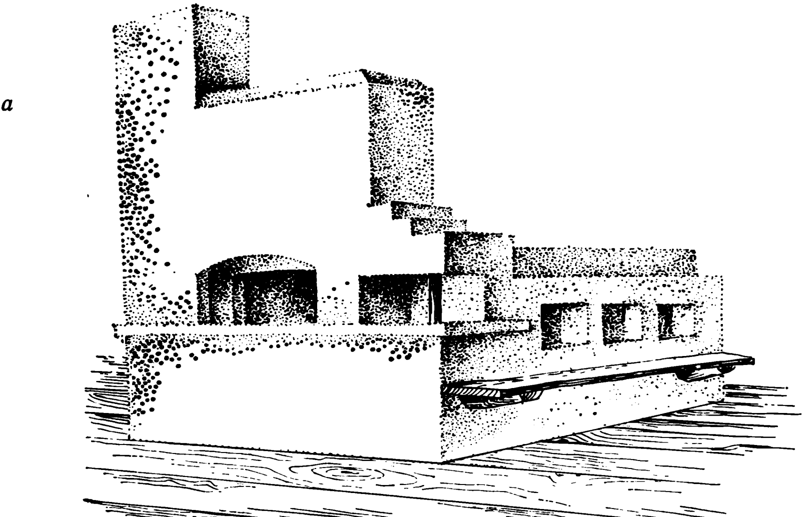


Рис. 146.
Печь.
Нач. XX в.
д. Утки Вилейского р-на

Рис. 147.
Печь.
30—40-е гг.
д. Недаль
Борисовского р-на



от Восточной Европы до Альп [101]. Позднее этот ареал был расчленен вклинением немецкого камина, на основе которого позднее появились местные разновидности. К ним можно отнести печи прибалтийских жилых риг [102]. Характер межэтнического влияния в белорусской печи прослеживается при движении с юго-запада на северо-восток. Печи Полесья, Юго-Западного Понеманья по конструкции, форме и габаритам тяготеют к украинским. Печи Поднепровья и северо-востока Поозерья близки печам среднерусской полосы, усложняется их конструкция, глинобитные материалы шире заменяются обожженным кирпичом, увеличиваются размеры.

Внутреннее оборудование восточнославянского жилища представляло непрерывное целое с его конструкцией: лавки, полки, полати, весь деревянный «наряд» избы являлся встроенной мебелью [103]. Каждый член семьи имел в избе свое определенное, традиционное место: женский угол находился у печи, люлька с младенцем висела на гибком очепе посреди избы, старики на ночь забирались на печь, взрослые стелили себе на лавках и на полу, дети залезали на полати. Отдельные части неподвижного оборудования заменяли передвижную мебель, распространившуюся позднее. Поэтому видов мебели (от латинского mobile — подвижный),

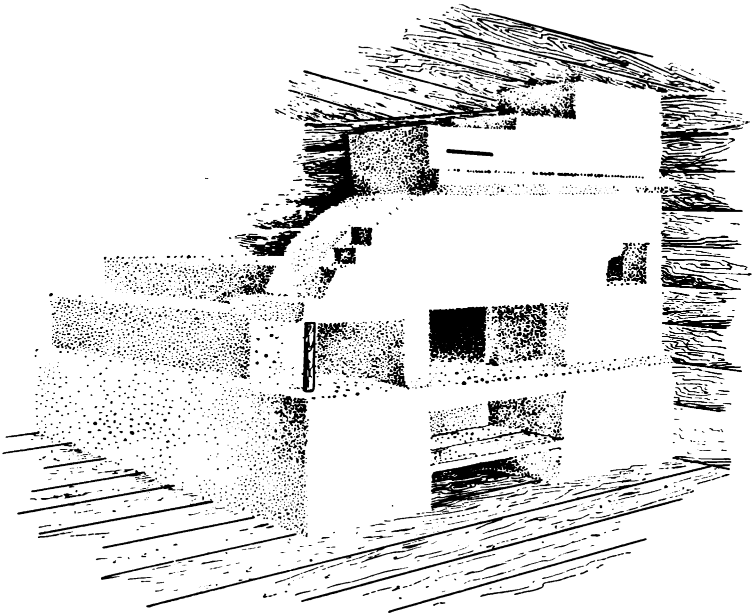


Рис. 148.
Печь.
Середина XX в.
д. Зембин
Борисовского р-на

---

[101] Moszyński K. Kultura ludowa słowian. S. 522.

[102] Latvijas entognafikais brivdabas museis. S. 54, 76.

[103] Белоусова Е. Архитектура крестьянского жилища конца XVIII и первой половины XIX века в Горьковской области // Архит. наследство. 1955. № 5.

т. е. стационарно незакрепленных предметов, в восточнославянском жилище немного: стол, скамья, столец (табурет), сундук (скрыня).

Постепенно начинается процесс отделения оборудования от конструкций жилища: неподвижные лавы и нары заменяют диваны и кровати, пристенные полки — шкафы и буфеты.

Общим для восточных славян является характер функционального зонирования жилья, в частности диагональное расположение «красного» угла. Важный элемент его — стол — один из древнейших видов передвижной мебели. В древности были известны и неподвижные, глинобитные столы с глинобитными лавами, столы с ножками, врытыми в землю[104]. У северо-великорусов он ставился узкой стороной к фасадной стене. В Верхнем Поволжье стол после еды убирали на лавку. В Белоруссии он ставился длинной стороной к фасадной стене, что было удобно в небольшой по размерам хате. Белорусские столы часто делались на козлах, с ящиком («скрыняй»), выдвигающимся на две стороны.

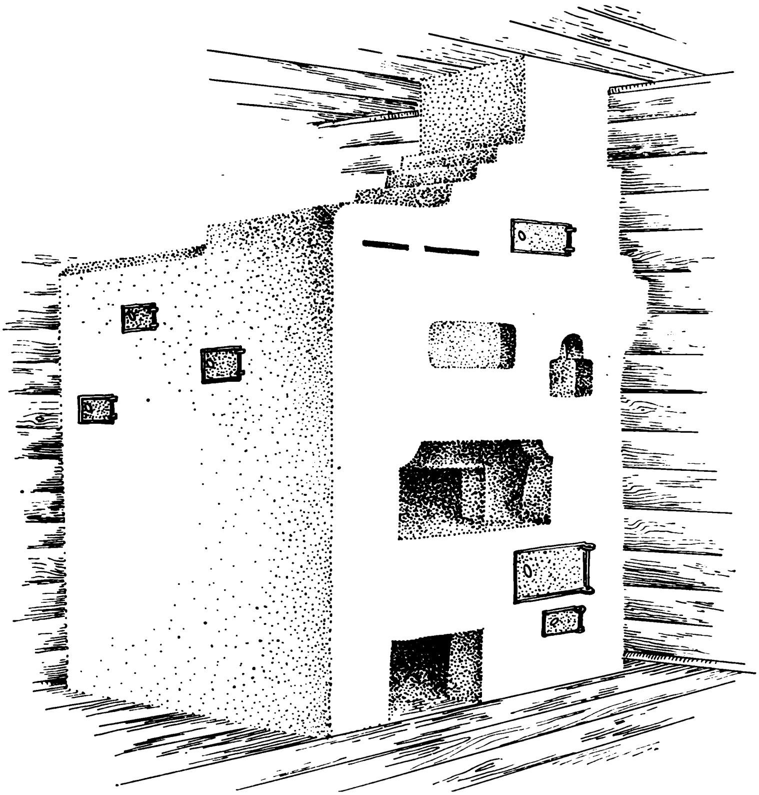


Рис. 149.
Печь.
Конец 60-х гг.
д. Бытча
Борисовского р-на

Такие столы были широко распространены в Польше и соседней Литве.

---

[104] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 420.

Самодельные деревянные диваны появляются в средней полосе, в Сибири, на Алтае, на Украине (топчан)[105]. Отсутствие подвесных полатей характерно как для Белорусского, так и для Украинского Полесья. Распространение их в средней части Белоруссии, в частности на Могилевщине, этнически связано с их бытованием в соседних областях России. Аналогичные этнические связи прослеживаются и в использовании в Центральной, Восточной и Северо-Восточной Белоруссии в качестве дополнительного жилья сеней, каморы, клети. Устройство кроватей в сенях, привычка спать «на холодке» летом — явление, характерное для русского народного жилища, как и устройство брачного ложа на полу в клети[106] для литовцев и латышей, в частности в их жилых комплексах — ригах[107].

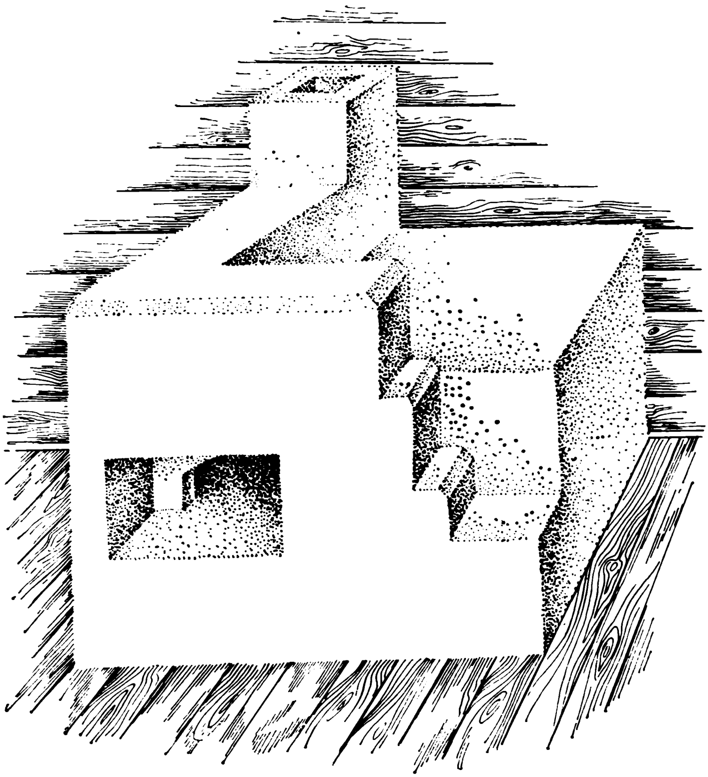


Рис. 150.
Печь.
1-я половина XX в.
д. Можница
Борисовского р-на

В характере освещения народного жилища прослеживается целый ряд межэтнических особенностей. Подвесные «лучнікі» белорусского Восточного Полесья образуют обширный межэтнический ареал от средней полосы Белоруссии до Черниговщины. Большое распространение у украинцев имели западнополесские переносные и понеманские припечные «камінкі» [108]. Известны они в Литве и Латвии, особенно широко в России, где значительно усовершенствованы. Например, северорусское «светильно» делалось с корытом на ножках (для падающих углей), применялись и кованые железные «светцы», богато украшенные сложными растительными узорами. Известный на Витебщине «светач» в виде вбитого в стену железного зажима широко встречается в средней полосе России (разновидность — кованый «светец» в виде буквы V) [109].

---

[105] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 440.

[106] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 440.

[107] Latvijas etnografikais brivdabas museis.

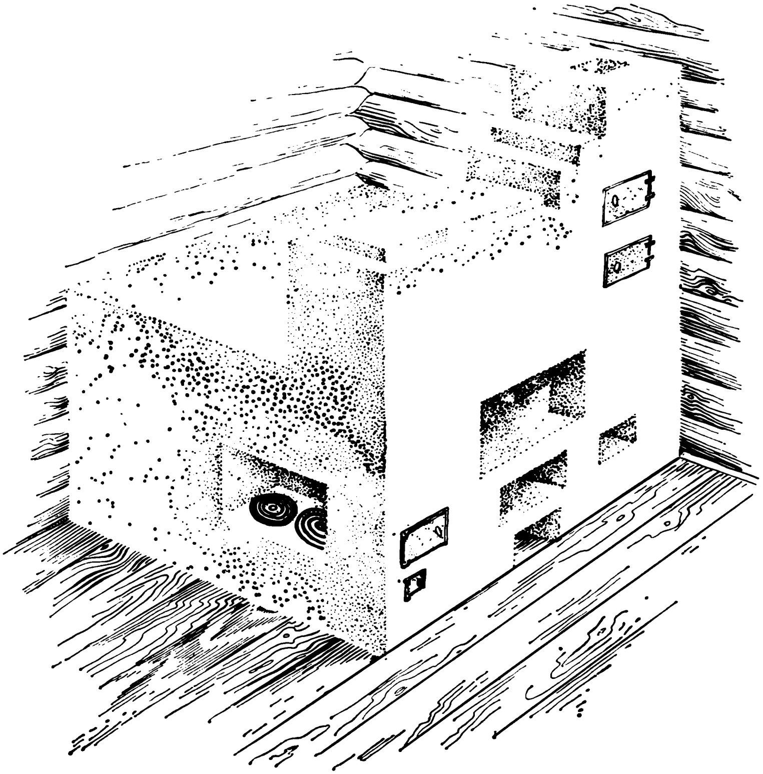


Рис. 151.
Печь.
Середина XX в.
д. Недаль
Борисовского р-на

Межэтнический характер носят и некоторые особенности убранства белорусского народного жилища, например штукатурка и побелка стен, бытующая в южной части республики и широко распространенная у венгров, чехов, словаков, поляков, украинцев, на юге России. Тектонические корни этого явления — в широком использовании в южной части Восточной Европы глины как строительного материала и, возможно, в некоторых эстетических представлениях: побеленная хата выглядела светлее, наряднее, чище, зрительно увеличивался объем небольшого внутреннего пространства. Отеска стен изнутри, широко применяемая в северной части Белоруссии, характерна как для прибалтийцев, так и для русских.

---

[108] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 122.

[109] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 270—278.

НАРОДНЫЙ АРХИТЕКТУРНЫЙ ДЕКОР

Если типы жилища, его планировка, строительные материалы и конструкции отличаются относительной устойчивостью, передаются от поколения к поколению практически неизменными, то художественная пластика, украшение народного жилища отличаются большей свободой, мобильностью и часто определяют стиль, локальные и региональные особенности народного зодчества (рис. 152). Белорусская этнография этому вопросу уделяет много внимания [110]. Художественное украшение сооружений издавна было неотъемлемой частью белорусского народного зодчества. Слава мастеров белорусской школы простиралась далеко за пределы Белоруссии. Белорусские резчики во 2-й половине XVII в. работали в Коломенском дворце в Москве. Работали они и в Кремле, Оружейной палате, в Ново-Иерусалимском монастыре под Москвой [111]. Разновидности украшений белорусского крестьянского жилища изучены достаточно полно; белорусскую этнографию интересуют вопросы общих и региональных особенностей народной архитектурной пластики, динамики развития народного архитектурного декора.

Основными традиционными типами белорусской народной архитектурной пластики является резьба по дереву. Первая — наиболее древняя в народной культуре, сформировавшаяся в результате образного отражения человеческим сознанием объективной реальности, его отношения к ней, взаимодействия с нею. Развитие резьбы началось с примитивной обработки топором деревянных строительных конструкций. В отесывании стоек, подгонке конструктивных узлов были скрыты истоки искусства облагораживания конструкций. Пластическая обработка стоечно-балочной конструкции, как известно, привела к созданию архитектурной ордерной системы, определившей классический характер архитектуры в целом на тысячелетия.

По характеру изобразительных мотивов в резьбе по дереву у восточных славян выделяются следующие орнаментальные типы: зооморфный (включающий флористические, орнитологические, ихтиоморфные сюжеты), тератологический (сказочные и мифические сюжеты), антропоморфные, геометрические и бытовые. В белорусской народной архитектурной резьбе наиболее широко распространены зооморфный и геометрический. Тератологические, антропоморфные и бытовые мотивы встречаются реже.

Широкое распространение зооморфных мотивов связано с особенностями

---

[110] Dynowski W. Sztuka ludowa Wileńszczyzny i Nowogródczyzny. Wilna, 1935. Малчанава Л. А. Беларуская народная архітэктурная разьба; Она же. Материальная культура белорусов. С. 104—111; Беларускае народнае жыллё. С. 60—70.

[111] Абецедарский Л. С. Белорусы в Москве XVII в. Мн., 1957.

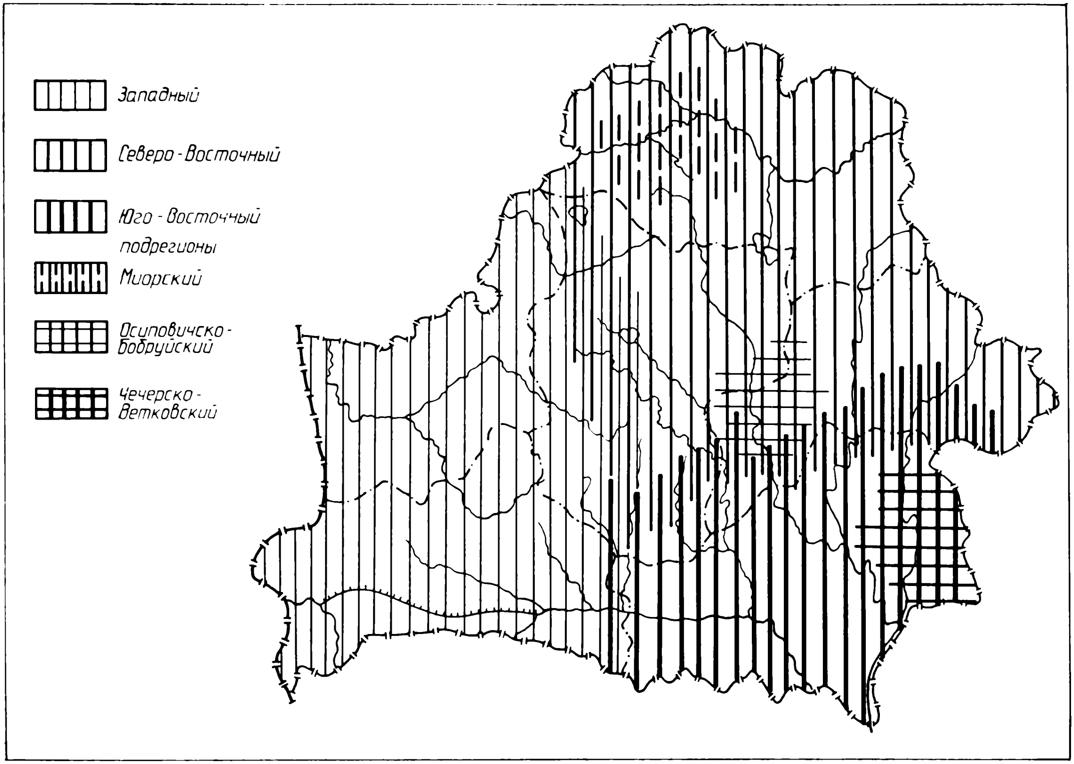


Рис. 152. Ареалы распространения архитектурного декора

формирования духовной культуры, в особенности таких ее сторон, как колдовство, чародейство, мифология.

Для наших предков орнаментальный узор был сложной системой знаков, наделенных конкретным смысловым значением, отражающим и отношения человека и природы, и отношения общественные, представления о бытии, мироздании (рис. 153). В данном случае орнамент можно рассматривать как познавательный источник, приравненный к памятникам письменности. Символическое содержание орнамента в народной архитектуре в последнее время было исследовано на материале Казанского Поволжья [112], что позволило уточнить и расширить классификацию народного архитектурного декора восточных славян. В нем распространен ряд элементов символики индоевропейского комплекса. Это символическое изображение древа жизни, встречающееся в наиболее архаичных формах орнамента Белоруссии в виде симметричной горизонтальной елочки на очелье надоконной доски, це-

---

[112] Бусыгин Е. П., Зорин Н. В., Токсубаева Л. С. Декоративное оформление сельского жилища в Казанском Поволжье. Казань, 1987.

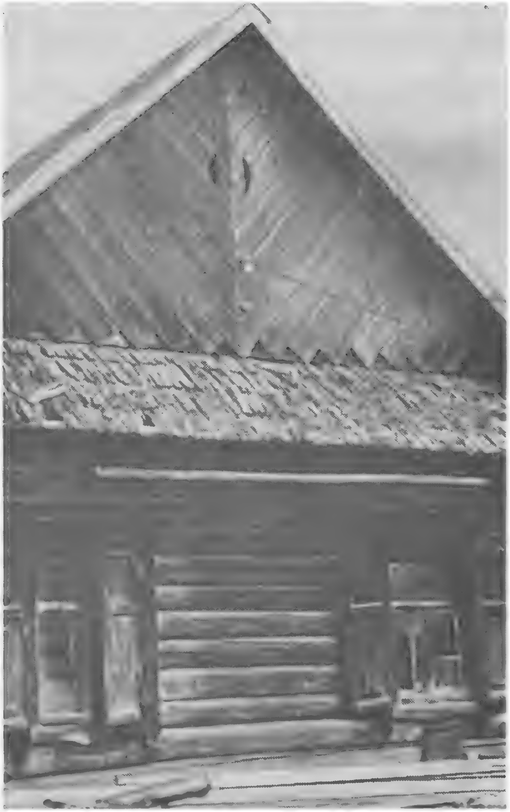
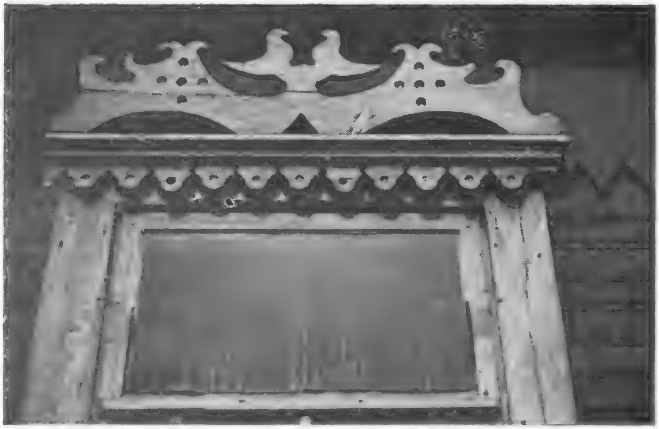


Рис. 153. Декоративное оформление щита. Нач. XX в. д. Бродовка Борисовского р-на

почка трехгранно-выемчатой резьбы, распространенной в южных районах республики, вертикальной елочки, расположенной над окном на фронтоне (преимущественно северо-восток Понеманья, север Минщины, Поозерье). Таковым является и символ жизни, трехлепестковый цветок (крин), встречающийся в растительных орнаментах Белоруссии — орнитологических, зооморфных (обращенные к трехлепестковому соцветию фигуры животных (рис. 170). Изображение символа благополучия и семейного счастья — трехлепестковый цветок с обращенными к нему фигурами птиц в различных интерпретациях встречается во всех регионах республики (рис. 154). Символ плодородия — ромб на широком поле надоконной доски или цепочки ромбиков, зубцов, кружочков на ее очелии — широко известен в народной архитектуре Белоруссии (рис. 155). Цепочка зубцов, ромбиков, разделенная солярными знаками, символизировала периодизацию годовых циклов в земледелии, одновременно поле и зерно. В белорусском народном архитектурном декоре этот символ располагается, как правило, над полем надоконной доски и солярными знаками не прерывается. Можно предположить, что в данном случае плоскость доски символизирует поле, а цепочка кружков или ромбиков, косые полоски с засечками — зерно, один большой ромб в центре — солнце, плодородие. Растительные и в особенности геометрические резные орнаменты средней полосы Белоруссии (Крупский р-н) и Поозерья (Докшицкий р-н) в композиции содержат неповторяющиеся геометрические знаки в виде молний, косых насечек и др. Вполне вероятно, что это знаки собственности (тамги), широко известные в памятниках археологических культур народов Восточной Европы. Распространенный в орнаментации предметов быта (ковши, прялки), ткачестве и вышивке, кузнечном искусстве круг с многолепестковой или лучевой геометрической розеткой — древний языческий символ солнца (рис. 156). В расположении солярных знаков зачастую зашифрованы космологические модели, вселенная (мир божий), или отражено движение светила по небосводу (утро, полдень, вечер). В солярной символике понятие окружности может быть условным. Еще Б. А. Рыбаков отмечал, что в белорусской и русской вышивке в значении круга использовался ромб, квад-


а

б

Рис. 154. Орнитологические мотивы в оконном наличнике. Середина XX в.
а — Центральный регион;
б — юг Поднепровья

рат[113]. В ткачестве и вышивке это было обусловлено техническими причинами. В народном представлении с кругом отождествлялась любая замкнутая система, например в Поднепровье веночные дворы назывались круглыми. В белорусской народной символике круг был известен и как символ оберега. Так, под Лельчицами на фронтон хаты вешали колесо, которое как бы защищало кур от налета ястреба. Громовой знак — крест в круге — устанавливался на фронтоне под выпуском прогона, вырезался на закрылине со стороны «красного» угла, изображался на дверях хлевов с целью защиты от проникновения ведьм, удара грома. Размещение знаков производилось четыре раза в год: накануне Нового года (на щедрец), в Сретенье (2 февраля), или на «грамніцы», в «чистый» четверг и накануне Ивана Ку-

---

[113] Рыбаков Б. А. Древние элементы в русском народном творчестве // Сов. этнография. 1948. № 1.

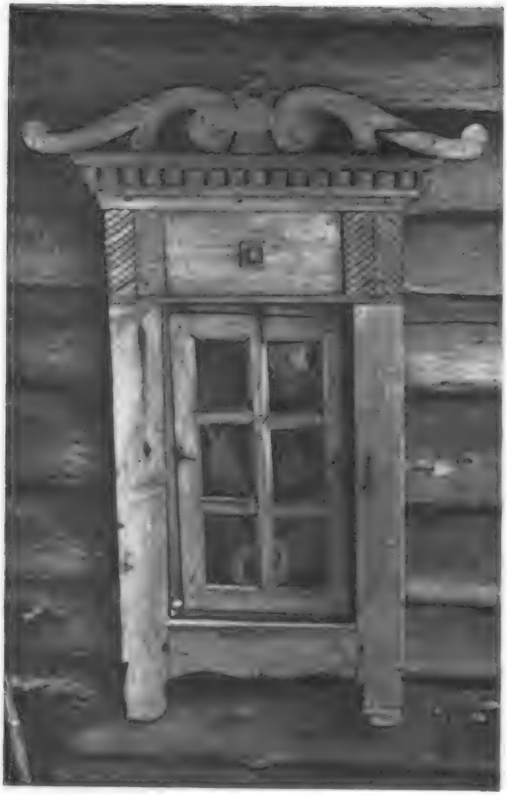


Рис. 155. Композиция, сочетающая символику жизни, плодородия, земледелия. 1918 г. д. Тимошково Миорского р-на

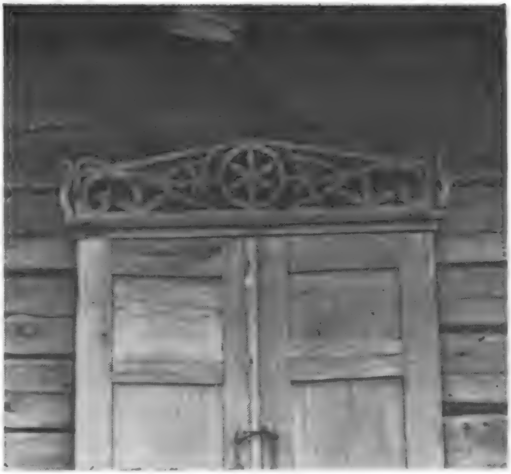


Рис. 156. Солярный символ и символ жизни «крин» в сюжете растительного орнамента. Нач. XX в. д. Пруссы Стародорожского р-на

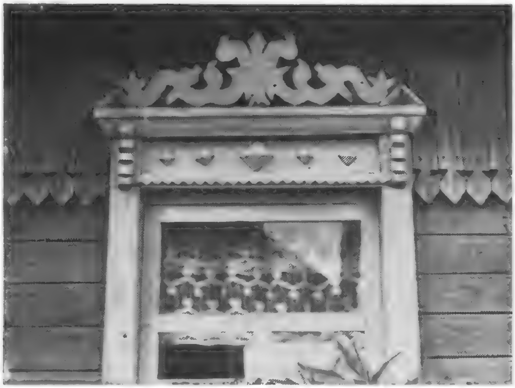


Рис. 157. Зооморфная композиция в сочетании с символикой плодородия и земледелия. Нач. XX в. д. Лаптевка Городокского р-на

палы. В последнем случае двор заключали в круг, очерченный по периметру построек, или его значение переносилось на забор. Отмеченный символ на «грамніцы» коптили принесенной из церкви свечой на балке хаты по числу душ. Значение оберега имели фигуры животных: одинарные и парные головы коней на выносе прогона и пересечении закрылин (конек), изображение рогов и змей (конек, свесы закрылин). Изображение лошади и рогов истоками восходит к древнему обычаю вешать на гребень череп вола или коня для отпугивания злых духов. Изображение змеи также было весьма почитаемо. В резном декоре окон парные фигуры жи-

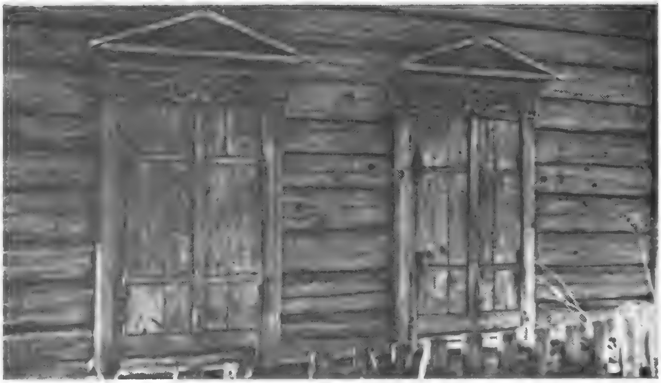


Рис. 158.
Окна с ихтиоморфным орнаментом. Нач. XX в.
д. Корма
Добрушского р-на

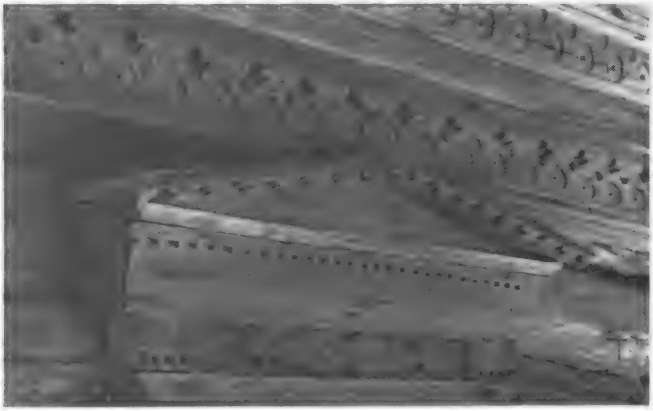


Рис. 159.
Декоративное убранство жилого дома.
Конец XIX в.
д. Красный Партизан
Добрушского р-на

вотных и птиц изображались обращенными к древу жизни (северо-восток Гродненщины, Поставско-Докшицкий подрегион), к трехлепестковому цветку (Осиповичский, Стародорожский, Глусский р-ны), к стилизованной фигуре женщины (Петриковщина), к солярному полукругу (Оршанщина) (рис. 157). В особый вид выделяется так называемый ихтиоморфный орнамент, примеры которого можно встретить в восточных районах, в бассейнах Сожа, Днепра, Березины. Сочетание фигур рыб с солярной символикой олицетворяет животворящую силу солнца (рис. 158—159).

В растительной (флористической) орнаментации для стилизации использовались известные в округе растения (листья папоротника, рябины, клена, цветы) (рис. 160). Но, по-видимому, были и другие источники, как, например, морозные узоры на окнах в Казанском Поволжье. Во флористических композициях часто запечатлены сложные сюжеты: покоящиеся в земле зерна под теплыми лучами солнца прорастают, выбиваются на поверхность в виде нежных стебельков (д. Обча Борисовского р-на) (рис. 161).

Символические фигуры получали распространение и в геометрических орнаментациях, в частности в шалевке. Мотив «елочки» перспективного ромба, солярного круга (розетки) широко встречается в шалевке стен (Понеманье), фронтонов, дверей и ворот (Юго-Восточное Поднепровье, Восточное Полесье).

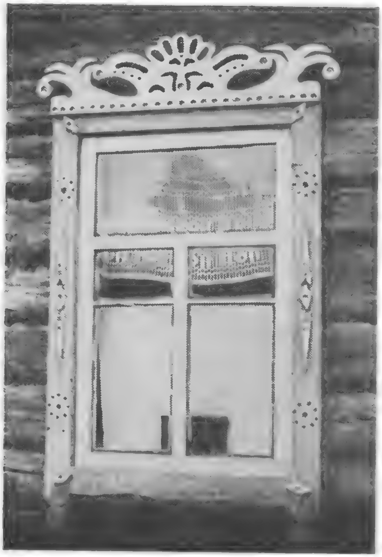


Рис. 160.
Растительный орнамент в сочетании с символами соляристики и плодородия. Середина XX в. д. Заполье Белыничского р-на

В Белоруссии использовались для орнаментальных композиций и бытовые сюжеты. Нередко они отражают какую-то традиционную хозяйственную отрасль. Тема пчеловодства, издавна развитого в Поднепровье, встречается в Шкловском районе. Мастер-резчик Шишко Петр Васильевич из деревни Старые Стайки, представитель унаследованного мастерства уже в третьем поколении, изготовил надоконную доску со сложной композицией, в центре которой фигуры медведей, раскрывающих пчелиный домик, над ними в стилизованных резных ветвях цветущего сада парные фигурки пчел[114] (рис. 163). Широкое применение в народном архитектурном декоре нашли и элементы советской символики в органичном сочетании с традиционными сюжетами (рис. 164).

В Белоруссии встречаются все технические разновидности резьбы: долблено-выемчатая, пропильная, силуэтная, накладная (комбинированная). Исключение составляет так называемая барельефная резьба, распространенная в Поволжье в связи с развитием корабельной рези. В Белоруссии ее с успехом заменяют комбинированные композиции, где накладные узоры создают многослойную барельефную фактуру с богатыми светотеневыми отношениями.

Тот или иной орнаментальный образ нередко подсказывала и сама конструкция. Передняя часть охлупного бревна на Руси представляла собой комель с остатком корня, у которого было удобно вырезать голову коня с частью туловища. Если отходящих корней было несколько, то вырезался двойной и даже тройной конек. Бытовали охлупные бревна с изображением головы оленя (Вологодская обл.), птиц, уток (Карелия)[115]. В Белоруссии резьба на охлупных бревнах не получила развития, потому что они редко применялись даже в конструкциях тесовых крыш. Гребень крыши украшался резным вильчиком (парный конек),

---

[114] Выявлено автором в д. Старые Стайки Шкловского р-на во время совместной экспедиции Белгосмузея народной архитектуры и быта и архитекторов объединения «Белспецпроектреставрация» в Витебскую, Могилевскую и Гомельскую области в июне 1986 г.

[115] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 349.

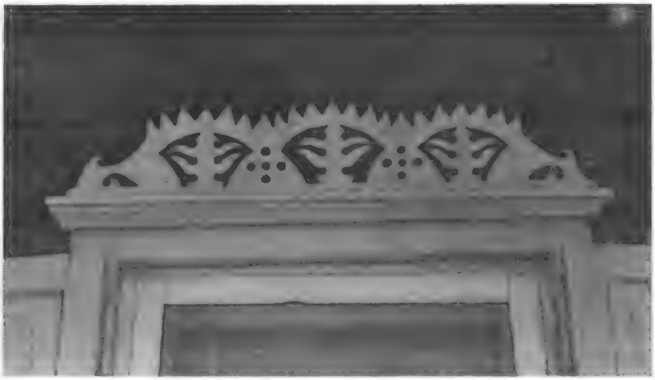


Рис. 161.
Флористический мотив.
Середина XX в.
д. Обча Борисовского р-на

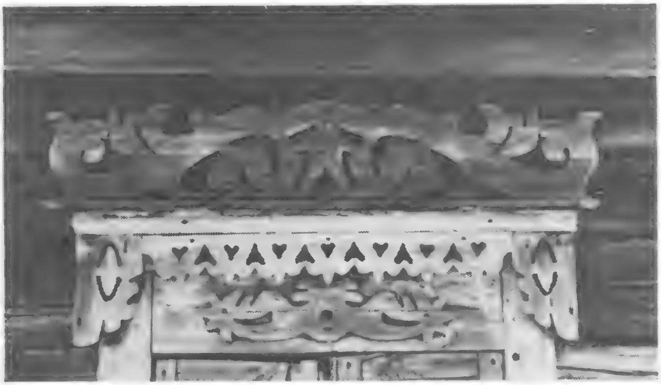


Рис. 162.
Резная композиция
с антропоморфным силуэтом
в центре.
1-я половина XX в.
д. Кузьминичи
Добрушского р-на

пересекающимися концами досок, прикрывающих торцы соломенных скатов, закрылин. Орнаментировались кокошины тесовых крыш в виде птичьих профилей (курицы). В Белоруссии обрамляли нижние концы стропил, нижние концы закрылин, придавая им формы змей, птичьих клювов. Особое внимание следует обратить на обработку выступающих концов бревен (консолей), выпусков, помочей. Сильно развита орнаментация этих конструктивных элементов в русском деревянном зодчестве, народном зодчестве Украины (Закарпатье). В Белоруссии орнаментировались консольные выпуски, поддерживающие застрешек, причелок, свесы крыши в хатах с подсенью. Обработка консолей — древнее и распространенное явление в восточнославянской деревянной архитектуре, хотя и высказывались предположения о влиянии на их орнаментацию классицизма (XVIII в.)[116]. Скромной пластической обработке подвергались вертикальные конструкции: стойки, опоры крылец, приклетников и галерей в клетях и других постройках.

Если декоративное обрамление несущих конструкций выполнялось в основном при помощи топора, то для отделки ограждающих конструкций, более хрупких, тонких (закрылины, щиты, застрешки, карнизы, наличники, ставни и т. д.), применялись и другие инструменты: сверло, долото, нож. Характер зооморфных мотивов усложняется, приобретает ритмичность, орнаментальность, сюжетность, определенное композиционное решение (соотношение частей орнамента в целом).

---

[116] Габе Р. М. Карельское деревянное зодчество. М., 1911.

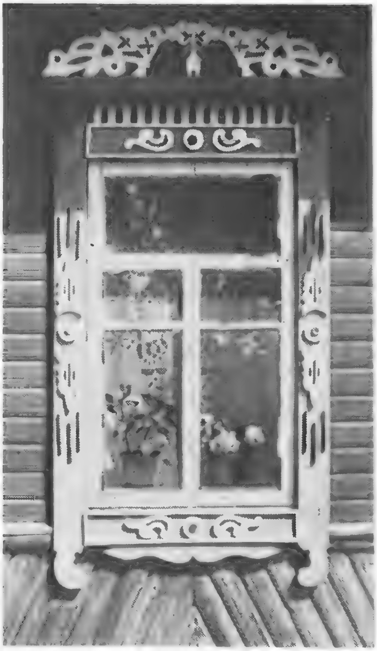


Рис. 163. Зооморфный сюжет на тему «Медведи на пасеке». Середина XX в. д. Старые Стайки Шкловского р-на

Общей особенностью как восточнославянского, так и белорусского народного декора является дальнейшее развитие стилизации, выявление, в том числе и в зооморфных мотивах, орнаментации геометрическими фигурами и формами. Это явление стало развиваться, когда народное искусство в целом достигло высокого уровня обобщения. Эмоциональные впечатления, получаемые из окружающей природы, в творческом воображении художника трансформируются сообразно с традициями духовной культуры, их конкретно-материальная изобразительность превращается в выразительность ритмичных повторений узоров орнамента, приобретающих своеобразную музыкальность. Это характерно не только для резьбы, но и для ткачества, вышивки, художественных особенностей плетения, керамики и других промыслов. Как и во всем народном искусстве, здесь прослеживается глубоко историческая тенденция: от конкретного изображения через его стилизацию к символу. Один из наиболее древних символических элементов в народной резьбе — круг или фигура круга, образуемая радиально расходящимися лучами. Встречаются различные комбинации из целого круга, его половины или четверти. Этот старинный излюбленный прием резьбы доказывает, что славянским плотникам давно был известен род примитивного циркуля (у русских — ворота). Узоры являются элементами солярной символики, одного из наиболее распространенных мотивов в народном искусстве. На территории Белоруссии солярные знаки известны со времен милоградской культуры [117]. Солярные розетки применялись как для орнаментации небольших элементов (закрылин, карнизов), так и для украшения значительных фасадных плоскостей (щиты, фронтоны). Из других геометрических форм наиболее распространены прямоугольники, квадраты, треугольники и производные от них. Они широко используются в накладных деталях декора. Сложные кривые формы (сегменты, овалы) характерны для деталей сквозной (пропильной) резьбы. В наше время в народной резьбе популярностью пользуются элементы советской символики, стилизованные сюжетами с атрибутами труда и т. д., отражающие характер нового художественного мировоззрения народных мастеров.

---

[117] Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. С. 149.

Особенностью белорусской народной архитектурной резьбы является ее предельная функциональность, т. е. каждая декоративная деталь неразрывно связана с тем или иным конструктивным элементом. Характер декоративной обработки конструкций и их элементов был направлен на выявление характера их работы (консоли, стойки, арочные и полуарочные раскосы галерей, дверных притолок, оконных коробок и т. д.) или логичности, целесообразности той или иной формы (надоконная доска, ставня, дверное полотно, оконный переплет и т. д.). Например, большой эстетический смысл выявлялся во врубке арочного подкоса в горизонтальную балку, высокая и широкая плоскость подоконной доски украшалась цепочкой трехгранно-выемчатого (клинчатого) узора и узеньким карнизом. Конструктивность и рациональность белорусской народной архитектурной резьбы придавали ей особое монументальное звучание.

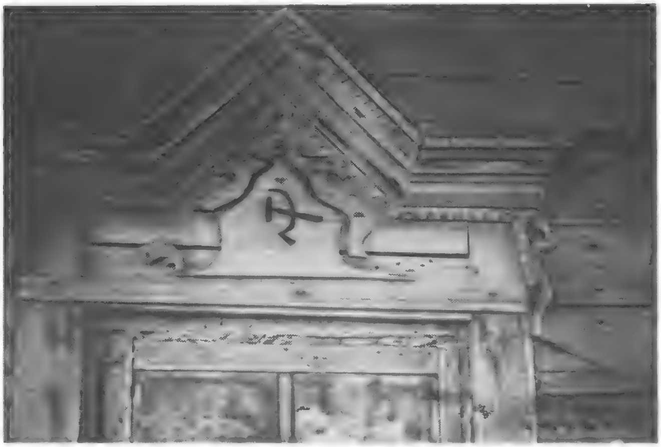


Рис. 164.
Советская символика в декоре наличника.
1-я половина XX в.
Поднепровье

Необходимо отметить и еще одну общую особенность, начавшую формироваться в наше время,— все более активное использование цвета в народной архитектуре. Первые шаги в этом направлении начались с покраски накладных, декоративных элементов, наличников и окон. Затем начинают краситься плоскости ограждающих конструкций, фронтоны, дверные полотна. Цветовое решение проникает и в интерьер: красится пол, белится потолок. Наличники окон красятся в белый цвет, что создает контрастность, усиливает их декоративное звучание. Еще шире цвет начинает применяться с распространением шалевки. Покрытие сруба досками, наличие больших плоскостей позволили народным зодчим создавать значительные цветовые композиции. Начало формироваться цветовое решение всей постройки, включающее не только плоскости стен, но и крышу с появлением цветовых асбоцементных материалов, пластиков и т. д. В использовании цвета в народной архитектуре наряду с яркостью, сочностью тонов, оправданных условиями климата с большим количеством пасмурных дней, чувствуется и большой вкус народных мастеров, их умение сочетать разные цвета, тонко использовать как свойства контраста, так и мягкие, нюансные оттенки.

Анализ региональных особенностей декора целесообразно начать с крыши, украшать которую начали еще в глубокой древности. В Восточном Полесье единственным декоративным элементом четырехскатных соломенных крыш были прижимные рожки (козлики). Они густой цепочкой покрывали гребни крыши погонов Западного Полесья, придавая им, по выражению Сербова, стильность. В других регионах, например Понеманье, юге Центральной Белоруссии, эти элементы в декоре крыши воспринимаются как второстепенные. Здесь основную роль играют закрылины, широкие доски, на всю толщину соломенного покрытия, прикрывающие торцы скатов. В декоративной обработке закрылин можно выделить три элемента: верх (вильчик), верхняя кромка и низ. Верхняя часть вырезалась в виде парных фигур животных и птиц. Вильчик в виде пары стилизованных коней был широко распространен вдоль границы Центральной Белоруссии и Полесья. Существует мнение, что символ коня в белорусском народном искусстве восходит ко временам милоградской культуры (VII—III вв. до н. э.)[118]. Вильчики со стилизованными конскими головами сохранились в деревнях Лядно Слуцкого, Бучатино, Садовичи Копыльского районов (образец такого вильчика из д. Садовичи взят для реставрации в Музей народной архитектуры и быта). В этих же районах, а также вдоль южной границы Понеманья широко известны вильчики в виде стилизованных рогов. Область распространения этого мотива постепенно расширяется к северу (юг Кореличского, Столбцовский, Узденский, Пуховичский, Стародорожский р-ны). С языческими верованиями связаны и изображения птиц и змей, встречающиеся в парных вильчиках. Особенно широко распространен этот мотив на Полесье (преимущественно Западном) и в средней полосе от Днепра до Беловежской пущи. В юго-западных районах Поозерья, на Понеманье и в Западном Полесье популярны так называемые одинарные вильчики накладного типа (узор набивался на место пересечения закрылин). Чаще всего это стилизованные цветок, петушок, сердце, стрела и т. д. Обращает на себя внимание их чисто декоративный характер. Одинарные вильчики для народного архитектурного декора Белоруссии — позднее явление, по-видимому, возникшее под влиянием народного искусства Польши, чем и объясняется

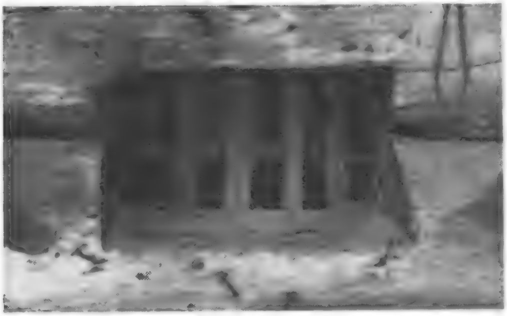


Рис. 165. Окно в клети.
Нач. XX в. Поднепровье

---

[118] Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. С. 149.

их распространение преимущественно в западной части республики[119].

В центральной и западной частях Полесья, на юге Центральной Белоруссии сохранились памятники, в которых наблюдается декоративная обработка верхней кромки закрылин. В верхней кромке обычно делали отверстия для выпуска жердей (поплета), которые снаружи дополнительно фиксировались деревянными колышками. Участки доски между отверстиями функциональной роли не играли, что позволило народным мастерам сделать кромку волнообразной формы, изгиб — над отверстиями (д. Большой Рожон Солигорского р-на).

В западных районах Белоруссии широко применяется резная обработка нижней кромки закрылин с круглым или овальным завершением нижней части. По мере развития народной архитектурной резьбы эта традиция проникла и в другие регионы (особенно в Поозерье и Поднепровье). Обработка низа закрылин в виде стилизованных голов змей, по-видимому, была распространена в такой же мере, как и вильчики, и завершала общий декоративный характер закрылины.

Декоративное оформление щита первоначально ограничивалось ритмичным рисунком вертикально набитых досок, иногда с тонкими планками-нащельниками, создающими светотеневой ритм. В дальнейшем стали обрабатывать нижние заостренные концы досок, которые создавали своеобразный пояс. Затем их начали украшать профильной и глухой резьбой, декоративная цепочка пошла и по наклонным граням щитов. На Полесье и левобережной стороне Понеманья, где преобладали крыши с причелком, убранство щитов было минимальным, поскольку щит здесь чаще всего выполняли из соломы или плели из прутьев. Более богатым был декор щитов в Центральной Белоруссии, Поозерье и Поднепровье, где преобладала двускатная крыша. Поиск новых декоративных форм шел через своеобразный модуль — доску. Ее размер и расположение давали возможность украшать щит различными геометрическими узорами. Простейшие из них, сохранившиеся в памятниках конца прошлого столетия, строятся на основе сочетания треугольников, квадратов, ромбов, «елочки» из узких коротких дощечек, конструктивно и по характеру напоминают шалевку (Логойский, Мядельский, Миорский, Круглянский р-ны и др.). Декоративная обработка щитов быстро развивается в советское время, в особенности в восточной части рес-

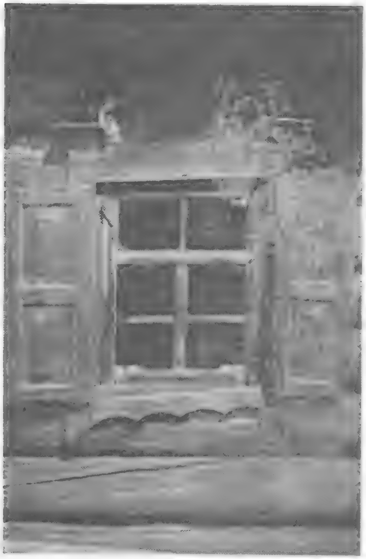


*Рис. 166. Окно. 1887 г.
д. Моисеевичи
Осиповичского р-на*

---

[119] Ганцкая О. А. Народное искусство Польши. С. 119—120.

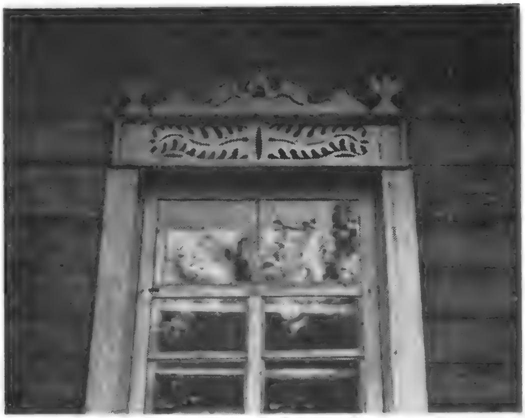


Рис. 167. Растительно-зооморфный мотив с элементами барокальной пластики. Середина XX в. д. Новики Верхнедвинского р-на

публики, в частности Восточном Полесье. Улучшение материальных и социально-бытовых условий соединилось здесь с исторической тенденцией более интенсивного развития народной архитектурной резьбы. Наряду с геометрическими (конструктивными) узорами распространяются и чисто декоративные зооморфные (растительные) мотивы, солярные. Первоначально солярный мотив наблюдается лишь в верхней части щита, символизируя восходящее солнце. Затем появляются солярные сегменты во всех трех углах щита, симметричные розетки по сторонам чердачного окна. Материал и его размеры подбираются не только исходя из конструктивных, но и из декоративных соображений (деревни Плесы Бобруйского, Лозки Калинковичского, Озеро Узденского, Городок Глусского р-нов и др.).

Профилированным карнизом, прикрепленным к дармовесу, украшался низ застрешка (Восточное и Западное Полесье, Понеманье, южная часть Центральной Белоруссии и Поднепровья). На Поозерье и севере Поднепровья преобладают карнизы значительной ширины со сквозной резьбой (Поставский, Миорский, Глубокский, Докшицкий, Толочинский, Круглянский, Шкловский, Горецкий р-ны). Узоры карнизов состоят из окружностей и сегментов и напоминают по характеру мотивы западной и средней частей России (Псковщина, Смоленщина).

Значительного развития народная архитектурная резьба достигла в убранстве окон. Единственным украшением волоковых окон были овальные подтесы, ныне встречающиеся в окнах сеней, камор, клетей (рис. 165). Орнаментация окна развивается с появлением оконной коробки. Между ней и срубом по конструктивным соображениям (усадка постройки) оставлялись зазоры, которые необходимо было прикрыть. Так появились наличники. Своеобразным рудиментом волокового окна является ставня, первоначально одна, задвижная, на весь оконный проем. Впоследствии задвижные ставни сменяются ставнями на петлях. Какое-то время декоративность наличников выявлялась лишь в их пропорциях. Надоконная доска по конструктивным соображениям делалась несколько выше боковых и подоконной, увеличивались общие пропорции при маленьком проеме на четыре, шесть форток. На верхнюю кромку надоконника набивалась тоненькая планка с шалевкой — карниз, в центр доски прибивался небольшой ромбик. Затем внизу карниза появляется скромная цепочка глухой (долбленой) резьбы, концам боковых наличников придается форма обращенных книзу рогов, клювов и т. д. Постепенно декор окна приобретает определенный композиционный смысл на основе симметрии относительно вертикальной оси. Основная декоративная нагрузка падает на надоконную доску, имеющую большую площадь. Усложняется ее форма. Например, надоконные наличники хат XIX в. на Поднепровье имели преимущественно треугольную форму (рис. 166), в восточной, юго-восточной части Центральной Белоруссии — овальную. К долбленым (клинчатым) узорам добавляются кружки и отверстия, просверленные коловоротом. Первоначально они также обрамляют лишь кромку карниза, низ подоконника. С появлением лобзика начинает применяться пропильная резьба. Ее накладные узоры заполняют свободную площадь надоконника. Подоконные наличники с монументальными профилированными карнизами, богато украшенные накладными узорами растительного характера, широко известны в восточной части Поозерья и Поднепровья. Цельность верхней кромки (карниз), значительные размеры в сочетании с симметричными филенчатыми ставнями и симметричным профильным надоконным наличником придавали окну монументальность. Такие наличники характерны для северо-западной части России (Калининская, Новгородская, Псковская обл.), в некоторой мере обусловлены влиянием стилей барокко и классицизма[120]. Особенно сильно влияние барокко проявляется в надоконных досках, геометрическая форма которых разрушена овальными вырезами, где присутствуют точеные балясины и детали (западная часть Поозерья, северо-запад Центральной Белоруссии) (рис. 167). Традиционным направлением в развитии декора окна является активное разрушение линейной монументальности прорезными узорами традиционных мотивов. Центром композиции становится стилизованный цветок, симметрично которому располагаются фигурки птиц, белок, куниц, змей, растительный орнамент (Полесье, Центральная Белоруссия, западные районы Понеманья) (рис. 168). Наиболее часто в декоре окон встречается изображение птиц и животных. Резчики умело передают характер позы, фигуры (деревни Холопеничи Крупского, Саковичи Логойского, Макаричи, Пруссы, Языль Стародорожского, Танежицы Слуцкого, Бучатино Копыльского р-нов и др.). Сквозная резьба сочета-

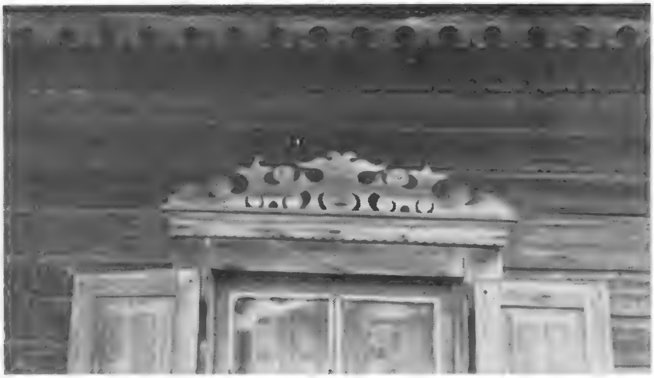


Рис. 168.
Резное убранство карниза окна. 1918 г. д. Тимошково Миорского р-на

---

[120] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 370—372.

ется с глухой многоступенчатой (рельефной), дополняется накладными узорами так, что наличник превращается в сплошное тонкое ажурное кружево, в котором теряется характер материала. Декоративное оформление низа боковых и надоконного наличников подчинено единой симметричной линии. Иногда в старых наличниках низ боковин завершается клинообразными зубчиками, напоминающими аналогичные элементы из архитектурного ордера — капли.

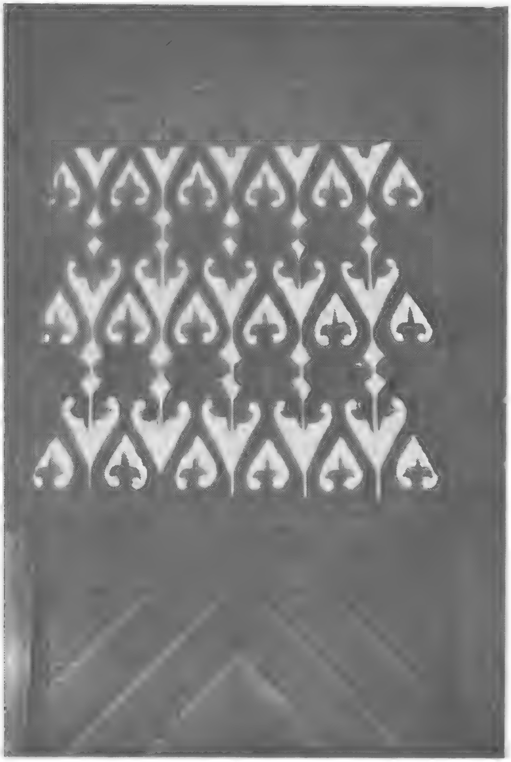


Рис. 169. Декоративная решетка ворот. Середина XX в. г. п. Ветка

В Белоруссии отчетливо прослеживаются три обширных ареала развития архитектурного декора: юго-восточный, северо-восточный и западный. Первый включает Восточное Полесье, юг Поднепровья, юг и юго-восток Центральной Белоруссии и отличается декоративной пышностью и насыщенностью, близкой по характеру русской архитектурной резьбе. Центром ареала является Гомельщина, где художественная резьба достигла наивысшего количественного и качественного развития в разнообразии тем и сюжетов, трактовок, вариантов[121] (рис. 169, 170). Второй ареал включает Поозерье, северную часть Поднепровья, северо-восток Центральной Белоруссии. Здесь преобладает разнообразная орнаментация на основе лаконичных геометрических композиций барочного и классического характера или элементов народной символики. Выделяются два центра: один в Поозерье, на Миорщине, другой на границе Поднепровья с Центральной Белоруссией, Осиповичский и Бобруйский районы (деревни Дараганово Осиповичского, Морховичи Кировского, Макаричи Бобруйского р-нов) (рис. 171). Третий ареал охватывает Западное Полесье и Понеманье и характеризуется лаконичным, скромным характером орнаментации (центр — Брестский, Кобринский, Малоритский р-ны). Зачастую все элементы наличников делают одинаковыми, украшая ритмичным узором канавок-желобков (деревни Словатичи Зельвенского, Юндиловичи Пружанского р-нов).

Шалевка в народном зодчестве восточных славян известна с XV—XVI вв., т. е. того периода, когда начинает применяться штукатурка в каменной архитектуре. Происхождение ее художественных особенностей определяется технологическими соображениями. Другие типы украшения народного жилища, известные восточным славянам, в частности роспись, живопись, штукатурка, в Белоруссии не получили распространения. Простейшей формой цветового обрамления, известной в белорусском народном зодчестве, является побелка наружных стен. Широкое применение в убранстве белорусского народного жилища она получила с середины нашего столетия, когда начали краситься наличники, фронтоны, шалеванные участки стен. Шалевка является характерной особенностью архитектурного декора Понеманья. Если в дореволюционное время в других этнических регионах Белоруссии она почти не применялась, то в западных поветах уже была известна [122]. Наиболее ранним проявлением шалевки сруба следует считать зашивку углов, характерную для срубов в «чистый» угол. Набитые доски начали украшать накладными деталями под влиянием городской архитектуры, сформировалось и композиционное членение с выделением верхней части (прообраз капители), средней и нижней (прообраз базы в колоннах или пилястрах). Шалевка углов постепенно нашла применение в других районах Белоруссии, где срубы рубились «в лапу». Шалевка сруба также первоначально появилась в городах и местечках [123]. В простейшем случае это была простая обивка его горизонтальными досками. Впоследствии начинают выявляться горизонталь-

---

[121] Беларускае народнае жыллё. С. 65—67.

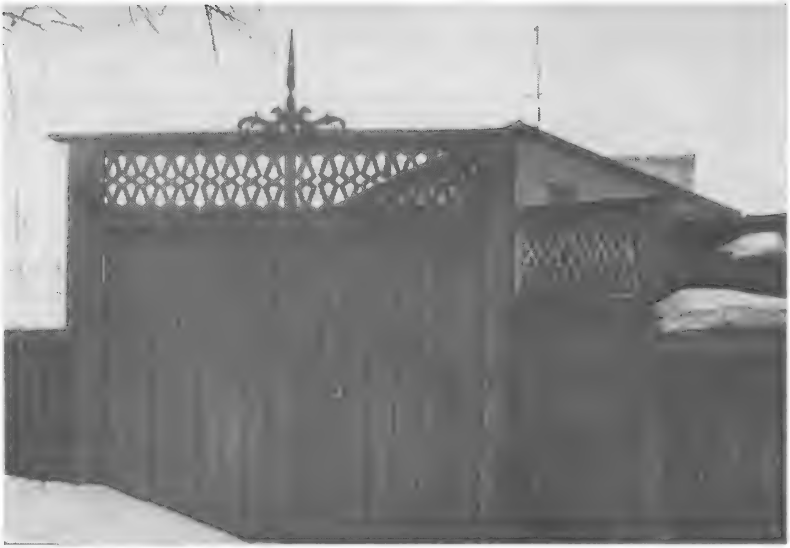


Рис. 170. Декоративное убранство ворот с тератологической композицией в центре. Середина XX в. г. п. Ветка

ные членения, обусловленные конструктивным делением сруба на надоконную часть, средний, оконный, пояс, подоконную часть. Семантика этих членений, по-видимому, та же, что и у шалевки углов, т. е. результат вторичного восприятия пропорционального строя классицизма каменных построек местечек и городов. Эта особенность в народном зодчестве имеет не столько декоративно-стилевой, сколько конструктивный смысл. Верхний, надоконный, пояс шалюется узкими вертикальными досками, заостренными внизу, оконный — горизонтально (вагонкой). В настоящее время его декоративность дополняется поясом, который образуется ставнями. Подоконный пояс шалюется тоже вертикально и обрамляется сверху и снизу двумя сливными досками. Таким образом, очевидно, что весь характер шалевки объясняется организацией стока воды, особенно нижней части. В последнее время декор оконного пояса становится более разнообразным. Из вагонки набирают различные геометрические фигуры, чаще традиционные: «елочку», расходящиеся ромбы. Если в местечковой застройке шалевка была распространена широко (Крупки, Зембин, Красное, Раков, Деречин, Бытень и др.) и в целом равномерно, то в сельской архитектуре, например Поозерья, и сегодня этот вид декора используется незначительно. Некоторое исключение составляют отдельные районы юго-западной части (Поставский). Редко встречается шалевка и в Восточном Поднепровье. Довольно плотную и равномерную область распространения этого вида декора представляет средняя полоса: междуречье Друти и Березины, пойма Березины, Борисовский, южная часть Логойского и Молодечненского, Узденский, Столбцовский, Несвижский, Воложинский районы и т. д. Встречается он на Гомельщине, ранее уступавшей в этом виде декора, например, Брестчине [124]. Художественная шалевка становится в наше время традиционным видом белорусской сельской архитектуры. Интересно, что распространение ее (как и декора в целом) чаще наблюдается в деревнях, расположенных вдоль основных дорог, например вдоль шоссе Бобруйск — Слуцк, железной

---

[122] Беларускае народнае жыллё. С. 68.

[123] Беларускае народнае жыллё. С. 70.

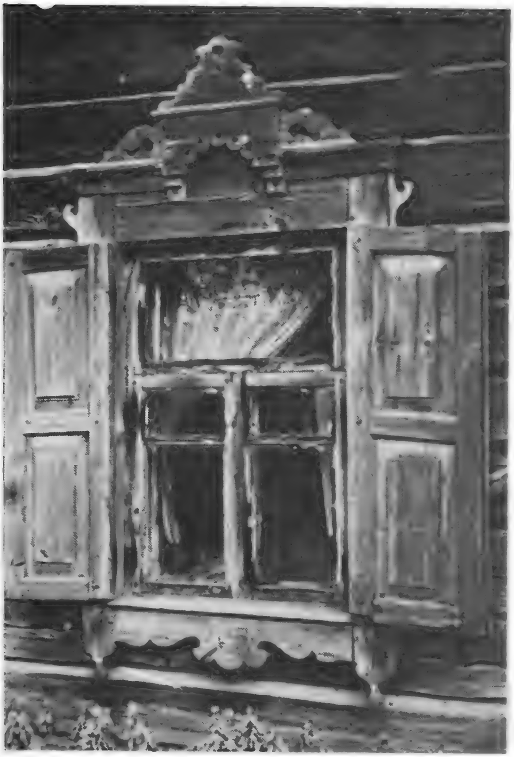


Рис. 171. Окно. Конец XIX в.
Центральный регион
д. Новоселки Стародорожского р-на

---

[124] Беларускае народнае жыллё. С. 68.

дороги Минск — Жлобин, дороги Вильнюс — Полоцк, шоссе Брест — Дрогичин — Пинск и т. д.

Как уже отмечалось, в наше время отличительной чертой в народной архитектуре стало применение цвета. Он придает нарядность, праздничность постройкам, повышает эмоциональное восприятие. Народные мастера выявляют при помощи цвета не только эстетические, но и конструктивные особенности постройки; так, щиты обычно красятся в светлые, голубые тона, близкие по колориту небесным оттенкам, в покраске шалевки используются охристые, оранжевые, желтые, зеленые цвета, близкие зелени деревьев, цветам на огороде и в палисаднике. Выделяются пояса шалевки. Оконный пояс делается более светлым, нижний, подверженный попаданию влаги, красится в темные (оранжево-коричневые) тона. Для декора Поозерья и Поднепровья характерны строгость, монохроматичность цветовых решений, которая заключается в раскрашивании одним тоном больших плоскостей (одноцветный фронтон, окна). В средней полосе (Центральная Белоруссия и Понеманье) колористическое разнообразие увеличивается. В общей цветовой гамме выделяются закрылины, накладные украшения щитов, узоры на угловой шалевке. Богатая цветовая гамма характерна для Полесья и в особенности Гомельщины. Здесь высокого развития достигает цветовая детализация отдельных элементов, узоров (цветки, веточки, птицы, виньетки, узоры на досках шалевки), ажурность резьбы усиливается ажурностью цвета.

Следует отметить региональные особенности монументального декора несущих конструкций. В полосе распространения тесовых крыш (восток, юго-восток Центральной Белоруссии, Западное Поднепровье, северо-запад Восточного Полесья) резной обработке подвергались наружные концы кокошин. В Поозерье, Центральной Бело-

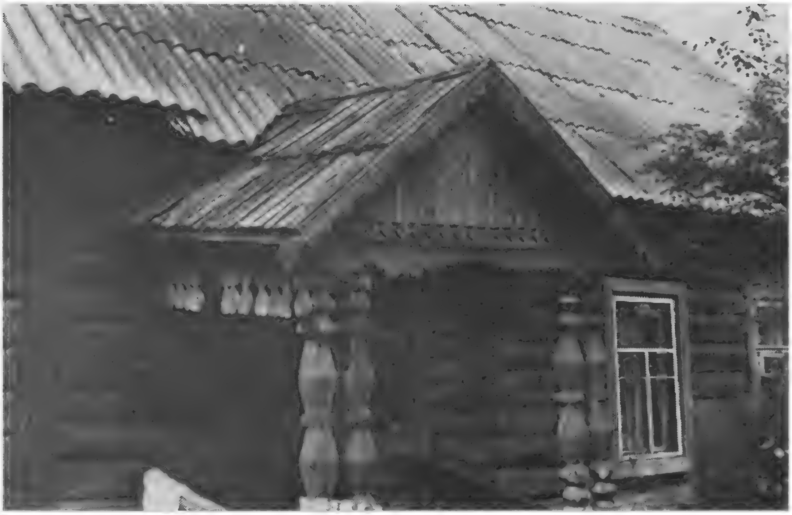


Рис. 172. Крыльцо. Нач. XX в. д. Смоловка Городокского р-на

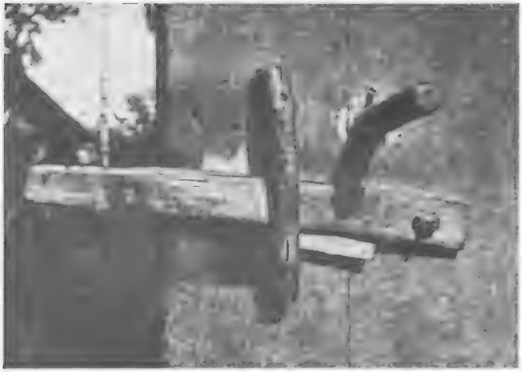


Рис. 173. Деревянная скоба. Нач. XX в. д. Кремок Осиповичского р-на

руссии и Понеманье фигурные подтесы делали на концах ключей и стропил. Консоли застрешков и причелков на Полесье украшали простым подтесом нижнего бревна, так же украшался здесь и выходивший на фасад конец трама. В средней полосе декоративные подтесы делались на продольных выносах балок. Консоли делались ступенчатыми с плавными закруглениями, иногда с изогнутыми подкосами, если крыша имела большой причелок. Особо следует отметить полуарочные консоли-раскосы, распространенные в Западном Поозерье, Понеманье, в некоторых районах Западного Полесья: стройный ритм, напряженная упругая форма, красивый рисунок врубки, глубокая светотень придавали всей постройке особое эстетическое звучание. В жилище Поозерья, Центральной Белоруссии, Понеманья часто перед входом в сенцы сооружалось крыльцо — небольшой навес на консолях или стойках. В стойках обычно выделяли верхнюю часть, на которую опиралась конструкция, и нижнюю, передающую нагрузку на фундамент (рис. 172).

Художественной обработке подвергались и отдельные небольшие детали, в частности ручки и замки дверных полотен. На Полесье и в южной части Центральной Белоруссии бытовали деревянные дверные ручки и деревянные продольно-зубчатые замки, устанавливаемые на дверях в сени (рис. 173, 174). На Понеманье и в особенности в Поозерье чаще применяли кованые ручки и замки, украшенные узорной насечкой (рис. 175). Эти элементы представляют собой настоящие образцы кузнечного искусства. Мотивы растительного характера украшали накладные кованые детали замков клетей и камор, металлические полосы, дверные петли [125].

Межэтнические связи художественной пластики белорусского народного жилища проявляются в любом ее элементе. Парные вильчики характерны не только для белорусов, соседних областей России и Украины, но и литовцев, поляков, ряда германских народов Западной Европы (коньки на крышах крестьянского жилища в Германии, Швейцарии, Бельгии, в Скандинавских странах), распространены на огромной площади славянского и германского этногенеза [126]. В частности, одинарные вильчики хорошо известны в Польше («паздуры», «чэпакі», «гловы», «паненки»), Словакии, Австрии, Германии, Голландии, где они постепенно перерождаются во фронтонные шпили [127]. Резное украшение закрылин широко применяется в Прибалтике и России. Для последней характерен солярный и растительный орнаменты, долбленый, зубчатый орнамент, многослойная ажурная резьба в отличие от белорусской плавной, линейной орнаментации на основе зооморфных мотивов.

---

[125] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 3. С. 35—38.

[126] Стасов В. В. Коньки на крестьянских крышах // Изв. Археол. об-ва. 1861. Т. 3. С. 257—271; Суворов Н. Н. О коньках на крестьянских крышах в некоторых местах Вологодской и Новгородской губернии // Изв. Археол. об-ва 1863. Т. 4. С. 169—171.

[127] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 354.

Анализ развития белорусской народной архитектурной резьбы обнаруживает общую тенденцию ее развития с запада на восток. Она присуща не только Белоруссии, но и восточным славянам в целом. Своего максимального расцвета народная архитектурная резьба достигла в Поволжье, северных районах России. Развитие резьбы в восточной части Белоруссии происходило под влиянием русского народного зодчества. Характеризуя традиционное жилище Речицкого Полесья, Петкевич отмечал, что много построек в местечках возведено мастерами из России, которые принесли в Белоруссию и свои строительные приемы. Местные плотники заимствовали их навыки и распространяли по деревням [128]. Поэтому так много общего в технических приемах, орнаментальных мотивах, в частности, надоконных досок (очелий), формировании сплошного резного пояса, монументальных резных карнизах, подкарнизных резных поясах. Влияние барокко и классицизма в резьбе Поозерья и Поднепровья отмечается на обширном ареале, включающем многие области России. Скромная резьба Западного Полесья и Понеманья является частью региона, куда входят северо-западные области Украины, западные районы Польши, Литва.

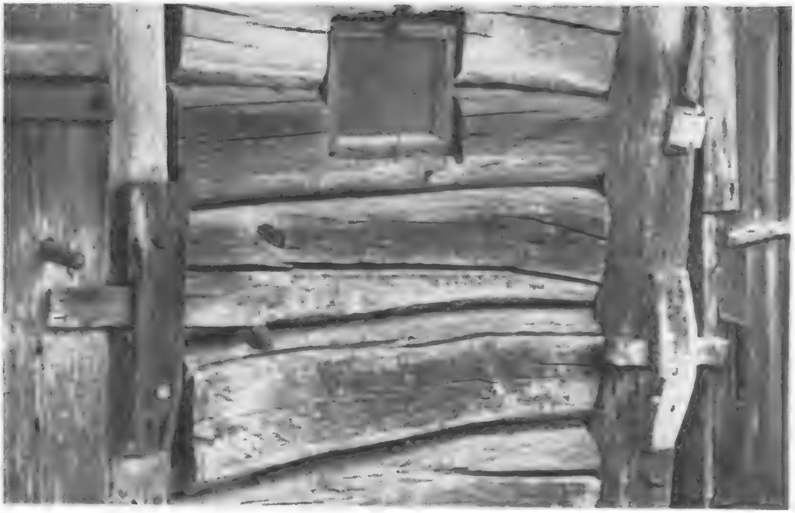


Рис. 174. Деревянные запоры. Нач. XX в. д. Барсуки Чечерского р-на

Белоруссия находится в обширной зоне распространения декоративной

---

[128] Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. S. 222.

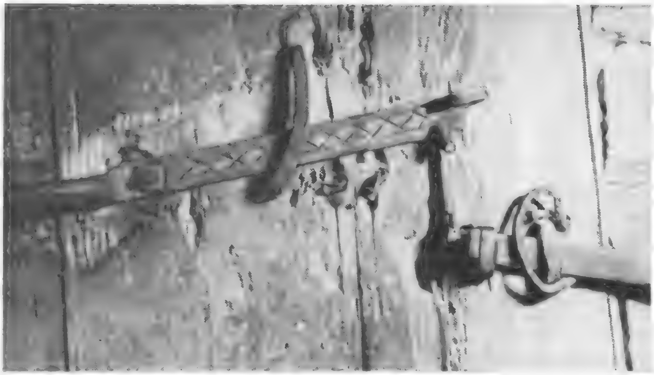


Рис. 175. Тип кованой скобы. Нач. XX в. д. Кривое Поставского р-на

шалевки. Декоративная шалевка фронтонов в сочетании с резными закрылинами и застрешком широко распространена в северо-западных областях России и Поволжья, в местечковой застройке Прибалтики, Восточной Польше. Шалевка сруба в русском народном зодчестве носит подчиненный характер, так как основную декоративную нагрузку несут резные украшения окон и карнизов. В западных районах Белоруссии, где набор резных украшений небогат, декоративная роль шалевки возрастает (рис. 208).

Белорусское Полесье и частично Понеманье входят в ареал наружной побелки срубов, центр которого находится на Украине. Побелка сруба тектонически связана с глинобитным жильем, наличием штукатурки, и появление ее в деревянном жилище не что иное, как восприятие эстетической стороны этой традиции. В украинском народном зодчестве побелка дополняется живописью. Это древнейшая традиция, распространенная здесь повсеместно, присущая также юго-восточным районам Польши, Словакии, Венгрии, Югославии. Можно предположить, что она обусловлена и природно-климатическими особенностями: большим количеством солнечных дней, ярким южным небом, сочной зеленью, обилием цветов. Использование цвета в ареале срубных жилищ носило иной характер и было обусловлено не традициями, а определенными экономическими, историческими и культурными связями того или иного района, например распространением иконописи, полиграфии. На севере России в начале нашего века один и тот же мастер писал иконы, переписывал книги с заставками, расписывал церкви и часовни, занимался малярным делом. Как в Белоруссии, так и в России покраска тех или иных элементов (наличники, ставни) носила характер защиты их от гниения, контрастного выделения на фоне сруба.

Об этом говорит и состав традиционных красителей, включающих помимо природных пигментов (красной охры, железного, зеленого купороса и т. д.) сосновую смолу, соль, золу, льняное или конопляное масло, сушеный творог, молоко.

По-видимому, эмоциональное воздействие цвета в условиях средней полосы с ее неяркими, приглушенными природными тонами дополнялось богатством резьбы, создающей настроение лиризма и уюта на фоне темных тонов дерева, повествующей о красках природы через линии узоров.

Постепенно декоративная роль цвета усиливается и, поскольку раскраской в основном занимались художники-профессионалы, начинают складываться определенные локальные традиции. Например, на Руси славилась нижегородская школа (Горьковская и Костромская обл.), своеобразием отмечались цветовые украшения в Архангельской, Вологодской, Кировской, Ярославской областях. Использование цвета в деревянном зодчестве широко распространилось на Урал, в великорусские поселения Сибири и Алтая[129]. Все это свидетельствует о том, что применение цвета в народном зодчестве Белоруссии в наши дни не исключительно современное веяние, а традиция, предпосылки развития которой были заложены значительно раньше.

Резные украшения на кокошинах тесовых крыш Белоруссии тесно связаны с аналогичными в России, Латвии, Украинском Полесье. Декоративная обработка консолей встречается не только у восточных славян, но и у словаков, чехов, сербов, хорватов, венгров, немцев. (Консольные выпуски, характерные для деревянных построек русских и белорусов, близки аналогичным в Закарпатье[130].) Это в полной мере относится и к арочным вырезам притолок в дверях и окнах, выпускам трамов и балок, концам ключей и стропильных ног, стоек. Арочные раскосы являются излюбленным архитектурным приемом у гуцулов, поляков и литовцев, латышей, калининцев и новгородцев[131]. Общие черты в пластической обработке конструкций объясняются не только единством материала (дерево), но и единым процессом развития строительной техники, единством понимания конструктивных и художественно-эстетических возможностей дерева.

---

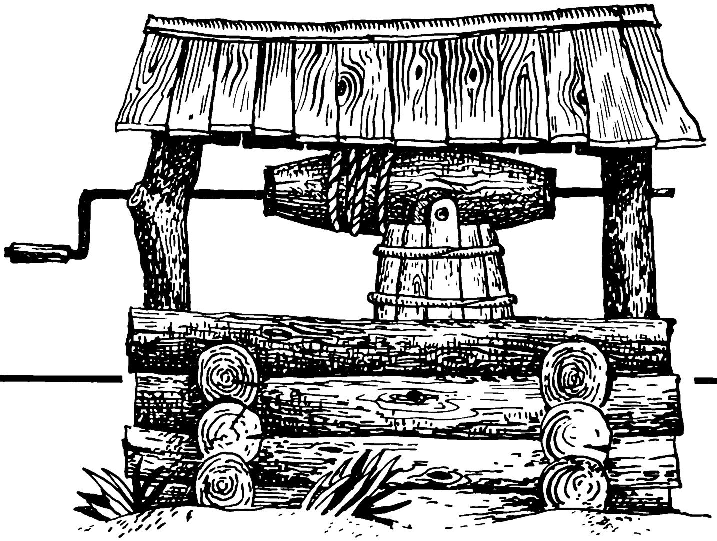
[129] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 402.

[130] Макушенко П. И. Народное деревянное зодчество Закарпатья. С. 34—39.

[131] Маковецкий И. Архитектура русского народного жилища; Самойлович В. П. Українське народне житло (кінец XIX — початок XX в.); Литовское народное зодчество.

ГЛАВА III

Особенности хозяйственных построек крестьянского двора, производственных и некоторых общественных сооружений



ПОСТРОЙКИ, СОСЕДСТВУЮЩИЕ С ЖИЛЬЕМ

КЛЕТИ

Значение клети в комплексе построек крестьянского двора на протяжении его развития было различным. Само слово в русском языке известно с X в. В Остромировом евангелии оно употреблялось в значении комнаты, помещения, в летописи 946 г., Библии XIV в.— в значении дома и впоследствии имущества, казны, с XI по XVI в.— комнаты, кельи, лавки. Аналогично смысловое значение клети в других славянских языках: в сербском — спальня; хорватском — комната, келья; польском — хата, горенка [1]. Харузин, опираясь на мнение И. Забелина, изложенное в работе «Домашний быт русских царей», предполагает, что формирование клети связано с развитием древнеславянского жилища, является его первообразом, на смену которому пришла отапливаемая истопка и впоследствии изба. Эта гипотеза в определенной мере подтверждается использованием клети в качестве летнего жилья. Свою функцию в смысловом значении клеть сохранила до XVII в., а в номинальном до XIX. Клеть предназначалась часто в качестве жилья для дочерей хозяина, для молодоженов (в больших семьях с несколькими женатыми сыновьями для каждого из них строили отдельную клеть). Чечулин отмечает поселения, в которых на пять дворов приходилось до 17 клетей [2]. Это позволило автору предположить, что клеть предшествовала хате, так как по документам XVI в. из 317 дворов более 10 не имели хат. В теплое время клеть часто использовалась как жилье. К ней пристраивалась через сени новая хата и она становилась элементом трехкамерного жилого звена. Подтверждением тому, что клеть длительное время являлась летним жилищем, служил обычай сжигать на благовещение зимние постели и перебираться в клеть.

В белорусском народном зодчестве отчетливо выделяются две группы клетей: в комплексе с жильем (трехкамерное жилье) и в виде отдельных построек. Клеть располагается напротив окон хаты, даже если находится на противоположной стороне улицы (Понеманье). На Полесье широко бытуют клети с раздельным перекрытием. Они имеют свод, срубленный через самец, и над ним крышу на дедках или козлах, накрытую соломой или камышом. Такие клети характерны для центральной части Белорусского Полесья, юго-восточных районов Центральной Белоруссии, южных районов Поднепровья [3]. В Восточном и Центральном Полесье встречаются клети с тесовым покрытием, в заболоченных местах — клети на сваях [4]. Роль ступенек выполняли деревянные колоды различной высоты. Вход в клеть размещали в зависимости от ориентации постройки относительно жилья — в продольной или торцовой стене. У полесских клетей отсутствует развитое чердачное пространство (второй ярус).

Характер клетей в Поднепровье неоднороден. В южной части региона они близки полесским, в центральной являются помещением трехкамерного жилища. Это характерно и для севера региона и смежных с ним районов По-

---

[1] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 107—109, 113—114.

[2] Чечулин Н. Русские древние жилые постройки XVI ст. // Зап. ИРАО. 1893. Т. 6. Вып. 4. С. 300.

[3] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. С. 20.

[4] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 201.

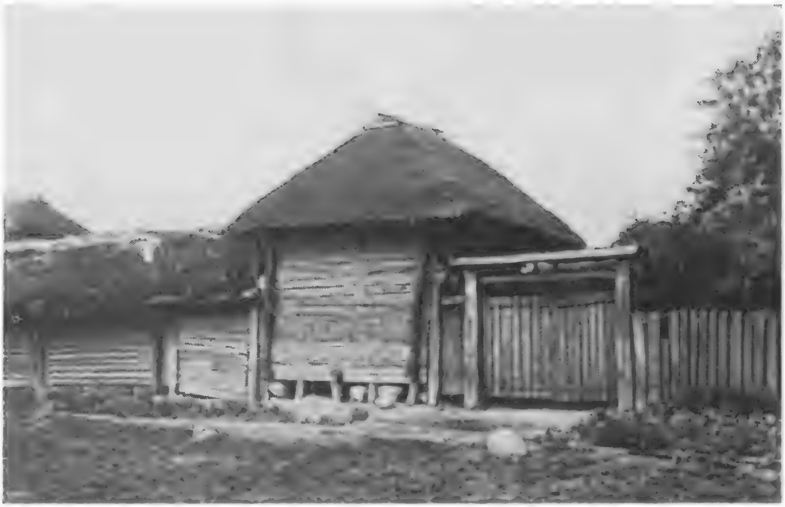


Рис. 176. Амбар. Нач. XX в. д. Столовичи Барановичского р-на. БАН ЛитССР

озерья, хотя здесь отдельно стоящие клети встречаются чаще. В Поднепровье по отношению к ним употребляется термин «амбар», как в северной и средней полосе России[5].

Клети восточной и юго-восточной частей Центральной Белоруссии сродни поднепровским и полесским. Своеобразную полосу образуют клети с тесовым покрытием на кокошинах, распространенные в Червенском, Осиповичском, Бобруйском и Глусском районах[6]. В южных районах региона (от Глуши до Синявки) клеть как самостоятельное сооружение встречается реже, гораздо чаще как помещение в трехкамерном жилье. В несколько меньшей степени это характерно и для центральных районов региона (Узденского, Минского, Пуховичского, Борисовского). Зато западные и северо-западные районы входят в обширную зону распространения двухъярусных клетей, охватывающую также Понеманье и западную часть Поозерья[7]. Сруб делится на два яруса. На второй ведет лестница-стремянка, в нем может быть выход на балкончик (Столбцовский, Кореличский р-ны). Развитый второй ярус часто требует дополнительных конструктивных опор. Появляются приклетники-галереи со стойками (рис. 176). Клети северо-западной части Минщины часто сооружаются на каменных подклетях[8].

Самыми разнообразными по архитектуре и конструкциям являются клети Понеманья. В южной полосе региона

---

[5] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 201.

[6] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. С. 20.

[7] Отчет об экспедиции в Вилейский и Мядельский районы в июне 1978 г. // Архив БГМНАБ.

[8] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 60.

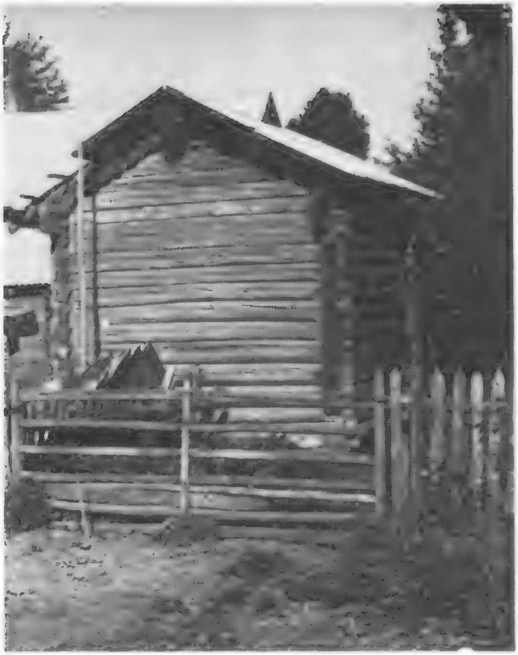


Рис. 177. Клеть. Нач. XX в. д. Книстушки Островецкого р-на

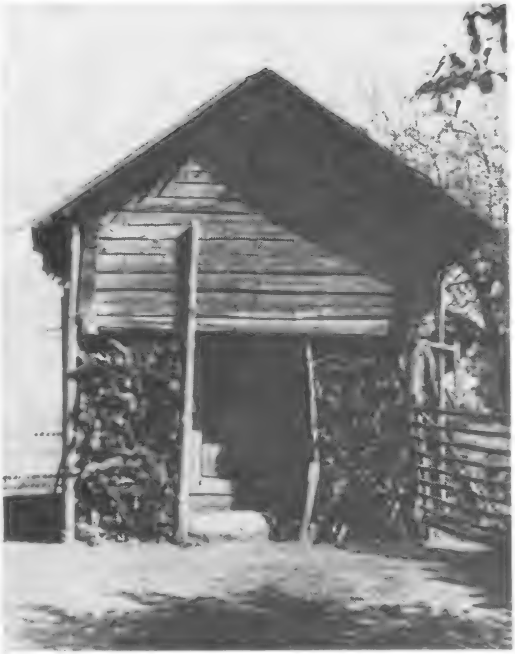


Рис. 178. Клеть со вторым ярусом (лобовиком). Нач. XX в. д. Трокели Вороновского р-на

вдоль границы с Полесьем эти постройки встречаются реже и входят в основном в состав жилого звена (юг Зельвенского, Волковысского, Свислочского р-нов). По мере продвижения на северо-восток их количество увеличивается и достигает максимума в Ивьевском районе и прилегающих к нему территориях. Здесь клеть, как правило, располагается на противоположной стороне улицы, напротив избы (деревни Дайново, Мелехи Ивьевского р-на). Нередко на одном дворе могло быть по две-три клети[9]. Они, как правило, двухъярусные, с развитым приклетником-галереей, на стойках (рис. 177, 178). Так как отмеченный район является зоной активного распространения двухрядного погона, то клети здесь возглавляют второй ряд и имеют вход в продольной стене. В Сморгонском, Ошмянском и Островецком районах преобладает двухъярусная клеть с входом в торцовой стене и балкончиком или галереей над ним, не связанная со структурой двухрядного двора (рис. 179). Стойки и элементы балкончиков в клетях Понеманья подвергаются резной обработке, щиты и карнизы украшаются резьбой, фронтоны и двери шалюются, окошки на втором ярусе могут иметь наличники (Кореличский р-н). В конструкции галереи используются арочные раскосы-стойки. Восточная часть Понеманья отличается распространением клетей на мощных каменных подклетях с ведущими в подвал ступеньками и нависающим над порогом, консольно вынесенным вторым ярусом (Ивьевский, западная часть Воложинского р-нов). В южной части региона постройка называется «свіран», «свіронак». На остальной территории, а также в Центральной Белоруссии и Поозерье преобладает термин «клеть». Клети западной части Поозерья, как и понеманские, двухъярусные, со сплошным закотом. И лишь в Миорском районе заметны отличительные черты: меньшие размеры, крыша с залобком (вальмой над входом). Примечательной особенностью этой части региона являются двойные клети. Есть все основания считать, что они были распространены и в северо-восточной части Понеманья, и в северной и восточной частях Поозерья, поскольку встречаются в соседних районах Литвы и Латвии [10]. Двойные клети представляли собой протяженные сооружения с развитым приклетником-галерееей и широким порогом. Они постепенно утрачивали свои функции, нередко части их продавались и перевозились в другое место. Клети восточной части Поозерья одинарные, со сплошным закотом и разнообразными формами крыши (двух-, трех-, четырехскатная, вальмовая). Интенсивность распространения этих построек сохраняется по мере продвижения на северо-восток региона и убывает по мере продвижения на юго-восток, где, как и в Поднепровье, клеть предпочитают включать в жилое звено. Отмечено наличие в Поозерье жилых клетей для работников, расположенных в деннике.

---

[9] Отчет об экспедиции в Ивьевский, Лидский и Вороновский районы в апреле 1979 г. // Архив БГМНАБ.

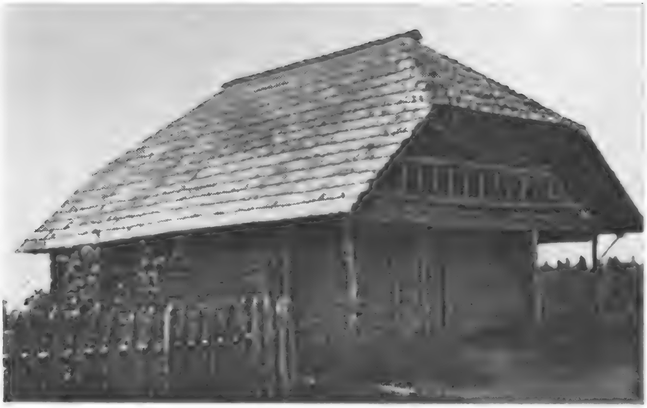


Рис. 179. Двухъярусная клеть. Нач. XX в. Понеманье. ЦГИА ЛитССР

В настоящее время идет интенсивный процесс потери клетями их основных функций. Они нередко используются в качестве хлевов или складских помещений (приложение, табл. 9) (рис. 180).

Межэтнические особенности белорусских клетей обнаруживаются в трех обширных ареалах. Первый охватывает часть Брянщины, Белорусское и Украинское Полесье, юго-восточные районы Польши, Словакию, Закарпатье. Здесь преобладают одноярусные клети с разреженным закотом, распо-

---

[10] Latvijas etnografikais brivdabas museis., S. 63, 118, 204.

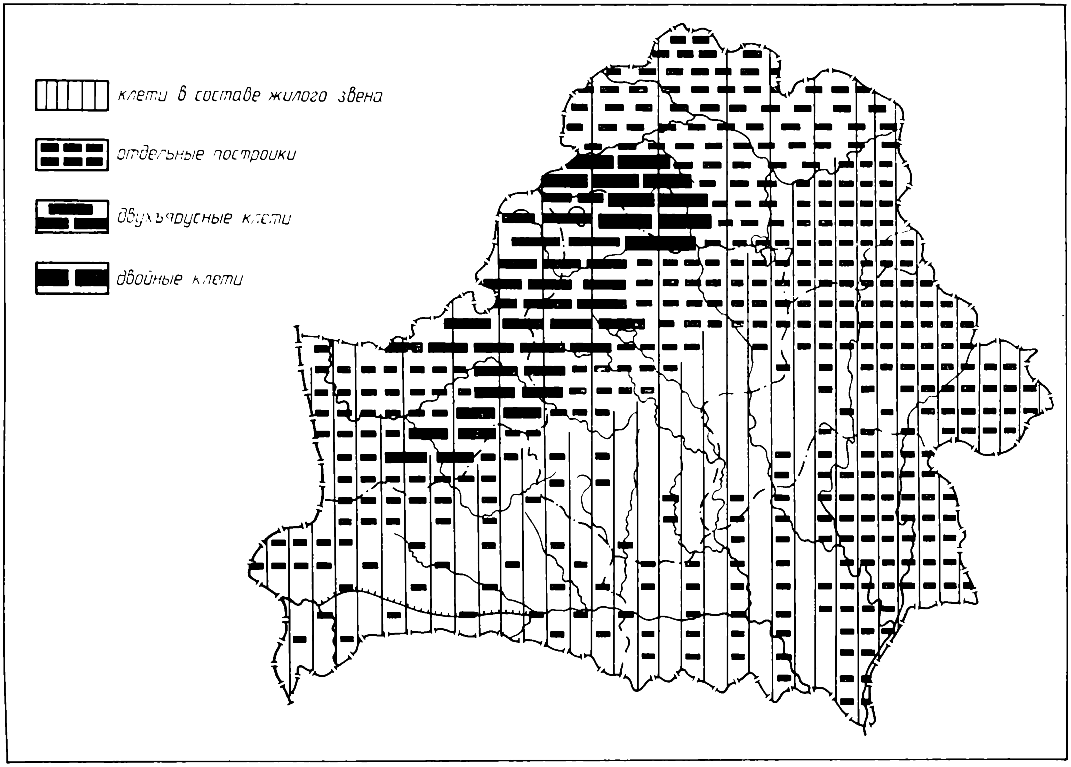


Рис. 180. Региональные типы клетей

ложенные в непосредственной близости от жилья [11]. Второй ареал представляют двухъярусные клети с развитым приклетником. Он тянется из северной и среднерусской полос России на запад, в белорусские Поозерье, Понеманье, в Латвию и Литву, Польшу [12]. Этот своеобразный ареал характеризуется столбовыми опорами и опорами с раскосами в приклетниках-галереях (Латгалия, Жемайтия, Белорусское Понеманье, восточные районы Польши). Самостоятельный ареал образуют двойные клети (Латвия, Литва, Понеманье, Польша).

Тенденция к групповому расположению амбаров, характерная для России, в своеобразной форме известна и в Белоруссии (расположение клетей в зоне улицы напротив жилья в восточных районах Понеманья). Межэтнической особенностью является постепенное развитие подклети по мере продвижения на север и северо-восток к зоне жилищ на подклетях (Понеманье и Поозерье). И наоборот, для зоны поземного жилища характерно отсутствие клети или ее незначительная высота (южная часть Белоруссии, включая локальные очаги свайных клетей Полесья).

---

[11] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 267—274.

[12] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 308—311.

Хранение зерна в восточнославянских клетях подчинялось ярусному принципу: на втором ярусе хранили пшеницу, пшеничную муку, семенное зерно. Зерно, хранящееся на первом ярусе, засыпалось в разделенные дощатыми перегородками закрома. Сама по себе функция закромов, как и клети в целом, связана и с другими общеславянскими способами хранения зерновых и муки. Например, на Украине и в Белоруссии часто для этих целей использовали высокие плетеные «кублы», деревянные сундуки — «скрыні»[13]. В лесных местностях использовались большие сосуды, выдолбленные из древесных стволов,— «кайдубы». В соседних Черниговской и Сумской областях пользовались кувшинообразными ямами, обмазанными глиной и обожженными изнутри, с гидроизоляцией из бересты, закрепленной деревянными колышками[14]. На Брянщине были известны дубовые срубные подвалы, служащие для хранения не только зерна, но и другого имущества и имеющие много общего с широко известными в Поднепровье подвалами для хранения корнеплодов.

СООРУЖЕНИЯ ДЛЯ ХРАНЕНИЯ КОРНЕПЛОДОВ

Заглубленные в землю хранилища уже в древности были известны восточным славянам, о чем свидетельствуют и находки археологов в Белоруссии[15]. Они использовались для хранения злаков и корнеплодов, затем картофеля.

Ямные хранилища корнеплодов с течением времени дополняются наземными земляными буртами и распространены в Восточном Поднепровье (Могилевский, Чаусский, Горецкий р-ны). Встречаются они и в Стародорожском районе, картофельные ямы широко известны на Слонимщине и Зельвенщине, т. е. в средней полосе Белоруссии[16]. Они строились на склонах холмов, опушке леса, где почвы были песчаными и уровень грунтовых вод низким, накрывались невысокой крышей-шатром. Обращает на себя внимание та особенность, что картофельные ямы чаще встречаются в деревнях, расположенных на берегу реки, что объясняется ее дренирующими свойствами, понижающими уровень грунтовых вод.

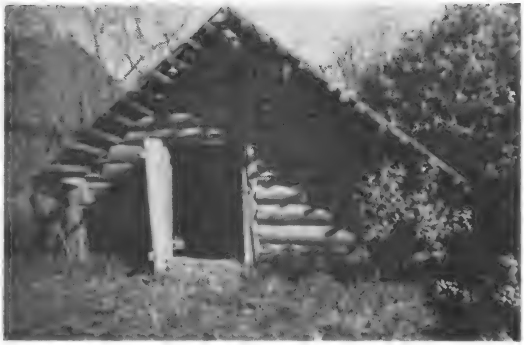


*Рис. 181. Погреб. Нач. XX в.
д. Бракова Слобода Чаусского р-на*

В Белорусском Поднепровье в качестве хранилища для картофеля использовалось хатнее подполье, известное не только белорусам, но и русским (Смоленщина, Брянщина). В некоторых деревнях такие подвалы устраивались в задней части подпечья.

---

[13] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 314.

[14] Там же.

[15] Очерки по археологии Белоруссии. Ч. 1. С. 144.

[16] Отчеты об экспедициях в Зельвенский р-н в феврале 1979 г., Слонимский р-н в июле 1981 г. // Архив БГМНАБ.

Погреба в сенях строились во всех районах Белоруссии, но особенно характерны для западных. Стены их выкладывались из камня или закинутых в шулы бревен. Спуск осуществлялся через люк по лестнице-стремянке. Если хата и сени были на высоком каменном фундаменте, проникнуть в погреб можно было через устроенный в фундаменте проем.

К середине нашего столетия появляются погреба в виде пристройки к хате, к торцовому фасаду, выходящему в палисадник. Надземная надстройка — погребня могла ставиться как по оси хаты, так и поперек ее. Такие погреба, как правило, имели два входа: один с улицы и другой из хаты, через люк в полу. Спорадически они встречаются в Центральной Белоруссии, на Полесье и в Поозерье.

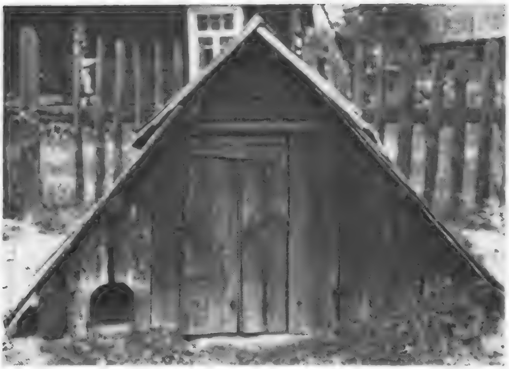


Рис. 182. Погреб. Середина XX в. деревни Воля, Крупицы Мостовского р-на

Наравне с клетью и истопкой погреба, соседствующие с жильем, являлись важным звеном в цепи жилых и хозяйственных помещений, особенно в системе погонного двора, его архитектуре. В Западных районах Белоруссии распространенным типом погреба являются подклети. Как правило, их делают каменными: с одной стороны, ввиду обилия этого материала, с другой — потому что стены подклети служат фундаментом для самой клети. Вход осуществляется через каменную пристройку по спускающимся вниз земляным ступенькам. Удобный вход получается при посадке постройки на крутой склон.

Погреб как самостоятельная постройка, состоящая из подземного помещения с перекрытием и люком и срубной надстройки над ними — погребни, наиболее широко распространен в средней полосе и на севере Белоруссии. Исследователи начала века описывают погреба с односкатной крышей, крытой тесом по слою бересты (Пуховичский, Осиповичский, Бобруйский, Мозырский р-ны)[17]. На Поднепровье преобладают погреба с бревенчатой погребней, двускатной крышей из соломы, теса или дранки (рис. 181). Вход в погреб осуществлялся через люк, картофель засыпали в отверстие с желобом. Стены собственно погреба преимущественно оставлялись земляными или укреплялись деревянными плахами. Пространство делилось перегородками на засеки.

В строительстве погребов Понеманья большую роль играл камень. Им укреплялись стены погреба, а нередко сооружалась из камня и погребня (Зельвенский, Волковысский, Мостовский р-ны). В виде каменного свода делалось и перекрытие, поэтому вход в погреб осуществлялся не через люк, а по ступенькам, вырезанным в земле. Перед входом делалась углубленная площадка, накрытая свесом крыши погребни. Известны на Понеманье погреба и без нее: каменный свод закрыт землей и дерном и только вход на высоту двери возвышается над землей. Ставились погреба в одиночку и группами (рис. 182, 183). В Поднепровье жители деревни иногда строили свои погреба в определенном месте, где со временем из них образовывалась целая улица[18] (рис. 184) (приложение, табл. 10).

---

[17] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР. С. 7—21.

Вырыть погреб не всегда представлялось возможным, особенно в низинных и болотистых местах Белорусского Полесья. В этом случае для хранения корнеплодов строились истопки — одно из самых древних сооружений крестьянского хозяйства. Наряду с клетью и сенями истопка принимала участие в эволюции планировки, варьируясь в традиционной схеме хата — сени с клетью и каморой. В прошлом истопка часто использовалась как жилье и даже кухня. Известны случаи, когда она переоборудовалась в жилую избу вследствие роста семьи или непригодности хаты, которая становилась истопкой[19]. Отапливалась она очагом или печкой-каменкой. Если истопка примыкала непосредственно к хате, то могла обогреваться стеной печи, граничащей между ней и хатой. Позднее появились истопки с кирпичной печью и трубой. Ими могли быть и старые избы, которые использовались для хозяйственных нужд. Вместе с хатой и сенями истопка образовывала трехкамерную постройку. По мере развития она объединялась с хатой и сенями не только планировочно, но и архитектурно в один объем, одно сооружение. Региональные особенности истопки тесно связаны с планировочными типами двора. В системе веночных дворов Позерья и Поднепровья истопка стоит в паре с клетью или соединяется с последней через поветь, если непосредственно не входит в состав жилого звена.

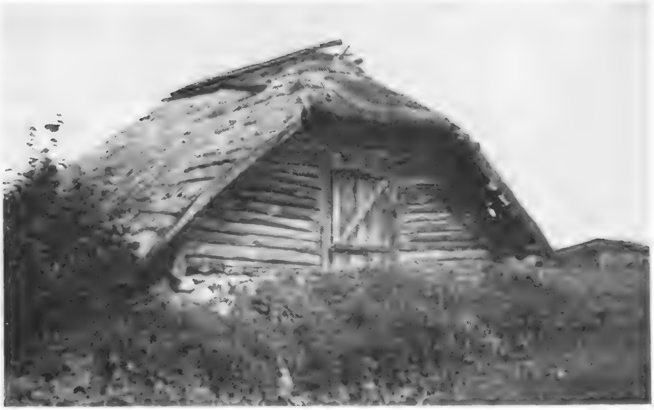


Рис. 183. Погреб. Нач. XX в. д. Радунь Кореличского р-на

---

[18] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 3. С. 23—30.

[19] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья... С. 254—255.

В системе однорядного погона Центральной Белоруссии и Полесья истопка связывается с жильем через сени (погонная застройка в деревнях Заперинье Пуховичского, Пруссы Стародорожского р-нов). Несколько иное место истопки в случае соединения жилых и хозяйственных звеньев погона через поветь. Она может находиться сразу же за поветью (в погонных дворах Осиповичского р-на) либо ей предшествует небольшое помещение — приистопка или сенички, откуда можно попасть в саму истопку, которая самостоятельного входа не имеет.

В системе двухрядной застройки Понеманья истопка может находиться в голове второго ряда, клеть — в первом ряду (двухрядные погоны в Ивьевском р-не). Если второй ряд начинается с клети, истопка может находиться в паре с ней (Островецкий, Сморгонский, Ошмянский р-ны). Широко распространена истопка и как самостоятельная постройка (преимущественно средняя и южная части республики). В этом случае она, как правило, имеет сенички (приистопку) [20] (приложение, табл. 11).

Тесно соседствующим с жильем помещением является камора (кладовая), которая в различных сочетаниях с другими помещениями выполняет несколько функций: частично клети (Полесье, юг Центральной Белоруссии), частично истопки (Западное Поднепровье, восток Центральной Белоруссии), частично помещения для птицы или мелкого скота (Понеманье, северо-запад Центральной Белоруссии, запад Поозерья), иногда используется

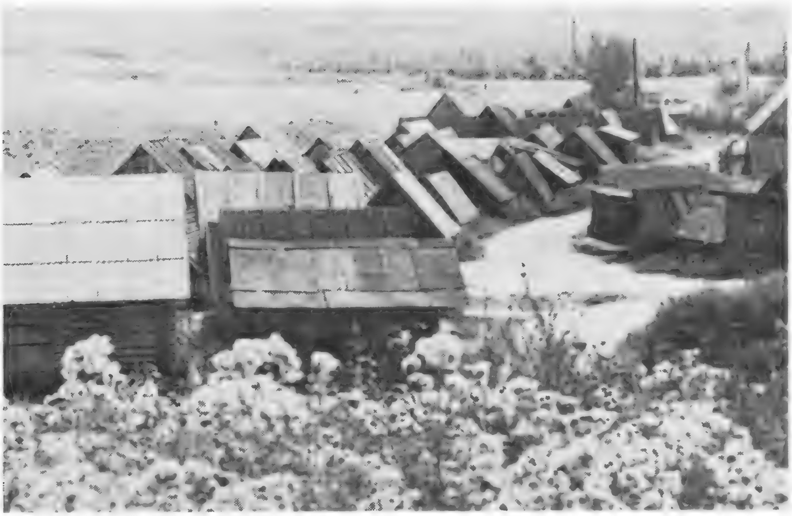


Рис. 184. Погреба. Середина XX в. г. п. Ореховск Оршанского р-на

---

[20] Беларускае народнае жыллё. С. 90; Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1984. № 3. С. 29—30.

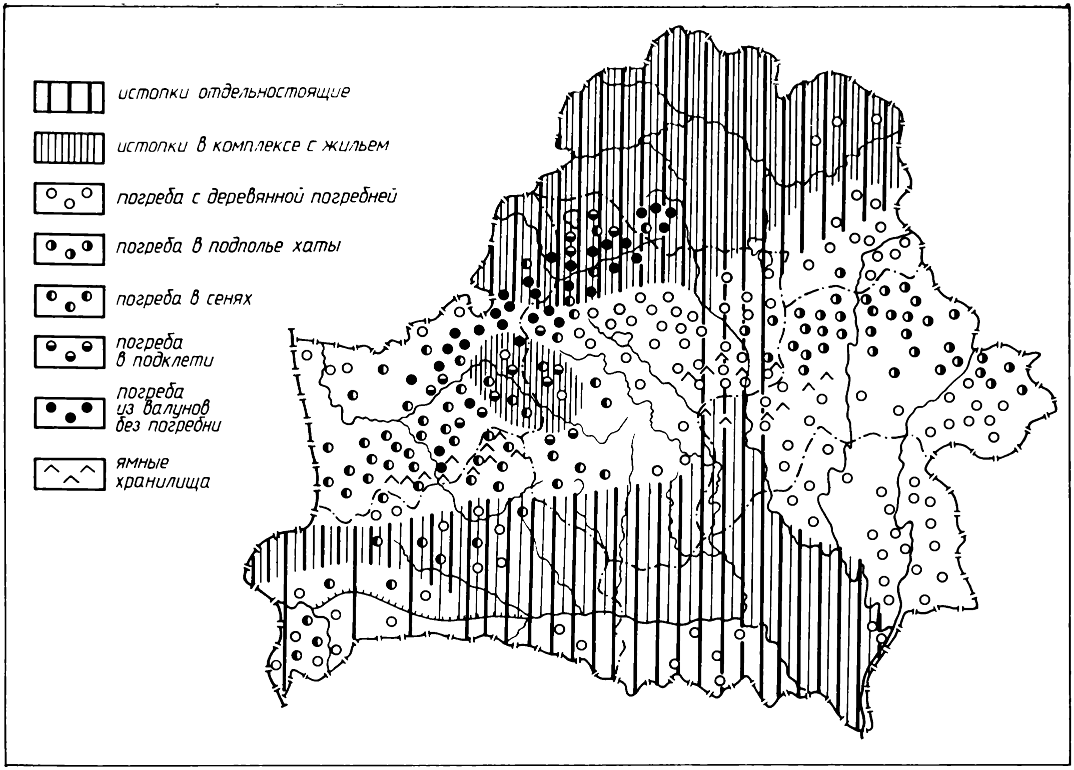

истопки отдельностоящие
истопки в комплексе с жильем
погреба с деревянной погребней
погреба в подполье хаты
погреба в сенях
погреба в подклети
погреба из валунов без погребни
ямные хранилища

Рис. 185. Ареалы распространения погребов и истопок

как мастерская или вторые сени, именуемые сеничками (юг, юго-запад Минщины). С истопкой камора связана в меньшей степени (рис. 185).

В двухкамерном жилье камора обычно примыкает к стене, разделяющей хату и сени, занимая $^1/_4$—$^1/_3$ площади сеней. В трехкамерном жилье (хата — сени — клеть) (Центральная Белоруссия, Понеманье) может примыкать к клети (истопке), не имея непосредственной конструктивной связи с хатой. В том случае, когда камора служит хлевом для мелкого скота, она располагается вдоль припечной продольной стены хаты, как бы деля последнюю в продольном направлении в отношении 1 : 3. В многокамерных дифференцированных жилых звеньях Понеманья камора, как правило,— проходное подсобное помещение между сенями и частью кухни за тыльной стеной печи. Появление каморы, с одной стороны, объясняется отсутствием возможности построить капитальное самостоятельное хранилище, с другой — необходимостью его расширить ввиду развития планировки жилища и усложнения его функционального зонирования.

Способы хранения корнеплодов в Белоруссии мы уже отмечали. Во-первых, яма — хранилище, близкое русским репным ямам, которые строились на перелесках или вблизи кустарников (чтобы зимой заносило снегом)[21]. Картофельное буртование, распространенное в Поднепровье и некоторых районах средней полосы, близко аналогичному способу хранения корнеплодов у русских. Редьку, брюкву, картофель укладывали ранней осенью прямо в песок и пересыпали льняной кострицей, сверху клали солому, хворост и насыпали землю[22].

Хранение корнеплодов в подполье распространено не только в Поднепровье, но и на обширной территории среднерусской полосы. Устройство в подполье дополнительного входа через погребню, характерное для районов центральной части Белоруссии, представляет собой развитие этого способа хранения на стыке с другими, в частности с подклетным, распространенным в западных районах Белоруссии. Погреба в сенях широко известны помимо Белоруссии в Литве, Украине, восточных районах Польши. Возможно, это связано с особенностями жилища с глинобитным полом, который делал затруднительным устройство подвала непосредственно в хате. Приходилось строить его в сенях, сооружая над ним балочное покрытие с утеплением и засыпкой[23]. При этом картофель засыпали через люк в перекрытии или отверстие в фундаменте дома.

Подклетные хранилища корнеплодов связаны не только с ареалом распространения клетей на каменных подклетях (Прибалтика, Польша, Понеманье, северо-запад Украины), но и с районами активного использования камня в народном строительстве (Литва, север, северо-восток Понеманья, восточные районы Польши). Необходимо отметить, что применение камня в крестьянских хозпостройках (клетях, погребах) в XVIII—XIX вв. обусловливалось влиянием фольварков, усадебной и местечковой архитектуры. Так называемая «изюмная» кладка (узоры из мелких камешков), встречающаяся в усадебных и культовых постройках XVII—XVIII вв. на Браславщине, Узденщине и в других районах, говорит о том, что народные мастера, привнося нечто свое в казенную архитектуру, несомненно заимствовали опыт, применимый в сельском строительстве[24]. Каменные подклети с отдельным входом напоминают панские лямусы и сырники.

Погреб как отдельная постройка встречается на всей территории славянского этногенеза, которая не была заболочена. Полуопущенные в яму срубы с односкатной крышей, в прошлом известные только на русском Севере, в начале нашего века отмечены и в Белоруссии. Для Поднепровья и соседних регионов России характерны погребни с тесовым покрытием, в Понеманье, Литве, Украине и Польше преобладают погреба, крытые соломой, каменные погребни и закрытые дерном своды.

На заболоченных территориях или территориях с высоким уровнем грунтовых вод строились истопки, поэтому ареал их обширен. В составе жилого звена они связаны с областями распространения трехкамерного (реже двухкамерного) жилища, как связь между жилым звеном и хлевами входят в ареал распространения погонов и венков.

Истопки как самостоятельные сооружения (Поднепровье, Полесье, Центральная Белоруссия) известны на Новгородчине, Псковщине, в районе Великих Лук. В Калининской области в маленькой истопке, расположенной в глубине двора, не только хранили овощи, но и согревали воду на пойло скоту [25]. Совершенствование конструкции погребов способствовало их постепенной замене последними.

---

[21] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 315.

[22] Там же. С. 316.

[23] Отчет об экспедиции в Зельвенский, Волковысский и Мостовский районы в мае 1978 г. // Архив БГМНАБ.

[24] Отчет об экспедиции в Узденский р-н в августе 1978 г. // Архив БГМНАБ.

БАНИ, МУРНИ, КОПТИЛЬНИ

Возникновение бани у восточных славян берет свое начало в глубокой древности. В «Повести временных лет» изображено мытье в бане новгородских славян [26]. Интерес представляет сообщение о том, что после победы над византийцами славяне неоднократно в договорах ставили условия, чтобы их войскам разрешили пользоваться греческими банями [27]. Во времена Киевской Руси баня была в широком употреблении и пользовалась почетом при дворах князей, а впоследствии и царей. В XI в. при монастырях существовали общественные бани для неимущих, беднейших крестьян. У русских царей существовал обычай свадебной бани [28]. Много сведений о русской бане содержится в записках иностранных купцов и путешественников, особенно во времена Петра I [29]. Мытье в бане было связано с народной медициной, свадебной обрядностью, рождением ребенка, элементами народной этики, гостеприимства.

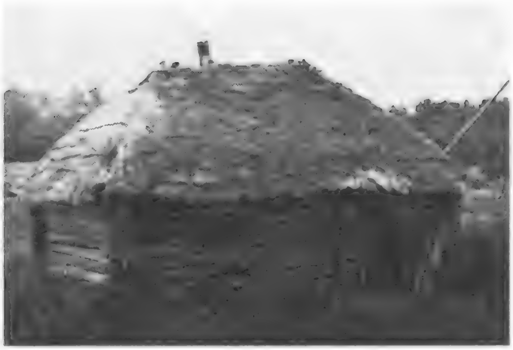


Рис. 186. Баня. Нач. XX в. д. Зелязовщина Миорского р-на

Бани так называемого русского типа — широкое межэтническое явление, характерное для всей северной части Восточно-Европейской равнины, среди восточных славян — северо- и средневеликорусов и северной и восточной части Белоруссии.

Южная граница распространения бань проходит от берегов Балтики, южнее Западной Двины, по Березине и Сожу, северу Черниговщины, Смоленской области, северу Калужской, Тульской и Рязанской областей и далее на восток. В отдельных районах России, где не было бань, существовал обычай париться в печах [30]. В западных районах Белоруссии и на Полесье мылись в хате в деревянной бондарной лохани — «балеі». Общие особенности белорусской бани отражаются в истории ее развития.

Наиболее распространенным типом старинной белорусской бани была курная баня: небольшой низкий сруб на мху с маленьким волоковым окошком, низенькой дверью. На сруб настилался потолок из жердей или горбылей, ко-

---

[25] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 202.

[26] Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 12.

[27] Там же. С. 24.

[28] Кошетихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб, 1906.

[29] Бич И. А. Очерки истории русской бани // Памятная книжка Гродн. губ. на 1893 г. Гродно, 1892. С. 5.

[30] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 340.

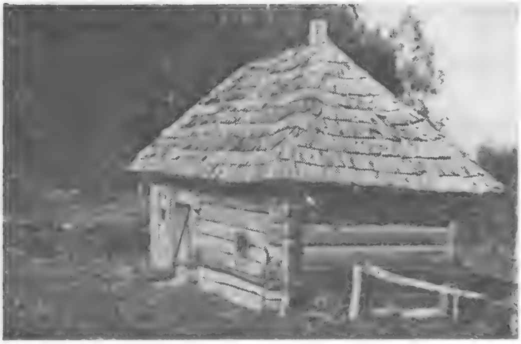


Рис. 187. Баня. Середина XX в. д. Лопуны Поставского р-на

торый утеплялся землей, мохом, сверху сооружалась крыша без щитов. Внутри, справа от входа, из валунов сооружалась печь-каменка. На ней гора булыжников, которые во время топки использовались для нагревания воды и создания пара. Рядом стояли колода с водой и ведро, за печью-каменкой — широкая лава-полок, иногда ступенчатое сооружение из досок, опирающихся на сложенные в клетку брусья. У противоположных стен — лавы для мытья. Отвод воды осуществлялся через щели в полу. В курной бане дым выходил через дверь или небольшое отверстие в стене над печью.

Со временем появляется дополнительное помещение, присоединенное через шулы,— предбанник, сени («прылазнік») с самостоятельной дверью. Внутри — лава для раздевания, на стене крюки для одежды. Дощатый пол, потолок отсутствует. Совершенствуется печь. В нее вмуровывается котел для согревания воды, сооружается дымоход. Белые бани такого типа уже отмечаются в источниках 1802 г. Белорусские бани имеют региональные различия. Первое определяется месторасположением бани. В восточной части Поднепровья бани предпочитают ставить во дворе (Могилевский, Шкловский, Чаусский р-ны). В западной части Поднепровья бани, как правило, выдвигают к берегам рек, прудов (деревни Вьюны Березинского, Новая Слободка Кличевского р-нов). На Поозерье бани располагают у берегов водоемов, а в случае отсутствия последних за пределами усадьбы сооружался искусственный пруд (деревни Волковщина Миорского, Саковичи, Девгуны, Кукляны Поставского р-нов)[31]. Заметно отличаются они и архитектурой. Поднепровские бани имеют преимущественно двускатные крыши, крытые тесом, реже соломой (деревни Зарестье, Кисельки, Любуж Могилевского, Заходы Шкловского р-нов). Бани Поозерья имеют, как правило, четырехскатные соломенные крыши на козлах или дедках (деревни Комаи, Мегуны Поставского р-на и др.) (рис. 186, 187).

Характерной особенностью белорусской бани является использование ее в качестве подсобного хозяйственного помещения, в частности для сушки льна.

Прежде свои бани имели лишь середняки и зажиточные крестьяне. Остальные строили бани вскладчину. Эта традиция сохранилась до нашего времени. На Могилевщине хождение друг к другу в баню считается нормой добрых отношений между соседями. Принято, идя к соседу в баню, нести свои дрова. Встречая гостей, хозяин обязательно моет и парит их. Примечательно, что такая же традиция существует и у русских, что говорит о близости этнокультурных черт этих народов.

---

[31] Отчет об экспедиции в Поставский и Докшицкий районы в сентябре — октябре 1983 г. // Архив ин-та «Белспецпроектреставрация».

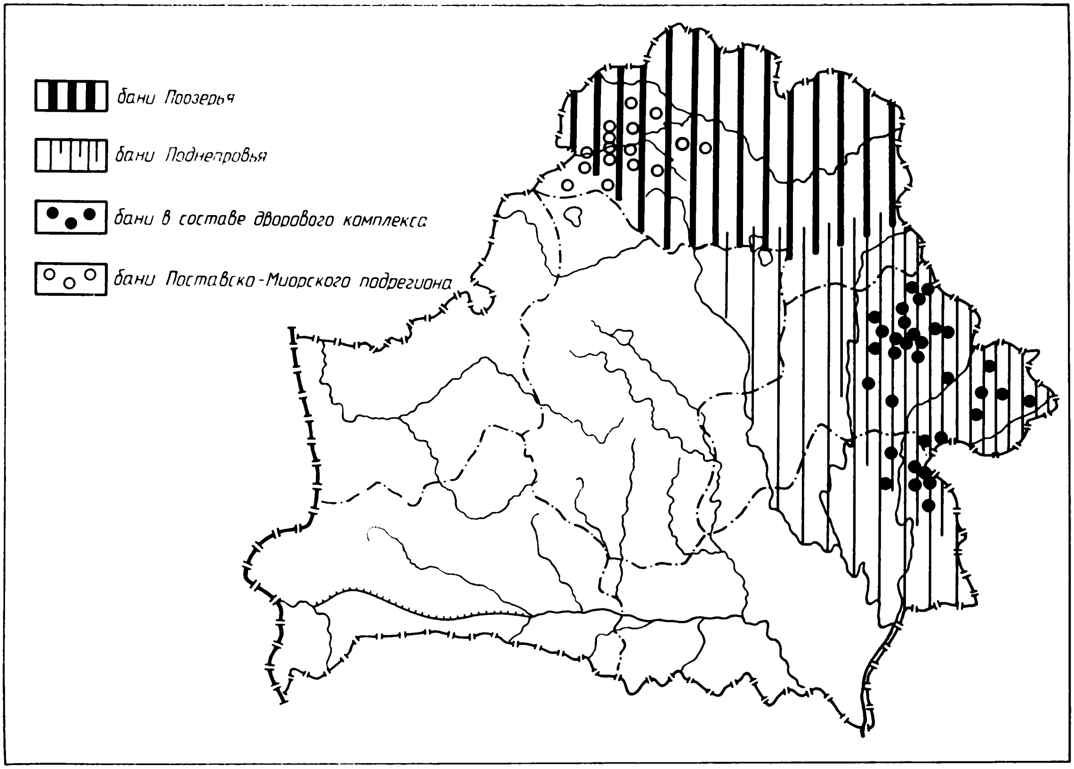

бани Поозерья
бани Поднепровья
бани в составе дворового комплекса
бани Поставско-Миорского подрегиона

Рис. 188. Регионы распространения бань

С XIX в. начинается проникновение русской парной бани в Западную Европу: Германию, Швейцарию, Францию. Она является предметом неоднократных исследований и как элемент народной архитектуры, и как элемент народной культуры, быта и т. п.[32] (рис. 188).

Региональной особенностью, характерной преимущественно для Поднепровья, является пасечная постройка — мурня. Борти и колоды переносили поближе к жилью, а то и просто ставили в простенках между окнами (Осиповичский, Глусский, Кличевский р-ны). Распространение рамных ульев вело к выделению пасеки из состава усадьбы. Уже в конце XVIII в. на Могилевщине отмечалось значительное число пасек[33].

Мурня представляла собой либо каркасное, либо плетеное, реже срубное сооружение, обмазанное глиной (оштукатуренное). Крыша, как правило, была четырехскатная.

Одним из народных средств, увеличивающих сроки хранения мясных продуктов, было копчение. С этой целью в конце XIX—XX в. в отдельных дворах сооружались так называемые коптильни, или «вяндлярнi». Наиболее характерны они для Центральной Белоруссии (Мядельский, Вилейский, Молодечненский, Столбцовский, Копыльский, Несвижский р-ны). Коптильня — это каркасное сооружение башнеобразного типа из досок или горбылей. В нижней части сооружалось углубление для сжигания можжевеловых и еловых веток, а под крышей — перекладина для окороков. Архитектура коптилен лаконична и проста. Но строились и коптильни со сложной формой крыши из дранки, аккуратным, цилиндрическим объемом. Коптильни центральных районов отличаются небольшими размерами, Понеманья и севера Минщины крупнее, форма ближе к пирамидальной, вытянута вверх (рис. 189).

---

[32] Беларускае народнае жыллё. С. 90—92.

[33] Опыт описания Могилевской губернии. Кн. 2. С. 611—624.

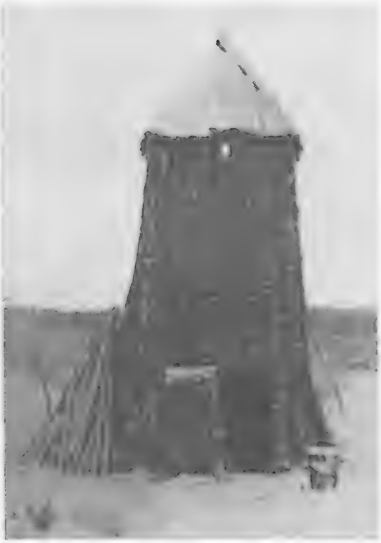


Рис. 189. Коптильня.
Нач. XX в. Понеманье.
ЦГИА ЛитССР

МАЛОГАБАРИТНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Малогабаритными сооружениями в народном зодчестве являются небольшие постройки различного хозяйственного назначения. Они органически сочетаются с архитектурным обликом двора, непосредственно вытекают из его планировки и застройки, играют в них важную роль, так как ввиду большой стабильности композиционных и планировочных решений основных построек разнообразие во многом достигалось и с помощью оград и брам, колодцев, мемориальных знаков и т. д.

ОГРАДЫ, БРАМЫ, МЕМОРИАЛЬНЫЕ ЗНАКИ

Ограды подчеркивали характер планировки усадьбы и поселения, выявляли контуры улиц, придавая им то характерную для бессистемных поселений живописность, то четкость и линейность, свойственные волочным деревням.

Издавна известными в Белоруссии являются живые изгороди и плетни. На Полесье сформировалось несколько их региональных особенностей. Так, в Лоевском и Брагинском районах Восточного Полесья известна ограда из вбитых в землю тополиных кольев, которые затем дают побеги. Если в республике в целом в изгородях преобладают плетни с вертикальным расположением прутьев, то в Восточном и Западном Полесье известны «паркан» из горизонтально сплетенных хлыстов длиной до 2—3 м, часто вырванных с корнем (Кобринский, Малоритский, Дрогичинский р-ны), и плетень в виде стенки из тонких прутьев, сплетенных под углом в 45° на каркасе из колышков. Плетни юго-запада Поднепровья отмечаются плотностью, высотой (до

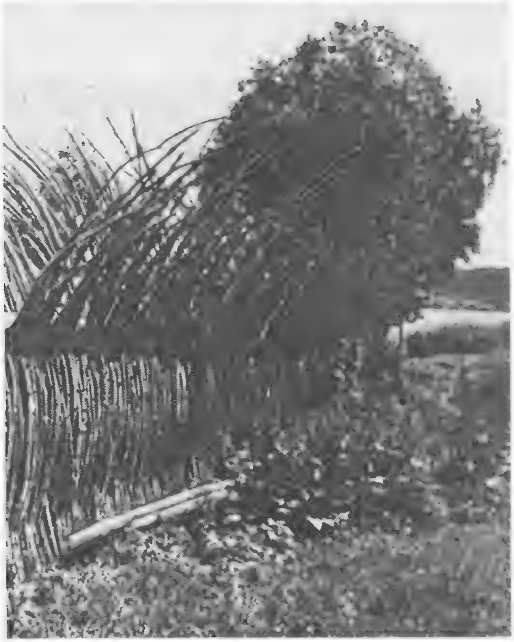


Рис. 190. Плетень. Середина XX в. д. Слободка Кличевского р-на

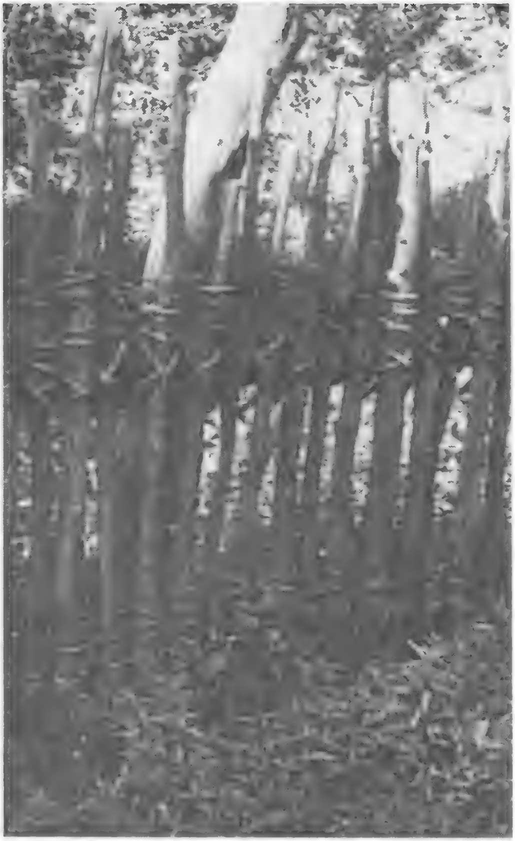


Рис. 191. Сосновый «плот». Середина XX в. д. Барсуки Чечерского р-на

2—3 м), широким свесом верхних концов (рис. 190). В юго-восточной части региона был распространен сосновый «паркан» из вертикальных жердей, переплетенных между собой (рис. 191—194). В западных и северо-западных районах Центральной Белоруссии (Столбцовский, Воложинский, Молодечненский, Вилейский, Мядельский, Логойский р-ны) плетни невысокие, неплотные, с обрезанным под одну линию верхом, как и плетни соседнего Поозерья (Докшицкий, Поставский, Глубокский, Браславский р-ны).

Жердевые изгороди чаще применялись на пригуменьях или в деревнях-односторонках на противоположной, незастроенной стороне. В прошлом на Полесье и в южных районах Понеманья встречались ограды дворов и улиц из толстых жердей и досок значительной высоты. Способ крепления жерди — защемление между двумя колышками и привязка — наиболее распространен (рис. 193). Но на Полесье сохранились и архаичные способы, например применение стоек-сошек. В Поозерье жерди опираются на коротко обрубленные в колышках сучки с последующей привязкой. Ныне они повсеместно крепятся гвоздями.

Известный в древности частокол в

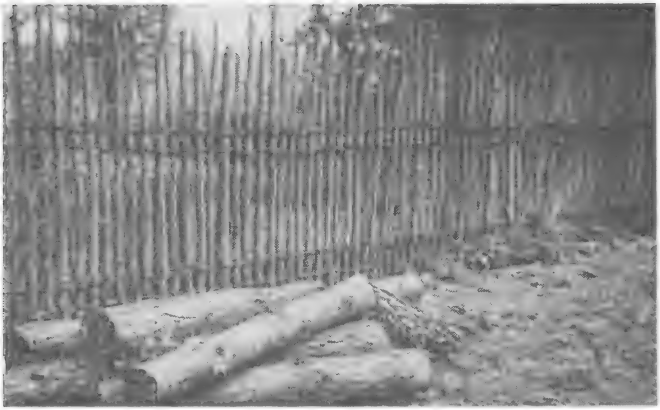


Рис. 192. Сосновый «плот».
1-я половина XX в.
д. Великая Грива
Чечерского р-на

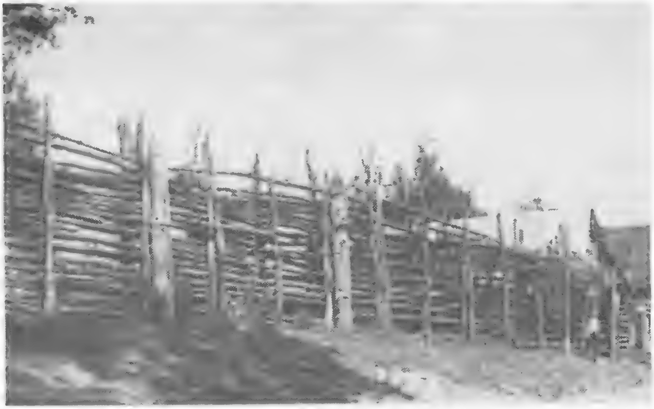


Рис. 193. Сосновый «плот».
Середина XX в.
д. Вощанка Кормянского р-на

различных видоизмененных вариантах сохранился в народном зодчестве до середины нашего столетия (рис. 195). В Пуховичском, Стародорожском, восточной части Слуцкого, северо-восточной Любанского районов такие ограды делались из расколотых пополам толстых кольев. Половинки сверху заострялись и привязывались к горизонтальным жердям, иногда почти без щелей. Иногда применялись и нерасколотые колья. Такие заборы, как правило, высокие. В результате постепенного снижения функций оград этот тип забора упростился и трансформировался в широко известный забор штакетного типа. В нем уже наблюдается переход от роли ограды к роли декоративного оформления усадьбы, улицы. Верх штакетин вырезается в виде ромбика, обрамляется карнизом. Часто его белят (Полесье, юг Центральной Белоруссии и Понеманья) или красят (Поднепровье, Восточное Полесье).

Своеобразную региональную особенность представляют бревенчатые тыны, заметы на Витебщине, Поднепровье и отдельных районах Восточного Полесья, где распространены веночные дворы. На Поднепровье заметом или плотной оградой из хлыстов обносят пасеки (рис. 196). Он конструктив-

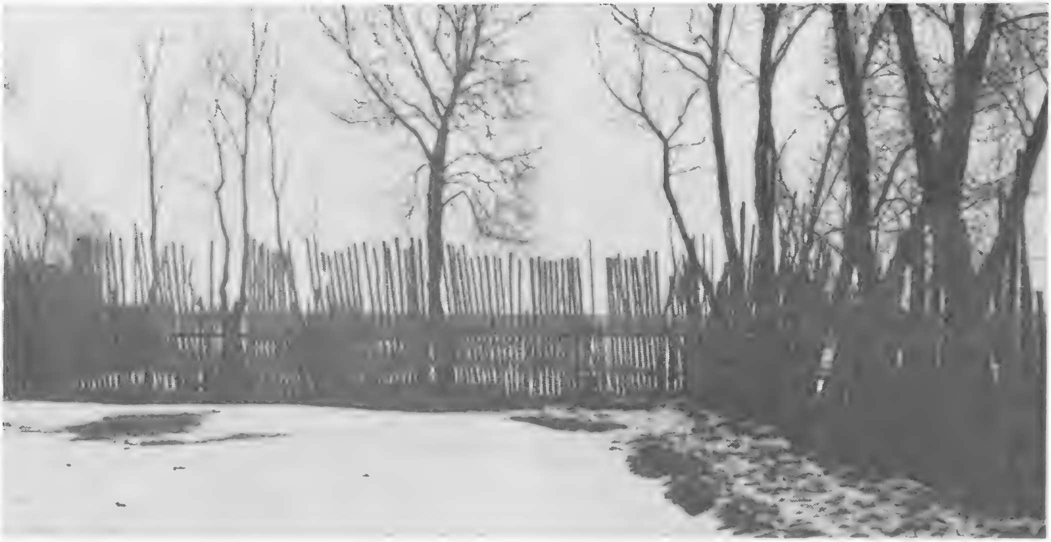


Рис. 194. Сосновый «плот». Середина XX в. д. Князевка Краснопольского р-на

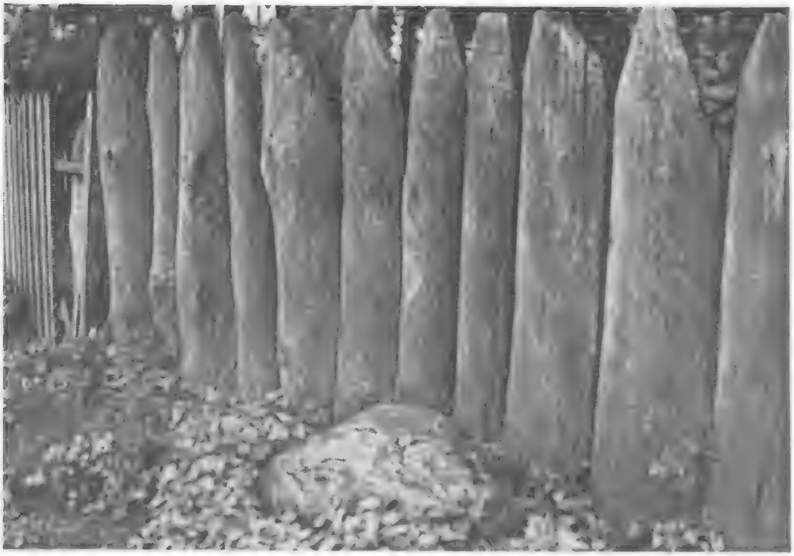


Рис. 195. Ограда «частокол». Середина XX в.

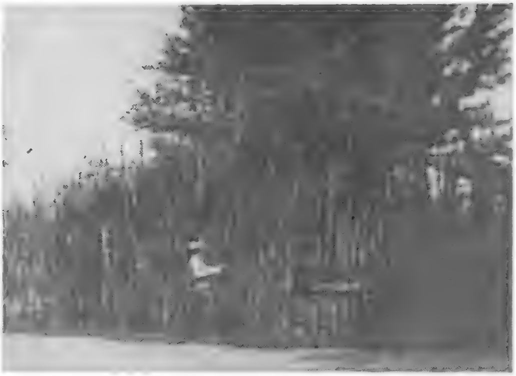


Рис. 196. Ограда на пасеке. Середина XX в. д. Малашки Кормянского р-на

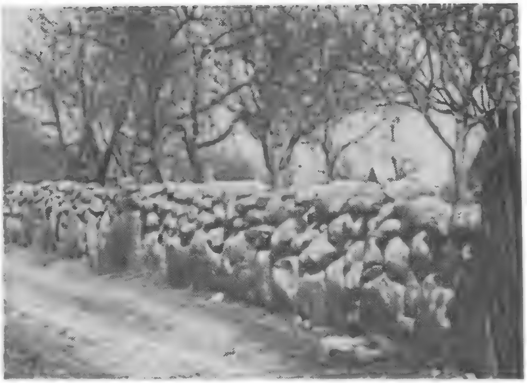


Рис. 197. Каменное ограждение. Нач. XX в. д. Подболотье Зельвенского р-на

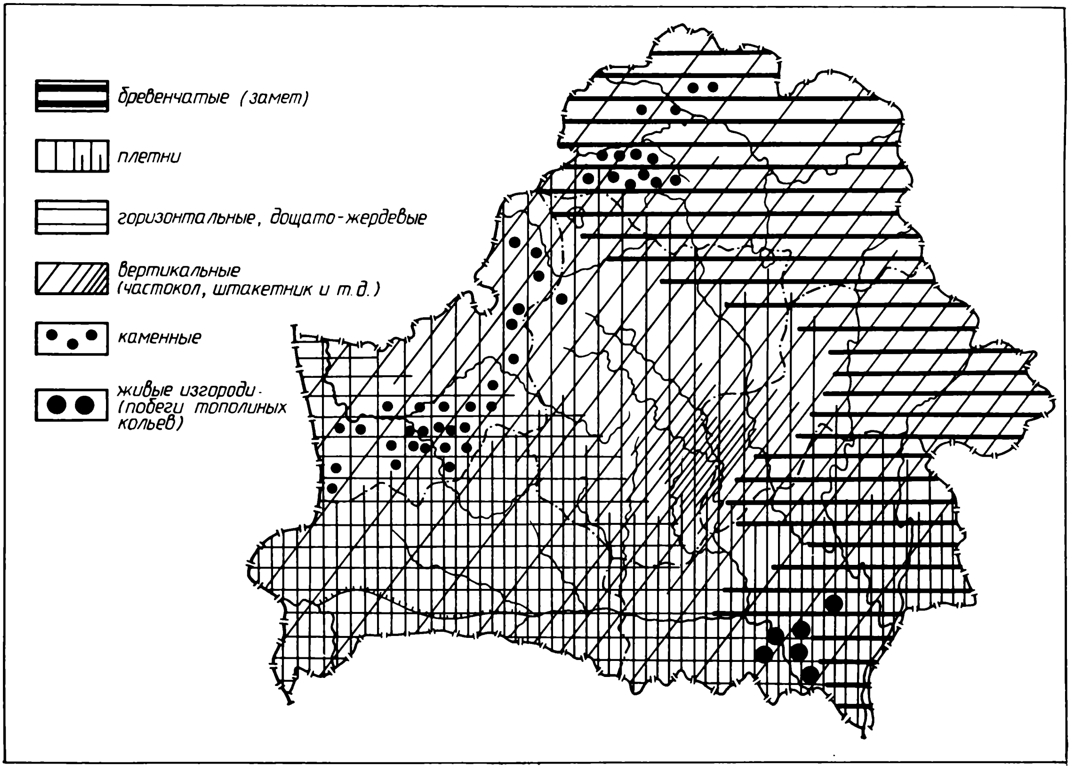

бревенчатые (замет)
плетни
горизонтальные, дощато-жердевые
вертикальные (частокол, штакетник и т.д.)
каменные
живые изгороди (побеги тополиных кольев)

Рис. 198. Региональные типы оград

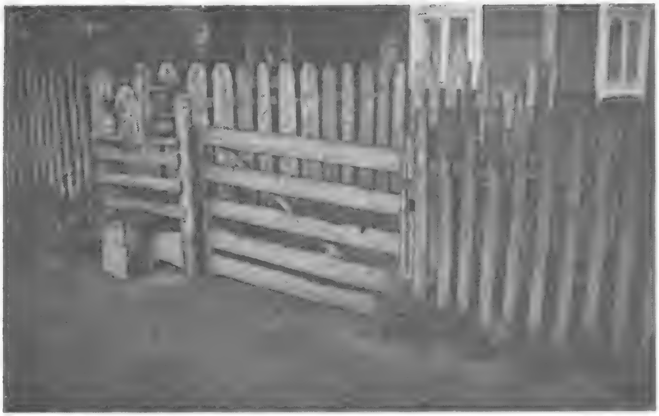


Рис. 199. Перелаз. Середина XX в. д. Морочь Клецкого р-на

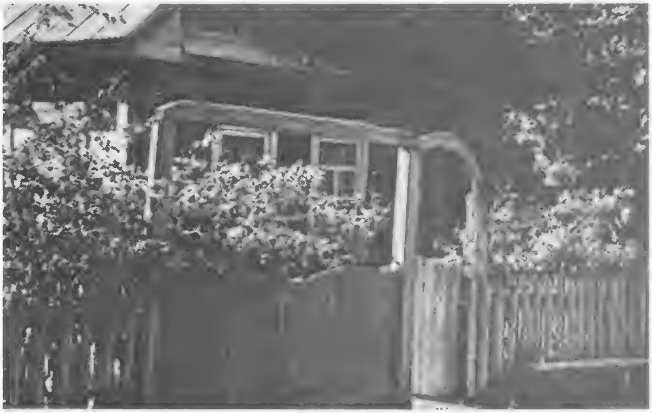


Рис. 200. Брама. Середина XX в. д. Лешня Копыльского р-на

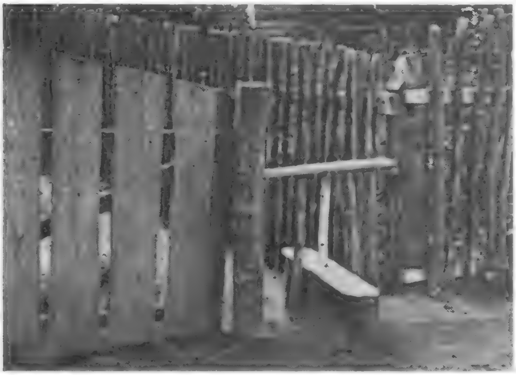


Рис. 201. Перелаз. Середина XX в. д. Забродье Столбцовского р-на

но связан с постройками двора (деревни Утки, Канатиха, Забродье, Поповцы Вилейского р-на и др.) [34].

В Понеманье и частично юго-западной части Поозерья можно встретить ограды из камней (рис. 197). Основание ее выкладывалось из крупных валунов, наверху — поменьше (Зельвенский, Волковысский р-ны) (рис. 198).

Любой забор имел проход или проезд. На юге Понеманья, Центральной Белоруссии и на Полесье еще и сейчас

---

[34] Отчет об экспедиции в Вилейский и Мядельский районы в июле 1978 г. // Архив БГМНАБ.

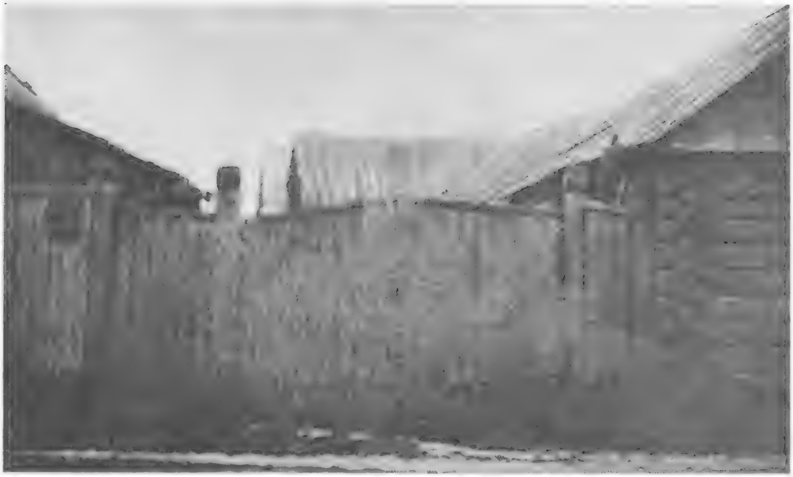


Рис. 202. Брама
Середина XX в.
д. Юзефовичи
Борисовского р-на

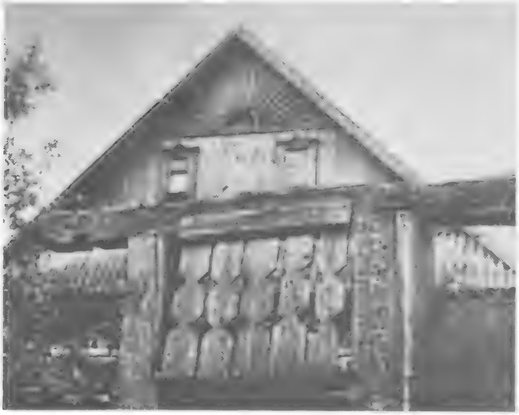


Рис. 203. Брама. Середина XX в.
Восток Центрального региона

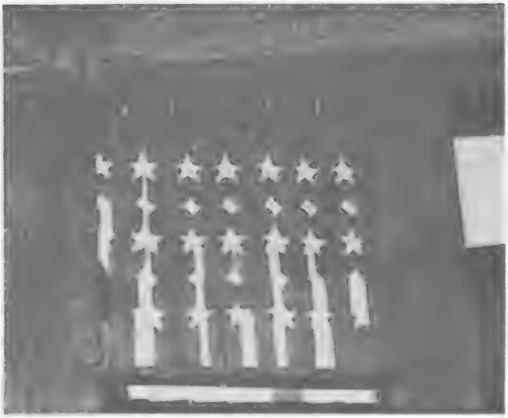


Рис. 204. Брама. Середина XX в.
г. п. Зембин Борисовского р-на

можно видеть перелазы, камни, положенные по обе стороны забора, или лавочки, встроенные поперек забора вместо калитки (рис. 199, 201). Проезд осуществлялся через браму с воротами. На Полесье и юге Центральной Белоруссии в прошлом пользовались одностворчатыми воротами из горизонтальных досок с широкими просветами между ними (деревни Исерно, Играево, Быково Слуцкого р-на и др.). В Глусском и Кличевском районах, а также в Восточном Полесье были известны ворота из горизонтальных жердей, скрепленных для жесткости диагональной жердью. В таких воротах какие-либо навесы над ними отсутствовали. Иногда на ушаки клались перекладины, которым старались придать дугообразную форму. Такая же перекладина могла быть и над калиткой.

Если в южной части республики

распространены преимущественно мелкие каркасные ворота, то в ее средней полосе — брамы с двустворчатыми воротами, имеющими калитку (рис. 200).

Здесь встречаются и брамы с шалеванными воротами и двускатными навесами над ними (деревни Богушевичи Березинского, Барановичи Бобруйского, Зембин Борисовского, Обчуга Пуховичского, Щитковичи Стародорожского, Грозово Копыльского, Городище Барановичского, Деревная Слонимского р-нов) (рис. 202—204). Но наибольшего развития достигли брамы веночных дворов Поднепровья и Поозерья. Это сооружения, имеющие широкий навес (рис. 205—207), часто соединяющий хату с расположенными напротив хозпостройками (деревни Бушково, Кисельки Могилевского, Будичи Докшицкого, Утки Вилейского р-нов и др.). Часто ворота, калитка, карнизы, навесы украшаются резьбой, производится художественная шалевка ворот. В последнее время это находит широкое применение в республике. В прошлом брамы сооружались на въезде и выезде из деревни (рис. 208), в местечках на основных дорогах сооружались заставы. Отголоски этой традиции сохранились в некоторых селах Понеманья.

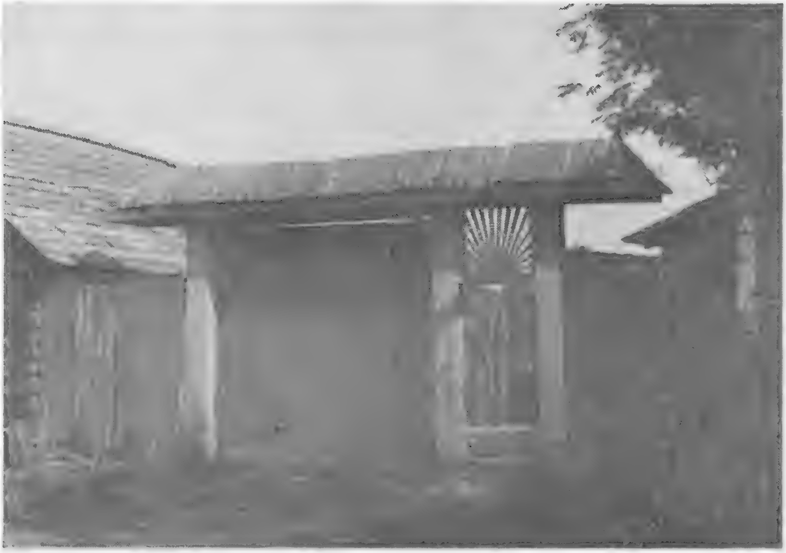


Рис. 205. Брама. д. Сидоровичи Чечерского р-на

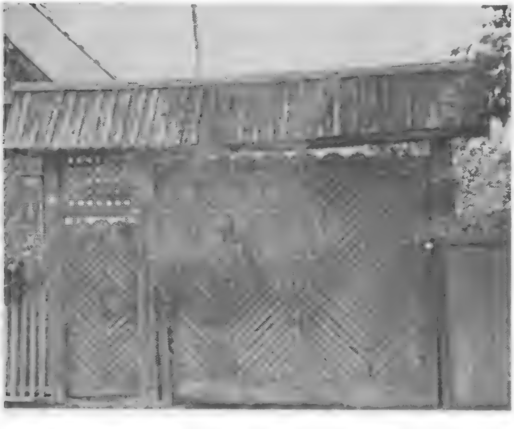


Рис. 206. Брама. Середина XX в. д. Зембин Борисовского р-на

Уличная мебель, лавочки у призб и заборов встречаются во всех регионах. На Поднепровье, например, в некоторых селах делают скамейки из набитых на каркас прутьев. Однако наиболее распространенными были скамейки из досок, положенных на два-три круглых чурбана. Если хата фасадом выходила на улицу, то такая лавочка устраивалась прямо у призбы (д. Низок Узденского р-на)[35]. Если вдоль улицы шли палисадники, то скамеечки располагались перед забором, образуя в перспективе улицы ритмичный ряд (д. Морочь Клецкого р-на).

В отдельных деревнях и хуторах Понеманья и Поозерья можно видеть своеобразные мемориальные сооружения — каплички, стоящие у брам или за деревней при дороге. Такую капличку крестьяне ставили в память о своих предках — традиция, истоками восходящая к языческим временам (рис. 211, 215). Она представляла собой стойку высотой 2—4 м, завершен-

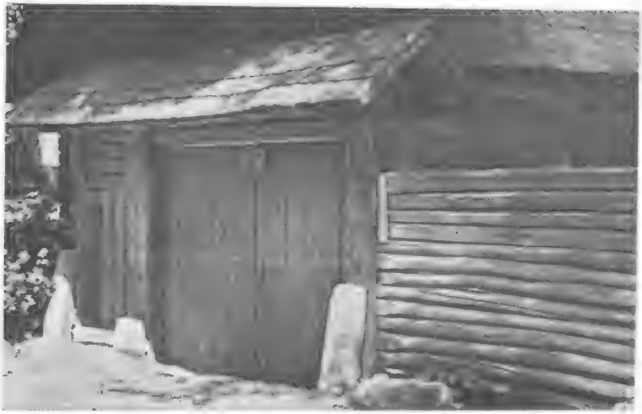


Рис. 207. Брама. Нач. XX в. д. Макаричи Вилейского р-на

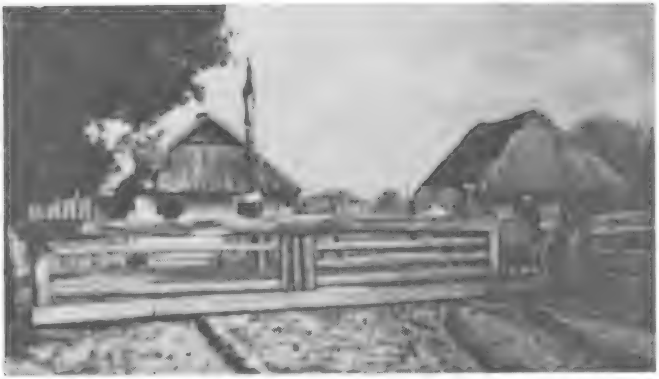


Рис. 208. Брама на въезде в деревню. Нач. XX в. Полесье

ную небольшой башенкой, украшенной резьбой. В башенке обычно помещалось распятие (хутор Федора Мосевича близ д. Большие Ступняты Сморгонского р-на). Часто такие каплички обносились изгородью, фигурки раскрашивались в различные цвета наподобие деревянной культовой скульптуры (капличка у д. Завороты Глубокского р-на). Иногда их вешали просто на дерево, стоящее у дороги.

---

[35] Отчет об экспедиции в Узденский р-н в августе 1978 г. // Архив БГМНАБ.

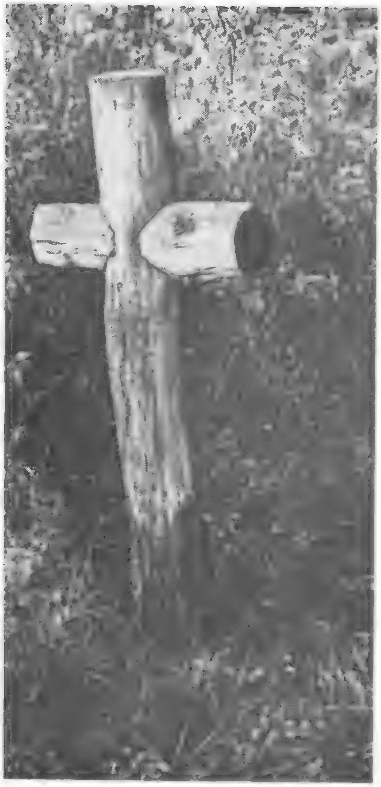


Рис. 209. Надмогильный крест. Середина XX в. д. Сакуны Поставского р-на

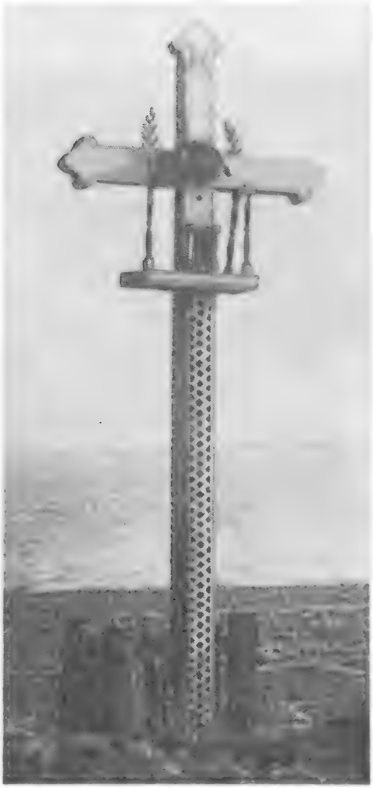


Рис. 210. Мемориальный крест у дороги из Браслава на Опсу. Нач. XX в. ЦГИА ЛитССР

Аналогично происхождение и деревянных скульптур, которые ставили на перекрестках или в центре деревни (Понеманье) [36]. Позднее деревянные фигурки и каплички были заменены крестом с распятием, в частности на территории Западного Полесья, Понеманья, Западного Поозерья (рис. 209, 212). Встречаются такие знаки и в восточных районах, но их пластическая обработка более сдержанна.

---

[36] Отчет об экспедиции в Слонимский р-н в июне — июле 1981 г. // Архив БГМНАБ.

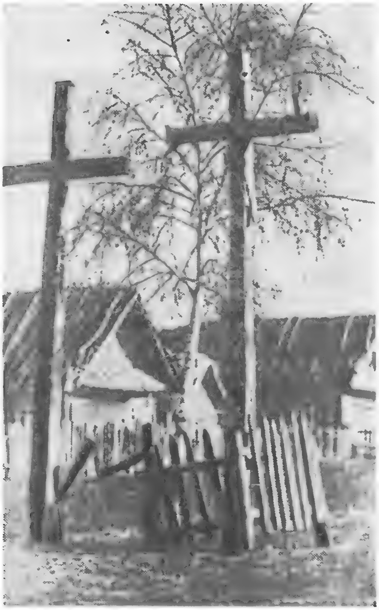


Рис. 211. Кресты на сельской улице. Нач. XX в. Полесье

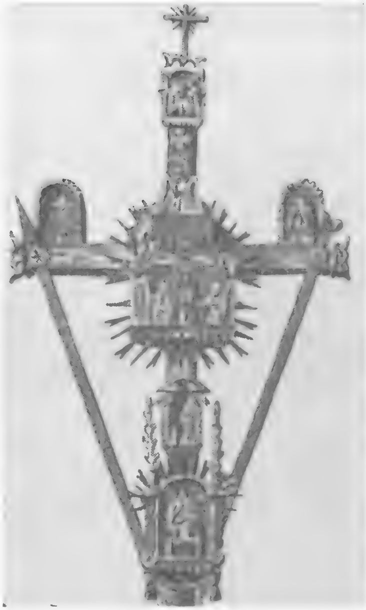


Рис. 212. Тип креста (по З. Глогеру). XIX в. д. Нача Вороновского р-на

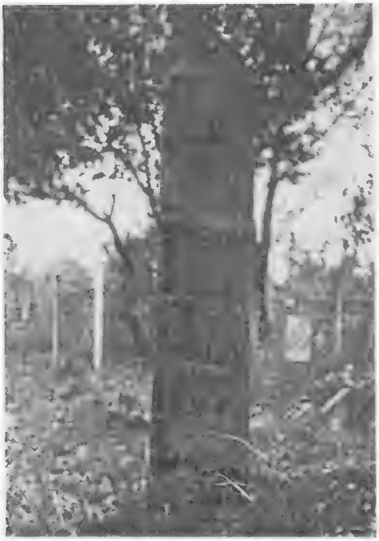


Рис. 213. Мемориальный знак на кладбище. Середина XX в. д. Огородники Слуцкого р-на

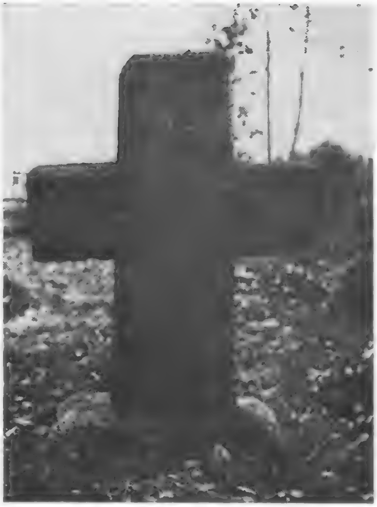


Рис. 214. Каменный надмогильный крест. Нач. XX в. д. Огородники Слуцкого р-на

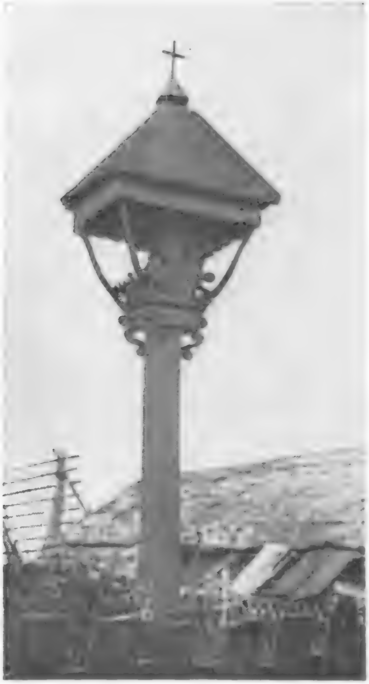


Рис. 215. Мемориальный знак при усадьбе. Нач. XX в. д. Николичи близ Постав. ЦГИА ЛитССР

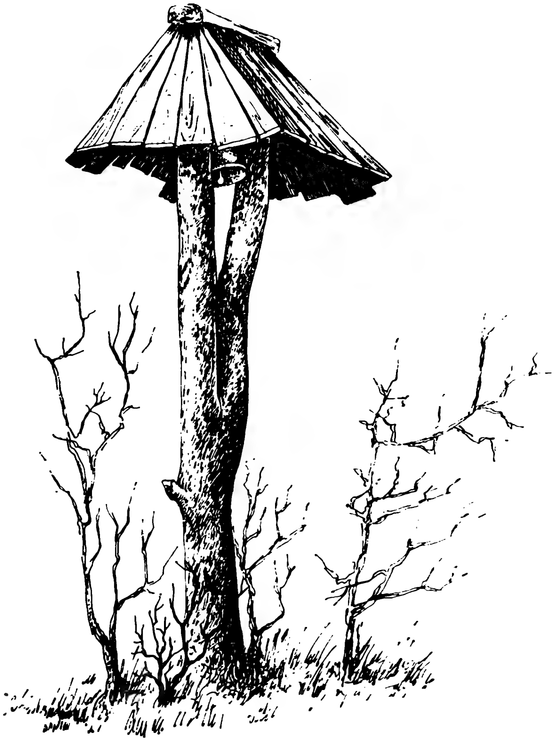


Рис. 216. Тип кладбищенской звонницы. Нач. XX в. д. Лыково Кореличского р-на

Необходимо обратить внимание и на особенности надмогильных мемориальных сооружений. В отдельных селениях еще и сегодня можно обнаружить следы «красного» и «черного» концов, последний — на дороге к кладбищу (д. Ворошилки Мядельского р-на и др.). На обоих ставился крест. В народных космологических представлениях кладбище воспринималось как пространство существования временной непрерывности, контакта с ушедшими поколениями. Поэтому памятник как знак-символ, выступающий посредником в общении настоящего с прошлым, имел немаловажное значение. Большую группу образуют деревянные памятники: в виде низкой усеченной пирамиды или установленной наклонно дубовой плахи, срубы-теремки, деревянные обелиски с вырезанной надписью (рис. 213). Чаще были распространены деревянные кресты, на Поозерье встречаются монументальные, из толстых брусьев (рис. 209). В Поозерье и Понеманье широко использовались каменные надмогильные знаки (рис. 214). В XIX — начале

XX в., особенно в местечках, начинают широко применяться металлические кресты и ограды различного стилевого исполнения.

Организующую роль в пространстве кладбища выполняли небольшие часовни, колокольни (рис. 216). Вместе с надгробными знаками они несут в себе информацию о развитии объемных, конструктивных и пластических особенностей народного зодчества.

КОЛОДЦЫ

В жизни деревни важную роль играло водоснабжение. Отдельный двор или поселение всегда старались располагать ближе к естественным источникам воды. Если это был родник, то его окружали небольшим срубом, делали навес. Такие родники и сейчас встречаются в бессистемных деревнях Поозерья (Сакуны, Девгуны, Лопуны Поставского р-на и др.). По характеру водозаборного устройства в Белоруссии известны три традиционных типа колодцев: колодцы-журавли, колодцы-коловороты и колодцы, ведро из которых доставали при помощи шеста, лежащего рядом (Поднепровье, Поозерье). Большим архитектурным разнообразием отличаются колодцы-коловороты, что объясняется их конструкцией. Простейшие из них представляли собой две стойки и закрепленный между ними коловорот. Однако чаще либо накрывались навесом, либо делались в виде двускатной низкой будки с дверцей в одном из скатов (рис. 217). Срубная надстройка над колодезным проемом состояла из трех-четырех венцов. Коловорот часто крепился прямо в ней, проем закрывался щитом на петлях. Такие надстройки характерны для низководных колодцев, которые приходилось часто чистить. Наблюдается компактный район их бытования — запад Поднепровья, восток Центральной Белоруссии (деревни Гряды Березинского, Вьюны, Новая Слободка Кличевского, Морховичи Кировского, Михалево Бобруйского р-нов и др.). В других районах средней полосы Белоруссии преобладают коловороты с навесами. Навесу придается некоторый наклон для удобства пользования (рис. 218), они часто украшаются резьбой, боковины (щиты) шалюются (деревни Забродье, Поповцы, Ижа Вилейского р-на). В Поднепровье бытовала традиция сооружать над колодцами-коловоротами навесы-беседки (рис. 219, 220). Высокий пирамидальный навес из дранки опирается на четыре стойки с резными консолями-раскосами. Локальной особенностью западных и северо-западных районов Центральной Белоруссии и восточных

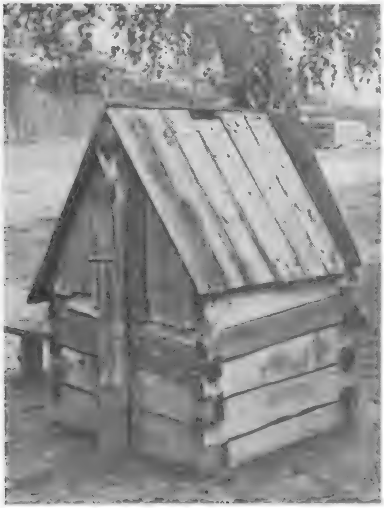


Рис. 217. Колодец-коловорот. Середина XX в. д. Морховичи Кировского р-на

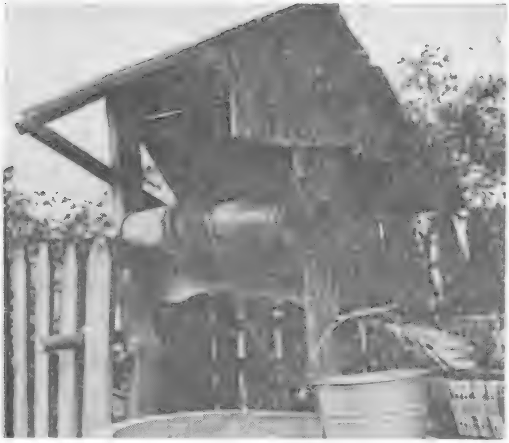


Рис. 218. Колодец-коловорот. Середина XX в. д. Лопухово Пружанского р-на

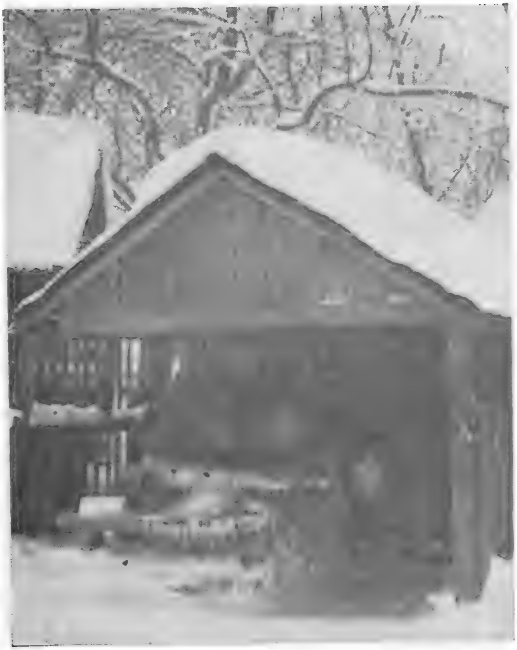


Рис. 219. Колодец. 1-я половина XX в. д. Мокровичи Белыничского р-на

районов Понеманья является распространившаяся в последнее время цилиндрическая башнеобразная надстройка над колодцами с конической крышей, часто украшенной флажком-флюгером (Вилейский, Молодечненский, Воложинский, Столбцовский, Несвижский, Барановичский, Слонимский, Дятловский, Кореличский р-ны). Ее появление связано с современной конструкцией колодезного проема и продиктовано формой бетонного кольца. Однако отдельные мастера надстраивают над бетонными кольцами и традиционные навесы, умело соединяя современные конструкции и материалы с традиционными. В старину вращение коловорота часто осуществлялось при помощи колеса с равномерно расположенными на нем колышками-ручками.

Региональные особенности наблюдаются в конструкции колодезного проема, что обусловливается теми или иными традициями, характерными для народного зодчества данного региона в целом (материал, конструкции, форма) (рис. 221). В старину на Полесье колодезный проем делали из дубового ствола с удаленной сердцевиной (колодец-«кайдуб»). Поскольку в низинных местах вода стояла высоко, то такая нехитрая конструкция была вполне приемлемой. Несколько разновидностей деревянных проемов бытует на Поднепровье. Одна из них — из вертикальных плах, забиваемых по периметру в проем в несколько ярусов. На уровне воды и ниже плахи забивались по три ряда в каждую из четырех стен. Плахи второго яруса забивались над первым по два ряда в каждой стене. Третий и четвертый ярусы состояли из одного ряда, причем последний ярус являлся и надземной надстройкой. Характер данной конструкции обусловлен распределением давления грунта по глубине: чем глубже проем, сильнее давление, тем большее число рядов плах в нижнем ярусе. Второй тип — проемы из горизонтальных плах — проще и совершеннее. По углам вбивались сваи, между которыми горизонтально забрасывались брусья. Таким образом сокращался расход древесины и увеличивалась прочность проема[37].

Наиболее совершенной и самой распространенной деревянной конструкцией колодезной части является срубная. Брусья, соединяющиеся в замки и уложенные последовательно венками, позволяли строить колодцы большой ширины, предохраняли проем от просадки и деформаций. Сечение бруса могло быть различным, в чем также проявлялись общие региональные традиции. Так, на Полесье в ход шли дыли или брус-половняк. Отесанные с двух сторон брусья встречались и в колодцах средней полосы республики. На севере Поозерья, как и в соседних Литве и Латвии, часто для срубов колодцев употреблялся кругляк.

На Понеманье проемы колодцев каменные. Для кладки подбирались камни клинообразной формы, тупым концом вдавливались в грунт, а острым выходили в проем. Под воздействием внешнего давления грунта камни защемлялись. Надземную часть рубили обычно из дерева[38]. Колодцы-коловороты чаще использовались там, где уровень залегания грунтовых вод был низким. В противном случае мог применяться колодец-«журавль», широко распространенный во всех областях, заметно выделяющийся в силуэте застройки (рис. 222). Как правило, колодцы строились вскладчину, один на несколько дворов.

В крестьянском дворе имелся ряд других малогабаритных сооружений чисто хозяйственного предназначения. На архитектуру жилища и двора накладывал отпечаток, например, способ расположения бортей. В восточных районах Центральной Белоруссии и юго-западных районах Поднепровья хозяйства, занимающиеся бортничеством, ставят свои борти на зиму вдоль стен хаты, оставляя свободными лишь оконные проемы (деревни Моисеевичи, Кремок, Житин Осиповичского р-на). В этих районах можно увидеть борти на деревьях вдоль улицы или в саду (деревни Новоселки Стародорожского, Вязье Осиповичского, Барановичи Бо-

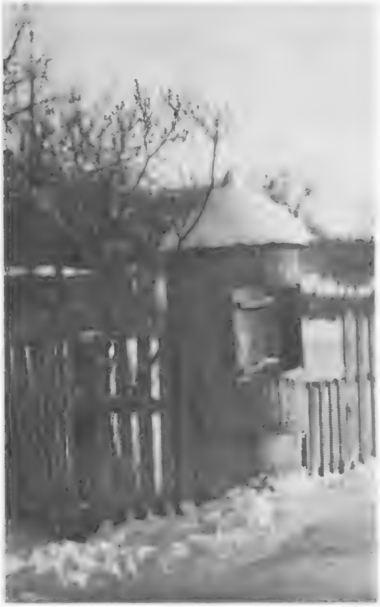


*Рис. 220. Колодец.
Середина XX в.
д. Забродье Столбцовского р-на*

---

[37] Отчет об экспедиции в Поставский и Докшицкий районы в сентябре — октябре 1983 г. // Архив ин-та «Белспецпроектреставрация».

[38] Отчет об экспедиции в Волковысский и Зельвенский районы в мае 1978 г. // Архив БГМНАБ.

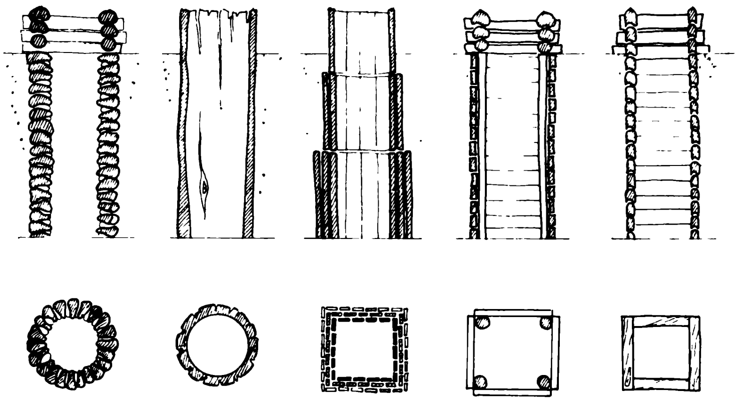


Рис. 221. Конструктивные типы колодезных проемов

бруйского р-нов и др.)[39]. Характер расположения бортей нередко определял и планировочную конфигурацию двора, в частности в юго-западных районах Центральной Белоруссии и Западном Полесье. Если в Поднепровье борти весной вывозились в лес, то здесь они постоянно находились на одном месте, в саду, рядами выстраивались вдоль заборов и в створе между деревьями (рис. 223—225).

В Мостовском, Зельвенском и соседних районах Понеманья еще и до нашего времени пользуются своеобразными птичниками-грибками. Высокая стойка завершалась конусообразной соломенной кровлей. Под ней радиально располагались насесты. Куры взбирались на них по приставной лестнице, которая на ночь убиралась (рис. 226).

Межэтнические связи малых форм белорусского народного зодчества обширны. Живые изгороди, например, широко известны на юге России и на Украине («повий»). Плетень как тип оград распространен в ареале, включающем Белоруссию, юг Литвы, Украину и Польшу, южнославянские народы Венгрии, Чехословакии, Югославии, Болгарии. Преобладание плетней по мере продвижения на юг Восточной Европы обусловливается и широким применением плетеных конструкций в целом. В сочетании с глиной и камнем их используют и для возведения жилых и хозяйственных построек, так как плетень — древний элемент строительства[40].

Изгороди из горизонтальных жердей были широко известны в лесной полосе Восточной Европы. Их распространение усилилось с развитием скотоводства. Полевые изгороди определяли границы участков для выпаса скота (поскотин). Длина жерди или расстояние между двумя парами кольев в ограде (прясло) служили модулем, посредством которого определяли

---

[39] Отчет об экспедиции в Бобруйский и Глусский районы в марте 1979 г. // Архив БГМНАБ.

[40] Равдоникас В. И. Старая Ладога // Сов. археология. 1950. № 12.

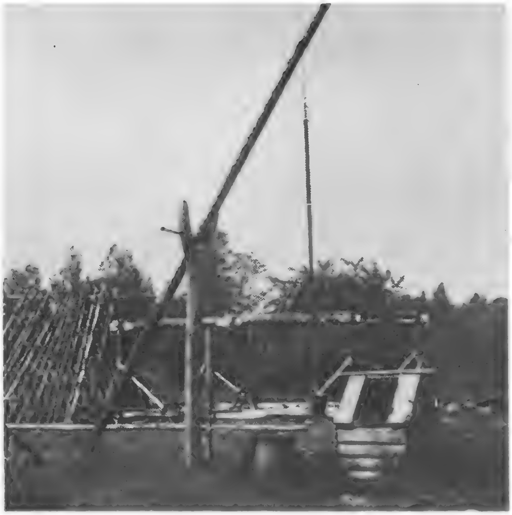


Рис. 222. Колодец-журавль.
70-е годы. д. Забродье Вилейского р-на

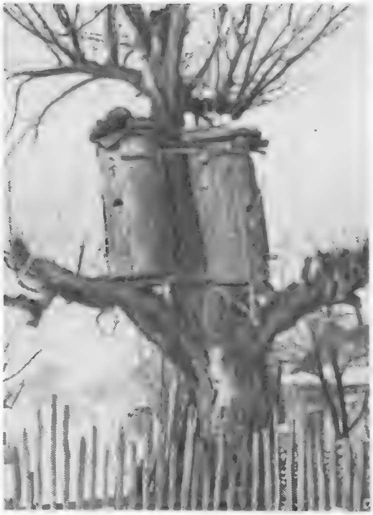


Рис. 223. Борти на дереве.
1-я половина XX в.
д. Телеши Гомельского р-на

величину обнесенного участка (огород в шесть жердей, пригуменье в девять жердей и т. д.). Особенно широко такие изгороди были распространены на Руси в бессистемных деревнях[41]. На севере Руси и в Прибалтике (Эстония, Латвия) бытовали изгороди из коротких жердей, наваленных между кольев под углом 45°.

Обычный дощатый забор штакетного типа помимо Белоруссии и средней полосы России известен в Вятско-Камском регионе и в Сибири, где носит родственное белорусскому название «заплот». Рудименты древнего частокола, о которых шла речь, развились на основе этнической традиции, некогда характерной для всей зоны смешанных лесов Восточной Европы. Основной оградой двора здесь в прошлом был тын из вертикально поставленных дубовых бревен. Ограды из вбитых в землю кольев (частокол, острокол) были известны у русских и белорусов. Термин «тын» в белорусском и украинском языках употребляется как номинальное обозначение забора, но, например, в Сибири и сейчас сохраняет смысл «забор из кольев»[42].

Тын из горизонтальных бревен пришел позднее и помимо Белоруссии охватывает обширную территорию от Вятско-Камского региона до Рязанщины, Брянщины и Черниговщины. Сооружению оград из камней способствовало наличие данного строительного материала, влияние каменного строительства и его традиции.

---

[41] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 283—285.

[42] Там же. С. 284.

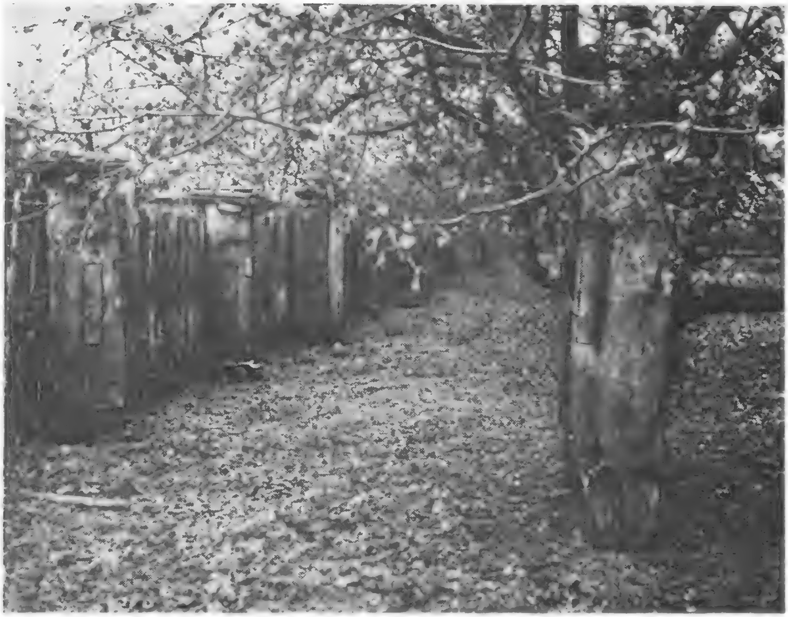


Рис. 224. Пасека в саду. Нач. XX в. д. Роздяловичи Ганцевичского р-на

В типах брам также прослеживается множество межэтнических особенностей, правда, не столь ярко выраженных. Однако общая закономерность существует и связана с преобладанием определенного строительного материала. Дворы полосы лесов имели преимущественно глухие брамы (в особенности русский Север, Поволжье, средняя полоса России, Латвия, северная часть Белоруссии, частично Литва и Польша). В заболоченных районах Полесья и слабозалесенных юга России и Украины они отсутствовали. В лесных районах Карпат мы вновь обнаруживаем добротные монументальные брамы [43].

Монументальные скульптурные памятники (каплицы и т. д.) по межэтническому характеру равнозначны. Главным является общий характер их происхождения, восходящего к язычеству. Позднее православие, католицизм наложили на мемориальные памятники свой отпечаток.

Свыше тысячи лет на восточнославянской территории добывают воду при помощи колодцев. Они являются неотъемлемой принадлежностью русской, белорусской и украинской деревни, особенно если последние суходольного расположения. В технике сооружения колодцев, умении правильно определить характер и уровень водоносного слоя, в создании подчас сложных ирригационных систем Древняя Русь намного опередила Западную Европу [44]. Колодезный проем рубился из дуба, реже из вяза и ольхи. В ле-

---

[43] Макушенко П. И. Народная деревянная архитектура Закарпатья (XVIII — нач. XX в.). Ил. 25, 26.

[44] Фальковский Н. И. История водоснабжения в России. М.; Л., 1947. С. 280.

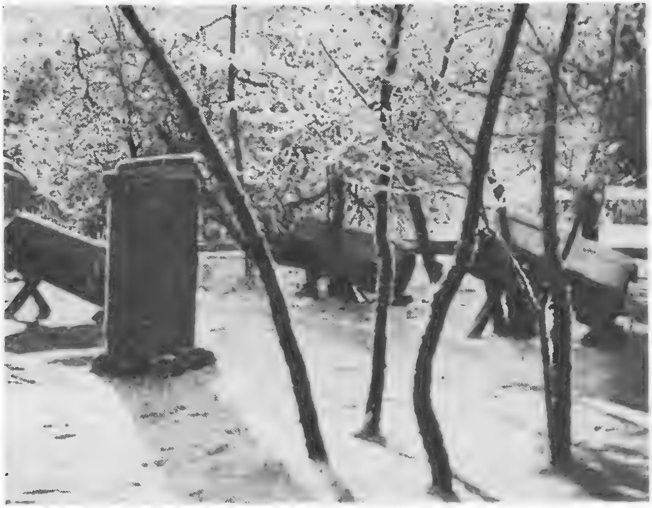


Рис. 225.
Пасека. Нач. XX в.
Фотография Я. Булгака.
ЦГИА ЛитССР

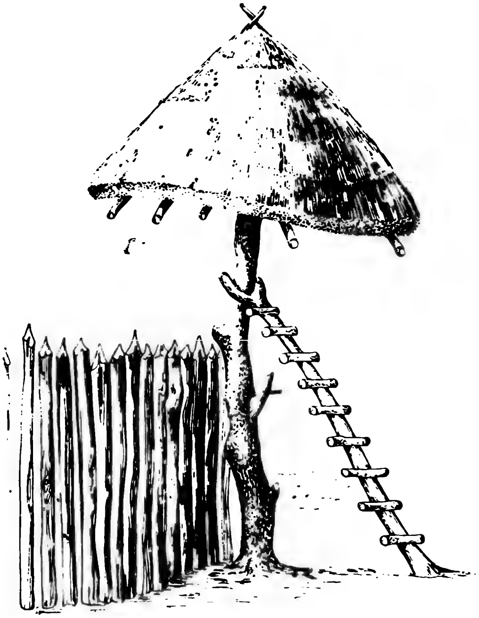


Рис. 226. Птичник-грибок. Середина XX в. д. Струбница Мостовского р-на

состепной полосе юга России часто использовали ольху и иву. Сруб рубился «в лапу», с потайным шипом и нагелями, расположенными через 50—70 см в шахматном порядке. Нижние венцы укладывались реже. Через 5—6 венцов в колодцах значительной глубины кладут венцы с удлиненными выносами (до 1 м в зависимости от плотности грунта). Это придает срубному проему дополнительную жесткость и устойчивость против усадки. Разбитый таким образом на звенья сруб менее опасен с точки зрения угрозы обвала при проведении ремонтных работ. Встречаемый на Поднепровье подъем воды при помощи шеста с ведром широко известен и у русских и украинцев[45].

Колодцы с водоподъемниками-«журавлями», известные человечеству со времен Древнего Египта и Индии, у восточных славян тоже давнего происхождения; до нас дошли их изображения XVII—XVIII вв.

---

[45] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 289.

На Руси, в Литве, Украине, Польше встречались и колодцы с коловоротом (бараном), преимущественно глубоководные. Приспособления для вращения коловорота также были аналогичными (колышки в торце, колесо, железная ручка) [46].

Водоснабжение восточных славян носило общественный характер. Колод ы строили с расчетом, чтобы ими могли пользоваться жители ближайших дворов. Строились они также общими силами, часто специальными мастерами-колодезниками. Колодец был местом встречи односельчан, деревенской молодежи.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ И ЗВЕНЬЯ (ХЛЕВА)

Как конструктивно-хозяйственная, функциональная единица хлев сформировался в период начального развития земледелия и животноводства [47]. Наличие в языках различных народов слова «хлев» («хлеў» — беларускае, «chlew», «chlewnia» — польское, «хлів», «хлівец», «хлівчік», «хлівино» — украинское и т. д.) доказывает давнее происхождение постройки [48].

Безусловно, какие-то сооружения, возможно самые примитивные, для содержания скота и защиты его от хищников и непогоды появились значительно раньше, так как без специально оборудованных построек немыслимо было развитие животноводства вообще. У южных славян и в настоящее время широко используются для летнего содержания скота загоны и повети, которые, возможно, и являются прообразом древних сооружений для скота.

Слово «хлев» как общий термин для обозначения постройки для содержания скота употребляется по всей Белоруссии, хотя существует и ряд региональных терминов. Как правило, эти термины характеризуются не общностью понятия, а дифференцированной конкретностью: «свінячы хлеў», «адрына» для лошадей и коров на Гомельщине [49]. На Минщине хлев для крупного скота назывался «абора», на Витебщине этим словом обозначают все сооружения для скота, в том числе и денник [50]. На Могилевщине помещения для крупного рогатого скота иногда назывались «пуней». Постройки для лошадей на большей части Белоруссии известны под названием «стайня», «стаянка», «стаеннік». На Могилевщине это сооружение обозначается термином «конюшня». Распространены и конкретные названия: телятник, свинарник, свинушник, коровник, овчарня и т. д. В погонных дворах такие названия носят отдельные загородки-засеки. В настоящее время термин «хлев» обозначает одно сооружение, разделенное на загоны-засеки для каждого вида скота (рис. 227).

Для строительства хлевов употреблялись второсортная древесина, верховина хвойных пород, осина, ольха и др. До начала нашего столетия сруб хлева ставился без какого-либо фундамента, что вызывало просадку постройки и быстрый износ нижних венцов. Бревна не подгонялись, стены не конопатились мхом, часто обходились без дверей. Покрытие из соломы также делалось без особой тщательности[51]. Это отмечал и Никифоровский, не анализируя, однако, истинных причин, вытекающих из бедности крестьян, дороговизны леса и строительства[52]. Зажиточные крестьяне имели добротные хлева со старательно подогнанными бревнами и проконопаченными стенами для каждого вида скота отдельно.

---

[46] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 290.

[47] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 236.

[48] Гурскі М. І. Параўнальная граматыка рускай і беларускай моў. Мн., 1962. С. 8.

[49] Наш край. 1929. № 2. С. 45.

[50] Харузин А. Славянское жилище в Северо-Западном крае. С. 239.

Хлева неразрывно связаны со структурой дворовой застройки. Пристроенные друг к другу, они объединялись в звенья погонов и веночных дворов (рис. 228, 229). Между хлевами и жилым помещением всегда существовал контакт. Примыкание хлевов к глухої продольной стене жилья в дворах с компактной, замкнутой планировкой было известно от Архангельска до Карпат[53].

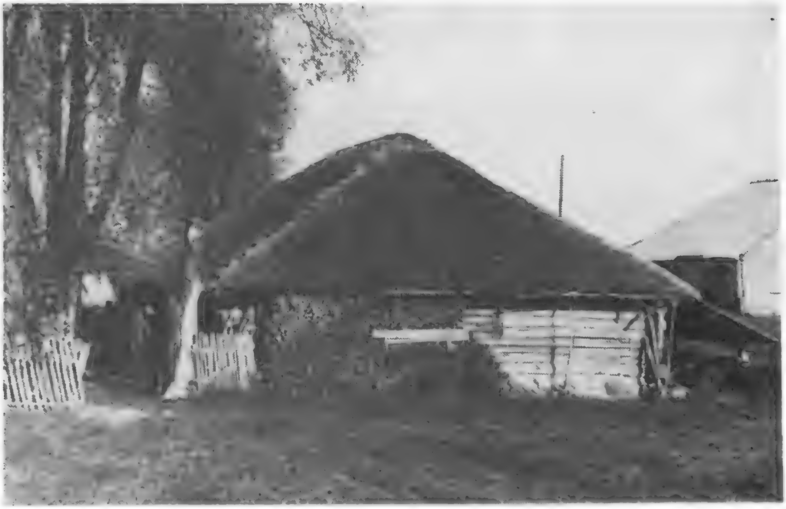


Рис. 227. Хлев в поозерском хуторе.
Нач. XX в.
д. Девгуны Поставского р-на

В Белоруссии такое размещение хлевов для мелкого скота применялось и в погонной застройке, и в планировке отдельно взятого жилого звена. Позднее эти помещения, в которых держали овец и телят, стали функционировать как каморы, кладовые. Примеры были выявлены в экспедициях конца 70-х годов. В д. Редупля Мядельского района небольшой хлев-камора отделяет $^1/_3$ сеней в продольном направлении. Остатки бревен продольной стены выходят на дворовый фасад, на котором в узком простенке имеется и небольшое окошко[54]. Другой пример — упоминавшаяся хата на сохах из д. Ляховичи Зельвенского района. Здесь хлев-камора идет вдоль глухой, припечной стороны хаты и выявляется на уличном фасаде перерубкой и окошком[55].

---

[51] Наш край. 1929. № 2. С. 46.

[52] Никифоровский Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья... С. 259.

[53] Макушенко П. И. Народная деревянная архитектура Закарпатья (XVIII — нач. XX в.). С. 27—45.

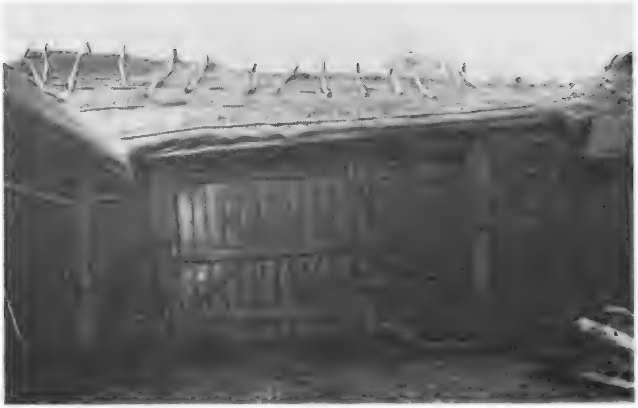


Рис. 228.
Хлев в веночной застройке.
Нач. XX в.
д. Загорье
Чечерского р-на

В конструкции хлевов архаичных элементов сохранилось значительно больше в сравнении с жильем. Сруб, как правило, комбинированной конструкции, допускает большую вариабельность в развитии постройки: новые помещения через шулы пристраиваются к основному хлеву. Система балок в основном служит для поддержки козлов, дедков, для увеличения поперечной устойчивости сооружения, реже для устройства потолка — наката из толстых жердей, на который забрасываются на зиму кормовые. В Поднепровье, в южной части Поозерья, на востоке Центральной Белоруссии сохранившиеся памятники подтверждают бытование хлевов с перекрытием разреженным закотом (д. Солон Стародорожского р-на). Наиболее распространенная конструкция крыши на Полесье и Понеманье — на дедках, козлах, сохах[56] (д. Мозоли Солигорского р-на). Стропильная конструкция преобладает лишь в сравнительно новых хлевах, преимущественно в Центральной Белоруссии. В южной части республики преобладает покрытие из соломы (реже камыша), в северной употребляется дранка, в наше время гонт, шифер.

Архаично и устройство окон и дверей хлевов. Окна — это, как правило, вырубки на полбревна, иногда с заершенными коваными скобами. В хлевах продлили свою жизнь и старые конструкции дверей и ворот: на вороте (бегуне), древесном стволе с сучьями, служащими каркасом, к которому на деревянных гвоздях крепятся доски

---

[54] Отчет об экспедиции в Вилейский и Мядельский районы в июле 1978 г. // Архив БГМНАБ.

[55] Отчет об экспедиции в Волковысский и Зельвенский районы в мае 1978 г. // Архив БГМНАБ.

[56] Отчет об экспедиции в Слуцкий и Солигорский районы в августе 1979 г. // Архив БГМНАБ.

(деревни Забродье, Поповцы Вилейского р-на). В южной части региона применяются деревянные замки и скобы. В Центральной Белоруссии и Поднепровье используются металлические кованые завесы, скобы и замки (деревни Солон Стародорожского, Саковичи Логойского, Гвоздовичи Поставского р-нов и др.). Полы в хлевах не настилались, за исключением Полесья, где известны случаи устройства в хлевах накатов из жердей в зонах затопления паводковыми водами.

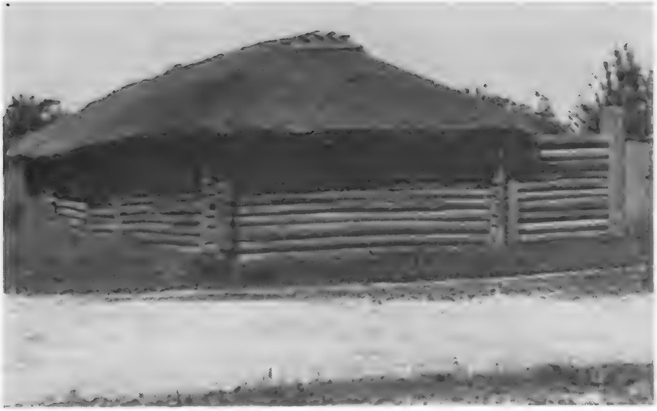


Рис. 229.
Хлев в веночной застройке.
Нач. XX в.
д. Васильевка
Кормянского р-на

Обширное число различных поветей, дровяников, сараев примыкало к хлевам. Конструкция их была простейшей: на сохах или козлах.

Птичники пристраивались либо в конце, либо внутри повети (Пуховичский р-н). В отдельных случаях встречаются деревянные решетки за дверью (д. Переруб Ивановского р-на).

Межэтнические особенности хлевов в белорусском народном зодчестве не только вытекают из планировки двора, но и из способа ведения животноводческого хозяйства. В Белорусии наблюдаются следы единства жилья с помещениями для скота. Эта этническая черта в прошлом была свойственна всей лесной полосе Восточной Европы с ее довольно снежными и морозными зимами. Формирование схожих форм содержания скота у народов Закарпатья говорит о том, что климатические условия оказывали значительное влияние на устойчивость этнических традиций[57]. Хлев как отдельное комплексное сооружение в народной архитектуре восточных славян — явление относительно новое и в большей мере характерное для юга Украины и России с их открытым типом двора. В конструктивном отношении выделяются два межэтнических ареала в зависимости от традиций. Восточные районы Поозерья, Поднепровья входят в зону преобладания срубных перекрытий в хозпостройках, встречающихся в России и Латвии. Южная часть, включающая Полесье, юг Центральной Белоруссии и Понеманья, отличается использованием в перекрытиях хлевов каркасно-столбовой конструкции (сохи, полусошки, козлы).

---

[57] Макушенко П. И. Народная деревянная архитектура Закарпатья (XVIII — нач XX в.). С. 27—44.

Белоруссия входит в обширный межэтнический ареал постепенного выделения хлевов из общего комплекса дворовой застройки. Это в первую очередь связано с улучшением бытовых условий жизни населения. Хлева не только отделяются от граничащей с жильем территории, но и от огорода, сада (данный процесс наиболее интенсивно развивается в Прибалтике). Снижение дифференцированности хлева в период коллективизации способствовало отступлению его в дворовой застройке на второй план. Ограниченное количество скота (как правило, одна корова, теленок, пара свиней и птица) не требовало сооружения многочисленных построек. Уменьшение их, и в первую очередь хлевов, благоприятно отразилось на развитии садоводства, пчеловодства, огородничества (Россия, Белоруссия, Украина, Литва). Начинает формироваться современное понятие хлева как постройки различного хозяйственного назначения.

ПОСТРОЙКИ ПРИГУМЕННОГО КОМПЛЕКСА

КАРКАСНЫЕ ПОСТРОЙКИ ПРИГУМЕНЬЯ

В экспедициях по Волковысскому, Мостовскому и Зельвенскому районам выявлены необычные постройки на пригуменье крестьянских дворов — «сціртьі» — башнеобразные сооружения, приподнятые над землей, каркасной конструкции, с обшивкой из досок и горбылей внахлест, с двускатной крышей, чаще соломенной. Озеродов и переплотов в юго-западной части Понеманья не было, были стирты, вмещающие пять-шесть возов сена. Более капитальные постройки пригуменья — пуни и гумна строили лишь зажиточные крестьяне, которые могли купить лес [58].

Пригуменье находится в отрыве от остальных дворовых звеньев: в глубине двора при односторонней застройке, на противоположной стороне улицы при двусторонней. Основная постройка — гумно с током и площадкой для просушки снопов. В северо-восточных районах Минщины часто встречаются усадьбы, в которых гумно объединяет два сооружения: пуню и открытую площадку для молотьбы — ток (д. Саковичи Логойского р-на). Место, где они расположены, называется гумнищем, а открытый ток — гумном. В некоторых деревнях Вилейщины гумном называли часть двора, на которой находился ток, сенник, озероды. Таким образом, гумно в крестьянском быту имеет широкое понятие и ассоциируется с молотьбой, местом хранения снопов, сена и кормовых. В данном случае гумно и гумнище выступают как слова-синонимы.

Постройки и сооружения гумнища конструктивно разделяются на два вида: стоечно-каркасные (жердевые) и срубные.

Простейшими сооружениями для открытого хранения и просушки сена или соломы были стога (рис. 230). Форма стога обеспечивала быстрый отвод дождевой воды, предохраняла сено от ветра. Стога, рассчитанные на длительное хранение кормовых, укладывались вокруг вертикальной жерди, вкопанной в землю, которая являлась конструктивным элементом сооружения из сена или соломы, т. е. ядром жесткости, и позволяла строить стога больших размеров. В форме стога на юге Центральной Белоруссии укладывали дрова и мелко нарубленные корчи.

---

[58] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1981. № 4. С. 25—27.

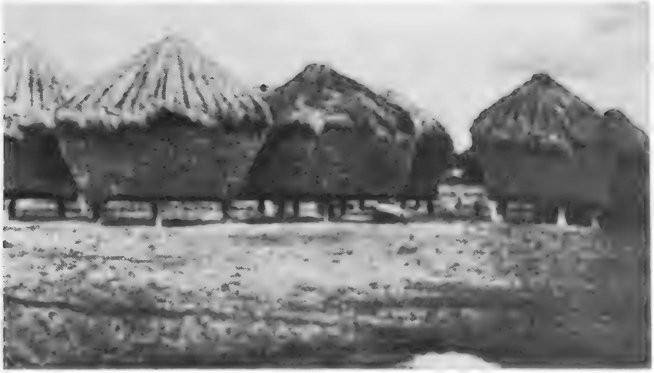


Рис. 230. Стогование сена на Полесье. Нач. XX в.

В северных и северо-западных районах Центральной Белоруссии, а также в Поозерье распространены конструкции для открытого просушивания кормовых, называемые переплотами,— пирамиды из суковатых еловых жердей или своеобразные суковатые решетки (рис. 231) [59]. Более сложные переплоты состоят из трех вертикальных стволов с сучьями, образующих треугольник. На сучья укладываются жерди, образуя таким образом пространственную конструкцию, которую можно считать переходной от переплота к озероду — жердевому сооружению. Переплоты широко распространены в Сморгонском, Вилейском, Мядельском районах. Здесь и далее на северо-восток встречаются более основательные сооружения — озероды — ряд вертикальных стоек с отверстиями, через которые пропущены жерди (рис. 232) [60]. Для устойчивости они закрепляются с обеих сторон подкосами. Озероды также используются для просушки кормовых путем навешивания. На севере Мядельского района и на Витебщине они достигают внушительных размеров, иногда имеют высоту до десяти метров. В деревнях Баровцы, Поповцы, Нарочь Вилейского района встречаются целые пространственные структуры, образованные из озеродов, имеющие Г- и П-образную форму, форму замкнутого четырехугольника. Старые озероды сооружались с использованием естественных конструктивных возможностей дерева: подкосы делались из

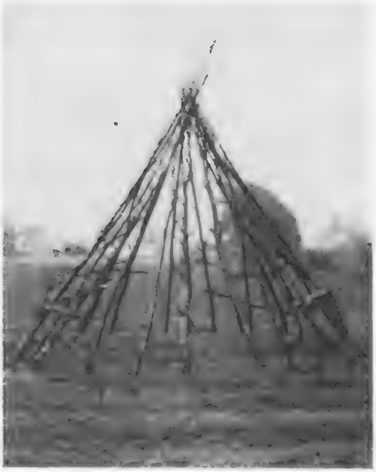


Рис. 231. Переплот. Середина XX в. д. Комаи Поставского р-на

---

[59] Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. Мн., 1975. С. 61.

[60] Там же. С. 60—61.

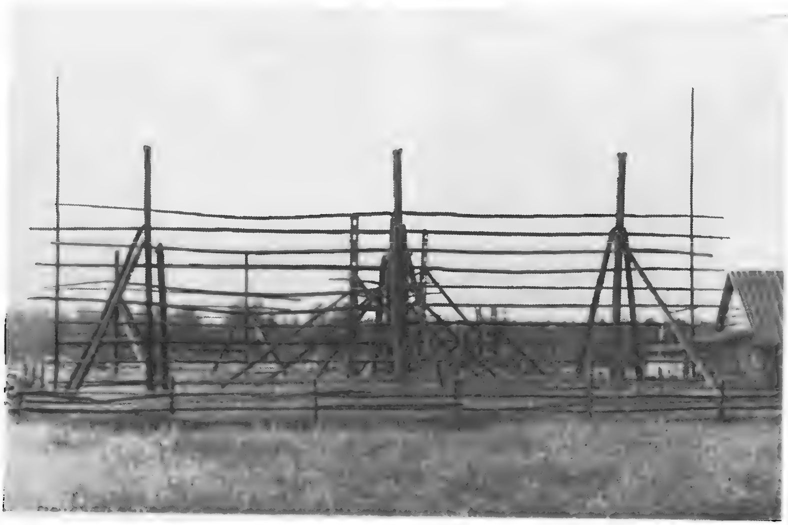


Рис. 232. Озероды. Середина XX в. д. Поповцы Вилейского р-на

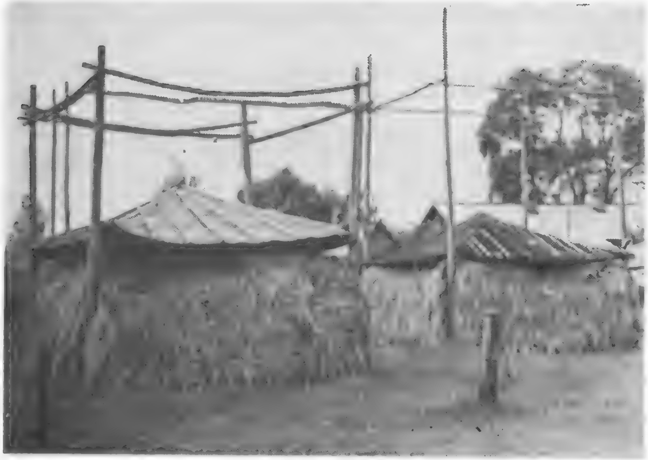


Рис. 233. «Абарог». Середина XX в. д. Дараганово Осиповичского р-на

стволов-сох, жерди крепились на изогнутых суках[61].

Переплоты, как правило, размещались рядом с пуней, сеновалом или гумном. Озероды чаще стояли отдельно, иногда на противоположной стороне улицы или вообще за деревней на лугу. На северо-востоке Центральной Белоруссии они строились возле гумен и пунь (окрестности Зембина, Крупок)[62]. После просушки кормовые убирали в пуню или сенник.

---

[61] Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1981. № 4. С. 25—27.

Сооружения, предназначенные для открытой просушки кормовых, всегда предполагали наличие в усадьбе построек для их хранения: пунь, сенников, гумен. Они являлись промежуточным звеном в процессе приготовления корма на зиму, распространенного в местах с относительной дешевизной и доступностью леса (северо-западные районы, частично Березинский бассейн, междуречье Березины и Друти). На юге Центральной Белоруссии, Полесье и Понеманье строили сооружения, совмещающие просушку и длительное хранение кормовых.

Простейшим среди них является «абарог» — столбовая постройка с четырехскатной крышей, способной перемещаться по вертикали, под которую прятался стог (рис. 233)[63]. По мере использования стог уменьшался и крыша постепенно опускалась. «Абарогі» Полесья имели в основании несколько приподнятый над землей настил, что-

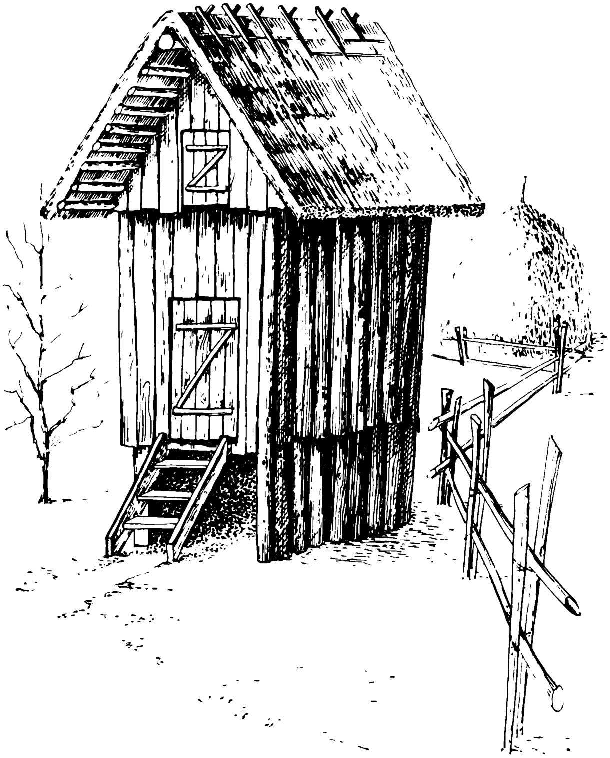


Рис. 234. Башнеобразная пуня «стирта». Нач. XX в. д. Самуйловичи Дольные Мостовского р-на

бы между стогом и землей оставалось продуваемое пространство. На Минщине и в отдельных районах Витебщины они крылись дранкой, основание делалось из досок, уложенных на землю. Полесский «абарог» представляет собой бревенчатый настил, приподнятый над землей на сваях (что было обусловлено влажностью почвы). На настил устанавливается стог, который затем накрывается крышей из соломы или камыша. Чтобы ее не разносило ветром, сверху в радиальном направлении кладутся жерди. На Полесье широко распространены стога на сваях без крыши. Более сложным сооружением для хранения сена является встречающийся на Поозерье открытый навес: двускатная крыша, опирающаяся на стойки, расставленные по углам. Под таким навесом хранилось сено, которого могло хватить на несколько стогов.

---

[62] Отчет о совместной экспедиции сектора этнографии АН БССР и БГМНАБ в Логойский и Борисовский районы в июле 1980 г. // Архив БГМНАБ.

[63] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 37.

Конструктивной основой описанных сооружений является несущий каркас: жердь в стогу, стойки в озеродах, столбы в «абарогу» и навесе. Такая конструкция может быть разделена на два вида: с внутренним каркасом и внешним.

Примерами первого могут быть вертикальная жердь в стогу, пирамида из жердей (переплот), жердяная стенка (озерод), на которые навешиваются сено и кормовые. При внешнем каркасе несущая конструкция (столбы, поддерживающие крышу) оказывается снаружи. Примером последнего может быть «абарог» или навес. Здесь несущие конструкции предопределяют возможность создания бокового ограждения, т. е. стен, что имеет место у стирты. Этот конструктивный переход обусловлен необходимостью создать постройку, совмещающую в себе обе функции: просушки и хранения, и причем не временно, а постоянно. Таким образом, между каркасными постройками обнаруживается генетическая связь, вырисовывается эволюция их конструктивного развития. Но она зависела во многом не только от непосредственного назначения сооружения, но и от развития других построек гумнища. Как отмечалось, переплоты и озероды соседствовали с пуней и гумном. «Абарог» и навес в некотором смысле совмещали функции пуни и озерода (к каркасу добавлялись ограждающие элементы).

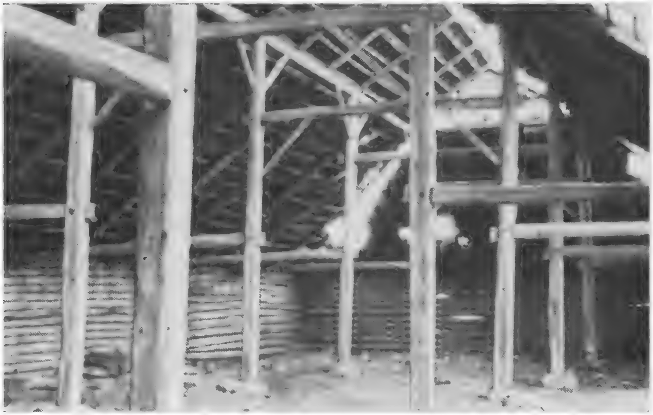


Рис. 235. Конструктивное решение гумна. Конец XIX в. д. Двор-Порплище Докшицкого р-на

Логическим завершением развития каркасных построек гумнища можно считать закрытую постройку, выполняющую роль сенника. Возможно, название ее перешло от общеизвестной восточным славянам открытой соломенной стирты, так как термин обозначает способ хранения сена или соломы. Основу стирты составляет каркас из четырех стоек, обшитых досками внахлест. Крыша двускатная, стропильная. Все сооружение приподнято над землей на 40—50 см. В объемно-пространственном отношении стирта делится на три части: пространство между землей и полом (высота около 70 см), обшитое с трех сторон досками, основное помещение и чердачное пространство. В основное помещение ведет небольшая лесенка на несколько ступенек, на чердак — приставная лестница. Постройку венчает двускатная соломенная крыша. Сено и солома хранились в стирте, ботва, мякина складывались в помещении под ней. Таким образом, стирту можно считать каркасной пуней (т. е. она аналогична срубной постройке того же назначения), характерной, например, для Поозерья. В зависимости от хозяйственного назначения описанные каркасные сооружения гумнища можно рассматривать следующим образом: стог, переплоты, озероды предназначаются для просушки сена, соломы и кормовых; стог, «абарог», стирта — только для просушки и хранения (приложение, табл. 12). Появление ограждающих конструкций в каркасных постройках обусловило переход к развитию срубных сооружений для хранения соломы и кормовых.

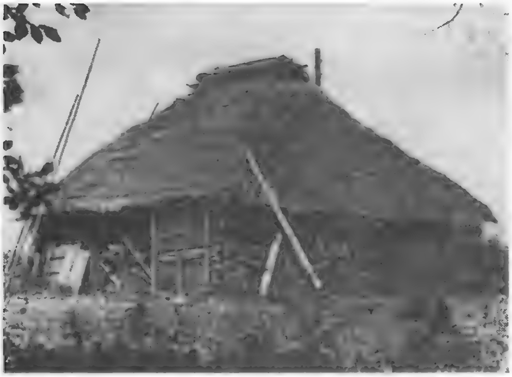


Рис. 236. Гумно. Нач. XX в. д. Перстоки Столбцовского р-на

Особое место в системе хозяйственных построек пригуменья занимают сооружения срубной конструкции: пуни, сенники, гумна, одрины. Наличие их в крестьянском дворе выявляло благосостояние семьи, всего хозяйства. Они являлись главным хранилищем кормового запаса и наряду с жилыми и хозяйственными постройками определяли облик двора, его тип. Пуни, одрины, гумна были распространены повсеместно, хотя в различных районах имели свои особенности, определенные строительными традициями: конструкцией и формой крыши, внутренней планировкой[64]. Например, в д. Саковичи Логойского района пуни сохранились почти в каждой усадьбе, стоят в конце дворов в окружении озеродов, образуя второстепенную линию застройки гумнищ. Все они срубные, прямоугольной формы с пологой, низко нависающей двускатной крышей, крытой дранкой или тесом. В наиболее старых стены выполнены в шулы. Двустворчатые ворота расположены в левой части продольной стены, почти прилегают к углу, с правой стороны небольшая прирубка — мякинник. К задней и боковым стенам прикреплены жерди для картофельной ботвы[65]. На Поозерье встречаются пуни с плетеными стенами, крыша опирается на вертикальные стойки, расставленные по углам и в пролетах стен. Стойки связаны вверху двумя-тремя венцами бревен. На Полесье пуни ставились в соседстве с конной молотилкой (пуня с манежем в д. Повитье Кобринского р-на). В болотистых районах пуни и одрины часто имели пол в виде бревенчатого наката.

---

[64] Молчанова Л. А. Материальная культура белорусов. С. 82—83; Она же. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. С. 37—42; Беларускае народнае жыллё. С. 83—86.

В зависимости от способа сушки снопов гумна Белоруссии делятся на две группы. В первую объединяются гумна, внутри которых для снопов сооружаются осеть и евня (рис. 238). Сушка производится воздухом, подогреваемым печью-каменкой. Этот способ называется огневой сушкой и распространен в северо-восточной части Поозерья и Восточном Поднепровье[66]. Замечено, что этот регион совпадает с регионом бытования бань[67]. В другом случае снопы просушиваются вне гумна, на пригуменье, на солнце. Распространены такие гумна на Полесье, в Центральной Белоруссии, на Гродненщине. Первая группа построек (Поозерье) отличается большими размерами, высокой крышей, зачастую сложной формы. Гумна второй группы, функциональный процесс в которых упрощен из-за отсутствия осети, меньше размерами, приземистые, в плане ближе к квадрату. Центральное место в них занимал ток. На нем молотили зерно вручную, иногда использовали и конную молотилку. В таком случае рядом с гумном строился навес для механизма молотилки — манеж. Этого не могли себе позволить все крестьяне. Как правило, на всю деревню были один-два манежа. В некоторых селах Поозерья строили передвижные манежи, их перетаскивали из гумна в гумно на лошадях[68]. Пространство по сторонам тока делилось на засеки («стаўпы») для хранения снопов.

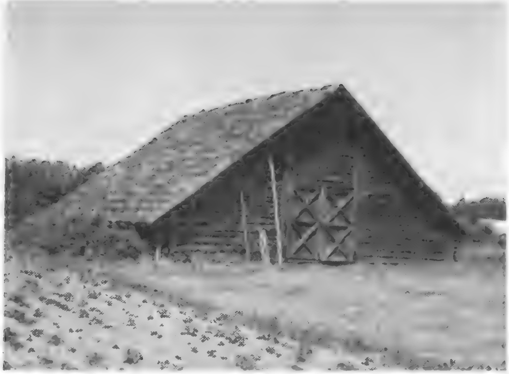


Рис. 237. Гумно. 30-е гг.
д. Константиново Мядельского р-на

Важную роль играла организация проезда через гумно, она определяла и его архитектуру, планировку — близкую к квадрату, вытянутую, многоугольную. По типу проезда гумна Белоруссии делятся на три группы. К первой относятся небольшие по размерам клуни, стодолы Полесья, без сквозного проезда, имеющие одни ворота. Ко второй — гумна со сквозным проездом и двумя воротами в торцовых стенах. Этот тип гумен самый распространенный, особенно в средней полосе, от Поднепровья до Понеманья. К третьей относятся гумна, имеющие проезд с поворотом внутри гумна (гумно из д.

---

[65] Отчет об экспедиции сектора этнографии АН БССР и БГМНАБ в Логойский и Борисовский районы в июле 1980 г. // Архив БГМНАБ.

[66] Титов В. С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов. С. 36.

[67] Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVI—XVIII вв. С. 111.

[68] Отчет об экспедиции в Докшицкий р-н в феврале 1982 г. // Архив БГМНАБ.

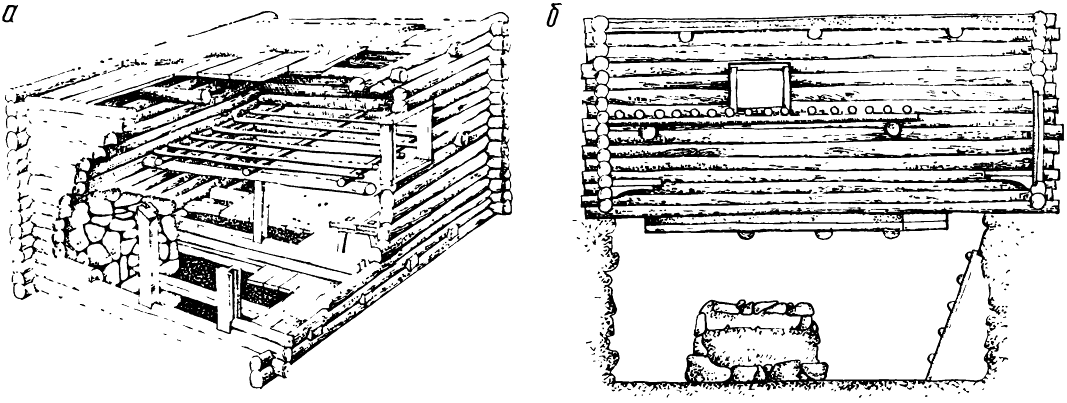


Рис. 238. Конструкции огневых сушек в гумнах.
а) Евня. Нач. XX в. д. Вощанка Кормянского р-на. б) Осеть. Конец XIX в. Южное Поднепровье.

Лучники Слуцкого района, реконструированное в Белгосмузее народной архитектуры и быта)[69]. Как правило, к этой группе относятся многоугольные в плане гумна Центрального и Западного Полесья, южных районов Центральной Белоруссии.

Гумна Белоруссии дифференцируются по форме крыши: четырехскатная, шатровая в небольших клунях Полесья и юга Минщины (рис. 236), двускатная в протяженных гумнах Мядельского и Сморгонского районов Понеманья (рис. 237, 239), высокая вальмовая крыша в одринах и пунях Поозерья и северо-востока Понеманья. В зависимости от конструкции крыши в Белоруссии было известно два типа гумен: с крышами рубленой конструкции (полесские стодолы) и с крышами на каркасно-столбовой основе (средняя полоса, Поозерье). Первый тип более древний и почти не сохранился, второй широко распространен и сейчас (рис. 240). Нередко к стенам гумна делались небольшие пристройки для хранения мякины (мякинник, «плеўнік»). Рядом с мякинником обычно стояла соломорезка (приложение, табл. 13).

Вследствие влажного климата и прохладного лета в северной части Восточно-Европейской равнины при ручной молотьбе сушка снопов была совершенно необходима. Непросохшие снопы плохо вымолачивались. Поэтому сооружения для огневой сушки зерновых в областях расселения русских (кроме южных районов), белорусов и украинцев (Черниговщина) известны не позднее XIV в.[70] С распространением механической обмолотки зерновых огневая сушка начала постепенно исчезать. Характерные для Поозерья и Поднепровья евня и осеть у северо-великорусов известны как отдельное сооружение — верховой овин. Вообще термин

---

[69] Лебедева Н. И. Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР С. 29.

[70] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 295.

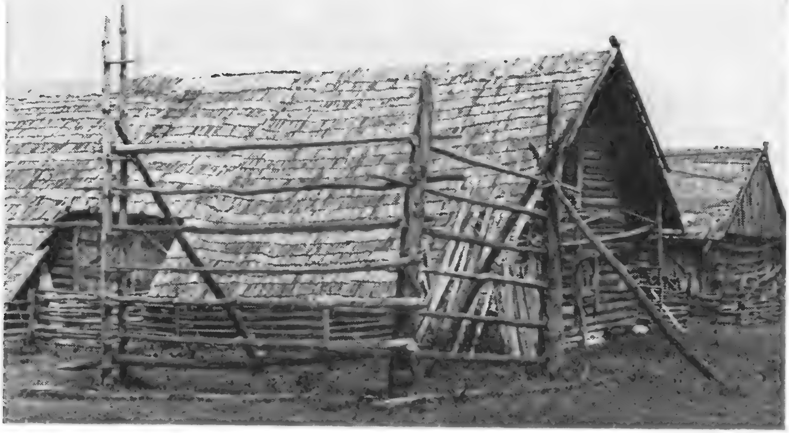


Рис. 239. Гумно. 1-я половина XX в. д. Боровики Мядельского р-на

«овин» в русском народном зодчестве обозначает сооружение (пристройку) для просушки снопов. Помимо отмеченного на Руси известны полуверховые и ямные овины. В Белоруссии осеть широко использовалась и для просушки льна и конопли. В них колосники (лавки) — жерди диаметром 7—10 см устраивались обычно в два яруса, от стены до стены. Их укладывали на расстоянии 15—20 см друг от друга на двух врубленных в стены балках (переводах). Снопы подавали внутрь через окно и клали, как правило, в два ряда: нижний колосьями кверху, второй — колосьями книзу (Поозерье, Поднепровье) (рис. 238). У русских известны высотные овины, с овином и подовином, объединенными не только в одной, но и в двух вертикалях. Если евня и осеть в Поозерье и Поднепровье использовались для просушки ржи, льна и конопли, то в России известны овины для просушки хмеля, репчатого лука и т. д.[71]

В Белорусском Поозерье, как и в Прибалтике, сооружения для огневой сушки конструктивно связаны с гумном. У эстонцев и северных латышей такие сооружения, именуемые ригами, известны с глубокой древности. Добавим, что там они еще объединяют и жилье (жилая рига). Собственно рига представляла собой однокамерную сушильню без ямы с печью в том же помещении, где и снопы.

Характерное для отдельных районов Белорусского Поозерья и Поднепровья понятие гумна как площадки-тока и рядом стоящей пуни находит аналогию и в русском народном зодчестве. Здесь гумно — это открытая или полуоткрытая (под навесом) площадка рядом с овином[72]. (Гумно — открытая молотильная площадка, гуменник — прикрытая навесом (Вологодская обл.), навес — нагуменник в Ярославской обл.) На севере и в средней полосе России крытые рубленые гумна пристраивали к овину. В каждой из трех стен такого гумна располагались высокие и широкие ворота. В северо-западных областях (Псковская, Новгородская, Ленинградская области) выработался тип гумна, родственный прибалтийской риге. Невысокая, в виде квадратного сруба рига размещалась внутри гумна. Гумна такого типа составляют ареал, охватывающий помимо указанных областей России Прибалтику и север Белоруссии.

---

[71] Данилин А. Г. Приспособления для сноповой сушки хлеба у восточных славян и их соседей // Сов. этнография. 1981. № 2.

[72] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 303.

Многоугольные в плане гумна южной и юго-западной частей Белоруссии спорадически встречаются в Прибалтике. Но особенно широко они распространены на юго-западе Восточной Европы у украинцев, поляков, чехов, словаков[73]. Следует отметить, что огневая сушка здесь не применялась. Благодаря более сухому климату рожь молотили сырой, а снопы до молотьбы хранились в клунях, стодолах, являвшихся в то же время и крытым током. Характерная архитектурная особенность их — низкие стены и высокая четырехскатная или пирамидальная крыша на дубовых сохах 7—8,5 м высотой. У южноукраинских клунь стены состояли из 3—4 венцов, крыша спускалась почти до земли. В некоторых районах южной полосы России в помещениях для обмолота зерна стен совсем не делали. Крыша, поддерживаемая сохами, спускалась прямо на землю. В зависимости от традиций стены иногда делались плетеными (Белорусское и Украинское Полесье, юго-восток Польши), в южных областях России — каменные из широко доступного плитняка. Планировка стодол в основном симметрична: снопами заполнялись боковые концы, а широкая площадка сквозного проезда служила током.

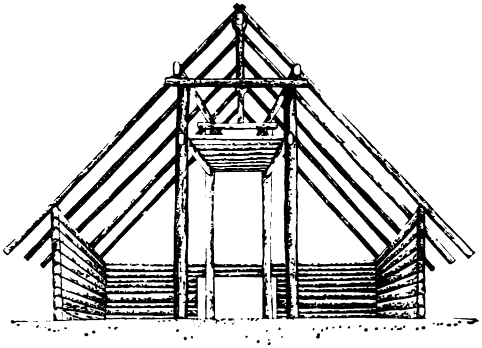


Рис. 240. Схема сошной конструкции гумна

По общему виду напоминая украинские и южно-великорусские клуни и риги, близки белорусским гумнам клуни Чехословакии с невысокими многоугольными стенами[74]. В средней полосе России и Белоруссии, в Прибалтике и Восточной Польше отходы хлебной молотьбы, мякины хранились в пристройках к гумнам. В черноземной полосе предпочитали строить отдельные сооружения — мякинники, «плеўнікі», гуменники и т. д.[75]

У восточных славян были широко распространены и сенники — сенные сараи. В средней полосе России и Поволжье на усадьбе таких сенников могло быть несколько, они соединялись поветями (межсарайник). Каркасные сооружения для хранения кормовых образуют обширный ареал, охватывающий помимо северной части Белоруссии Прибалтику и северо-запад России.

---

[73] Umeni Ceshoslovenskego Ludu. Praha, 1928.

[74] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 315.

[75] Там же. С. 316.

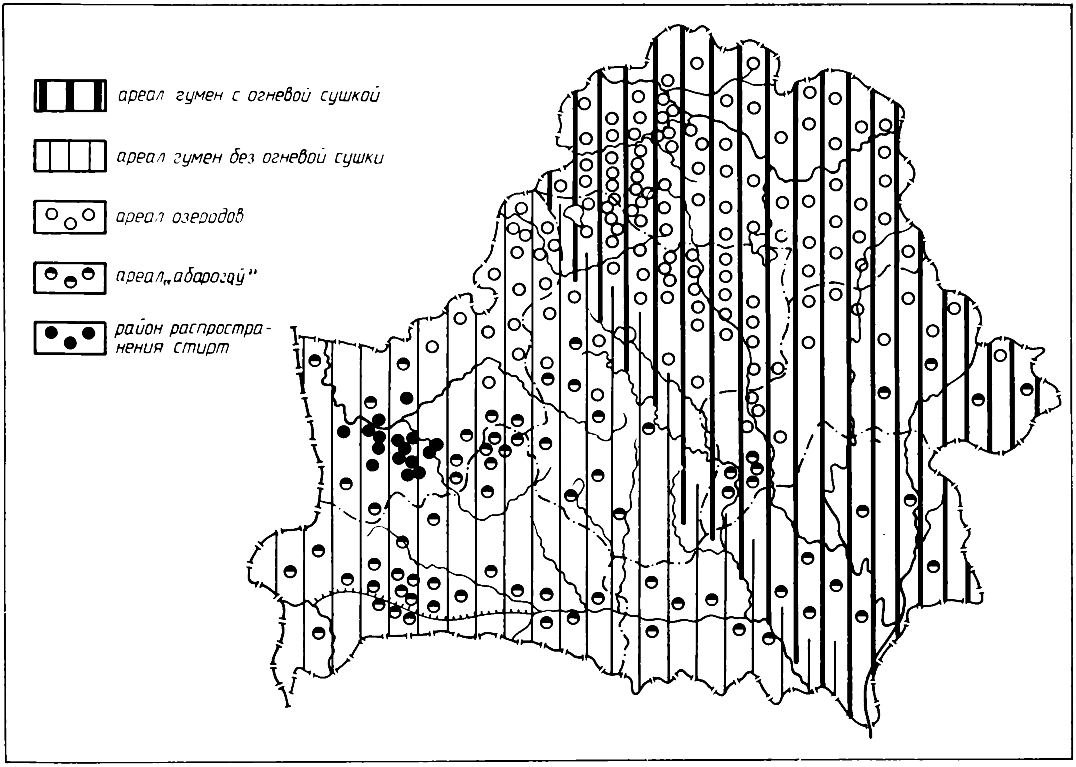

ареал гумен с огневой сушкой
ареал гумен без огневой сушки
ареал озеродов
ареал „абарогаў”
район распространения стирт

Рис. 241. Постройки пригуменного комплекса

На озеродах просушивали сноповый хлеб, сено, горох, лен и т. д.[76] Хлебные озероды (зароды) широко бытовали на севере России. Основу их составлял ряд (6—10 м) еловых стоек (островней) с короткими сучьями. Снопы укладывались ярусами на подметины-доски и разделялись жердями, уложенными на сучья островней. Затем зарод укрывался соломой и подпирался жердями (гнетами).

Были известны на Руси сенные зароды, основу которых составлял ряд жердей (стожары). Укладка сена производилась по принципу «метания» стога вокруг каждой из жердей, в результате чего получалась огромная копна шириной до 3 м, высотой до 4 м, которая подпиралась жердями. В Вологодской области зароды достигали огромных размеров: 3—4 м шириной и 5—6 м высотой (облитники). Сена в них могли укладывать до сотни тонн[77]. Облитник ставился на рубленный из

---

[76] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 315.

[77] Там же. С. 318.

5—6 венцов помост, высота которого зависела от уровня весенних талых вод.

Зароды для гороха (шорумы) были известны в районе Вятки (ныне Кировская обл.) и представляли собой стойки с сучьями. Между островнями на козлах устраивался дощатый помост для осыпавшегося гороха.

Озероды Белорусского Поозерья и Поднепровья аналогичны широко распространенным на русском Севере высоким жердяным изгородям-пряслам. Как и в Белоруссии, они ставились на пригуменье, вблизи овинов и гумен.

«Абарогі» средней и южной части Белоруссии — характерная особенность всей западной восточнославянской территории (включая Ленинградскую, Псковскую и Новгородскую области). «Абарог» — довольно древнее каркасное приспособление для хранения кормовых на этой территории. В качестве подтверждения Бломквист ссылается на изображение этой постройки на средневековой миниатюре в книге Л. Нидерле[78] (рис. 241).

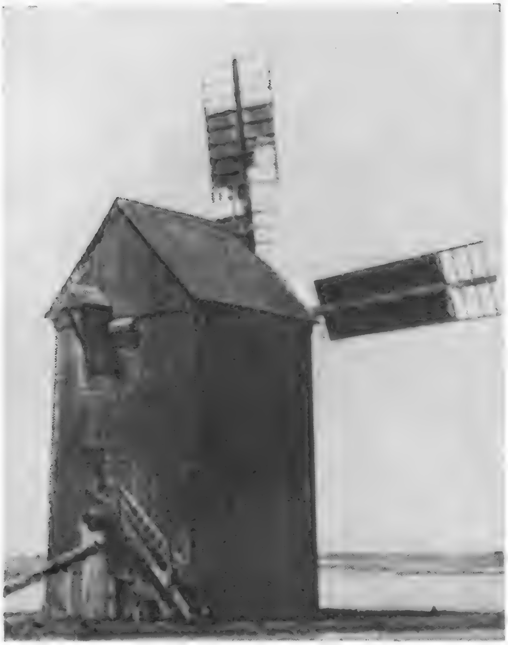


Рис. 242. Ветряк-козловка. Нач. XX в. д. Домоткановичи Клецкого р-на

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ (МЕЛЬНИЦЫ И МАНЕЖИ)

Древнейшими приспособлениями для помола зерновых были ступы и терки. Со временем к ним добавились жернова, конные мельницы, производственные сооружения (мельницы и манежи).

Известия о ветряных мельницах в Западной Европе начинают появляться с XII в., особенно после крестовых походов, когда европейцы познакомились с ветряными мельницами, давно известными на Ближнем Востоке. Появились они вначале в Испании, с XIV в.— в Голландии, а с XV в.— в Германии[79]. На Руси ветряные мельницы, по всей вероятности, были известны с XV в. Первые упоминания в документах относятся к XVII в., одно из наиболее ранних описаний находим у известного естествоиспытателя и путешественника XVIII в. В. Зуева[80].

Ветряные мельницы строились чаще одна или группами на несколько селений вследствие выделения мукомолья

---

[78] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 315.

[79] Штурм Л. Х. Совершенное описание строения мельниц/Пер. с нем. на российский язык по четвертому аугсбургскому 1778 г. изданию Антона Тейлиса/Печатано в 1782 г.

[80] Зуев В. Ф. Путешественные записки Василия Зуева от С.-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб, 1787.

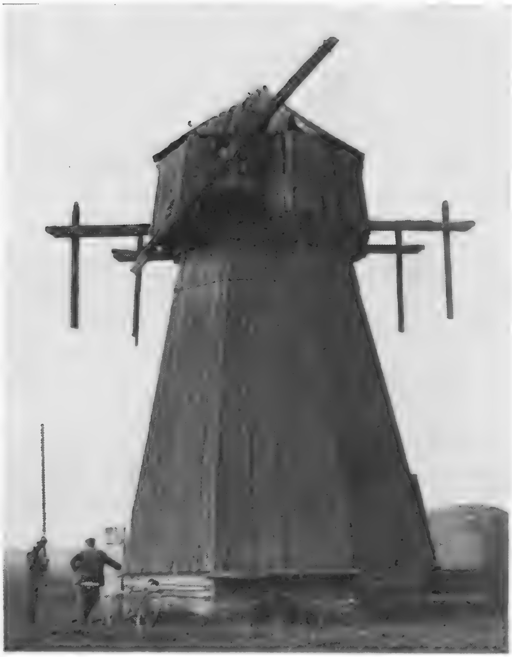


Рис. 243. Ветряк-шатровка.
Нач. XX в. д. Зеленец Хотимского р-на

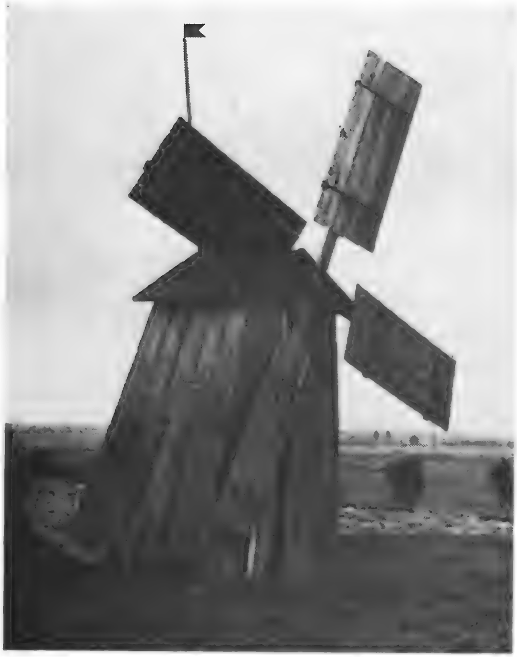


Рис. 244. Ветряная мельница. Нач. XX в.
д. Тройкиши Браславского р-на

в отдельный промысел. Первые известия о ветряных мельницах на территории Белоруссии относятся к XVI в. Инвентарные описания магнатских имений указывают на существование «веж млыновых», например, в Кобринском замке в 1597 г.[81] По инвентарным материалам XVIII в. известны многие десятки ветряных мельниц в окрестностях Бреста. Это говорит об их широком распространении в Западном Полесье[82]. Ветряные мельницы были известны еще в Древнем Египте. На территориях арабского халифата были распространены ветряки в виде каменных башен, из которых позднее возникли ветряные мельницы романского периода. В Европе их архитектура развивалась в условиях строительных традиций отдельных народов. В Испании и Франции основание ветряков было каменным. В странах Скандинавии и Голландии опорный остов мельницы делался каркасным: из деревянных брусьев или металлических элементов[83].

Ветряная мельница состоит из двух основных частей: неподвижного опорного основания и подвижной части с механизмом и крыльями, способной поворачиваться в наиболее выгодное положение по отношению к ветру. В зависимости от соотношения этих частей ветряные мельницы Белоруссии делятся на две группы: в первой поворачивается весь механизм, во второй — верхняя часть, представляющая подвижную башню [84].

---

[81] АВАК. Т. 14. С. 553.

[82] ЦГИА БССР в Гродно, ф. 1143, оп. 1, д. 471, л. 1—7.

[83] Пономарев В. А. Возникновение и развитие ветряных мельниц. М., 1958.

Область распространения первой группы охватывает Центральную Белоруссию, Понеманье, западную часть Восточного Полесья и Западное Полесье (рис. 242). Вертикальной осью мельниц этой группы служит массивный столб, жестко укрепленный в мощной крестовой опоре — козлах. Отсюда и название мельницы — козловки. На Руси опорой столба являлось рубленое пирамидальное основание из 4—8 венцов (городок, или баба) [85]. Вокруг столба вращался закрепленный на нем корпус мельницы. В Белоруссии он был обычно каркасным, с обшивкой из досок и горбылей. В России, особенно в северной полосе, преобладали мельницы с рублеными корпусами (амбарчиками) [86]. Через верхнюю часть корпуса пропускался горизонтальный вал, к наружному комлевому концу которого крепились крылья (махи). Они имели разборную обшивку, позволяющую регулировать силу напора ветра. На противоположный конец вала насаживалось большое колесо с кулаками (выступами), которые, сцепляясь с выступами горизонтальной шестерни, приводят в движение вертикальную ось, вращающую жернова. Засыпка зерна производится через деревянный ковш, рядом с жерновами — ларь для муки. Помимо жерновов могли приводиться в движение и другие механизмы, например толчеи для ступ. По высоте все пространство мельницы делилось на два-три яруса, связанных между собой лестницами. На нижнем размещались мешки с готовой мукой, на среднем шел процесс помола. Мешки с зерном при помощи коловорота-«барана» поднимались на площадку-балкончик на уровне второго яруса. Поворот мельницы вокруг оси осуществлялся при помощи рычага, «водила», «дышла» («воротило», «хобот» — на севере России и в средней ее полосе; «ковлорот», «кобылица» — на Украине). Для облегчения работы конец дышла соединяли с коле-

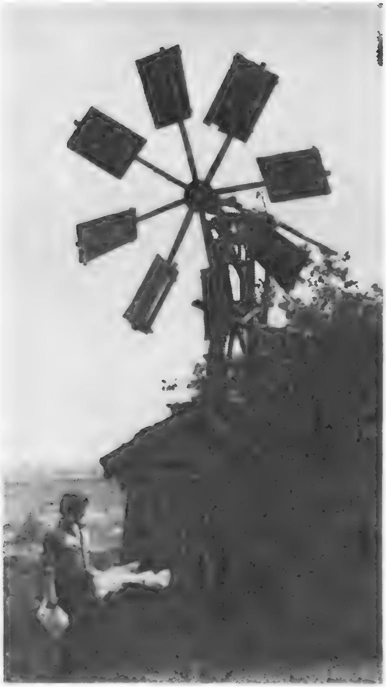


Рис. 245. Ветряная мельница. Нач. XX в. д. Молонка-Козловская Шарковщинского р-на

сом, воротом, конным приводом. Выбранное положение фиксировалось креплением дышла к колышкам, расставленным по кругу. В указанном регионе распространения выделяется несколько локальных очагов бытования ветряков-козловок. Одним из них можно считать Слуцко-Любанский локальный район. Группа таких мельниц, вынесенных в поле, здесь существовала до середины 60-х годов (деревни Исерно, Играево Слуцкого р-на). Активно они были распространены и южнее, ближе к Столинщине и Лунинцу[87]. Особенно плотную и компактную группу козловки образуют на Копыльщине[88]. Из этого района полоса распространения их тянется через Клецкий и Несвижский в Кореличский район и далее, постепенно ослабевая к Новогрудку.

---

[84] Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. С. 87.

[85] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 320.

[86] Там же. С. 320.

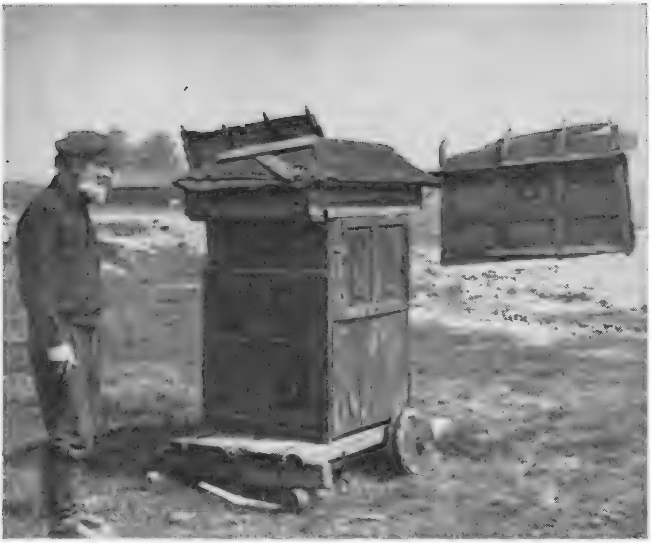


Рис. 246. Малогабаритный ветряк. Нач. XX в. д. Кремно Дрогичинского р-на

Поозерье, Поднепровье и Восточное Полесье представляют собой обширный регион распространения шатровых мельниц, у которых по направлению к ветру поворачивается лишь верхняя часть (башня) (рис. 243). Многогранный, напоминающий шатер корпус остается неподвижным. Такая конструкция значительно облегчает работу и повышает устойчивость сооружения. Шатровые мельницы возникли позже козловых. Их распространение в Восточной Европе шло через Польшу и Прибалтику, Белоруссию в среднюю и южную полосы России. Основанием шатровки являлся невысокий рубленый восьмерик. Корпус и башня в Белоруссии делались каркасными, в России — преимущественно рублеными. По степени распространения шатровки образуют в отмеченном регионе локальные районы. Наиболее обширный из них охватывает Хотимский, Краснопольский, Кричевский. Шатровые мельницы распространены и в отдельных районах на севере Восточного Полесья (Жлобинский, Будо-Кошелевский), в северной и северо-восточной части Поозерья. Спорадически шатровые ветряки встречаются и в других районах Белоруссии (Клецкий, Пружанский). В Белоруссии встречались ветряные мельницы с парой широких в форме сегментов крыльев, закрепленных между собой затяжками (мельница-пальтрак). Такая мельница сама поворачивалась по направлению ветра (д. Янушевка Мядельского р-на).

---

[87] Ossendowski A. F. Polesie.

[88] Отчет об экспедиции в Несвижский и Клецкий районы в июне 1978 г. // Архив БГМНАБ.

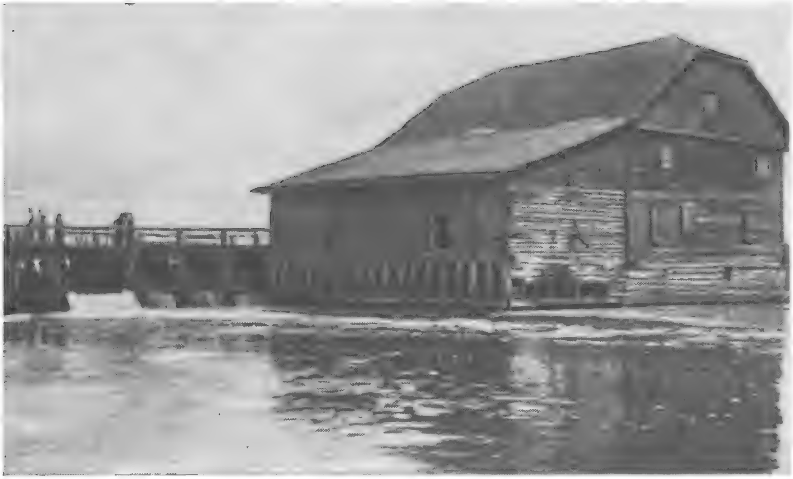


Рис. 247. Водяная мельница на р. Сха под Борисовом. Нач. XX в. ЦГАКФФД БССР.

Региональной особенностью Поозерья является бытование в юго-западной его части малогабаритных ветряков (рис. 244, 245). Выделяется несколько их типов. Первый представляют небольшие, до трех-четырех метров, пирамидальные ветрячки, встречающиеся преимущественно на Браславщине. Второй — ветряки с махами и открытым механизмом передачи, которые возвышаются над шалашеобразной надстройкой над поставом (часто соломенной). Третий тип — ветряк с многолопастным движителем (ветряной турбиной), установленным над жилым домом (Миорщина). Распространены они и в соседней Литве[89]. Особый тип представляют совсем небольшие ветряки на колесах, которые можно было перевозить с места на место. Кроме Поозерья они встречаются и в других регионах, в частности на Полесье (рис. 246). Бытование малогабаритных ветряков на Витебщине в какой-то мере связано с малодворностью бессистемных поселений и с большим количеством хуторов. Крупные мельницы промыслового характера обслуживали деревни целой округи. На хуторах и в селах-малодворках выгоднее было иметь небольшой ветряк, обслуживающий пару дворов (приложение, табл. 14).

В бассейнах крупных рек, на равнинной местности, покрытой лесами (Полесье, левобережное Понеманье, северо-запад Центральной Белоруссии), издавна были распространены водяные мельницы. Этот тип производственного сооружения известен со вре-

---

[89] Andrejevas A. A., Morkunas E. Tecnikas paminklai Lietovoje. Vilnius, 1982.

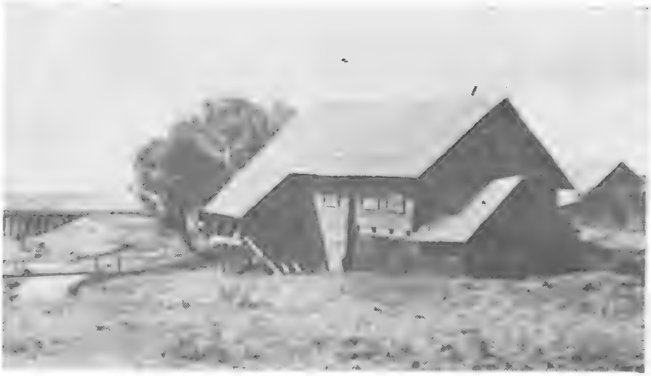


Рис. 248.
Водяная мельница.
30-е гг.
Центральный регион

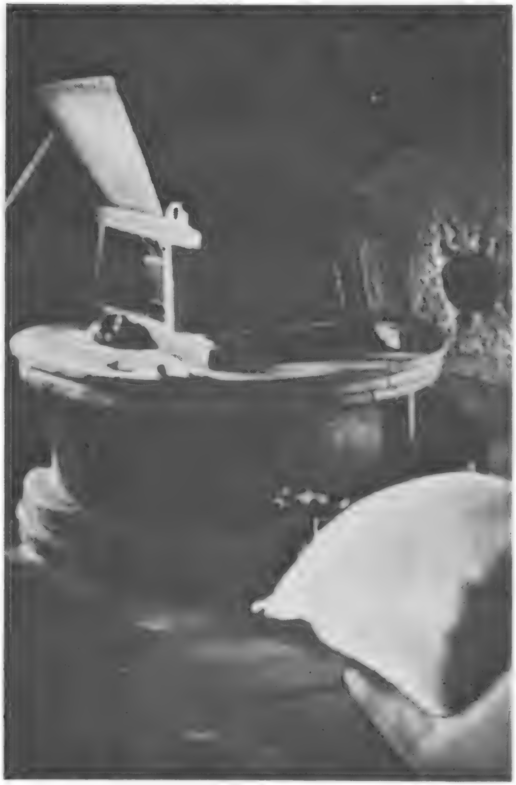


Рис. 249. Постав водяной мельницы. 30-е гг. Центральный регион

мен Киевской Руси (XI—XII вв.)[90]. Небольшие мельницы ставились на ручьях и речках. Запруд для них не устанавливали, а воду отводили к колесу по специальному каналу (деревянному лотку, желобу). В Белоруссии были известны водяные мельницы двух типов: наплавные и запрудные. Первые широко распространены и на Украине. Основанием такой мельницы служил паром, закрепленный канатами к вбитым в дно сваям; его удерживали якорями, спущенными с носа и с кормы. Поперек парома устанавливалась ось, на внешних концах которой крепились лопасти, приводимые в движение течением реки. Запрудные водяные мельницы были двух типов: с верхним и нижним боем. Первые требовали сооружения высокой плотины, которую, как правило, строили в комплексе с мостом (рис. 247, 248). Разновидностью мельниц с нижним боем является мельница с горизонтальным колесом (турбиной), появившаяся позднее.

Водяные мельницы Белоруссии отличаются некоторыми архитектурными особенностями. На Полесье они небольших размеров, приземистые, сруб низкий с четырехскатной крышей[91]. Локальный район образуют водяные мельницы пограничных районов Центральной Белоруссии и Понеманья. Мельницы Узденщины, Столбцовщины, Дятловского, Новогрудского и Кореличского районов отличаются башнеобразной формой основного сооружения, разделенного на два, три, а то и на четыре яруса. У водяных мельниц Понеманья и северо-западной части Центральной Белоруссии нижний ярус был каменным (Слонимский, Дятловский, Ошмянский, Сморгонский, Островецкий, Молодечненский р-ны). В Поозерье и Поднепровье их было меньше, холмистый рельеф регионов отдает предпочтение ветрякам. Кроме жерновов для помола зерна на муку в водяной мельнице устанавливали круподерки, устраивали столярные мастерские по изготовлению дранки. Для ожидающих мог быть и отдельный шинок (рис. 249, 250) (приложение, табл. 15).

---

[90] Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 566—570; Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. С. 84—86.

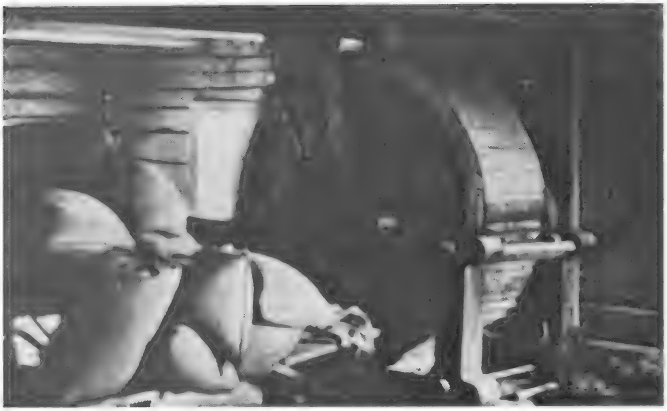


Рис. 250. Крупорушка водяной мельницы. 30-е гг. Центральный регион

Водяные колеса приводили в движение и другие агрегаты: сукновальни («фолюшы»), шерстечесальни, бумажные мельницы. Вот описание бумажной мельницы на реке Вилии близ Сморгони, построенной в XVII в. «... Прежде всего два водяных колеса, на которые течет вода. На каждом валу этих колес по 4 железных обруча и по 1 железной втулке, т. е. всего 8 обручей и 4 втулки. В этой мельнице одна дверь на бегунах, ведущая к водяным колесам. В мельнице 2 ступы. В каждой ступе по четыре гнезда, а в каждом гнезде по два листа жести. Всего жестяных листов 16. В каждом гнезде по четыре песта. В обоих ступах 32 песта. На каждом песте железный обруч. В каждом песте по 9 железных гвоздей, т. е. 28, а в четырех — по 2. Эти песты вращают готовый материал... Возле мельницы лежали две новые дубовые ступы не отделанные, а другие две около Вилии... Веревок для просушки бумаги 554. Котел для заварки клея. Три пары форм...»[92]

---

[91] Сербаў І. А. Вічынскія паляне. С. 32; Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 78.

[92] Инвентари...: Владение Сморгонь. С. 237.

Среди производственных сооружений в Белоруссии были широко распространены конные молотилки-манежи [93]. Они строились либо в комплексе с пуней (Полесье), либо внутри гумна (северная часть Центральной Белоруссии, Поозерье). Это механизм, основу которого составляет горизонтальное колесо большого размера, посаженное на вертикальную ось и приводимое в движение конским приводом. Колесо через систему передач приводит в действие молотилку (рис. 251). Часто оно соединялось с жерновами и получалась конная мельница. Такие мельницы были известны на Полесье, Гродненщине, Поозерье. Если манеж находился за пределами гумна, то над ним сооружался четырехскатный навес.

На Витебщине были и передвижные манежи, которые перевозили на лошадях из гумна в гумно. Манеж использовали и для производства дранки. Колесо соединялось с тяжелым ножом, который при каждом обороте срезал драницу с расставленных по кругу заготовок.

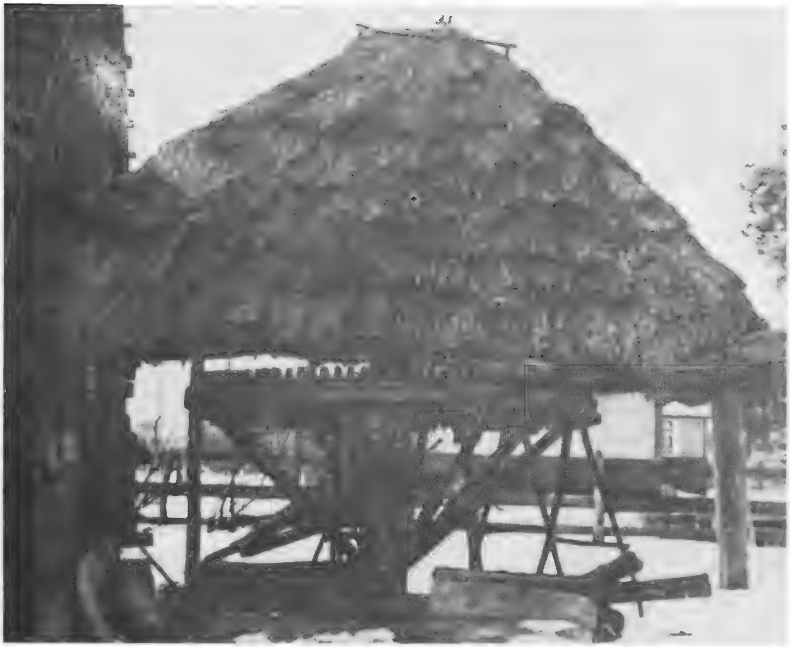


Рис. 251. Конный манеж. Нач. XX в. д. Повитье Кобринского р-на

Из прочих производственных построек нужно отметить кузницы. Кузнечное ремесло было популярным и необходимым в условиях низкого товарного производства. Небольшое срубное строение, крытое дранкой или тесом, имело внутри горн с кожаными мехами, наковальню, тиски. По стенам — полки для изделий и инструментов, вдоль стен — лавы, приспособления. Старые кузницы к настоящему времени сохранились преимущественно в Несвижском, Столбцовском, Воложинском, Молодечненском, Вилейском, Борисовском и других районах Белоруссии (рис. 252).

---

[93] Народная сельскагаспадарчая тэхніка беларусаў. С. 89—92.

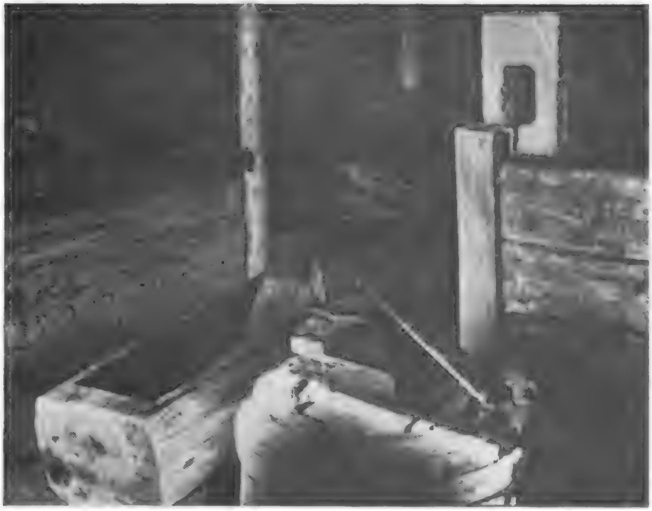


Рис. 252.
Кузница. Нач. XX в.
д. Клочково
Молодечненского р-на

Говоря о межэтнических чертах традиционных производственных сооружений, следует отметить, что белорусские ветряные мельницы входят в обширный ареал их распространения в Восточной Европе. Мельницы-козловки известны в России, на Украине, в Польше. Наличие на Украинском Полесье срубных козловок дает основание предположить, что этот тип ветряков бытовал не только в северной полосе России, но и в более южных районах, в том числе и в Белоруссии [94].

Ареал распространения шатровых мельниц охватывает целиком всю Европу, в большинстве стран они известны как голландский тип. В странах Западной Европы это были сложные сооружения, часто многофункциональные. В Голландии, Германии, на севере Польши неподвижный корпус выполняли из камня или в виде каркасной системы опор. Старые шатровые мельницы восточных славян были проще. Не исключена возможность их появления здесь в результате развития древней формы [95]. Предпосылкой для такого вывода может служить бытование в XIV в. на Украине так называемых кругляков: восьмигранный сруб, неподвижно закрепленный на невысоких мощных дубовых стульях. В таком сооружении поворачивалась только крыша [96]. В средней полосе России шат-

---

[94] Музей народной архитектуры и быта Украинской ССР. Киев, 1986.

[95] Таранушенко С. Помитки мистецтва старої Слобожанщины. Харьків, 1922.

[96] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 329.

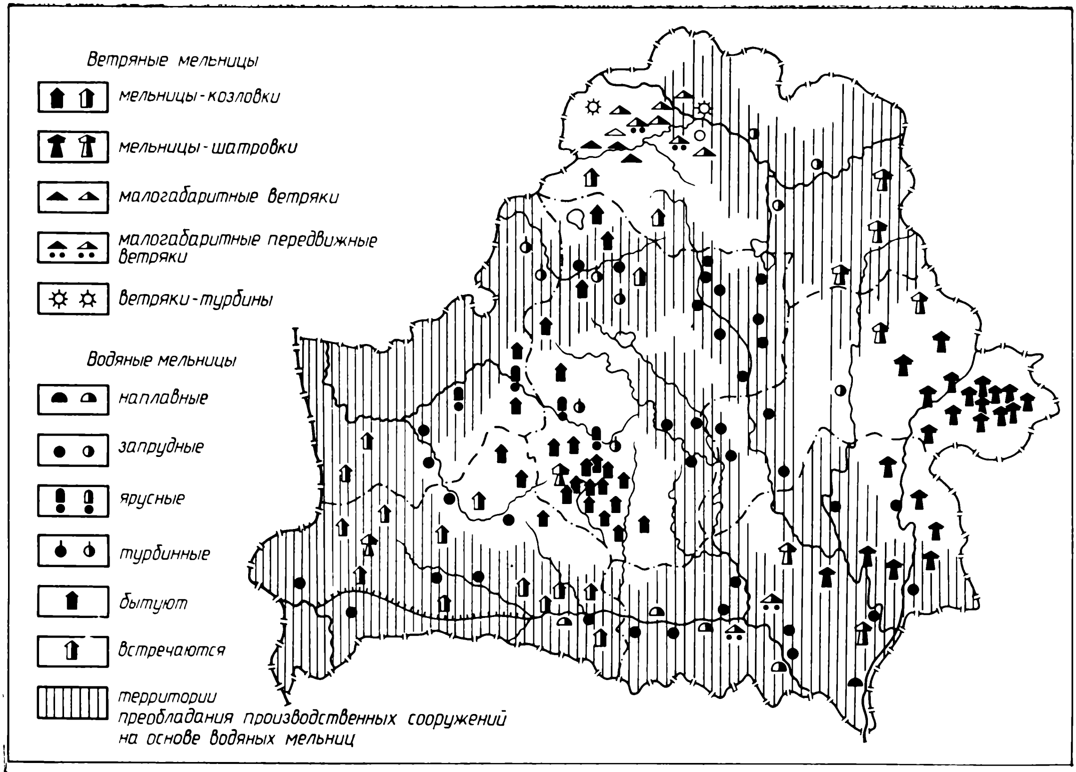

Ветряные мельницы
мельницы-козловки
мельницы-шатровки
малогабаритные ветряки
малогабаритные передвижные ветряки
ветряки-турбины
Водяные мельницы
наплавные
запрудные
ярусные
турбинные
бытуют
встречаются
территории преобладания производственных сооружений на основе водяных мельниц

Рис. 253. Региональные особенности мельниц

ровки делались преимущественно цельносрубными, в южной для сооружения неподвижной части нередко использовали известняк, иногда она была каркасно-плетеной [97].

Необходимо отметить важную особенность, характерную для шатровок не только русских, украинцев и белорусов, но и прибалтийских народов и поляков,— это многогранный, стремящийся к форме конуса неподвижный корпус (в г. Клецк перевезена шатровая ветряная мельница из д. Залешаны, корпус которой представляет собой 24-гранный параллелепипед). Это может быть связано с единым для Восточной Европы процессом их происхождения, формообразования.

Использование кинетической энергии воды получило широкое развитие и в Словакии. Это проявилось в строительстве плавучих мельниц. Горизонтальный вал укреплялся на двух плоскодонных байдаках, скрепленных между собой бревнами. Колесо находилось между ними. На зимовку такие мельницы заводились в тихие затоны в стороне от фарватера. Наряду с мельницами на Украине широко были распространены плавучие сукновальни. Этот тип мельниц на Украине был настолько популярен, что вплоть до начала нашего столетия «водяки» производились на продажу [98]. Плавучие мельницы известны также на Дону и Северном Донце, на притоках Оки. Мельницы аналогичного устройства в XVI в. в Новгороде сооружались с применением ряжевых плотин (затопленные и загруженные камнями срубы, которыми перегораживали часть русла реки в месте наибольшего напора воды) [99].

---

[97] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 331.

Мельницы-мутовки, широко бытовавшие на Руси, немецкий исследователь Штурм называет мельницами на турецкий и французский манер, что говорит о широкой популярности этого типа [100].

С древности известны на территории расселения славян мельницы с нижнебойными колесами. Верхнебойные колеса появляются в Европе лишь в XIV в., применение их расширяется в XVI—XVIII вв. [101] К этой категории относятся и русские колесухи, украинские гребли и аналогичные водяные мельницы Белоруссии.

Использование в водяных мельницах горизонтального колеса на Европейском континенте также имеет древнюю историю. Возможно, они были известны в XII в. арабам, в XIV в.— кавказским народам. Не исключено, что их распространение в Европе ускорилось после крестовых походов XIII в. В XV в. идею колеса-турбины разрабатывает Леонардо да Винчи, в XVI в. турбинные колеса широко используются во Франции. Дальнейшее развитие они получили в XVII в. с появлением колес с ковшеобразными лопатками [102].

Энергия воды использовалась восточными славянами для приведения в движение толчей, крупорушек. «Крупадзерні» в начале нашего столетия стояли на реке Бобр у местечка Крупки.

Межэтнические черты мельниц выходят далеко за пределы отдельных восточнославянских регионов и ареалов. Причиной этого может быть более динамичный, подвижный характер производственного обмена, интересы которого не только стимулировали техническое творчество, но и способствовали быстрому распространению технических приемов и навыков между различными народами (рис. 253). Это в полной мере относится и к манежам, кузницам и т. д.

ОБЩИННЫЕ АМБАРЫ (МАГАЗИНЫ), КОРЧМЫ

ОБЩИННЫЕ АМБАРЫ

Особенности народной архитектуры прослеживаются и в общественных, культовых, административных, торговых, учебных и других сооружениях, органически соединяясь со стилевыми особенностями профессионального зодчества. Некоторые из них были тесно связаны с традиционно-бытовыми условиями, укладом жизни села. Это, в частности, общинные амбары.

---

[98] Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки... С. 331.

[99] Данилевский В. В. История гидросиловых установок в России до XIX в. М.; Л., 1940. С. 9.

[100] Штурм Л. Х. Совершенное описание строения мельниц...

[101] Очерки истории техники докапиталистических формаций. М.; Л., 1936. С. 394—395.

[102] Очерки истории техники докапиталистической формации. С. 398—399; Данилевский В. В. История гидросиловых установок в России до XIX в. С. 187.

Общинные амбары строились жителями села «миром» для хранения зерновых на случай пожара, эпидемии, неурожая или другого стихийного бедствия. Каждый житель общины обязан был засыпать в закрома амбара, или магазина, как называли эти постройки в народе, гарнец ржи, ячменя, гороха или других зерновых «на случай помощи людям в нужде». Каждый знал, сколько он должен внести, место в закромах и время, когда обязан был это сделать. Для определения количества засыпанного зерна обычно служили специальные рейки с метками.

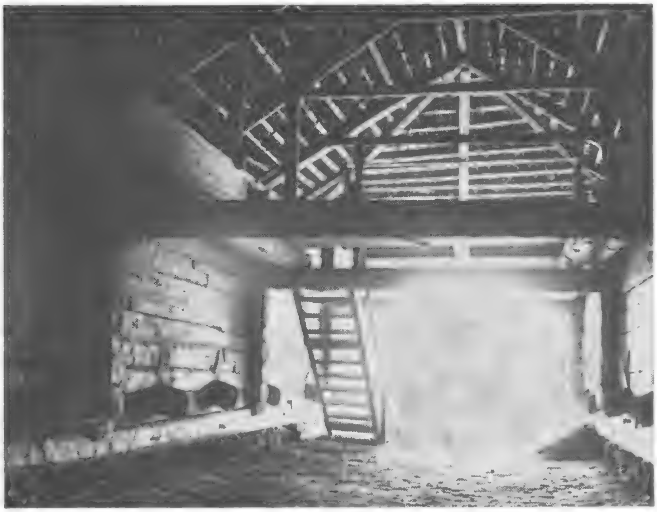


Рис. 254.
Общичный амбар.
Нач. XIX в.
д. Косаричи
Глусского р-на

Общинные амбары Белоруссии подразделяются на несколько видов в зависимости от принадлежности: магазины сельских общин, амбары помещиков для хранения зерна своих батраков (широкое распространение получили после реформы 1861 г.), амбары в местечках и городах, которые строились государством для сбора налогов (амбары XIX в. в Слониме, конца XIX в. в Турове, Людвиново Петриковского р-на и др.) [103].

Архитектурой и планировкой общинные магазины напоминают крупные свирны-лямусы. Они, как правило, имели продольно-осевую композицию в плане. Основой является сквозной проезд, по обе стороны которого размещались закрома. Над проездом вдоль закромов сооружался помост — обходная галерея, куда подавались мешки с зерном. В нижней части устраивались лотки с задвижкой, через которые отсыпали зерновые. Такие магазины сформировались к концу XVIII в. из более простых зерновых хранилищ. Прежде строились обычные срубные клети на штандарах с двускатной крышей и дверью в продольной стене, ведущей в помещение с двумя-тремя закромами. Такие общинные магазины были характерны для Полесья и Южного Поднепровья. Укрупнение их вело к росту числа закромов и соответственно длины стен. Появляется четырехскатная крыша, больше соответствующая протяженному сооружению. Сквозной проезд не был обязательным в планировочном решении. Нередко строились амбары с дверями в закрома в продольной стене. В этом случае вдоль стены устраивался помост с навесом над проемом на столбах — галерея, на которую выгружалось зерно. По тектонике такая галерея напоминает приклетник обычной крестьянской клети (свирны XIX в. в деревнях Людвиново Петриковского, Яново Клецкого р-нов).

---

[103] Якімовіч Ю. А. Драўлянае дойлідства Беларускага Палесся. С. 58—61.

В XVIII в. общественные сооружения сел, местечек начинают строить по проектам. Типовое проектирование распространяется и на магазины. В основу закладываются принципы планировки и архитектуры, характерные для народного зодчества. Разрабатываются проекты как со сквозным проездом, так и галерейные. Последние шире были распространены на Понеманье, в северной части Центральной Белоруссии и Поозерье, где галерея как архитектурный элемент была издавна популярна. В местечках и городах общинные магазины нередко строили комплексами с брамами и замкнутым двором. В середине XIX в. такой комплекс был в г. Волковыске. Комплекс свирнов начала XIX в. в г. Витебске зафиксирован на акварели Ю. Пешки [104].

Типичным памятником этого типа сооружений является магазин 1-й половины XIX в. из д. Косаричи Глусского района, перевезенный в Белгосмузей народной архитектуры и быта (рис. 254) [105]. По планировке он относится к типу магазинов со сквозным проездом. Два яруса балок соединяют два протяженных срубных блока и служат опорной системой для стропил четырехскатной крыши с заломом в нижней части, элементом, характерным для светской архитектуры XVIII—XIX вв. Здание стоит на периметральном ленточном фундаменте, длинные стороны которого изогнуты кверху, что усиливало сопротивление основания просадке. В постройке обнаруживаются как архаичные черты народного зодчества (угол с потайным шипом, «в охряпку», гидроизоляция из бересты), так и стилевые элементы, заимствованные из каменной архитектуры (двухступенчатый карниз, мелкопрофилированные накладки, шалеванные ворота, залом крыши),— пример взаимовлияния и взаимопроникновения в народной и профессиональной архитектуре.

КОРЧМЫ

Корчма как общественная постройка прошла длительный исторический путь развития, играла значительную роль в общественных отношениях (проведение общинных сходок, оглашение указов, проведение судов, праздников, свадеб), способствовала контакту между людьми из различных регионов (рис. 255, 256).

В Белоруссии встречались два типа корчем: незаезжие и заезжие. Первые включали, как правило, шинок-харчевню, жилое помещение корчмаря, могли иметь через сени комнату (одну или несколько) для постояльцев. В комплекс незаезжей корчмы могли входить надворные хозяйственные постройки, отдельная конюшня. Простейшая монополька или шинок, винная лавка могли быть аналогичны однокамерному жилищу. Однако в развитии корчмы гораздо большее значение получили традиции двух- и трехкамерного жилища, например Рачковичская корчма из инвентаря владения Тимковичи 1761 г. «Совсем маленькая... с клетью и сенями», т. е. трехкамерная (шинок — сени — клеть)[106]. Блевчицкая «малая старая корчма... дверь из сеней в комнату... пройдя из комнаты через сени, видим пекарню... при ней... клеть...»[107] Здесь насчитывается четыре помещения. Лешнянская «...старая не заезжая... из сеней в боковую светелку дверь... из светелки в горницу дверь... из этой комнаты в чулан дверь...»[108] И здесь четыре помещения: сени — светелка — горница — чулан.

---

[104] Чантурыя У. А. Цэнтр Віцебска і яго рэканструкцыя // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1972. № 2.

[105] Сергачоў С. А. Архітэктура грамадскіх амбараў «магазінаў» // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1983. № 2.

В планировке корчмы происходит разделение традиционного жилого помещения на шинок и жилье арендатора. Другие помещения, сени, комната постояльцев располагаются традиционно. Важную коммуникативную роль в планировке корчем играли сени, обеспечивавшие взаимосвязь шинка, комнаты постояльцев, покоев корчмаря, подсобных помещений.

Определенные закономерности наблюдаются и в размещении печей. Варочная печь обычно располагалась в пересечении стен, разделяющих шинок и жилье корчмаря, кухню. Грубки также ставились в местах пересечения стен, разделяющих комнаты постояльцев, подсобные помещения и т. д.

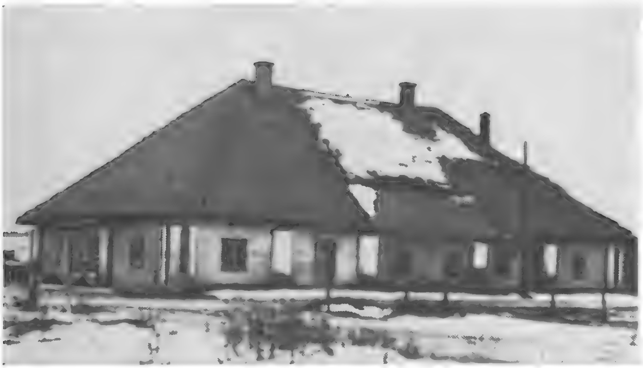


Рис. 255.
Корчма в Понеманье.
С фотографии 1927 г.
ЦГИА ЛитССР

Планировка заезжих корчем в своем генезисе связана с особенностями развития сельских усадеб. Основные разновидности — крытый двор, веночный двухрядный, однорядный, переходные типы (П-, Г-, Т-образные дворы) послужили основой их формирования. В планировке заезжей корчмы, построенной по принципу крытого двора, место денника занимали конюшня с каретным сараем (стодола). Связь общественной части с последним осуществлялась через сени, стодола имела сквозной проезд. К такому типу можно отнести корчму в г. Ошмяны по ул. Красноармейской, 25, каменную корчму в д. Гиревичи Воложинского района.

Наглядно прослеживаются в развитии плана корчмы и традиции веночного и двухрядного двора. В этом случае шинок, комната постояльцев от жилища корчмаря, кухни, кладовых отделялись сквозным проездом с конюшней. Иногда общественные и жилые помещения (шинок, кухня, камора, комната корчмаря и постояльцев) отделялись проездом и стодолой от помещений для лошадей (стайни), домашнего скота и фуража.

---

[106] Инвентари...: Владение Тимковичи. С. 187.

[107] Там же. С. 167.

[108] Там же.

Более широко использовались традиции однорядного двора. В корчме это нашло проявление в пристройке стодолы к общественным помещениям в одну линию. Стодола могла иметь сквозной проезд.

Переходная форма между веночной и линейной застройкой (Г-образный вариант) чаще встречалась в местечковых корчмах, где на характер плана влияла конфигурация участка, пересечение улиц. Г-образный план получался за счет боковой пристройки стодолы.

В планировке заезжей корчмы имелись две коммуникативные связи: с жилыми помещениями через сени и через проезд в стодолу. Для совмещения этих связей хозяйственные помещения достаточно было разместить перпендикулярно жилым, симметрично оси сеней. Такой тип плана был известен в народном жилище Белоруссии и Литвы[109]. Тип корчмы с аналогичной планировкой был отмечен З. Глогером как один из основных для Польши[110]. Такую же планировочную схему имеет и корчма из д. Нача Вороновского района. Она наиболее рационально организует функциональные связи, более компактна, получила применение в каменных аустериях, станционных домах, постоялых дворах.

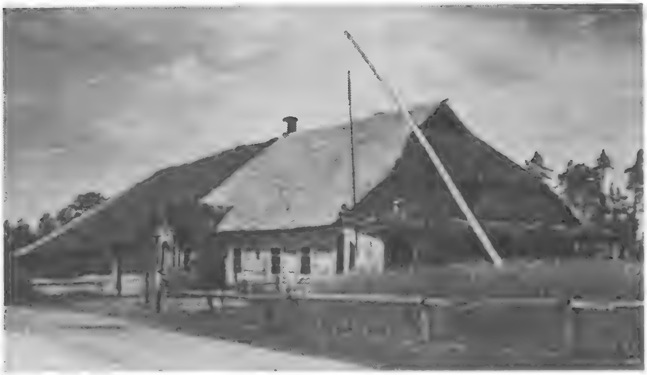


Рис. 256.
Корчма-заезд
в Крыжовке близ Миор.
С фотографии 1930 г.
ЦГИА ЛитССР

В этноконтактных зонах наблюдаются общие черты, характерные для корчем Белоруссии, Польши, Прибалтики. Следует отметить отличительную особенность корчем Эстонии — тип с двумя конюшнями. Они известны также на севере Латвии, т. е. совпадают с территорией распространения уникального типа жилой риги. Высказывается предположение, что появление второй конюшни, возможно, обусловлено глубокими классовыми противоречиями между местным населением и иноземными завоевателями, когда господские и крестьянские лошади должны были ставиться отдельно[111].

---

[109] Литовское народное искусство. Вильнюс, 1957. Рис. 53, 172, 176.

[110] Gloger Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana. Warszawa, 1972. T. 3. S. 9—11.

Конюшни и каретный сарай сооружались с применением приемов и конструкций, свойственных хозпостройкам. Строительный материал мог быть более низкого качества, длина стен наращивалась через шулы. Помимо стойл с яслями вдоль одной из продольных стен в стодоле могли быть кладовые и фуражные помещения, кухня, иногда жилые помещения арендатора, колодец. Проезд часто имел мощение. «...Каретный сарай. Стены в нем из круглых бревен в 2 прясла. С одной стороны у стены простые ясли. В глубине кухонька. Двое дощатых ворот на бегунах, в шулах...»[112] (рис. 257).

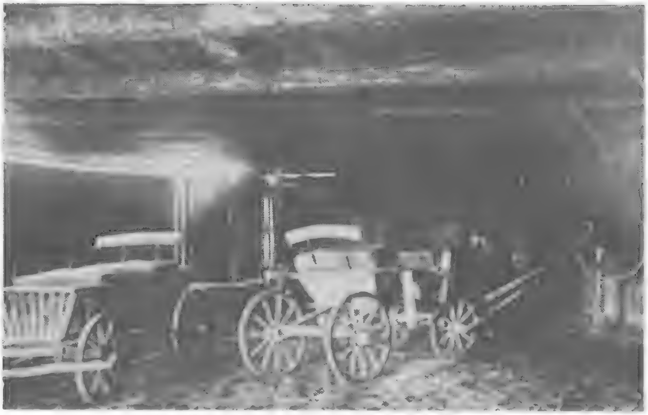


Рис. 257.
Конюшня-стодола
в заезжей корчме.
Нач. XX в.
ЦГИА ЛитССР

Сообщения инвентарей показывают, что в строительстве корчмы использовались традиционные материалы и конструкции. Как правило, упоминаются крыши из дранки, хотя в небольших незаезжих корчмах и корчемных лачугах безусловно использовалось и соломенное покрытие. В крупных заезжих корчмах в конструкции крыши, по-видимому, преобладала стропильная система, более рациональная при больших пролетах. Полы и потолки устраивались традиционно, в стодолах, аналогичных крестьянской возовне, применялся жердяной накат. Следует отметить, что во всех описаниях корчем XVIII в. как Центрального региона (Тимковичи), так и Понеманья (Сморгонь) упоминаются ворота и двери на бегунах. Помимо традиционных доски и теса в устройстве полотен ворот упоминается и дранка, применявшаяся в прошлом, в особенности в деревянной архитектуре Польши, для обшивки стен колоколен и ветряных мельниц. В описаниях дверей отмечается наличие крючка и пробоя, по-видимому, двери запирались преимущественно при помощи навесных замков. В инвентарях называются, как правило, деревянные оконные рамы. Но можно допустить, что ранее, в XVI—XVII вв., использовались и переплеты из свинца и железа, хорошо известные по инвентарям фольварков[113]. В XVII—XVIII вв. в корчмах, по-видимому, встречались и волоковые окна (задвигались дощечкой). Вот характеристика окон корчмы в Свиридовичах: «...в чистой горнице 4 окна из белого стекла в деревянных рамах, задвигающиеся до половины...»[114] Здесь речь идет не о волоковом окне, а об окнах с так называемыми задвигающимися ставнями, являющихся результатом развития первых. В крупных корчмах, в первую очередь местечковых, оконные переплеты, наличники и ставни могли быть покрашены. Значение покраски резко возросло с распространением шалевки, подшивных карнизов, шалеваных дверных полотен.

---

[111] Алуве К. Деревянные корчмы и конные почтовые станции в Эстонии. Таллинн, 1976. С. 49.

[112] Инвентари...: Владение Сморгонь. С. 187.

Важным элементом интерьера корчмы была печь, которой уделялось особое внимание. Недаром в описаниях преобладают печи с изразцами, чаще всего цветными: синими, зелеными, коричневыми, серыми. В источниках XVII—XVIII вв. изразцовые печи чаще всего упоминаются в фольварках и корчмах. Кухонная варочная печь была традиционной, но, видимо, в соседних с Литвой районах в корчемных кухнях применяли и печи каминного типа.

Обстановку шинка дополняли буфет, длинный стол на козлах, лавы вдоль стен, скамейка. Убранство комнат постояльцев зависело от социального положения гостей. В комнате для крестьян — простой помост возле печи, для «паноў» имелись кровати, стол, венские стулья, шкаф.

В польской этнографической литературе неоднократно упоминается строение, аналогичное корчме,— аустерия (от итальянского osteria). Это, как правило, большое здание, чаще заезжее. В крупных городских аустериях к обычному набору помещений добавлялись торговые лавки. Сам термин не получил распространения и все общественные заведения подобного типа называли традиционно — корчма, шинок.

Такие же, как в Белоруссии, корчмы бытовали в Литве, на Украине и в Польше[115]. Крупные заезды-аустерии напоминали русские придорожные трактиры. В XVIII— начале XIX в. получили развитие станционные дома. В 20—30-х годах XIX ст. деревянные станционные дома были в деревнях Белице, Шепотковичи, Рабовичи, Крупки, Бабиновичи ныне Могилевской области, в деревнях Евлушковичи, Дудины Гомельской области[116].

НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО И ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО СЕЛЬСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

На современном этапе развитие сельской архитектуры идет по двум направлениям: совершенствуется и развивается народное строительное искусство и одновременно ведется планировка и застройка сельских населенных мест в соответствии с планами развития сельского хозяйства, строительства современного села.

Содержанием первого направления явились новые социально-экономические и бытовые условия. Растет площадь жилья, увеличивается число помещений, меняется структура хозяйственных построек. Дифференциация жилища идет по пути традиционных типов планировки. Формируется функциональное разделение между кухней и общей комнатой, горницей. Меняется и предметный характер обстановки. Скамейки и лавы сменяются стульями-«канапами», «пол» — кроватью, обязательным элементом интерьера становится шкаф. Появляются радиоприемник и телевизор, этажерка для книг. Пол красят, стены оклеивают обоями, потолок белят. На стенах традиционными становятся рамочки с семейными фотографиями. Улучшение быта приводит к выделению спальни, детской комнаты. Дальнейшее развитие крестьянского жилища шло по пути рационального использования всего полезного объема постройки. Осваивается чердачное пространство. Появляются окна на фронтоне, балконы, эркеры, мансарды. Жилище формируется в двух уровнях: кухня и культурно-бытовые помещения на первом и спальные помещения на втором. Появляется ряд вспомогательных помещений: веранда, кладовая, хозяйственная кухня и т. д.[117]

---

[113] Молчанова Л. А. Очерки материальной культуры белорусов XVII—XVIII вв. С. 32—37.

[114] Инвентари...: Владение Сморгонь. С. 187.

[115] Baranowski B. Karczma polska. Warszawa, 1977.

[116] Сардаров А. С. Архитектура дорог Белоруссии. Мн., 1973.

Изменение планировки меняет и архитектуру, объемно-пространственное строение. Усложняется конфигурация стен, появляются остекленная веранда, крыльцо, балкон, лоджия, эркер, сложной формы фронтон, скаты крыши прорезаются слуховыми окнами.

Развитие получают потенциально заложенные в белорусском народном зодчестве традиции архитектурного декора, применение цвета[118].

Широко используются новые строительные материалы: камень, кирпич, силикатные блоки и т. д. Однако необходимо отметить, что и в постройках из новых материалов сохраняется самобытный, народный стиль архитектуры. Например, тектонику деревянного сруба повторяют кирпичные пилястры, лекальный кирпич позволяет воссоздать декор, в котором можно узнать мотивы резных наличников и ставень. Традиционной остается только форма крыши.

Народное архитектурное творчество определяет облик почти каждой белорусской деревни.

Второе направление является частью народнохозяйственного плана и развивается на основе общей программы сельского расселения, развития населенных пунктов, сел и деревень в соответствии с хозяйственными задачами республики. Современная деревня — новый тип поселения, сочетающий жилищно-бытовые функции со спецификой сельскохозяйственного производства. Она состоит из трех взаимосвязанных составных частей: жилого массива, куда входят дома колхозников или рабочих совхозов и их приусадебные участки; культурно-общественного комплекса (магазин, школа, детский сад, амбулатория, Дом культуры, правление колхоза, сельсовет, комбинат бытового обслуживания и т. д.); производственной территории с фермами, мастерскими и гаражами, сырьевыми и перерабатывающими цехами и т. д.[119] Строительство таких поселений должно вестись с учетом не только традиционных структурно-планировочных принципов, учитывающих особенности рельефа, качество и назначение земельных угодий, ориентацию, водоснабжение, но и с учетом новых факторов: связи с внутрирайонными и междугородными магистралями, с агропромышленными зонами района и области, требованиями санитарной гигиены, ландшафтной организации территории, озеленения, объемно-пространственного, ансамблевого решения застройки и т. д.[120]

---

[117] Народы европейской части СССР // Народы мира: Этнограф. очерки. Ч. 1. С. 820—826.

[118] Беларускае народнае жыллё. С. 99—104.

[119] Маханько Б. А. Архитектурно-планировочная и пространственная организация сельских поселков. М., 1977; Планировка и застройка сельских населенных мест в СССР. М., 1980.

Несмотря на специфику современного сельского строительства, вопрос использования народного архитектурного наследия был актуальным всегда. Первоначально использование элементов народной архитектуры носило несколько механический характер. Застройка поселений ведется на основе принципов урбанизации; традиционные элементы выступают в декоре, орнаменте, воспроизводимых в новых материалах. Поселковый центр формируют двух-, пятиэтажные здания (застройка центральных усадеб колхозов «Рассвет» Кировского, «Чырвоная змена» Любанского, «Малеч» Березовского, «Оснежицкий» Пинского и «Прогресс» Гродненского р-нов и др.)[121]. Опыт показал, что необходимо более углубленное использование народного архитектурного наследия, что скрытые в нем потенциальные возможности недостаточно изучены и не используются в полной мере. Так, например, выявлено, что структурно-планировочное строение поселений русского Севера учитывало гораздо больше факторов, нежели вновь создаваемые сельские структуры, и недостатки последних могут быть исправлены лишь за счет привлечения традиционных приемов. Исторически сложившаяся там гнездовая система расселения, формирующая жилые образования, объединенные природой и средой в единую функциональную систему, оказалась незаменимой и стала прообразом групповой системы расселения с четкой сетью дифференцированного бытового и культурного обслуживания обширного ареала населенных мест[122]. Народное зодчество становится составной частью архитектуры советского села в целом[123].

Устойчивость и притягательность прогрессивных народных традиций выражается в долговременной значимости национальных особенностей, обусловленных демографическими условиями, психологическим складом, бытовыми навыками, природно-климатическими факторами, строительными материалами и т. д. Необходимо бережно сохранять и развивать национальные традиции народного зодчества, его региональные особенности. Это позволит решить одну из проблем — избежать безликости новых поселений. Опыт показал, что строительство четырех-пятиэтажных домов в сельской местности не соответствует жилищно-бытовым условиям, сопряженным с ведением индивидуального хозяйства. Повсеместное признание получил усадебный тип дома в один-два этажа. В этой связи хочется отметить, что использование в качестве строительного материала дерева недооценено. Оно доступно, легко обрабатывается, и народные зодчие предпочитают его камню. В строительстве могут быть использованы не только традиционные бревна, но и предварительно обработанные брусья, деревянные панели. ЦНИИЭП Граждансельстроя разработал серию проектов бревенчатых и брусчатых усадебных домов для Нечерноземной полосы[124].

---

[120] Сычева А. В. Ландшафтный облик белорусского села. Мн., 1984.

[121] Диваков Н. Г., Емельянов В. Н. Вертилишки БССР. М., 1974.

[122] Ушаков Ю. С. Архитектурное наследие — в строй современности: Опыт нар. архитектуры русского Севера. Л., 1980; Он же. Ансамбль в народном зодчестве русского Севера. Л., 1982. С. 153—163.

[123] Калмыкова В. Н. Архитектура советского села. М., 1975. С. 203—206; Гуцаев О. К. Традиции и современность в архитектуре села. М., 1972; Соколовский В. Э. Алимов Р. Н. Архитектура нового белорусского села. Мн., 1979; Космина Т. В. Особенности освоения традиций в формировании индивидуальных сельских усадеб Украины.

Одно из основных качеств народной архитектуры — оригинальность каждого сооружения. Оно обеспечивало стилевую общность народной архитектуры, своеобразие и индивидуальность поселения, комплекса, дома. Таким образом должна решаться задача, являющаяся весьма актуальной сегодня. По-видимому, для того, чтобы при индустриальном способе производства каждый дом обрел своеобразие, необходимо в дополнение к основным конструкциям изготовлять разнообразные доборные элементы крыш, карнизов, окон, дверей, фронтонов и т. д. Не исключено и индивидуальное дополнение облика такого дома резьбой. Привлечение сельских жителей к соавторству с архитекторами позволит придать индустриальным строениям индивидуальный характер и будет способствовать росту народного творчества[125].

Вариабельное заводское домостроение может стать современным воплощением народного способа рубки жилого дома с обязательным индивидуальным его завершением. Сочетание традиционной обработки доступного материала с индустриальными методами, творческая инициатива могут привести к интересным и своеобразным решениям.

Говоря о Белоруссии в целом, нужно учитывать, что в рамках отдельных регионов при определенной типологической общности исторически сложились региональные архитектурные школы. Внимательное изучение и развитие их достижений поможет отразить в современных сельских домах особенности народной архитектуры Поозерья, Поднепровья, Центральной Белоруссии, Полесья, Понеманья. Народный опыт помогает ответить на многие вопросы, которые ставит перед нами современность. Но изучение этого опыта нельзя сводить только к музейной работе или охране отдельных памятников. Вполне реальной стала возможность сохранения старой сельской структуры с ее памятниками на месте, в процессе реконструкции поселения. Первые шаги в этом направлении уже начинают предприниматься.

Национальное и региональное своеобразие народной архитектуры проявляется не только в застройке, но и в элементах оформления улицы. В настоящее время возросло разнообразие и количество элементов декоративного оформления. Условно их можно объединить в группы: декоративные элементы (цветочницы, вазы, группы малых форм), мемориальные памятники (обелиски, мемориальные доски и доски почета), элементы информации, садово-парковая мебель и т. д.[126] Народные традиции здесь также могут оказаться полезными. Например, в Литве традиционно распространена народная деревянная скульптура, мемориальные знаки, и зодчие Литвы продолжают ее развивать в современном сельском строительстве[127]. В селах Молдавии издавна существовала традиция сооружать вокруг родника каменную стенку и проводить здесь общественные мероприятия. Она находит отражение и в современных проектах.

Использование народного архитектурного наследия в строительстве нового белорусского села значительно возросло. Сельские улицы застраиваются индивидуальными домами коттеджного типа, в которых предпринимаются попытки отразить пропорции, формы, тектонические особенности народного зодчества (характер основного объема, форма крыши и т. д.). Ведется научно-исследовательская работа в области сельского строительства по проблеме связи народного зодчества с современностью [128].

---

[124] Маханько Б. А. Архитектура сел: Проблемы и задачи // Архитектура СССР. 1976. № 3.

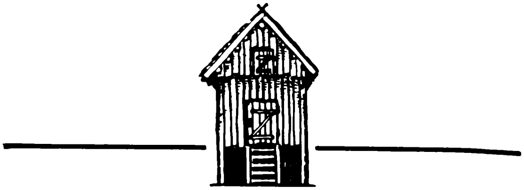
[125] Павлова И., Гурари М. Многоликий стандартный дом // Архитектура СССР. 1978. № 12.

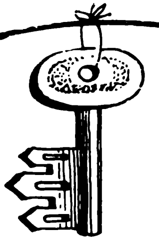
[126] Планировка и застройка сельских населенных мест в СССР. М., 1980. С. 264—265.

[127] Tauras A. Crozis musu Kaime. Vilnius, 1971.

---

[128] Назарэнка Б. М. Выкарыстаць асаблівасці народнага дойлідства // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1979. № 3.





заключение

Изложенный и проанализированный в книге материал можно обобщить следующим образом для выяснения и определения путей сохранения, изучения и использования народного зодчества в современной архитектуре.

Общеэтнические особенности поселений, усадеб, жилища, хозяйственных построек Белоруссии развились из общих истоков материальной культуры русских, украинцев и белорусов, сформировавшихся в эпоху восточнославянского этнического единства — древнерусской народности. Развитие национального своеобразия белорусского народного зодчества, его формирование шло в неразрывном единстве с развитием всей материальной культуры белорусского этноса в новых исторических условиях.

Особенности белорусского народного зодчества имеют определенные регионы своего распространения. Многие из них внутри регионов образуют компактные зоны (локальные районы). Некоторые охватывают территорию нескольких этнографических регионов, образуя обширные межрегиональные области.

Отдельные локальные районы и регионы Белоруссии входят в ареал генезиса ряда межэтнических особенностей народного зодчества восточных славян.

В ходе исторического развития наблюдается процесс снижения разнотипности локальных и региональных особенностей их влияния, усиления на их основе, под воздействием различных факторов, общих особенностей как национального, так и межэтнического характера (распространение на восточноевропейской территории поселений уличной структуры, дворов с несвязанными постройками, многокамерных жилищ, унификация внутреннего оборудования, развитие пластического и цветового декора и т. д.).

В настоящее время развитие народного жилища идет по двум основным направлениям: народно-традиционному и индустриальному. Все сильнее обнаруживается неразрывная связь этих направлений в строительстве современного села. Важная задача современности — расширение использования лучших традиций народного зодчества. Это требует дальнейшего изучения исторических закономерностей формирования архитектурно-ландшафтных ансамблей поселений, принципов взаимовлияния их отдельных компонентов.

Облик сельской местности сейчас во многом зависит от архитектурной и природной среды, на которые все активнее влияют агропромышленное развитие, энергетика, транспорт, мелиорация. В вопросах гармонизации сельской среды очень важна роль традиций народного зодчества. Умело использованные, они активно участвуют в создании общественной психологии и в случае удачных решений содействуют ее оптимизации. Излишняя урбанизация села вызывает отторжение человека от естественной природной среды, к которой он принадлежит.

К настоящему времени еще не определены критерии масштабов сельских населенных мест, национальный облик современной сельской архитектуры. От общих разговоров об использовании народных традиций необходимо перейти к практическому анализу и эксперименту, выявить эмоциональное воздействие народного зодчества на человека и использовать его приемы и элементы с учетом региональных особенностей. Использование народных традиций должно базироваться на социальных, экономических и технических достижениях нашего времени.

Проблема сохранения памятников народной культуры возникла еще в конце прошлого века, в условиях капитализма, наступления города на деревню. Изучение и использование лучших традиций народного зодчества неразрывно связано с вопросами сохранения памятников народной архитектуры. Огромная роль в этом деле принадлежит архитектурно-этнографическим музеям-заповедникам.

Первый опыт нашел выражение в организации этнографических выставок. Народное зодчество, представляемое на них, включалось в весь комплекс крестьянской жизни. К наиболее крупным этнографическим выставкам следует отнести норвежскую 1867 г., чешскую 1894 г. и латышскую 1896 г., приуроченную к работе X Варшавского археологического съезда, на котором в качестве образцов крестьянского зодчества экспонировались четыре избы с полной обстановкой и манекенами в национальной одежде.

Идея создания первого музея народной архитектуры под открытым небом принадлежит шведскому ученому Артуру Хецелиусу (1833—1904 гг.), основателю скансена — первого в мире музея народной архитектуры и быта, который был открыт в Швеции близ Стокгольма в 1891 г. Сюда перевозились целые дворы вместе с их обитателями и хозяйством [1].

По образцу скансена при непосредственном участии Хецелиуса создаются музеи в Копенгагене, Осло, Лиллехаммере, Хельсинки. В настоящее время большое количество музеев-скансенов существует в Польше, Венгрии, Чехословакии, Югославии, Румынии и других странах Европы и Америки.

В нашей стране к наиболее старым относятся музеи народного быта Прибалтики (в Риге, Таллинне). Сейчас у нас существует свыше шестидесяти таких музеев. Имеется и определенный научный опыт, обобщающий отечественную и зарубежную практику музейного строительства [2].

В соответствии с Постановлением ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 9 сентября 1976 г. музей под открытым небом строится и в БССР. Многие материалы данной работы были использованы для разработки тематико-экспозиционных планов отдельных зон музея, проектов реставрации ряда памятников.

В нашей стране выработаны два основополагающих метода создания музеев деревянного зодчества: первый предполагает реставрацию памятников на месте и размещение в них историко-бытовой экспозиции, другой — перевозку памятников в музей.

Первый принцип оправдан, если один или группа памятников расположены невдалеке от популярного туристского маршрута, второй приемлем тогда, когда историческая и художественная ценность памятника может быть раскрыта лишь в специально созданной среде.

Современное состояние проблемы сохранения народного культурного наследия показывает, что есть и более прогрессивные решения, позволяющие свести воедино проблему охраны памятников и проблему сохранения окружающей среды, т. е. раскрывающие экологию этноса. Еще в 60-е годы Ю. Ушаков рекомендовал экспозиции под открытым небом создавать на основе традиционной застройки старых сел. По этому принципу строятся музеи под открытым небом в США, где памятники объединяются на территориях старых ранчо и факторий, «тропах дедов». В условиях современных общественных отношений идея скансена уступает место более прогрессивной идее архитектурно-этнографического парка-заповедника. По такому принципу планируется и строительство Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. Идея создания музея на основе заповедной зоны проявилась уже в выборе территории, в верховье реки Птичь у древнего городища на Менке, обильно покрытой древними курганами. Расположенная рядом деревня Строчица, место старого фольварка и корчемного двора, древние дороги создают ту историческую среду, в которой можно «приживить» перевозимые объекты. В ландшафтно-территориальном отношении место строительства музея является ценным памятником природы: пойма Птичи и Менки, древние тальвеги, живописные холмы, богатая фауна (обилие рыбы, водоплавающей птицы, бобры).

---

[1] Морозов М. Н. Скансен — этнографический музей Швеции под открытым небом // Сов. этнография. 1960. № 5.

[2] Ополовников А. В. Реставрация памятников народного зодчества. М., 1974; Он же. Музеи деревянного зодчества. М., 1968; Шмелев В. Музеи под открытым небом. Киев, 1983; Викманис К. О развитии Латвийского этнографического музея под открытым небом // Сов. этнография. 1963. № 2; Борисевич Г. В. Историко-теоретические основы организации музеев народного деревянного зодчества на примере музея в Новгороде: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новгород, 1973; Ушаков Ю. С. Памятники народного зодчества: Принципы организации музеев-заповедников // Стр-во и архитектура Ленинграда. 1973. № 6; Маковецкий И. Принципы организации музеев под открытым небом и их задачи // Сов. этнография. 1963. № 2; Корчагина В. Методы и техника организации музеев под открытым небом в Советском Союзе//Организация этнографического музея под открытым небом — принципы и методы. Бухарест, 1966; Гурков В. С., Терехин С. Ф. Музей народного зодчества и быта // Стр-во и архитектура Белоруссии. 1978. № 1; Титов В. С. Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта. Мн., 1982; Сергачев С. А., Локотко А. И. и др. Научные принципы формирования экспозиции Белгосмузея народной архитектуры и быта // Стр-во и архитектура Белоруссии. 1979. № 2.

Исторические и природные ценности территории составят заповедную зону музея. В Строчице планируется провести реконструкцию. Традиционная застройка (усадьбы, дома с резьбой и этнографическими интерьерами) включится в зону регенерации, многолетние деревья, сады, малые формы, составляющие характерный образ старой деревни,— в зону консервации. Участки с утраченными объектами войдут в зону адаптации, т. е. их восстановление возможно с привлечением этнографического материала.

Демографо-социологическое обследование уточнит перспективы деревни как социально-хозяйственного организма, позволит определить ее функциональные связи с музеем.

В неразрывном единстве с заповедной предстанет экспозиционная зона, включающая тему пристани и речных промыслов, поозерского хутора, экспозиций по зонам-секторам (Поозерье, Поднепровье, Центральный регион, Восточное и Западное Полесье, Понеманье). Широким кольцом, охватывающим зону, встанут уникальные памятники (хутор знахаря, дом старообрядцев, отдельные сооружения помещичьего двора и т. д.). На залесенном склоне, напротив устья Менки, будут расположены объекты, раскрывающие тему леса и лесных промыслов (поташни, ордашни, буды, гута, рудня, тартак, лесничевка, охотничий курень и т. д.), у музейных троп и дорожек — придорожные знаки, часовни. Предусматривается воссоздание региональных особенностей земледелия и полеводства. В живописной пойме Птичи и других местах будут созданы условия для проведения массовых фольклорно-этнографических программ, народных гуляний.

Третьей зоной станет специальный комплекс на периферии музейной территории — производственно-хозяйственная зона.

Музей станет важным объектом лесопаркового комплекса пригородной зоны туристического маршрута «Древнее кольцо города Минска», включающего памятники природы и истории в Прилуках, Заславле, Ратомке и других местах.

Работа по сохранению памятников народной архитектуры развивается в республике с каждый годом. Она требует дальнейшего изучения народного зодчества, роста экспериментальной, экспедиционной работы, популяризации этнографических знаний, привлечения к этнографическим исследованиям общественности, краеведов, проектировщиков и реставраторов для накопления новых ценных фактологических материалов — базы дальнейших научных обобщений.

приложение

Таблица 1. Классификация азональных типов поселений (конец XIX — середина XX в.

Тип	Характеристика	Регион распространения
Железнодорожный	Вдоль сети железнодорожных путей, на разъездах, станциях	Во всех регионах
Промышленный	Поселения, формирующиеся в условиях территориальных и промышленных районов	Мозырско-Речицкий, Солигорский, Старобинский, Микашевичский, Березовский, Новолукомльский, Новополоцкий
Агропромышленный	Поселения отраслевой ориентации сельскохозяйственных комплексов	Во всех регионах
Пригородное хозяйство крупных городов	Поселки сельхозпредприятий (тепличные, животноводческие, питомники Зеленстроя и др.), в дачных поселках, зонах отдыха	Минск, Гомель, Витебск, Могилев, Гродно, Брест, Бобруйск, Барановичи, Пинск, Орша, Борисов

Таблица 2. Типологическая классификация сельских поселений Белоруссии (конец XIX — середина XX в.)

Ландшафтная организация	Тип	Планировочная характеристика	Регион распространения
Линейные	Одноуличные	Деревни-односторонки берегового типа	Полесье, Понеманье
		Деревни-односторонки материкового типа	Поднепровье, Центральная Белоруссия
		Деревни-двусторонки	Поднепровье, Центральная Белоруссия, Восточное и Западное Полесье, Понеманье, Поозерье

Продолжение табл. 2

Ландшафтная организация	Тип	Планировочная характеристика	Регион распространения
Пространственные	Многоуличные	Центричные	Западное Полесье, Восточное Полесье
		Погостные	Западное Поднепровье, Центральная Белоруссия, Понеманье
		Поселения заболоченной полосы	Юг Центральной Белоруссии, север Полесья
		Иррегулярные	Поозерье
		Квартальные	Спорадически во всех регионах
	Бессистемные	Иррегулярные	Поозерье
		Центричные	Восточное Полесье

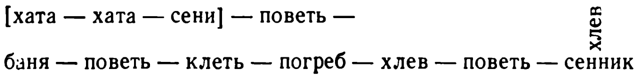
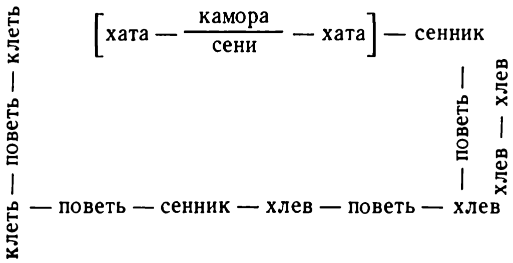
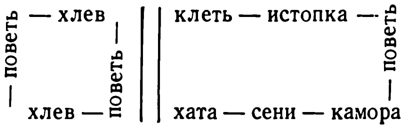
Таблица 3. Типологическая классификация белорусских местечек (XIX — начало XX в.)

Тип	Разновидность	Фактор формирования	Пример
Географический	Болотные	Низменности, поймы рек	Волколата Докшицкого, Дивин Кобринского р-нов
	Суходольные	Надпойменные террасы и водоразделы	Сухари Могилевского, Черневка Шкловского, Деречин Зельвенского р-нов
	Портовые	Берега и заводи судоходных рек и озер	Браслав, Дисна Верхнедвинского, Новый Свержень Столбцовского р-нов
Планировочный	Одноуличные	Коммуникации	Селиба Березинского р-на
	Многоуличные		Ивенец, Узда
	Позаклассификационные		Слоним, Леонполь, Острино
Исторический	Готические	Площадь с примыканием улиц по касательной к ее сторонам	Пинск, Скидель Гродненского, Белица Лидского р-нов
	Ренессансные	—	—
	Барочные	Застройка в ансамбле с магнатской усадьбой	Поставы, Щучин, Желудок Щучинского р-на
	Ампирные	Квартальный характер застройки	Барановичи, Молодечно, Вилейка

Таблица 4. Типологическая классификация веночных дворов Белоруссии (XIX — начало XX в.)

Тип	Характеристика	Структурно-планировочное решение	Адреса и источники
		ПООЗЕРЬЕ	
Закрытый	Жилое звено и денник в общем объеме	хата — сени | | хлев — хлев	По материалам экспедиций автора
	Объемы жилого звена и денника в конструктивно-планировочной связи	хата — сени — камора — варивня | денник — хлев — хлев сенник — хлев — хлев	д. Комаи Поставского р-на
	Открытый чистый двор и крытый денник симметрично разделены жилым звеном	клеть — жерновня — клеть — хлев — хлев (хата — сени — хата) | поветь | | денник | хлев — поветь — хлев — поветь — пуня	д. Великое Тешелово Городокского р-на
Открытый	Чистый двор и денник на параллельных осях	хлев — хлев — хлев — хлев — сенник поветь денник | поветь [хата — сени — камора — $\frac{\text{истопка}}{\text{кладовая}}$] — дровяник клеть — клеть — поветь — одрина — поветь	д. Акелы Поставского р-на
	Дифференцированный чистый двор и замкнутый денник	[хата — сени] — хлев — хлев — хлев клеть хлев	д. Януки Докшицкого р-на

ПОДНЕПРОВЬЕ

Открытый	Чистый двор и денник совмещены	 [хата — хата — сени] — поветь — хлев баня — поветь — клеть — погреб — хлев — поветь — сенник	д. Кукличи Чечерского р-на
	Чистый двор и денник на одной оси	 [хата — камора / сени — хата] — сенник — поветь — хлев — хлев клеть — поветь — клеть — поветь — сенник — хлев — поветь — хлев	По Е. Р. Романову
	Чистый двор и денник разделены улицей	 — поветь — хлев — поветь — хлев — клеть — истопка — — поветь хата — сени — камора	По Л. А. Молчановой

Условные обозначения: [...] — доминирующее звено; — — функциональные связи; ‖ — улица, разделяющая застройку двора

Таблица 5. **Типологическая классификация линейных (погонных) дворов Белоруссии (XIX — середина XX в.)**

Характеристика	Структурно-планировочное решение	Адрес
	ОДНОРЯДНЫЙ ПОГОН	
Конструктивная самостоятельность жилого и хозяйственного звеньев, доминирующее положение жилого звена	$\left[\text{хата — сени — }\frac{\text{камора}}{\text{клеть}}\right]$ — хлев [хата — сени — камора] ‖ (хлев)	д. Исерно Слуцкого р-на д. Низок Узденского р-на
Конструктивное единство звеньев при доминирующем положении жилого звена	[хата — сени — клеть] — замет — (хлева) [хата — сени — клеть] — поветь — (пристопка — истопка)	д. Новоселки Стародорожского р-на д. Огородники Слуцкого р-на
При объемно-пространственном единстве звеньев	(клеть — хата — сени) — (истопка — хлев — птичник) (хата — сени) — (поветь — камора — клеть) — (хлев — дровяник) погреб — $\left(\text{хата — }\frac{\text{сени}}{\text{камора}}\text{ — }\frac{\text{сенички}}{\text{кладовая}}\text{ — клеть}\right)$ — (одрина — хлева — птичник) (хата — сени — камора — истопка) — (клеть — сени — хата)	д. Цвикличи Гродненского р-на д. Докторовичи Копыльского р-на д. Садовичи Копыльского р-на д. Селевичи Слонимского р-на
	ДВУХРЯДНЫЙ ПОГОН	
Конструктивная самостоятельность и доминирующее положение клети второстепенного ряда	(хата — сени — камора) — (истопка — хлев — птичник) (клеть — истопка) — (хлев) [клеть] ‖ (хлева) ‖ (хата — сени — камора) — (одрина — хлева)	д. Валевка Новогрудского р-на дд. Мелихи, Дайново Ивьевского р-на
Конструктивное объемно-пространственное единство рядов	(хата — сени — камора) — (истопка — хлева — птичник) (клеть — истопка) — (хлева)	д. Тальковцы Волковысского р-на

Условные обозначения: [...] доминирующее звено; — — функциональные связи; (...) прочие звенья; ‖ — улица, разделяющая застройку двора

Таблица 6. Схема эволюции типов двора Восточной Европы (XIX — начало XX в.)

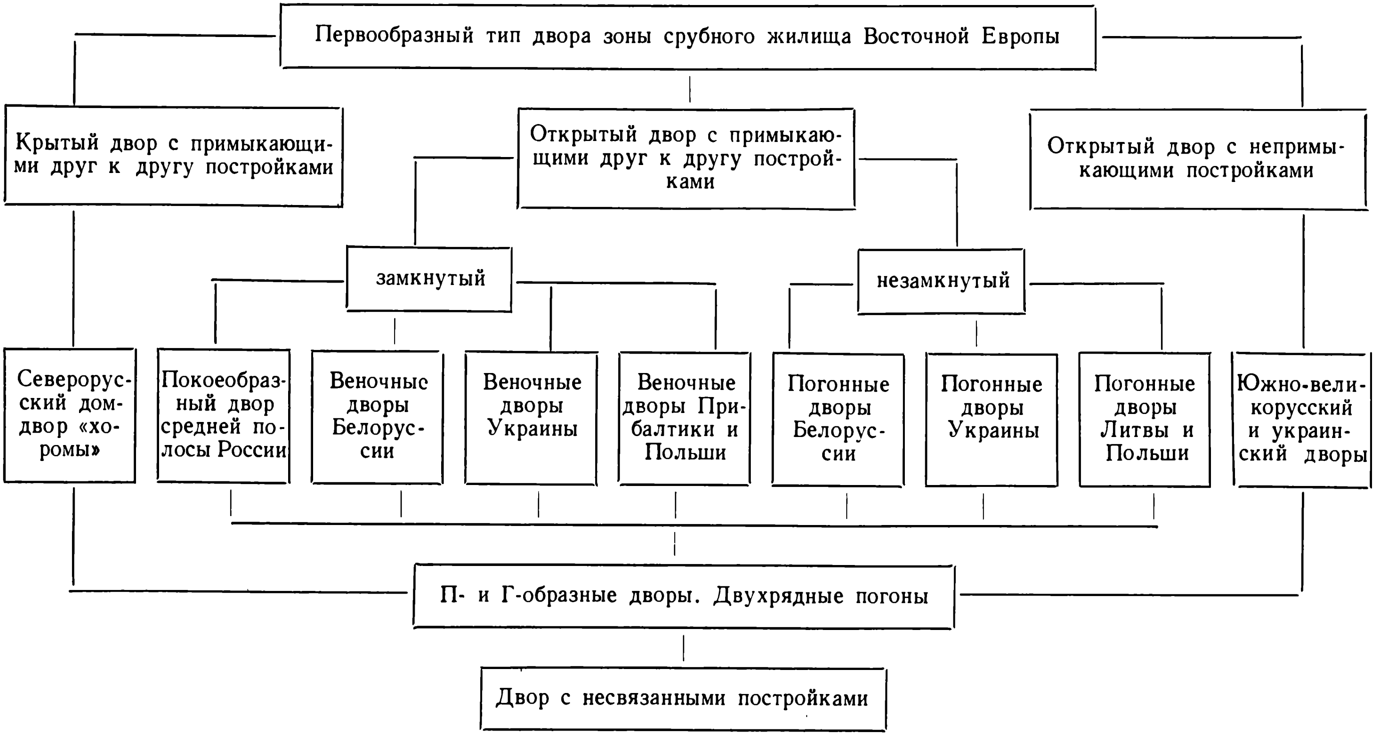

Первообразный тип двора зоны срубного жилища Восточной Европы
Крытый двор с примыкающими друг к другу постройками
Открытый двор с примыкающими друг к другу постройками
Открытый двор с непримыкающими постройками
замкнутый
незамкнутый
Северорусский дом-двор «хоромы»
Покоеобразный двор средней полосы России
Веночные дворы Белоруссии
Веночные дворы Украины
Веночные дворы Прибалтики и Польши
Погонные дворы Белоруссии
Погонные дворы Украины
Погонные дворы Литвы и Польши
Южно-великорусский и украинский дворы
П- и Г-образные дворы. Двухрядные погоны
Двор с несвязанными постройками

Таблица 7. Типологическая классификация архитектурного решения белорусского народного жилища (XIX — начало XX в.)

Композиция	Характеристика объема	Форма крыши	Регион распространения
Центричная	Односрубный	Шатровая	Восточное Полесье и Юго-Западное Поднепровье
Центрично-осевая	Двухсрубный	Четырехскатная	Юго-Западное Поднепровье и Центральное Полесье
		Трехскатная	Во всех регионах и преимущественно в Понеманье
		с причелком	Западное Полесье, Понеманье
		с залобком с обычным щитом	Юго-запад, запад Центральной Белоруссии, Поозерья
Осевая	Трехсрубный	Двускатная	Во всех регионах и преимущественно в Центральной Белоруссии

Таблица 8. Типологическая классификация планировки белорусского народного жилища (середина XIX — начало XX в.)

Планировочный тип	Структура	Регион распространения
Однокамерный	хата	Восточное Полесье
	хата — сени	Восточное и Центральное Полесье, юго-запад Поднепровья, юго-восток Центральной Белоруссии
Двухкамерный	хата — сени	Центральная Белоруссия
	хата — хата	
	хата — хата | веранда	Западное Поднепровье
Трехкамерный	хата — сени — камора, клеть, истопка	Западное Полесье, Понеманье, Центральная Белоруссия, Поозерье, Поднепровье
	хата — хата — сени хата — сени — хата хата — сени — хата | веранда	Поднепровье
	камора | хата — сени — клеть	Во всех регионах
Многокамерный	истопка — камора | | хата — сени — сенички — клеть	Южная часть Центральной Белоруссии, Понеманье
	спальня — столовая — камора | | | хата — кухня — сени — клеть	Понеманье, северо-запад, запад Центральной Белоруссии

Таблица 9. Типологическая классификация клетей (XIX — начало XX в.)

Функциональный тип	Архитектурно-конструктивные особенности	Регион распространения
В составе жилого звена	Одноярусные	Запад Поднепровья, Центральная Белоруссия, Понеманье
	Двухъярусные	Юг, юго-запад Центральной Белоруссии
Самостоятельные постройки	На столбовых опорах	Среднее и Западное Полесье
	На каменной подклети	Понеманье, запад Центрального региона
	Двухъярусные	Северо-запад Центральной Белоруссии, юго-запад Поозерья, Понеманье
Двойные клети	Одно- и двухъярусные	Западное Поозерье

Таблица 10. Типологическая классификация погребов (XIX — середина XX в.)

Функциональный тип	Конструктивные разновидности	Регион распространения
Земляные бурты		Поднепровье, восток и средняя часть Центральной Белоруссии
Погребные ямы	Двускатные	Поднепровье, Понеманье
	Пирамидальные	Понеманье
Погреба в подполье хаты	Не имеющие наружного входа	Поднепровье, восток Центральной Белоруссии
	С наружным входом в фундаменте	Запад Поозерья, северо-запад Центральной Белоруссии, северо-восток Понеманья
	С наружным входом через пристроенную погребню	Центральная Белоруссия, спорадически Поозерье, Восточное Полесье
Погреба в сенях		Во всех регионах, преимущественно в Понеманье
Погреба в подклети	С отдельным входом	Понеманье, северо-запад Центральной Белоруссии
	Без отдельного входа	Понеманье, юго-запад Поозерья, северо-запад Центральной Белоруссии
Отдельные постройки	Без погребни (накрытый дерном свод)	Запад Поднепровья, Центральная Белоруссия, Поозерье, Понеманье
	С деревянной погребней	Во всех регионах
	С каменной погребней	Понеманье, запад и север Центральной Белоруссии, запад Поозерья

Таблица 11. Типологическая классификация истопок (XIX — середина XX в.)

Тип	Конструктивно-планировочные разновидности	Регион распространения
В составе жилого звена	Разделена с жильем сенями	Западное Поднепровье, Полесье, юг Центральной Белоруссии, Понеманье

Продолжение табл. 11

Тип	Конструктивно-планировочные разновидности	Регион распространения
	Непосредственно примыкает к жилью	Юго-запад Центральной Белоруссии, Полесье, Понеманье
Как связь между жилым звеном и хлевами (однорядный погон)	Соединена с жилым звеном через поветь	Юго-восток Центральной Белоруссии, юго-запад Поднепровья
	Соединена с жилым звеном через пристопку	Юг Центральной Белоруссии
	Непосредственно примыкает к жилью	Спорадически во всех регионах
Как связь между хозпостройками (двухрядный погон, веночная застройка)	В паре с пристопкой В паре с клетью Соединена с клетью через поветь	Понеманье, северо-восток Западного Полесья, запад Центральной Белоруссии, Поозерье, Поднепровье
Самостоятельное сооружение	С пристопкой	Центральная Белоруссия, Понеманье, Полесье
	Без пристопки	Поднепровье, Полесье, юг Центральной Белоруссии

Таблица 12. Типологическая классификация сооружений пригуменья (середина XIX — XX в.

Тип	Функция	Конструктивные разновидности	Постройки	Регион распространения
Открытые каркасно-жердяные	Просушка	С внутренним каркасом	Стога	Во всех регионах
			Озероды	Поозерье, Северное Поднепровье, Север Центральной Белоруссии
			Переплоты	Поозерье, север Центральной Белоруссии
			«Брыкі»	Поозерье, север Центральной Белоруссии
	Просушка и хранение	С наружным каркасом	«Абарог»	Во всех регионах
			Навес-сенник	Поозерье, север Центральной Белоруссии и Поднепровья
Закрытые каркасно-срубные	Хранение	Каркасные	Стирта	Понеманье
			Столбовая пуня	Поозерье
		Срубные	Срубная пуня, одрина	Во всех регионах

Таблица 13. Типологическая классификация гумен (середина XIX — начало XX в.)

Композиционные типы	Особенности плана	Проезд	Крыша		Регион распространения
			Форма	Конструкция	
Центричные	Многоугольный	Тупиковый Сквозной Сквозной с поворотом	Шатровая Четырехскатная	Срубная Каркасно-столбовая	Полесье, юго-запад Центральной Белоруссии

Продолжение табл. 13

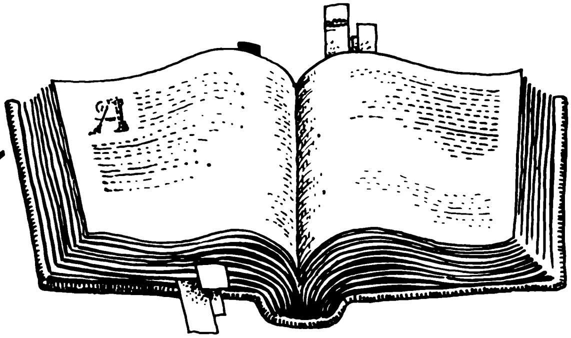
Композиционные типы	Особенности плана	Проезд	Крыша		Регион распространения
			Форма	Конструкция	
	Квадратный	Тупиковый Сквозной	Четырехскатная	Срубная Каркасно-столбовая	Полесье, Центральная Белоруссия, Поднепровье, восток Понеманья
Осевые	Многоугольный	Сквозной Сквозной с поворотом	Четырехскатная	Каркасно-столбовая	Полесье, Центральная Белоруссия, Понеманье
	Прямоугольный	Сквозной	Четырехскатная Вальмовая Двускатная	Каркасно-столбовая	Во всех регионах
	Неправильной формы	Сквозной Сквозной с поворотом	Четырехскатная Двускатная	Каркасно-столбовая	Полесье

Таблица 14. Типологическая классификация ветряных мельниц (середина XIX — начало XX в

Тип	Конструктивные особенности	Регион распространения
Козловые	На дубовой крестовине	Западное Полесье, Понеманье, Центральная Белоруссия
	На оси, защемленной в каменное основание	Центральная Белоруссия, Понеманье
Шатровые	С многогранным корпусом	Поднепровье, Восточное Полесье, спорадически в Центральной Белоруссии, Западном Полесье
Малогабаритные	Обычной конструкции С крыльями и передачей на шатровом корпусе С воздушной турбиной над крышей дома	Поозерье
	На колесах	Полесье, Поозерье

Таблица 15. Типологическая классификация водяных мельниц (XIX — начало XX в.)

Тип	Характер движущего устройства (колеса)	Использование энергии воды	Архитектурные особенности	Регион распространения
Наплавные	Вертикальное	Кинетическая	Свайная конструкция	Полесье, Поднепровье
	Горизонтальное (турбина)	Потенциальная	Паромная конструкция	
Запрудные	Вертикальное	с нижним боем с верхним боем	На свайном помосте или каменной подклети	Полесье Понеманье, Центральная Белоруссия, Поозерье, Поднепровье
	Горизонтальное (турбина)	Кинетическая с искусственным усилением напора	В комплексе с плотиной, мостом, паромом, корчмой, мастерскими	Восточное Понеманье, Центральная Белоруссия, Поозерье, Поднепровье



терминологический словарь

АБАРО́Г (оборо́г) — каркасное сооружение для просушивания и хранения кормовых с подвижной крышей, способной перемещаться вверх или вниз в зависимости от размеров находящегося под ней стога

АБЛУБІЦА (облу́бица) — деревянный кожух вокруг жерновов в мельнице

АБЯЧА́ЙКА (обеча́йка) — цилиндрический деревянный короб, верх жерновового постава

АДРЫ́НА (одри́на) — срубное или каркасное сооружение пригуменья для хранения сена, соломы. На Полесье аналогичное сооружение называют пуней, клуней. В бассейне Березины рядом с А. сооружался открытый ток.

АЗЯРО́Д (озеро́д) — каркасно-жердевое сооружение для просушивания кормовых

АКАНІЦЫ (ста́вни) — глухие створки на окнах (иногда одна). В наше время утратили функциональное назначение и выполняют роль декоративных элементов

АМБА́Р (амба́р) — клеть, небольшое, приподнятое над землей на фундаменте сооружение, в котором хранили ценное имущество, и в первую очередь зерно, муку

АСЕ́ЦЬ (осе́ть) — срубное помещение с печью-каменкой в гумне, предназначенное для огневой сушки снопов

АЎСТЭРЫЯ (аустерия) — тип заезжей корчмы. *См.* заезд.

АФІЦЫНА (офици́на) — постройка мелкопоместной усадьбы (фольварка), предназначенная для слуг

АХЛУПЕНЬ (о́хлупень) — бревно с выдолбленным пазом, прикрывающее гребень тесовых крыш

АШО́СТАК (оше́сток) — жердь, закрепленная одним концом к печному столбу, другим — к противоположной стене. На А. вешался полог, которым отгораживалось спальное место хаты («пол», полати).

БІЛА (би́ло) *см.* ашостак

БОРЦЬ (борть) — колода для диких пчел. Б. вешались на деревьях, ставились в огороде вдоль забора. в палисаднике

БРА́МА (бра́ма) — сооружение с воротами и калиткой. В старину Б. ставились также на въезде и выезде из деревни

БРО́ВАР (виноку́рня) — сооружение в мелкопоместной усадьбе или фольварке, предназначенное для виноделия

БРЫКІ (веша́ла) — очищенные от коры суковатые еловые стволы, поставленные пирамидально. На них навешивались кормовые для просушки

БУДА (бу́да) — предприятие по производству поташа (ордаша), дегтя в феодальном хозяйстве

БЭЛЬКА (ба́лка) — балка потолка

БЯГУН (бегу́н) — 1) вращающийся камень в жерновах; 2) шип в доске двери или ворот, выполняющий роль оси (ворота «на бегунах»)

ВАДЗЯНЫ МЛЫН (водяна́я ме́льница) — работает от энергии падающей (запрудная мельница) или проточной воды (наплавная мельница). Рабочий орган — колесо-турбина. В первом случае устанавливалось в вертикальном положении, во втором — в горизонтальном

ВАРЫ́ЎНЯ (исто́пка) — небольшое срубное обогреваемое сооружение для хранения корнеплодов в низинных и заболоченных местностях, где затруднительно было строить погреба. Обогревалась очагом из камней, в который засыпались горячие угли

ВЕРАЦЯНО́ (веретено́) — металлическая ось движущегося камня (бегуна) в жерновах

ВЕ́ШНІЦА (кали́тка) — створка, дверца в заборе или браме

ВІЛЬЧЫК (коне́к) — верхнее перекрестье ветровых досок, прикрывающих торцы скатов крыши — закрылин. Вырезался в виде парных фигур птиц, животных

ВО́ЛЯ, ВЎЛЬКА — феодальное сельское поселение, освобожденное на некоторое время частично или полностью от налогов. *См.* слобода

ВО́РАТ (во́рот) — часть ствола с суком, используемая в качестве оси для дверей и ворот. К суку деревянными гвоздями крепились доски

ВО́ЧАП (о́чеп) — жердь в колодце-журавле, к которой непосредственно крепилось ведро

ВЎГАЛ (у́гол) — обобщающее название системы замков, при помощи которых соединяются бревна в срубе (угол «в охряпку», «в лапу», «в чашку», «в каню», «чистый» угол и т. д.).

ВУС (ус) — косой подтес (45°) торца доски или бруса для обеспечения плотного соединения

ВУША́К (кося́к) — вертикальная стойка в конструкции ворот, брамы, дверной коробки

ВЯНДЛЯ́РНЯ (копти́льня) — башнеобразное сооружение для копчения мясных продуктов

ВЯНО́К (вено́к) — ряд бревен, соединенных в углах врубками-замками

ВЯНО́ЧНЫ ДВОР (вено́чный двор) — один из древних типов застройки крестьянского двора, в котором жилые и хозяйственные постройки размещались по периметру

ВЯТРА́К (ветря́к) — ветряная мельница. Разновидности ее — козловая и шатровая

ГАНАК (крыльцо́) — пристройка перед входом в хату, со ступеньками и навесом на столбах

ГАРЛА́Ч (горла́ч) — короб, по которому ссыпалась мука из жернового постава

ГАРЫШЧА, ГАРА́ (черда́к) — пространство в хате между крышей и потолком

ГАРЭ́НА (горе́на) — в Поднепровье малогабаритная постройка с печью для обжига керамики

ГАЦЬ (гать) — бревенчатый настил, дорога через болото

ГО́РАН (горн) — печь в кузнице для нагревания металла

Г-ПАДО́БНЫ ДВОР (Г-образный двор) — тип застройки крестьянского двора, в котором хозяйственные постройки стоят под прямым углом к жилым и соседствующим с ними. Возник в ходе эволюции веночного и погонного дворов.

ГРЭ́БЛЯ (гре́бля) — на Полесье песчаная насыпь, основание для гати или постройка на заболоченном участке

ГУЖО́ЎКА (гуже́вка) — ивовые или березовые прутья, вымоченные в воде и служащие для крепления жердей в соломенной кровле

ГУМНІ́ШЧА (гумни́ще) — часть усадьбы, обычно в конце надела, где стояли гумно, озероды и другие сооружения

ГУМНО́ (гумно́) — срубное сооружение для хранения соломы, сушки и обмолота ржи. Внутри сооружалась осеть и площадка-ток

ГУ́ТА (гу́та) — предприятие по производству стекла в феодально-барщинном хозяйстве

ДАМАВІ́НА (домови́на) — надгробный памятник в форме усеченной пирамиды, вырезанный из дерева. Распространен на Полесье

ДАРМАВЕ́С (дармове́с) — жердь, закрепленная между выпусками верхних венцов продольных стен, на которую опирается застрешек

ДЗЕД (дед) — название несущего прогона крыши в Восточном Полесье

ДЗЯДО́К (дедо́к) — стойка на балке или поперечной стене з развилкой вверху, поддерживающая главный прогон

ДЗЯННІ́К (денни́к) — площадка в замкнутом дворе для дневного отстоя скота

ДРАБІ́НЫ (ле́стница-стремя́нка) — лестница в сенях на чердак

ДРА́НКА (дра́нка) — материал для покрытия крыши — тонкие узкие щепы; изготовлялись вручную из березовых заготовок или при помощи механизма

ДРА́ЧКА (дра́чка) — продольный паз-выемка в верхней или нижней части бревна для лучшего сопряжения венцов и предотвращения протекания воды. В зависимости от расположения известны приемы рубки «драчкой вверх» и «драчкой вниз»

ДЫ́ЛІ (ды́ли) — расколотые пополам бревна

ДЫ́ШАЛЬ (ды́шло) — бревенчатый рычаг у основания ветряной мельницы, предназначенный для ее поворота к ветру

Е́ЎНЯ (е́вня) *см.* асець

ЖАРНО́ЎНЯ (жерно́вня) — помещение в усадьбе для ручных жерновов

ЖУРАВЕ́ЛЬ (жура́вль) — рычаг с противовесом для подъема ведра в колодце-журавле

ЖЭ́РДКАВАЯ АГАРО́ДЖА (жердяно́й забо́р) — большей частью применялась на пригуменьях. Два-три ряда жердей крепились между спаренными кольями — стойками

ЗАВА́ЛА (зава́л) — жердь, укрепленная поперек ворот конюшни, преграждающая выход лошади

ЗА́ГАРАД (сто́йло) — отсек в хлеву для мелкого скота или молодняка

ЗАГО́Н (заго́н) — обгороженная часть пространства в хлеву или около него для содержания скота

ЗАЕ́ЗД (зае́зд) — корчемный комплекс с конюшней (стодолой), сблокированной с шинком

ЗАКО́Т (зако́т) — крыша срубной конструкции; продольные бревна (закотвины, сволоки, слеги, самцы) соединены в замок с выведенными на всю высоту бревенчатыми торцовыми стенами. Если закотвины плотно прилегают друг к другу, то закот считается сплошным (применяется в клетях, амбарах), если они уложены через одно или несколько бревен — разреженный закот, применявшийся при строительстве хат, хлевов, гумен

ЗАКО́ТВІНА (зако̀твина) — продольное бревно в крыше закотом

ЗАКРЫ́ЛІНЫ (приче́лины) — ветровые доски, защищающие торцы скатов

ЗАЛІ́З (подте́с) — подтес круглого бревна в месте конструктивного сопряжения

ЗАЛО́БАК (ва́льма) — урезанный снизу скат крыши с небольшим трапециевидным фронтоном

ЗАМЕ́Т (заме́т) — ограждение из бревен в шулы

ЗА́СЕК (закро́м) — в клети, амбаре, истопке или погребе часть пространства, огражденная дощатыми перегородками

ЗАСТАРО́НКІ (засторо́нки) — закрома в гумне

ЗАСЦЕ́НАК (засте́нок) — мелкое шляхетское поселение, расположенное за пределами общинных угодий

ЗАСТРЭ́ШАК (застре́ха) — узкий навес над стеной, защищающий ее от дождевой воды, стекающей со щита

І́ГЛІЦА (и́глица) — в крыльях ветряной мельницы деревянные бруски, продетые насквозь через перо крыла (шмыга) и служащие каркасом для нашивки-заполнения (дранка, холст)

ІМШАНІК (омша́ник) — в Поднепровье и Поозерье малогабаритное сооружение для хранения пчелиных домиков, колод зимой. *См.* мурня. Часто так называют истопку

КАБЫ́ЛКА (кобы́лка) — набиваемый на концы стропильных ног брусок с целью придания свесу крыши излома

КАКО́ШНІКІ (коко́шники) — жерди с загибом в комлевой части или доски с аналогичными вырезами в крышах закотом. Поперек К. набивались вдоль скатов жерди, на которые клался тес

КА́ЙДУБ (до́лбень) — на Полесье колодезный проем, сделанный из дубового ствола с удаленной сердцевиной

КАЛАЎРО́Т (коловоро́т) — 1) деревянный барабан с ручкой-рычагом в колодце для подъема ведра; 2) в Поднепровье ворота при въезде в деревню, поворачивающиеся вокруг вертикального столба; 3) механизм поворота ветряной мельницы

КАЛО́ДЗЕЖ (коло́дец) — сооружение для водоснабжения из грунтовых слоев с деревянным (срубным) или каменным проемом

КАМІНО́К (коминок) — угол печи, на котором сжигали лучину

КАПЛІ́ЦА (часо́вня) — небольшая культовая постройка

КАНСО́ЛЬ (консо́ль) — выпуск бревна, служащий конструктивной опорой

КАРЧМА́ (корчма́) — в Белоруссии были известны два типа К.— заезжие и незаезжие. Первые представляли собой обширную постройку с воротами, сквозным проездом, конюшней и каретным сараем, клетями, ночлежкой, залом-шинком и жильем хозяина. Вторые были меньших размеров и состояли из кухни, жилья хозяина, ночлежки и шинка.

КЛЕЦЬ (клеть) *см.* амбар. Часто на каменном фундаменте-подклети, двухъярусные с галереей или балкончиком (приклетник), перекрытые сплошным закотом с плотно пригнанными досками пола, промазанными глиной. Внутреннее пространство делилось на засеки-закрома

КЛУ́НЯ (ри́га) — на Полесье и в некоторых районах Понеманья так называют сооружение для хранения сена, соломы. *См.* адрына, пуня, сяннік

КЛЮЧЫ́ (ключи́) — жерди, навешенные на главный прогон при помощи колышков (пальцев); один ключ пропускается через отверстие во втором

КО́ЗЛІКІ (ко́злики) — короткие перекрестные жерди, прижимающие солому на гребне крыши

КО́ЗЛЫ (ко́злы) — скрещенные стойки, поддерживающие главный прогон крыши.

Устанавливаются на балках и поперечных стенах

КО́ПАНКА, КО́ПАНЬ (ко́пань) — искусственный пруд возле бани

КРО́КВЫ (стропи́ла) — несущие элементы в в крышах стропильной системы. Устанавливаются парами вдоль сооружения и опираются либо на верхние бревна продольных стен, либо на специальные бревна — мауэрлаты, либо на выносы балок

КРУ́ГЛЫ ДВОР (кру́глый двор) — региональное название дворовой застройки в Поднепровье. *См.* вяночны двор

КРУЖЛАВІ́НА (кружлови́на) — металлический диск-упор в неподвижном камне жерновов

КРЫЖАВІ́НА (крестови́на) — основание из мощных парных брусьев в ветряных мельницах-козловках

КУЛЬ (куль) — сноп соломы или камыша для покрытия крыши

КУРЭНЬ (куре́нь) — небольшой шалаш, в котором охотник поджидал добычу; в старину тип двора на Полесье с хатой, расположенной в центре застройки

ЛА́ВЫ (мостки́) — дощатый настил на сваях между дворами в поселениях Полесья, расположенных в заболоченной местности

ЛА́ГІ (ла́ги) — балки, врубаемые в нижний венец и служащие основанием для пола. *См.* падмостнікі

ЛА́ТЫ (обрешетка) — жерди, укрепленные поверх ключей или стропил, к которым привязывалась солома, камыш или дранка

ЛЁЖНІ (лёжни) — дубовые бревна нижнего венца, выполняющие роль фундамента

ЛЕ́МЕГ (ле́мег) — элементы крыши закотом, бревна фронтонной части

ЛЁХІ (лёхи) — закотвины, самцы и др.

ЛІ́ШТВЫ (нали́чники) — надоконные и подоконные доски, закрывающие осадные щели между оконной коробкой и срубом

ЛУЧНІ́К (лучни́к) *см.* пасвет, светач

ЛЯДО́ЎНЯ (ледни́к) — в фольварках постройка для хранения скоропортящихся продуктов летом с двойными стенами, между которыми укладывался лед

ЛЯ́ДЫ (ля́ды) — когда-то территория подсечного земледелия

ЛЯЖА́К (лежа́к) — нижний неподвижный камень в жерновом поставе

ЛЯ́МУС (ля́мус) — одно- или двухъярусное сооружение XVII—XIX вв. В нижнем ярусе (часто каменном) — жилье прислуги, в верхнем, как правило, зернохранилище

ЛЯЦЁН (лете́н) — региональное название жилых сеней на Полесье

ЛЯЧА́Й (леча́й) — отверстие в жерновом поставе для засыпки зерна

МАНЁЖ (мане́ж) — постройка с механизмом на конском приводе для обмолота зерновых

МАХІ (кры́лья) — крылья ветряной мельницы, ветряка

МА́ЦІЦА (ма́тица) — главный прогон крыши

МОСТ (пол) см. падлога

МУРЛА́ТА (мауэрла́т) — бревно, параллельное верхнему бревну продольной стены, на которое опирались стропила

МУ́РНЯ (му́рня) — постройка на пасеке для хранения ульев зимой. *См.* імшанік

МУЧА́НІЦА (му́ченица) — в ветряной козловой мельнице мощная поперечная балка

МЯКІ́ННІК (мяки́нник) — пристройка к гумну для хранения мякины

ПАВЕ́ЦЬ, паве́тка (пове́ть, наве́с) — навес между хатой и хлевами или отдельное сооружение без стен для хранения дров, телег, саней, сохи, бороны и других сельскохозяйственных орудий труда

ПАГО́ННЫ ДВОР, паго́н (пого́н) — жилые и хозяйственные постройки ставятся в одну линию. *См.* рум., сцяг, шар

ПАГРАБНЯ́ (погребня́) — срубная надстройка над погребом

ПАДВА́ЛІНЫ (лаги́) — балки для настила полов. *См.* лагі

ПАДЛО́ГА (пол) — дощатый пол

ПАДМО́СТНІКІ (ла́ги) — в Поднепровье название лаг

П-ПАДО́БНЫ ДВОР (П-обра́зный двор) — неполный замкнутый двор (с трех сторон), возникший в результате эволюции веночного двора

ПАДРУ́Б (подру́б) — рубленое основание. *См.* лежні

ПАДСТО́ЛЬНІКІ (ба́лки) — в Поднепровье балки потолка

ПАДЭ́ШВЫ (крестови́на) — мощные дубовые плахи, основа козловой ветряной мельницы

ПАЛА́ЦІ (пола́ти) — настил из досок, один конец которого опирается на печь, а второй подвешен к потолку

ПАПЛЁТ (гужёвка) — тонкие жерди для крепления соломы или камыша к обрешетке

ПАРА́ПЛІЦА (пара́плица) — закладная деталь, устанавливаемая в движущемся камне жерновов (бегуне), соединенная с осью (веретеном) шарнирно или жестко (защемление)

ПАСВЕ́Т (посве́т) — переносное приспособление для сжигания лучины. *См.* светач

ПАСТА́Ў (поста́в) — жернова с емкостью для засыпки зерна

ПІВАВА́РНЯ (пивова́рня) — постройка в мелкопоместной усадьбе или фольварке для варки пива

ПЛАТВЕ́ВА (мауэрла́т) — в Западном Полесье обвязочный брус, уложенный на выносы балок

ПЛЕ́ЎНІК (пле́вник) *см.* мякіннік

ПЛОТ (забо́р) — ограда, на Полесье название плетеной изгороди. *См.* пляцень

ПЛЯЦЕ́НЬ (плете́нь) — ограда из прутьев и веток

ПРЫ́ЗБА (зава́линка) — насыпь для утепления в виде земляного валика или соломенных матов в нижней части сруба

ПРЫКЛЕ́ТНІК (прикле́тник) — галерея, навес перед входом в клеть, лямус

ПРЫЧО́ЛАК (приче́лок) — усеченная сверху скатная крыша с небольшим фронтончиком и оставшейся частью с козырьком внизу

ПУ́НЯ (пу́ня) *см.* адрына, клуня

ПЯРЭПЛА́Т (пере́плот) — жердевое сооружение для просушки кормовых, отличающееся от озеродов небольшими размерами

ПЯЦІСЦЕ́НКА (пятисте́нка) — хата, разделенная рубленой поперечной (пятой) стеной на две половины

ПЯЧНЫ́ СЛУП (печной столб) — стойка в углу печи для сжигания лучины

РАГАВІКІ́ (роговики́) — мощные косые упоры в козловом основании ветряной мельницы

РО́ЖКІ (ро́жки) — заостренные колышки на гребне крыши, прижимающие солому. *См.* козлікі

РУДНЯ́ (рудня́) — предприятие по производству железа из болотной руды

РУМ (рум) — локальное название погонного двора на Полесье. *См.* сцяг, шар

РЫШТАВА́ННІ (леса́) — леса, помосты

САЖАЛКА (пруд) — небольшой искусственный водоем возле бань

САЛАДО́ЎНЯ (солодо́вня) — постройка для выработки солода в мелкопоместном имении или фольварке

САМЦЫ (самцы́) *см.* закотвіны

СВАЛО́КІ *см.* закотвіны

САХА́ (соха́) — стойка с развилкой, несущей конструктивный элемент в крышах прогонной системы или опора для обвязочных бревен в стенах каркасной конструкции

СВЕ́ТАЧ (све́точ) — разновидность переносного приспособления для освещения жилья. *См.* пасвет

СВІ́РАН (амба́р) — клеть, амбар; региональное название, распространенное на Полесье и Понеманье

СЕ́НІ (се́нцы) — часть жилого звена, непосредственно примыкающая к хате. Выполняли роль летнего жилища, кухни, кладовой, а также важную связующую роль между жилыми и хозяйственными постройками

СКАРБЕ́Ц (скарбе́ц) *см.* лямус

СЛЕ́ГІ *см.* закотвіны

СТАВІ́ДЛА (стави́дло) — тормоз, регулятор числа оборотов вала ветряной мельницы

СТАДО́ЛА (сара́й, стодо́ла) — 1) название хозяйственного сооружения на Полесье, преимущественно гуменного; 2) каретный сарай и конюшня в заезжей корчме

СТАЛЕ́Ц (столе́ц) — в ветряной козловой мельнице брусчатое основание в верхней части осевого столба, служащее для опирания поворачиваемой части мельницы

СТОЎП (засторо́нок) — пространство в гумне, ограниченное несущими конструкциями (стойками, сохами) и перегородками или стенами

СТРАХАВІ́К (стрехови́к) — один — четыре снопа, образующие первый ряд при покрытии соломой или камышом

СТРАХО́ЎКА (стрехо́вка) — деревянная доска-гребень с насечкой для выравнивания соломы. Употребляется при покрытии крыш соломой или камышом

СЦІ́РТА (скирда́, сти́рта) — башнеобразная, каркасно-дощатая постройка (пуня) на Понеманье

СЦЯГ (стяг) — локальное название погонного двора в Центральном и Западном Полесье

СЫ́РНІЦА (сы́рник) — постройка в мелкопоместном имении или фольварке для просушки и хранения сыров. Как правило, небольшой сруб, высоко поднятый над землей на стойках

СЯЛО́ (село́) — сельское поселение, центр владения или округи

СЯННІ́К (сенни́к) — обобщающее название постройки для хранения сена, кормовых. *См.* адрына, пуня, клуня

ТАРТА́К (пилора́ма) — предприятие по распилу древесины

ТОК (ток) — площадка в гумне или рядом с ним, на которой молотили рожь

ТО́РПА (то́рпа) — локальное название пристройки к гумну для хранения мякины. *См.* мякіннік, плеўнік

ТРАМ (трам) — продольная балка или полубалка (полутрам), выходящая через стену на уличный фасад

ТРЫСЦЕ́Н (тристе́н) — неполный сруб-пристройка. Присоединялся к основному через шулы, например сени к хате

ТЫН (тын) — ограда из бревен. *См.* замёт

ФАЛЬВА́РАК (фольва́рк) — в XV—XVII вв. образцовое помещичье хозяйство, производящее хлеб на продажу, позднее — имение арендатора в крупном магнатском владении, мелкопоместная усадьба

ФА́ХВЕРК (фа́хверк) — каркасно-столбовая конструкция стен. Свободные промежутки между связями заполнялись глиной, камнем, кирпичом

ФІЛЁНКА (филе́нка) — доска с профилем и сходящимися в конус краями; заполнение каркасных дверей, панелей в общественных сооружениях: управах, школах, корчмах

ФО́ЛЮШ (фо́люш) — сооружение, в котором осуществлялось производство валяных изделий, в отдельных случаях «валюшкі»

ФО́РТКА (фо́ртка) — ячейка оконной рамы. В Поднепровье — ворота из двора на пригуменье, окно в хлеву для выбрасывания навоза

ФРАНТО́Н (фронто́н) — щит, часть торцового фасада, закрывающая чердак

ХА́ТА (ха́та, изба́) — общебелорусское название жилого помещения или жилого звена

ХЛЕЎ (хлев) — постройка для скота и птицы

ХУ́ТАР (ху́тор) — однодворное поселение

ЦЕРАМО́К (терема́к) — срубная надстройка над могилой

ЦЁС (тес) — доски или горбыли, употребляемые для покрытия крыши

ЦЭ́ВАЧНАЯ ШАСЦЯ́РНЯ (цевочная шестерня) — в ветряной мельнице два деревянных диска, соединенных по окружности колышками, воспринимающими усилие от зубьев горизонтального колеса

ЧАТЫРОХСЦЕ́Н (четырехсте́н) — срубная ячейка, клетка

ЧА́ШКА (ча́шка) — элемент замка, угла «в чашку», круглая выемка для плотного сопряжения бревен

ЧЫ́СТЫ ВУ́ГАЛ («чи́стый» у́гол) — замок в срубе из брусьев без остатка («немецкий» угол)

ШАЛЁЎКА (шале́вка) — обшивка сруба досками

ШАР (шар) — локальное название однорядного погонного двора на юге Центральной Белоруссии

ШМЫ́ГІ (шмы́ги) — брус (перо), закрепляемый к валу и несущий крыло в ветряной мельнице

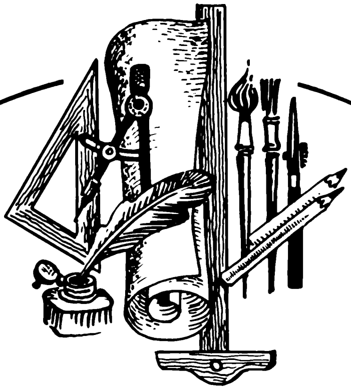
ШО́ПА (шо́па) — полесское название пристройки или повети

ШТАНДАР (штанда́р) — короткая дубовая свая, служащая основанием, фундаментом для сруба

ШТЭМПЕЛЬ (ште́мпель) — деревянная опора, стул. *См.* штандар

ШУ́ЛА (шу́ла) — конструктивный элемент столбовой конструкции. В срубной (комбинированной) конструкции используется для наращивания длины стен или является элементом для соединения двух срубов, например хаты и сеней

ШЧЫТ (щит) *см.* франтон



содержание

Введение . 11

Глава I

ОБЩИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕЛЕНИЙ И ТИПОВ ДВОРОВОЙ ЗАСТРОЙКИ БЕЛОРУССИИ

Сельские поселения 21
Местечки 57
Дворовая (усадебная) застройка 70
  Веночные дворы 70
  Погонные дворы 88

Глава II

ЭТНО-АРХИТЕКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДНОГО ЖИЛИЩА

Планировка. Конструкции 114
Интерьер и оборудование 145
Народный архитектурный декор 174

Глава III

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК КРЕСТЬЯНСКОГО ДВОРА, ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ И НЕКОТОРЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Постройки, соседствующие с жильем 197
    Клети 197
    Сооружение для хранения корнеплодов . . 202
    Бани, мурни, коптильни 208
Малогабаритные сооружения 211
    Ограды, брамы, мемориальные знаки 211
    Колодцы 223
Хозяйственные постройки и звенья (хлева) . . . 230
Постройки пригуменного комплекса 234
    Каркасные постройки пригуменья 234
    Производственные сооружения (мельницы, манежи) 245
Общинные амбары (магазины), корчмы 255
    Общинные амбары 255
    Корчмы 257

Народное зодчество и проблемы современного сельского строительства 266
Заключение . . . . , . . 266
Приложение 270
Терминологический словарь 280

Научное издание

Локотко Александр Иванович

БЕЛОРУССКОЕ НАРОДНОЕ ЗОДЧЕСТВО

Середина XIX—XX в.

Заведующая редакцией *Л. И. Петрова*
Редактор *В. И. Мартинович*
Художественный редактор *А. А. Шуплецов*
Технический редактор *С. А. Курган*
Корректор *З. Я. Губашина*

ИБ № 3466

Сдано в набор 17.05.89. Подписано в печать 20.04.90. АТ 04646. Формат $70 \times 90^1/_{16}$. Бум. мел. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 21,06. Усл. кр.-отт. 27,35. Уч.-изд. л. 21,1. Тираж 3900 экз. Зак. № 2544. Цена 3 р. 10 к.

Издательство «Навука і тэхніка» Академии наук БССР и Государственного комитета БССР по печати. 220600. Минск, Жодинская, 18.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005. Минск, Красная, 23.

3 р. 10 к.

Минск
« Наука и техника »